

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2014. № 33 (3)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. ЧЕРКАСОВ (г. Сочи, Россия)
 гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
 зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. Сумы, Украина)
 канд. пед. наук

А. Н. СОРОКИН (г. Томск, Россия)
 канд. ист. наук

В. Г. ИВАНЦОВ (г. Сочи, Россия)
 канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Directory of Open Access Journals, Российского индекса научного цитирования.

ИФ ОАД 2012 – 0,691

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ №ФС77-47157** от 03.11.2011

Учредитель

Сочинский Государственный Университет

Адрес для писем:

354000, г. Сочи, ул. Советская 26а
 Тел.: 8(918)201-97-19
 E-mail: Bylyegody@str.ru
 Сайт журнала: www.bg.str.ru
 Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.str.ru

Выходит с 2006 г.
 Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.09.2014 г.
 Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
 Тираж 500 экз. Заказ № 37.

Редактор, корректор
 Н.Ш. Сайфутдинова
 Редактор-переводчик А. В. Рожкова
 Технический редактор, электронная
 поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
 Кайзер Вильгельм II, Император Николай II, Король Георг V
 В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
 и открытка «Русская пехота»

BYLYE GODY (FORETIME). 2014. № 33 (3)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
PhD (History)

A. N. SOROKIN (TOMSK, RUSSIA)
PhD (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Directory of Open Access Journals, Russian Index of Scientific Quotations Copyright reserved.
Impact factor of OAJI 2012 – 0,691

This magazine is registered in the Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications. Magazine Certificate of Registration **ПИ №ФС77-47157** 03 November 2011.

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

Tel.: 8(918)201-97-19

E-mail: Bylyegody@sutr.ru

Website: www.bg.sutr.ru

English version of the magazine site:

www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006

Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

E. P. BAZHANOV (MOSCOW, RUSSIA)

J. BÄCKMAN (HELSINKI, FINLAND)

V. A. ISUPOV (NOVOSIBIRSK, RUSSIA)

I. I. KOLESNIK (KIEV, UKRAINE)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

G. M. ROMANOVA (SOCHI, RUSSIA)

A. U. ROZHKOV (KRASNODAR, RUSSIA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S. V. YANYSH (STAVROPOL, RUSSIA)

Approved for printing 1.09.2014

Format 21 × 29, 7/4.

Ych. Izd. l. 8. Ysl. pech. l. 6, 3.

Circulation 500 copies. Order № 37.

Editor, Proofreader

N. SH. SIFUTDINOVA

Editor-translator A. V. ROZHKOVA

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Kaiser Wilhelm II, Emperor Nicholas II, King George V.

At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and card "Russian infantry"

C O N T E N T S

Part 1. Russia in Patriotic War (1914–1918)

Statement from the Head of the Russian Imperial House on the 100th Anniversary of the Beginning of the First World War	293
---	-----

RELEVANT TOPIC

Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World Evgeny F. Krinko, Tatiana P. Khlynina	296
--	-----

ARTICLES AND STATEMENTS

The Role of Public Organizations of Kursk Province in Provision of Assistance to the Front Line in the First World War Fedor A. Gavrikov, Oleg E. Chuikov	306
---	-----

Establishment of Provincial Unions of the Cities of Siberia: Experience of Regional Identity Construction in Wartime (1914–1916) Olga A. Kharus	311
---	-----

Russian War Prisoners of the First World War in German Camps Gulzhaukhar Kokebayeva, Erke Kartabayeva, Nurzipa Alpysbayeva	316
---	-----

Correspondence between the Family Members as the Historical Source of the First World War Svetlana A. Khubulova	320
---	-----

Urals during the First World War: Social and Cultural aspects Elena V. Alekseeva, Elena Yu. Kazakova-Apkarimova	327
--	-----

Some Aspects of the Russian Cossacks' Participation in the First World War Vladimir P. Trut	335
--	-----

Teachers' Corporation of the Russian Universities in the First World War: Features of Everyday Life and Interrelations Mikhail V. Gribivskiy, Alexander N. Sorokin	341
--	-----

«We Felt the Bitter Satisfaction of Our Shared Victory»: the Theme and Images of the 'Great War' in the Official and Pro-government Periodical Press of the White Siberia (June 1918 – December 1919) Dmitry N. Shevelev	348
---	-----

The Experience of the Design of Thematic Network Resource, Concerning the History of the Public Assistance in the Extreme Conditions of Wars of the Early XX Century Tatiana A. Kattcina, Olesia M. Dolidovich, Irina P. Pavlova, Valeriy A. Pomazan	354
--	-----

The First World War: Historic Memory and Educational Space (on the materials of Russia and Netherlands) Olga N. Senyutkina, Aron Ronald Frederick Gebkhardt	361
---	-----

Part 2. General History

The Privileges in Russia in XVIII–XIX Centuries Aleksei S. Emelianov	369
---	-----

J. Gobineau, Wagner, China and the Emergence of the 'Yellow Threat' Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova	372
---	-----

«Tax Collection from Taverns as the Primary Way to Replenish the National Treasury»: alcohol tax from Ivan III to Nikolai II Natalia Ye. Goryushkina	382
The Russian Orthodox Church in Religious Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII – Beginning of XX Centuries) Yuliya A. Lysenko	387
The Gunboat ‘Delgado Pareho’: Creation and Battle Path Alejandro Anca Alamillo, Nicholas W. Mitiukov	392
The Marriage Politics of the Russian Authorities in the North Caucuses as one of the Aspects of the Russian- Mountainous Interaction during the War Time Period (first half of XIX century) Sergei L. Dudarev, Olga V. Ktitorova, Anastasiya A. Tsybulnikova	399
The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century) Nadezhda O. Bleikh	405
The Role of Merchants in the Life of the Russian Society: Oral Tradition Case Study Svetlana I. Grahova, Almaz R. Gapsalamov	410
The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal) Aleksandr A. Cherkasov, Vyacheslav I. Menkovsky, Vladimir G. Ivantsov, Aleksandr A. Ryabtsev, Violetta S. Molchanova, Olga V. Natolochnaya	417
The History of the World Justice Development in Russia as One of the Results of the Judicial Reform of 1864 Tatyana K. Ryabinina, Helen A. Grokhotova	423
Institutionalization of the Historic Knowledge within Asian Russia in Pre-Soviet Period Dmitry V. Khaminov, Sergei A. Nekrylov, Sergey F. Fominykh	430
Legal Regulations of Activities of Vladikavkaz High Court Division VTSIK during the Transition of Extreme-Decretive to Codified Law (1921–1923) Tatyana G. Sudakova	437
Financing of New Industrial Cities of Western Siberia in the First Five-year Plan Sergey S. Dukhanov	444
Commissariat of Internal Affairs’ Bodies and Development of Guerilla Struggle on the Territory of Central Black Earth Region in 1941 Vladimir Korovin	453
Contribution and the Meaning of Destructive Battalions of People’s Commissariat of Internal Affairs at the Final Stage of the World War 2. According to the archives of Kurskaya Oblast 1944–1945 Georgiy D. Pilishvili	460
The Political System of Russia in the Program of National Union of New Generation Luydmila V. Klimovich	466
The History of Social and Public Forms of Science Management in the USSR (Tomsk Interuniversity Scientific Council in 1963–1972) Sergey F. Fominykh, Alexander N. Sorokin, Sergei A. Nekrylov	472
Problems of Modernization of the Industry of the Kabardino-Balkarian Republic (1960–1980) Osman A. Zhansitov	479

Part 1. Russia in Patriotic War (1914–1918)

Statement from the Head of the Russian Imperial House on the 100th Anniversary of the Beginning of the First World War

Обращение Главы Российского Императорского Дома в связи со 100-летием начала I Мировой войны 1914–1918 гг.

Дорогие соотечественники!

Минул век с того дня, когда мир оказался ввергнутым в первую в истории глобальную войну, унесшую жизни более 22 миллионов человек и причинившую страшные страдания и разрушения. Ее итогом стало крушение всех 4-х европейских Империй и установление новой системы международных отношений.

Но если Германская, Австро-Венгерская и Османская Империи пали в результате поражения в начатой ими же войне, то судьба Российской Империи особенно горька и труднообъяснима.

Наше государство сделало все от него зависящее, чтобы остановить эскалацию конфликта, вызванного злодейским убийством в Сараево наследника Австро-Венгерского престола Эрцгерцога Франца-Фердинанда. Увы, все усилия оказались напрасными. Австро-Венгрия объявила войну Сербии и сконцентрировала крупные воинские соединения на границе с Россией. В целях обеспечения безопасности Отчизны св. Император Николай II повелел провести всеобщую мобилизацию. Воспользовавшись этим как поводом, 19 июля/1 августа 1914 года Германия объявила нам войну.

Доблестные Российские Императорские Армия и Флот, а с ними и весь народ встали на защиту родной земли от завоевателей. Россия честно выполняла свои обязательства перед союзниками по Антанте и не оставляла в беде страны и народы, рассчитывавшие на ее покровительство. Трудности и частичные поражения первого периода войны были в значительной мере преодолены и компенсированы, особенно после того, как в августе 1915 года Государь принял на себя верховное главнокомандование Вооруженными силами. Линия фронта проходила далеко от столиц и жизненно важных центров нашей Империи. В тылу, разумеется, имелись экономические трудности, вызванные обстоятельствами военного времени. Но в целом, уровень жизни оставался вполне приемлемым. В начале 1917 года ход Первой Мировой войны неумолимо шел к победе Антанты, и Россия, вклад которой в разгром Тройственного Союза был наименее велик, готовилась пожать плоды своих подвигов.

В этот момент нашу Родину постиг гибельный удар изнутри. Воспользовавшись очередным отбытием Императора на театр военных действий, оппозиционные силы инспирировали беспорядки в столице, сопровождавшиеся убийствами офицеров и полицейских и разгулом произвола. Преступный альянс группы самонадеянных политиков и изменивших присяге военачальников положил начало общенациональной трагедии – революции. В условиях внешней войны Государь – Помазанник Божий, Глава Государства и Верховный Главнокомандующий – был изолирован и под давлением большинства командующих фронтами принужден отречься от престола. Его брата Великого Князя Михаила Александровича вожди переворота убедили отложить принятие верховной власти до решения Учредительного собрания о образе правления. Так был надломлен стержень тысячелетней Российской государственности.

Конечно, в дореволюционной России существовал ряд серьезных социально-политических проблем, и имелись причины для недовольства. Но попытку решить эти вопросы путем свержения законной власти, да к тому же во время Мировой войны, нельзя расценить иначе, как безумие.

Дальнейшие события закономерно развивались по сценарию любой революции. Лишившийся исторических символов народ впал в смятение, которое активно усугубляли крайние террористические партии. Радикализация политической жизни привела к отстранению от рычагов управления умеренных и либеральных революционеров и к захвату власти наиболее экстремистской партией, открыто желавшей своей стране поражения в войне и провозглашавшей лозунг превращения внешней войны в войну гражданскую – самую ужасную, беспощадную и истребительную.

Революция ввергла нашу Родину в кровавый хаос и свела на нет все военные достижения, сделала бессмысленными все принесенные жертвы.

К сожалению, правящие круги стран Антанты радовались разрушению союзной Российской Империи едва ли не больше, чем поражению Тройственного Союза. Победители в Первой Мировой войне полагали, что избавившись от обязательств перед Россией и от необходимости учитывать ее исторические геополитические интересы, они стали безраздельными хозяевами мира. Дальнейшие события доказали полную иллюзорность и близорукость этой беспринципной и вероломной политики.

Система, созданная Версальской конференцией 1919 года, прошедшей без участия России, изначально была зыбкой и непрочной. Вместо восстановления международного равновесия она породила новые глубинные противоречия и содержала в себе страшные ростки еще более кровопролитной Второй Мировой войны и ряда межнациональных и межгосударственных конфликтов и проблем, многие из которых не изжиты до сих пор.

В России тем временем установился тоталитарный богооборческий режим, откровенно враждебный духовным ценностям и идеалам, формировавшимся на протяжении столетий. Память о том, что до революции почтaloсь славным и героическим, унижалась и планомерно уничтожалась. Первая Мировая Война, еще недавно именовавшаяся Второй Отечественной и Великой Войной за Цивилизацию, теперь была объявлена «бессмысленной империалистической войней». Долгие годы подвиги российских солдат и офицеров, совершенные в 1914–1917 годах, оставались в пренебрежении и забвении. Участие в обороне Отечества в годы Первой Мировой войны стало не основанием для благодарности и уважения, а, скорее, компрометирующим обстоятельством. Печальная участь постигла даже воинские захоронения и мемориалы: почти все они варварски уничтожены.

Русские ветераны Первой Мировой войны, оказавшиеся после революции в изгнании, также столкнулись с вопиющей несправедливостью. Зачастую в тех странах, где они искали убежища, к ним относились не как к пострадавшим братьям по оружию, а как к нежелательным изгоям. Мало кто хотел вспоминать, какую цену своей собственной кровью заплатило Российское воинство за то, чтобы спасти положение на Марне, под Верденом, на Румынском фронте...

Но верность, честь и самопожертвование – бессмертны.

Ныне настало время, когда в России события Первой Мировой войны оцениваются непредвзято, с признательностью поминаются героические свершения, и воздается должное защитникам Отечества.

Из уст первых лиц современного Российского государства звучат проникновенные слова о подвигах наших предков. Командование Вооруженными Силами, духовенство, выдающиеся деятели науки, культуры и экономики покровительствуют различным проектам, связанным с воспоминаниями о Первой Мировой войне. И – самое главное – стремление вернуть на скрижали истории «забытую войну» находит отклик в сердцах миллионов соотечественников. Важно, чтобы этот процесс не остановился после завершения мемориальных мероприятий, но стал постоянным.

В течение ближайших четырех лет, вплоть до 2018 года, мы будем отмечать 100-летние юбилеи сражений Первой Мировой войны. Не праздновать, ибо участия в победе мы лишились, а именно **отмечать**, анализируя всё, что произошло тогда и происходило впоследствии в течение века.

Любые юбилеи, даже гораздо более радостные, даны нам, прежде всего, для того, чтобы сосредоточить внимание на историческом опыте и извлечь из него уроки.

Обсуждая то, что произошло 100 лет назад, мы услышим самые разные мнения. Все они имеют право на существование, если подкреплены фактами и аргументами. Но есть несколько выводов, которые, хочется надеяться, станут общими для всех, независимо от различий в политических убеждениях.

России необходимо всегда быть сильной, неуклонно укрепляя могущество своих Вооруженных Сил. При этом мы, поддерживая на высоком уровне нашу обороноспособность, обязаны помнить, что главная мощь государства – не в количестве и совершенстве вооружений, при всей важности этого аспекта, а в национальном единстве и твердости духа. Никакие чудеса военной техники, никакие таланты государственных лидеров и военачальников не спасут страну, если ее граждане потеряют унаследованные от предшествующих поколений идеалы и чувство взаимовыручки. В то же время, никакие враги или лукавые «друзья» не смогут причинить нам вреда, если мы сохраним в наших сердцах нерушимую веру в Бога, патриотизм и приверженность традиционным ценностям.

Память о русских чудо-богатырях и восхищение их героизмом не мешают признавать любую войну злом. Велик подвиг воина, но еще более велик подвиг миротворца. Увы, мир и спокойствие крайне уязвимы. Происходящая на наших глазах трагедия целого ряда государств, до недавнего

времени бывших сравнительно благополучными, показывает, как легко можно разорить и рассыпать то, что строилось и собиралось с великими трудами. Нельзя забывать, что Первая Мировая война выросла из локальных конфликтов, что Вторая Мировая война стала неизбежной в условиях, когда политическая элита цинично распоряжалась судьбами народов и лицемерно закрывала глаза на преступления, связанные с ксенофобией и разжиганием огня межнациональных противоречий.

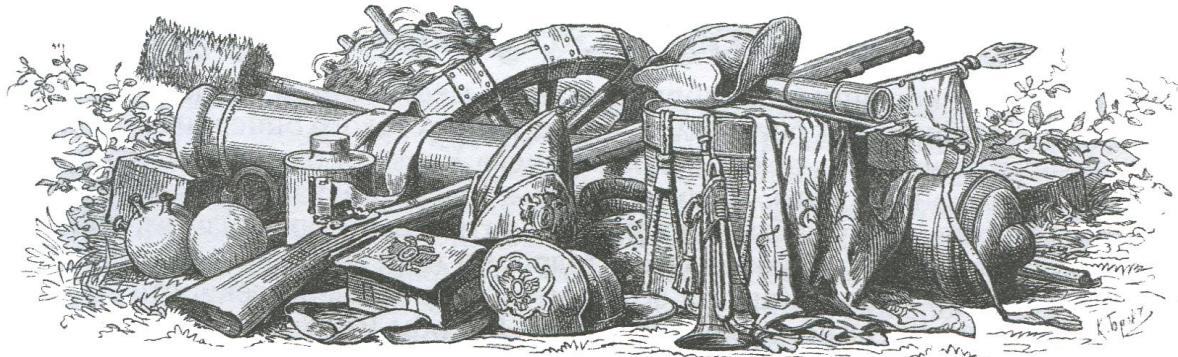
Международная стабильность невозможна без постоянного и полноценного участия Российского Государства в ее поддержании. У всех великих держав есть свои интересы, и нередко они сталкиваются и вступают в серьезные противоречия. Это неизбежное и неустранимое явление. Однако особая ответственность за судьбы всего человечества, которая лежит на великих державах, диктует необходимость уважать друг друга и решать проблемы не насилием, а переговорами и компромиссами. Любые попытки лишить Россию права и возможности быть равным партнером других лидирующих государств міра – вредны и бесплодны. История Первой Мировой войны ярко продемонстрировала, что даже когда это на какое-то время удается, страдает отнюдь не только наша Родина. Слабость России – беда не только ее граждан, но, в конечном итоге – угроза благосостоянию всего мира.

100-летие Первой Мировой войны напоминает всему человечеству, насколько опасны в международной политике двойные стандарты, бездумное бряцание оружием, стремление к абсолютному господству и отношение к своим и чужим народам как к массе и материалу для бесчеловечных экспериментов.

Дай Бог, чтобы и в России, и во всех суверенных государствах, возникших на пространстве Российской Империи, и в остальных державах юбилей Первой Мировой войны стал поводом не для помпезных торжеств, а для молитвы о упокоении душ жертв кровавых конфликтов и для сотрудничества ради того, чтобы в будущем этих жертв не было.

Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНИЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Иркутск, 19 июля/1 августа 2014 года

RELEVANT TOPIC

UDC 930

Milestones of Return of «Forgotten War»: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World

¹ Evgeny F. Krinko

² Tatiana P. Khlynina

¹⁻² Institute of Social-Economic research and humanities of Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Russian Federation

¹ Dr. (History)

² Dr. (History)

Abstract. Article is devoted to the domestic historiography of the First World War. For a long time it was considered the «forgotten war» in Russian history. However, over the last century in Russia published thousands of papers on the problem. The authors analyzed the major trends and stages in the study of the First World War in the Soviet and modern Russian historiography. Directly in the war years and in the first decades after the war the study of the events of 1914–1918 was largely dictated by practical problems. After Great Patriotic War applied orientation disappeared. This reflected the changes in the forms and practices of studying the problem. At the same time the influence of politics and ideology in the Soviet historiography of World War survived. In modern Russia studying the events of the First World War is becoming more varied. The appearance of new approaches greatly expands problems and research possibilities.

Keywords: World War I; Russian foreign policy; domestic historiography; the history of international relations.

Введение. Первая мировая война считается «забытой» или «неизвестной» войной в истории России, особенно в сравнении с тем, какое место она занимает в исторической памяти многих стран Запада. Между тем, отечественная историография проблемы насчитывает уже не один десяток лет и не одну тысячу наименований. Чтобы ориентироваться в мире разнообразной в содержательном и жанровом отношении литературы, издано несколько специальных указателей (первый – еще в 1936 г.) [1]. Не раз уже подвергалось обобщению и состояние исследований, в том числе современных [2–5]. Тем не менее их дальнейшее развитие, а также заметный подъем общественного и профессионального интереса к проблеме в связи со 100-летием начала Великой войны обуславливают целесообразность анализа основных тенденций и этапов ее «возвращения» из исторического «забытья».

Материалы и методы. Основными материалами выступают наиболее крупные труды отечественных исследователей и историографические обзоры об участии России в Первой мировой войне. В качестве метода исследования используется метод периодизации, позволяющий проследить динамику формирования проблемы и перспективы ее дальнейшего освоения. На сегодняшний день исследователями предложено и активно используются несколько периодизаций развития отечественной историографии Первой мировой войны. Одну из наиболее востребованных обосновал Б.Д. Козенко. Он полагал, что процесс становления отечественной историографии проблемы завершился к 1941 г. После 1945 г. начался ее новый этап, охвативший 1940–1960-е гг. – «сложный и трудный для науки». «Оттепель» оказалась лишь «передышкой», и развитие исторической науки в 1970–1980-е гг. стало отдельным этапом, проходившим в условиях «усиления политизации и

идеологизации науки в рамках "холодной войны"». С конца 1980-х гг. начался следующий этап «острой критики прошлого и попыток создания новой историографии истории войны 1914–1918 гг.» [2, с. 3–4]. Белорусская исследовательница С.Ф. Свилас модернизировала данную периодизацию, выделив в изучении Первой мировой войны пять этапов: 1) 1918–1920-е гг. – процесс становления историографии проблемы; 2) 1930-е – 1945 г. – время особенно сильного влияния на нее культа личности Сталина; 3) 1945–1960-е гг., 4) 1970–1980-е гг., 5) с конца 1980-х гг. по настоящее время [4, с. 68]. Близкую позицию занимают и другие исследователи. К сожалению, при этом крайне редко указываются критерии периодизации, в качестве которых нередко выступают внешние для науки обстоятельства. Представляется, что критериями перехода от одного этапа к другому следует считать методологические и институциональные аспекты, а также сам круг рассматриваемых проблем и сюжетов, способы решения исследовательских задач – все эти факторы можно объединить понятием исследовательских практик, как совокупности форм и методов изучения Первой мировой войны в отечественной историографии.

Обсуждение. Первые публикации, посвященные событиям Первой мировой войны, появились вскоре после ее начала и в большинстве своем имели пропагандистский характер. Статьи в периодической печати и отдельные брошюры прославляли подвиги русских солдат и офицеров, осуждали жестокость противника. 9 апреля 1915 г. была создана Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками. Она опубликовала ряд материалов, посвященных судьбе русских военноопленных в Германии и Австро-Венгрии, осквернению православных святынь противником и другие материалы, направленные на формирование ненависти к врагу [6]. Практическое значение имел и первый опыт обобщения боевых действий, использования новых технических средств, организации несения службы, снабжения войск, изучения морально-психологического состояния русских солдат и офицеров в условиях мировой войны [7].

С завершением Первой мировой войны ее опыт сохранял практическую значимость на протяжении еще нескольких десятилетий. 13 августа 1918 г. Наркомат по военным и морским делам РСФСР создал при военно-исторической части Всероссийского главного штаба Военно-историческую комиссию по описанию Первой мировой войны (ее функции и название несколько раз менялись: с 10 декабря 1918 г. она называлась Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918, с 20 января 1920 г. – Военно-исторической комиссией, с 2 сентября 1921 г. – Комиссией по исследованию опыта мировой и гражданской войн, с 15 апреля 1923 г. – Военно-исторической комиссией). Она подготовила 39 работ о Первой мировой войне, на основе которых вышел ее главный обобщающий труд, предназначенный для обучения командиров Красной армии – «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» [8]. Главное внимание в нем уделялось военно-оперативным вопросам, излагавшимся в деполитизированной форме (политические и социально-экономические вопросы вообще не рассматривались). Наркомат здравоохранения РСФСР в 1920 г. создал Комиссию по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг., в трудах которой подводились итоги потерь, понесенных Россией в Первой мировой [9].

После расформирования Военно-исторической комиссии руководство исследованиями в рассматриваемом направлении продолжалось в созданном на ее основе военно-историческом отделе (1924–1925), управлении по исследованию и использованию опыта войн (1925–1926), Научно-уставном отделе (1926–1929), научном военно-историческом отделе (1932–1946), военно-историческом управлении (1946–1953), военно-историческом отделе (1953–1972) штаба РККА, с 1935 г. – Генерального штаба РККА. Осмысление данной темы шло также в военных академиях, при которых создавались военно-научные общества, других учреждениях, периодических изданиях.

Непосредственным анализом боевых действий Первой мировой войны занимались в основном ее участники – офицеры и генералы русской армии, перешедшие на службу в РККА. В 1920–1930-е гг. вышел целый ряд обобщающих и специальных трудов по истории войны, в большинстве своем выполненных на уже опубликованных ранее материалах. Самой крупной обобщающей работой этих лет стал труд А.М. Зайончковского, который охарактеризовал вооруженные силы сторон, планы войны и ход военных действий [10]. Были изданы также исследования об отдельных боевых операциях на разных фронтах войны [11], подготовке к ней России, планировании боевых действий, снабжении войск, организации, управлении и вооружении русской артиллерии и другим проблемам [12]. Как и другие военно-исторические исследования, их объединяла позитивистская методология, стремление авторов к объективному освещению событий 1914–1918 гг.

Существенное внимание уделялось также истории рабочего и социалистического движения накануне и в годы Первой мировой войны – одному из главных исследовательских направлений в советской исторической науке [13]. При этом оно, как и другое ведущее направление – разработка вопросов международных отношений – в наибольшей степени подвергалось идеологизации. В соответствии с положениями, высказанными В.И. Лениным и другими большевистскими лидерами, природа и характер Первой мировой войны связывались с империализмом как высшей и наиболее агрессивной стадией развития капитализма, созданием военно-империалистических союзов и борьбой за передел мира. Однако причины возникновения войны и ответственность за это различных стран вызывала дискуссию. Так, М.Н. Покровский, считавший, что мировая война велась,

главным образом, за торговые пути, в частности, за черноморские проливы, а также за обладание различными ресурсами, обосновал вывод о том, что именно царское правительство сыграло главную роль в развязывании войны [14]. Другие авторы следовали сложившейся до революции традиции и обвиняли в этом германский империализм, идеализируя позицию России и ее союзников по Антанте [15]. Этую точку зрения разделяло и большинство эмигрантских авторов.

Следует отметить, что за рубежом в рассматриваемый период широко издавались работы русских эмигрантов о Первой мировой войне. Одним из самых серьезных исследований, обобщавших военные усилия России в Первой мировой войне, являлся труд Н.Н. Головина, проанализировавшего на основе доступных ему источников вопросы применения живой силы, пополнения войск, потерь, вооружения и снабжения армии, хода боевых действий и взаимовлияния фронта и тыла [16].

В 1920-е гг. эмигрантские исследования были известны и в России, представляя собой особое направление в отечественной историографии проблемы. Но с конца 1930-х гг. советская историческая наука оказалась под жестким партийно-государственным контролем, приведшим к фактическому сворачиванию дискуссий. Часть историков подверглась репрессиям, а доступ к работам эмигрантов на долгие годы был запрещен. Постепенно в советской историографии вырабатывались представления о Первой мировой войне как событии, значение которого заключалось лишь в том, что оно послужило предпосылкой Октябрьской революции 1917 г. Постепенно снижавшийся интерес к проблеме вырос с началом Великой Отечественной войны и вновь для решения пропагандистских задач: особую актуальность приобрела критика агрессивного характера германского империализма, стремившегося к захвату российских территорий – Украины, Крыма, Кавказа, а также нарушений правил и обычаев ведения войны германской армией [17].

После 1945 г. изучение Первой мировой войны утратило свою политическую злободневность, что вело к ее превращению в событие, принадлежащее прошлому и связанному с этим изменению форм и вектора исследований. Разработка проблемы продолжалась в научно-исследовательских структурах, не ставивших прикладных задач, в отличие от военно-научных учреждений, определявших ее изучение в предшествующие десятилетия. Одним из главных центров исследований Первой мировой войны в советской историографии конца 1960–1980-х гг. стал созданный в 1966 г. Институт военной истории Министерства обороны СССР. В то же время значительных изменений в методологии исследований в эти годы не произошло: на протяжении всего периода существования советской историографии ее представителей сближала общность подходов, обусловленная опорой на марксизм при некоторых различиях в интерпретации конкретных явлений.

Результаты работы военных историков вылились в двухтомный труд под редакцией И.И. Ростунова, позже опубликовавшего монографию о русском фронте Первой мировой войны. Ссылаясь на устоявшиеся положения об империалистическом характере войны, советские историки охарактеризовали важнейшие события на сухопутных и морских театрах военных действий, раскрыли вопросы развития вооруженных сил и военного искусства, взаимосвязи политики и военной стратегии, военно-политические уроки и итоги войны [18].

Значительное место в советской исторической науке занимало изучение социально-экономических аспектов проблемы, что позволяло раскрыть диспропорции в развитии хозяйства страны в условиях военного времени. Главное внимание уделялось концентрации производства и капитала, возникновению и функционированию монополий как факторам, обуславливавшим переход России к империалистической стадии развития [19]. Общим местом в советской историографии стало признание экономической и политической отсталости России в начале XX в. от ведущих стран Запада, недостаточности ее военно-хозяйственного потенциала для ведения войны, утверждения о глубоком кризисе самодержавия, приведшем страну к поражению. Приоритетное положение имело изучение истории революционного движения, особенно становления партии большевиков. В то же время практически прекратились военно-психологические исследования особенностей поведения военнослужащих на фронтах войны: советские историки касались лишь тяжелого положения солдатских масс и борьбы большевиков за влияние над ними как важнейшей предпосылки революции [20].

В работах по истории международных отношений и внешней политики на Россию возлагалась равная с другими воевавшими странами ответственность за развязывание Первой мировой войны. Доказывалась решающая роль англо-германского антагонизма в ее возникновении. В условиях «холодной войны» возникло жесткое противостояние с зарубежной историографией, выражавшейся, в частности, в критике ее представителей за отказ от выводов об империалистическом характере войны. В то же время в советской историографии положительно оценивался Брестский мир: считалось, что благодаря ему большевистское руководство смогло вывести Россию из войны [21].

Конкретным участникам и героям войны в рассматриваемый период уделялось немного внимания. По образному выражению специалиста, литература о войне отличалась удивительной «бездействием»: практически не упоминались, за редким исключением, не только геройские поступки рядовых и офицеров, но и командовавшие армиями военачальники [2, с. 11]. В значительной степени это объяснялось тем, что немало участников войны впоследствии сражалось против большевиков на фронтах Гражданской войны. Показательна эволюция образа А.А. Брусилова: в 1920–1940-х гг. был издан ряд работ, прославлявших победы Юго-Западного фронта под его

командованием, но их выпуск прекратился после появления за рубежом мемуаров генерала с критикой советского строя. В вышедших в годы «оттепели» специальных научных исследованиях вопросы отношения Брусилова к советской власти не затрагивались [22].

С рубежа 1980–1990-х гг. историография Первой мировой войны переживает настоящий подъем, о чем свидетельствует проведение научных конференций, выход новых обобщающих трудов [23] и специальных исследований, защита десятков кандидатских и докторских диссертаций. Изменился и статус рассматриваемого события в политике памяти: в декабре 2012 г. был законодательно закреплен день памяти погибших воинов, 100-летний юбилей войны отмечается на государственном уровне и сопровождается мемориальными мероприятиями.

В настоящее время на изучении Первой мировой войны специализируются научные подразделения институтов всеобщей и российской истории РАН, Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, историки других научных центров и вузов. Для объединения и координации усилий исследователей проблемы в 1992 г. была образована Российская ассоциация историков Первой мировой войны (ее возглавляли Ю.А. Писарев, П.В. Волобуев, В.Л. Мальков, в настоящее время – Е.Ю. Сергеев), имеющая собственный сайт и издающая альманах. Немало внимания уделяется Первой мировой войне в проектах Российского военно-исторического общества, других общественных организаций и исследовательских ассоциаций.

Современный этап в изучении Первой мировой войны характеризуется значительной открытостью, расширением возможностей сотрудничества российских историков с зарубежными исследователями, переизданием ранее неизвестных трудов эмигрантов. Отечественные исследователи рассматривают Первую мировую войну как глобальный вооруженный конфликт, охвативший различные сферы. Активно разрабатываются вопросы участия России в войне, ее вклада в общую победу стран Антанты, военного и военно-экономического потенциала страны, состояния русской армии и флота. Применение компаративных методов способствует выявлению общих и особых черт Первой мировой в сопоставлении с другими войнами, прежде всего, Второй мировой, позволяет учитывать специфику боевых действий на разных фронтах [5, с. 4–5, 8]. Многие исследователи отмечают, что Восточный (Русский) фронт являлся одним из ключевых в течение всей войны, а боеспособность русских войск была значительно выше боеспособности французской и других армий [24].

В историографии переосмысливаются происхождение, характер и причины войны через анализ совокупности различных объективных и субъективных факторов, раскрывается ее взаимосвязь с другими социально-историческими процессами. Возникновение Первой мировой войны считается результатом сложного комплекса причин, вызревавших практически во всех сферах общественной жизни, межимпериалистических, межгосударственных и иных противоречий. При этом часть исследователей отказывается и от прежней жесткой дихотомии в разделении государств на виновных и невиновных. Все больше внимания уделяется идеологии национализма, как в «больших», так в «малых» державах, породившей его духовной атмосфере предвоенных лет. Это позволяет ставить вопросы о возможных альтернативах развития мира и страны в начале XX в. [25, с. 25–27]. В данной связи обращается внимание на распространение пацифизма, становление системы международного права, подписание Гаагских конвенций – как упущенные возможности мирного разрешения международных споров и противоречий.

Научная новизна в изучении Первой мировой войны выражается в ее рассмотрении сквозь призму междисциплинарного подхода, с использованием методов психологии, социологии, культурологии и других «смежных» гуманитарных и социальных дисциплин. В последние годы война все чаще оказывается в фокусе таких современных направлений исследовательского поиска, как социальная и гендерная история, военно-историческая антропология и история повседневности. Авторы целого ряда работ анализируют особенности поведения человека в экстремальных условиях военного времени, общественные настроения и ценности рассматриваемой эпохи, восприятие событий войны различными слоями общества, формирование образов «врагов» (противников) и союзников, фронтовой быт и повседневную жизнь и в тылу [26]. Предметом самостоятельных исследований стали судьбы военнопленных, беженцев, дезертиров, ранее являвшиеся маргинальными историографическими сюжетами [27].

Напротив, социально-экономическим аспектам развития России в 1914–1917 гг. уделяется меньше внимания, по сравнению с предшествующим советским периодом историографии. Современные авторы перенесли акцент с изучения рабочего и социалистического движения на другие силы, включая либеральные, правые и монархические партии, различные общественные группы, военные и деловые круги, участвовавшие в политической борьбе [28]. Находят отражение в историографии и такие новые сюжеты, как изменения в восприятии образов царской семьи в сознании российского общества, развитие благотворительности в годы войны [29].

Новые оценки проявляются и в решении традиционных исследовательских задач, осмысливании отдельных военных операций [30]. Так, переоцениваются итоги Брусиловского прорыва 1916 г., считавшегося самой удачной операцией русской армии в ходе войны: обращается внимание на чрезмерность понесенных в ходе сражения жертв, приведших к истощению ресурсов России.

Расширение проблематики военно-исторических исследований выражается в обращении к событиям не только на европейских театрах военных действий, но и на фронтах, считавшихся второстепенными. Вышли специальные работы, посвященные действиям русских войск в Персии, Салониках, во Франции [31]. Получает отражение в историографии роль авиации, военной разведки, кавалерии и других родов войск [32]. Но в целом в изучении собственно военной истории Первой мировой войны остается преобладающим влияние позитивистской методологии.

Важнейшим направлением исследований остаются международные отношения и внешняя политика России предвоенного и военного периода, по-прежнему вызывающие дискуссии. Так, Ю.А. Писарев полагал, что не Боснийский кризис привел Европу к мировой войне, для этого нужны были более серьезные причины, в качестве которых он рассматривал, прежде всего, англо-германские противоречия. Другие авторы подчеркивают, что Германия, напротив, рассчитывала на нейтралитет Великобритании. Историки отмечают и то, что потенциал военно-политического и военно-экономического сотрудничества с союзниками не был полностью реализован [33].

В последние годы вышел ряд информационно-справочных изданий, посвященных Первой мировой войне [34]. Ведется подготовка энциклопедического словаря «Первая мировая война». Предприняты первые попытки произвести поименный учет погибших участников войны на материалах отдельных регионов [35], но эта задача еще слишком далека от окончательного решения. Широко разрабатываются в последние годы и исторические портреты участников Первой мировой войны. Впрочем, им нередко присуща идеализация, акцентирование внимания только на положительном вкладе своих героев в военные победы России. Особенно очевидна идеализация в обращении к судьбам последних представителей династии Романовых и прежде всего самого императора Николая II [36].

Заключение. Таким образом, Первая мировая война «забытой» осталась только для исторической памяти советского общества, что объяснялось наложением на нее последующих событий революции и Гражданской войны, не только исключивших Россию из числа стран-победителей, но и приведших к еще более сокрушительным последствиям для нее. В то же время изучение войны специалистами началось практически с самого ее начала и за прошедшее столетие привело к появлению значительного пласта разнообразной литературы.

Непосредственно в годы войны и первые два с половиной десятилетия по ее окончания изучение событий 1914–1918 гг. было в значительной степени продиктовано практическими задачами. Именно поэтому главную роль в координации исследований выполняли военно-научные организации. Наряду с этим, в 1920–1930-е гг. сложились и другие направления в изучении Первой мировой войны, разработка которых шла в русле обоснования новой концепции развития российской и всемирной истории, формировавшейся в советской исторической науке. После Великой Отечественной войны прикладная направленность исследований исчезла, что отразили изменения в самих формах и практиках ее изучения. В то же время влияние политики и идеологии в советской историографии Первой мировой сохранилось.

В современной российской историографии изучение событий Первой мировой войны приобретает все более разнообразный характер. Появление новых подходов значительно расширяет проблематику и сами возможности исследований, перемещая войну в плоскость активно разрабатываемых исторических сюжетов. Кардинально поменялась и политика памяти в отношении Первой мировой: от осуждения и придания забвению в советское время как империалистической войны – к признанию ее в качестве важнейшей вехи мировой истории, участие соотечественников в которой признается достойным прославления.

В тоже время предложенные попытки периодизации ее изучения не выходят за рамки общепризнанных представлений о становлении и развитии отечественной историографии в целом, что несколько сужает оптику достижений современных исследований Первой мировой войны. Представляется, что выделение содержательно обоснованных этапов становления и развития ее историографии, привязанных к разработке новых сюжетов или смене методологического горизонта их осмыслиения, будет способствовать ее более целенаправленному освоению и дальнейшей динамике исследований военной истории России.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полигэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

Примечания:

1. Хмельевский Г.Г. Мировая империалистическая война 1914–1918. Системат. указатель книжной и статейной воен.-истор. литературы за 1914–1935. М.: Воен. академия РККА им. М.В. Фрунзе, 1936. 280 с.; Рутман Р.Е. Россия в годы первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции (Июль 1914 г. – февраль 1917 года). Библиограф. указатель совет. литературы, изд. в 1953–1968 гг. Л.: Наука, 1975. 36 с.; Первая мировая война: указатель литературы. 1914–1993. М.: ИНИОН РАН, 1994. 111 с. и др.

2. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.
3. Шубин Н.А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы, 1914–2000 гг. Дисс... д-ра ист. наук. М., 2001. 287 с.; Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сб. обзоров и рефератов (Препринт). М.: ИНИОН, 2013. 241 с. и др.
4. Свилас С.Ф. Российская историография Первой мировой войны // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4. С. 68–72.
5. Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 3–15.
6. Черная книга германских зверств. СПб.: Тип. «Орбита», 1914. 56 с. и др.
7. Буняковский В.В. Из опыта текущей войны. I: Служба войск в поле и бой. II: Новейшие технические средства борьбы. III: Обучение и воспитание войск. Пг.: Издатель В. Березовский, 1916. 77 с. и др.
8. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.: М.: Высший военный редакционный совет, 1920–1923. Ч. I. 274 с. Ч. II. 228 с. Ч. III. 104 с. Ч. IV. 135 с. Ч. V. 140 с. Ч. VI. 150 с. Ч. VII. 207 с.
9. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.–Пг.: Госиздат, 1923. 227 с.
10. Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918. В 2 т. М.: Воениздат, 1938–1939. Т. 1. Кампания 1914–1915 гг. 383 с. Т. 2. Кампания 1916–1918 гг. 382 с.
11. Белой А. Галицийская битва. М.–Л.: Воениздат, 1929. 234 с.; Храмов Ф. Восточно-Прусская операция. М.: Воениздат, 1929. 252 с.; Корольков Г.К. Лодзинская операция. М.: Воениздат, 1934. 296 с.; Корсун Н.Г. Эрзерумская операция. М.: Воениздат, 1938. 170 с. и др.
12. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М.: Воениздат, 1926. 376 с.; Козлов Н. Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. Ч. I. М.: Известия, 1926. 403 с.; Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.: Госвоениздат, 1937. 707 с.; Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. М.: Воениздат. Т. 1. 1938. 396 с. Т. 2. 1940. 463 с. и др.
13. Флеер М.Г. Рабочее движение в России в годы войны. Л.: Прибой, 1926. 123 с.; Зайдель Г. Очерки по истории II Интернационала (1889–1914 гг.). Л.: Прибой, 1930. 240 с. и др.
14. Покровский М.Н. Империалистическая война. Сб. ст. Изд. 2-е. 1915–1930. М.: Изд-во Ком. академии, 1931. 336 с. и др.
15. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. М.–Л.: Госиздат, 1927. 483 с. и др.
16. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939. 244 с.
17. Марков С. Зверства немцев в Перову мировую войну. М.: Воениздат, 1941. 37 с.; Хвостов В.М. Как развивался германский империализм. М.: Госполитиздат, 1943. 55 с. и др.
18. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. 616 с.; История Первой мировой войны 1914–1918 гг.: в 2 т. М.: Наука, 1975. Т. 1. 446 с. Т. 2. 608 с.; Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 387 с.; Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М.: Наука, 1983. 104 с. и др.
19. Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1958. 263 с.; Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны: 1914 – февраль 1917 г. М.: Соцэкиз, 1962. 383 с.; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1975. 654 с. и др.
20. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны: 1914–1917. Л.: Наука, 1967. 363 с.; Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе: Ирфон, 1975. 315 с.; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 240 с. и др.
21. Майоров С.М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М.: Госполитиздат, 1959. 295 с.; Бовыкин В.И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1961. 208 с.; Чубарьян А.О. Брестский мир. 1918. М.: Наука, 1963. 246 с.; Алексеева И.В. Агония сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. М.: Известия, 1979. 402 с.; Емец В.А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М.: Наука, 1974. 395 с.; Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. 1910–1914. М.: Наука, 1985. 287 с. и др.
22. Ростунов И.И. Генерал Брусилов. М.: Воениздат, 1964. 245 с. и др.
23. Первая мировая война: Пролог XX в. М.: Наука, 1998. 697 с.; Мировые войны XX века: в 4 кн. 2-е изд. М.: Наука, 2005. Кн. 1: Первая мировая война: исторический очерк. 686 с.; Оськин М.В. Первая мировая война. М.: Вече, 2010. 368 с. и др.
24. Степанов А.И. Россия в первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М.: Пробел, 2000. 219 с.; Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000. 636 с.; Олейников А.В. Россия и союзники в Первой мировой войне, 1914–

1918 гг. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2009. 230 с.; Марков О.Д. Армия и флот России 1914–1917 гг.: (Состав, организация, довольствие). СПб.: Моринтех, 2011. 327 с. и др.

25. Черняк Е.Б. Монополистический капитализм первой половины XX в. в исторической ретроспективе // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 20–36.

26. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны: (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. 415 с.; Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции, 1914–1918 гг. Рязань: Рязан. гос. ун-т, 2010. 398 с.; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция, 1914–февраль 1917 г. М.: АИРО–XXI, 2011. 283 с.; Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: АСТ; Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 678 с. и др.

27. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.; Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. М.: Вече, 2011. 429 с.; Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 423 с. и др.

28. Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 246 с.; Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы первой мировой войны. М.: МАДИ, 1996. 141 с.; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. М.: Три квадрата, 2003. 255 с.; Мичурин А.Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб.: С.-Петербургский гос. политехнич. ун-т, 2010. 324 с.; Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2013. 520 с.

29. Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг.: на материалах Петрограда. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2002. 243 с.; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 657 с.

30. Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв: Наступление армий Юго-Западного фронта летом 1916 года. М.: Цейхгауз, 2006. 47 с.; Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море: (Август-октябрь 1914 г.). М.: Квадрига, 2009. 221 с.; Олейников А.В. Дарданелльская операция 19 февраля 1915 г. – 9 января 1916 г. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2009. 184 с.; Нелипович С.Г. Кровавый октябрь 1914 года. М.: Минувшее, 2013. 808 с.; Оськин М.В. Брусиловский прорыв. М.: Язва, 2010. 414 с.; Черкасов А.А., Рябцев А.А., Меньковский В.И. «Атака мертвцев» (Осовец, 1915 г.): миф или реальность // Былые годы. 2011. № 4. С. 5–11 и др.

31. Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918): незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. 352 с.; Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой войны. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.–СПб.: Вече, 2011. 215 с.

32. Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Машиностроение, 1989. 336 с.; Глушков В.В., Долгов Е.И., Шаравин А.А. Корпус военных топографов русской армии в годы первой мировой войны. М.: Ин-т военного и политического анализа, 1999. 233 с.; Алексеев М. Военная разведка России. М.: Изд. дом «Русская разведка», 2001. Кн. 3: Первая мировая война. Ч. 1. 510 с. Ч. 2. 510 с.; Герасимов В. История создания отечественной морской авиации (1910–1917 гг.). Смоленск: РИЦ «Геростеп», 2007. 136 с.; Авдеев В.А., Карпов В.Н. Секретная миссия в Париже: Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. М.: Вече, 2009. 395 с.; Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М.: Язва, 2009. 446 с.

33. Писарев Ю.Л. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915. М.: Наука, 1990. 356 с.; Павлов А.Ю. Скованные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: СПбГУ, 2008. 188 с.; Пестушко Ю.С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Хабаровск: Дальневост. гос. гуманитарный ун-т, 2008. 236 с.; Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914. М.: МАКС Пресс, 2008. 328 с. и др.

34. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биограф. справочник. М.: РОССПЭН, 2006. 359 с.; Лазарев С.А. Герои Великой войны. Известные и неизвестные: Энциклопедия Русской армии. СПб.: Атлант, 2007. 382 с.; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь: справочное издание. М.: Вече, 2010. 624 с. и др.

35. Рязанская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов. Т. 1. [Рязань: Тип. Росархива, 2010]. 932 с. Т. 2. М.: Тип. Росархива, 2012. 1759 с.

36. Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М.: Элакос, 1994. 400 с.; Соколов Ю.В. Красная звезда или крест? (Жизнь и судьба генерала Брусилова). М.: Россия молодая, 1994. 169 с.; Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000. 752 с.; Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...». Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Сатисъ, 2002. 349 с.; Рунов В. Полководцы Первой мировой войны. Русская армия в лицах. М.: Эксмо, Язва, 2014. 832 с.; Смолин А.В. Два адмирала:

А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 200 с.; Цветков В.Ж. Генерал Алексеев. М: Вече, 2014. 544 с. и др.

References:

1. Hmelevskij G.G. Mirovaja imperialisticheskaja vojna 1914–1918. Sis-temat. ukazatel' knizhnoj i statejnoj voen.-istor. literatury za 1914–1935. M.: Voen. akademija RKKA im. M.V. Frunze, 1936. 280 s.; Rutman R.E. Rossija v gody pervoj mirovoj vojny i fevral'skoj burzhuazno-demokraticeskoy revoljucii (Ijul' 1914 g. – fevral' 1917 goda). Bibliograf. ukazatel' sovet. literatury, izd. v 1953–1968 gg. L.: Nauka, 1975. 36 s.; Pervaja mirovaja vojna: ukazatel' literatury. 1914–1993. M.: INION RAN, 1994. 111 s. i dr.
2. Kozenko B.D. Otechestvennaja istoriografija Pervoj mirovoj vojny // Novaja i novejshaja istorija. 2001. № 3. S. 3–27.
3. Shubin N.A. Rossija v Pervoj mirovoj vojne. Istorija problemy, 1914–2000 gg. Diss... d-ra ist. nauk. M., 2001. 287 s.; Rossija v Pervoj mirovoj vojne: novye napravlenija issledovanij: Sb. obzorov i referatov (Preprint). M.: INION, 2013. 241 s. i dr.
4. Svilas S.F. Rossijskaja istoriografija Pervoj mirovoj vojny // Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. 2004. № 4. S. 68–72.
5. Sergeev E.Ju. Aktual'nye problemy izuchenija Pervoj mirovoj vojny // Novaja i novejshaja istorija. 2014. № 2. S. 3–15.
6. Chernaja kniga germanskikh zverstv. SPb.: Tip. «Orbita», 1914. 56 s. i dr.
7. Bunjakovskij V.V. Iz opyta tekushhej vojny. I: Sluzhba vojsk v pole i boj. II: Novejshie tehnicheskie sredstva bor'by. III: Obuchenie i vospitanie vojsk. Pg.: Izdatel' V. Berezovskij, 1916. 77 s. i dr.
8. Strategicheskij ocherk vojny 1914–1918 gg.: M.: Vysshij voennyyj re-dakcionnyj sovet, 1920–1923. Ch. I. 274 s. Ch. II. 228 s. Ch. III. 104 s. Ch. IV. 135 s. Ch. V. 140 s. Ch. VI. 150 s. Ch. VII. 207 s.
9. Trudy komissii po obsledovaniju sanitarnyh posledstvij vojny 1914–1920 gg. M.–Pg.: Gosizdat, 1923. 227 s.
10. Zajonchkovskij A.M. Mirovaja vojna 1914–1918. V 2 t. M.: Voenizdat, 1938–1939. T. 1. Kampanija 1914–1915 gg. 383 s. T. 2. Kampanija 1916–1918 gg. 382 s.
11. Beloj A. Galicijskaja bitva. M.–L.: Voenizdat, 1929. 234 s.; Hramov F. Vostochno-Prusskaja operacija. M.: Voenizdat, 1929. 252 s.; Korol'-kov G.K. Lodzinskaja operacija. M.: Voenizdat, 1934. 296 s.; Korsun N.G. Jerzerumskaja operacija. M.: Voenizdat, 1938. 170 s. i dr.
12. Zajonchkovskij A.M. Podgotovka Rossii k imperialisticheskoj vojne. Ocherki voennoj podgotovki i pervonachal'nyh planov. M.: Voenizdat, 1926. 376 s.; Kozlov N. Ocherk snabzhenija russkoj armii voenno-tehnicheskim imushhestvom v mirovuju vojnu. Ch. 1. M.: Izvestija, 1926. 403 s.; Manikovskij A.A. Boevoe snabzhenie russkoj armii v mirovuju vojnu. M.: Gosvoenizdat, 1937. 707 s.; Barsukov E.Z. Russkaja artillerija v mirovuju vojnu. M.: Voenizdat. T. 1. 1938. 396 s. T. 2. 1940. 463 s. i dr.
13. Fleer M.G. Rabochee dvizhenie v Rossii v gody vojny. L.: Priboj, 1926. 123 s.; Zajdel' G. Ocherki po istorii II Internacionala (1889–1914 gg.). L.: Priboj, 1930. 240 s. i dr.
14. Pokrovskij M.N. Imperialisticheskaja vojna. Sb. st. Izd. 2-e. 1915–1930. M.: Izd-vo Kom. akademii, 1931. 336 s. i dr.
15. Tarle E.V. Evropa v jepohu imperializma 1871–1919 gg. M.–L.: Gosizdat, 1927. 483 s. i dr.
16. Golovin N.N. Voennye usilija Rossii v Mirovoj vojne. Parizh: Tov-vo ob#edinennyh izdatelej, 1939. 244 s.
17. Markov S. Zverstva nemcev v Pervuju mirovuju vojnu. M.: Voenizdat, 1941. 37 s.; Hvostov V.M. Kak razvivalsja germanskij imperializm. M.: Gospolitizdat, 1943. 55 s. i dr.
18. Strokov A.A. Vooruzhennye sily i voennoe iskusstvo v pervoj mirovoj vojne. M.: Voenizdat, 1974. 616 s.; Istorija Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg.: v 2 t. M.: Nauka, 1975. T. 1. 446 s. T. 2. 608 s.; Rostunov I.I. Russkij front pervoj mirovoj vojny. M.: Nauka, 1976. 387 s.; Zhilin A.P. Poslednee nastuplenie (ijun' 1917 g.). M.: Nauka, 1983. 104 s. i dr.
19. Tarnovskij K.N. Formirovanie gosudarstvenno-monopolisticheskogo kapitalizma Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (na primere metallurgicheskoy promyshlennosti). M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 1958. 263 s.; Anfimov A.M. Rossijskaja derevnja v gody Pervoj mirovoj vojny: 1914 – fevral' 1917 g. M.: Socjekgiz, 1962. 383 s.; Sidorov A.L. Jekonomiceskoe polozhenie Rossii v gody pervoj mirovoj vojny. M.: Nauka, 1975. 654 s. i dr.
20. Djakin B.C. Russkaja burzhuazija i carizm v gody pervoj mirovoj vojny: 1914–1917. L.: Nauka, 1967. 363 s.; Slonimskij A.G. Katastrofa russkogo liberalizma: Progressivnyj blok nakanune i vo vremja Fevral'skoj revoljucii 1917 goda. Dushanbe: Irfon, 1975. 315 s.; Beskrovnyj L.G. Armija i flot Rossii v nachale XX v. Ocherki voenno-jekonomiceskogo potenciala. M.: Nauka, 1986. 240 c. i dr.
21. Majorov S.M. Bor'ba Sovetskoy Rossii za vyhod iz imperialisticheskoy vojny. M.: Gospolitizdat, 1959. 295 s.; Bovykin V.I. Iz istorii vozniknovenija pervoj mirovoj vojny. Otnoshenija Rossii i Francii v 1912–1914 gg. M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 1961. 208 s.; Chubar'jan A.O. Brestskij mir. 1918. M.: Nauka, 1963. 246 s.; Alekseeva I.V. Agonija serdechnogo soglasija: carizm, burzhuazija i ih sojuzniki po Antante. M.: Izvestija, 1979. 402 s.; Emec V.A. Ocherki vneshej politiki Rossii v period pervoj mirovoj vojny. M.: Nauka, 1974. 395 s.; Avetjan A.S. Russko-germanskie diplomaticheskie otnoshenija nakanune pervoj mirovoj vojny. 1910–1914. M.: Nauka, 1985. 287 s. i dr.

22. Rostunov I.I. General Brusilov. M.: Voenizdat, 1964. 245 s. i dr.
23. Pervaja mirovaja vojna: Prolog HH v. M.: Nauka, 1998. 697 s.; Miro-vye vojny XX veka: v 4 kn. 2-e izd. M.: Nauka, 2005. Kn. 1: Pervaja mirovaja vojna: istoricheskij ocherk. 686 s.; Os'kin M.V. Pervaja mirovaja vojna. M.: Veche, 2010. 368 s. i dr.
24. Stepanov A.I. Rossija v pervo mirovoj vojne: geopoliticheskij status i revolucionnaja smena vlasti. M.: Probel, 2000. 219 s.; Utkin A.I. Zabytaja tragedija. Rossija v Pervo mirovoj vojne. Smolensk: Rusich, 2000. 636 s.; Olejnikov A.V. Rossija i sojuzniki v Pervo mirovoj vojne, 1914–1918 gg. Astrahan': Astrahan. gos. un-t, 2009. 230 s.; Markov O.D. Armija i flot Rossii 1914–1917 gg.: (Sostav, organizacija, dovol'stvie). SPb.: Morinteh, 2011. 327 s. i dr.
25. Chernjak E.B. Monopolisticheskij kapitalizm pervo poloviny XX v. v istoricheskoy retrospektive // Novaja i novejshaja istorija. 1990. № 2. S. 20–36.
26. Senjavskaja E.S. Psihologija vojny v HH veke: istoricheskij optyt Ros-sii. M.: ROSSPJeN, 1999. 383 s.; Porshneva O.S. Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, krest'jan i soldat Rossii v period Pervo mirovoj vojny: (1914 – mart 1918 g.). Ekaterinburg, 2000. 415 s.; Grebenkin I.N. Russkij oficer v gody mirovoj vojny i revoljucii, 1914–1918 gg. Rjazan': Rjazan. gos. un-t, 2010. 398 s.; Belova I.B. Pervaja mirovaja vojna i rossijskaja provincija, 1914–fevral' 1917 g. M.: AIRO–HHI, 2011. 283 s.; Ruga V., Kokorev A. Povsednevnaja zhizn' Moskvy: ocherki gorodskogo byta v period Pervo mirovoj vojny. M.: AST; Astrel'; Vladimir: VKT, 2011. 678 s. i dr.
27. Nagornaja O.S. «Drugoj voennyj optyt»: rossijskie voennoplennye Pervo mirovoj vojny v Germanii (1914–1922). M.: Novyj hronograf, 2010. 440 s.; Os'kin M.V. Neizvestnye tragedii Pervo mirovoj: plennye, dezertiry, bezhency. M.: Veche, 2011. 429 s.; Surzhikova N.V. Voennyj plen v rossijskoj provincii (1914–1922 gg.). M.: ROSSPJeN, 2014. 423 s. i dr.
28. Dumova N.G. Kadetskaja partiya v period Pervo mirovoj vojny i Fevral'skoj revoljucii. M.: Nauka, 1988. 246 s.; Sergeeva S.L. Voenno-promyshlennye komitety v gody pervo mirovoj vojny. M.: MADI, 1996. 141 s.; Ajrapetov O.R. Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i na revoljuciju. M.: Tri kvadrata, 2003. 255 s.; Michurin A.N. Politicheskaja bor'ba v Gosudarstvennom sovete v gody Pervo mirovoj vojny. SPb.: S.-Peterburgskij gos. politehnich. un-t. SPb., 2010. 324 s.; Ivanov A.A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krahu (1914–1917). M.; SPb.: «Al'jans-Arheo», 2013. 520 s.
29. Ivanova N.M. Miloserdie i blagotvoritel'nost' v gody Pervo mirovoj vojny 1914–1917 gg.: na materialah Petrograda. Diss... kand. ist. nauk. SPb., 2002. 243 s.; Kolonickij B.I. «Tragicheskaja jerotika»: obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervo mirovoj vojny. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 657 s.
30. Nelipovich S.G. Brusilovskij proryv: Nastuplenie armij Jugo-Zapadnogo fronta letom 1916 goda. M.: Cejhgauz, 2006. 47 s.; Koz-lov D.Ju. «Strannaja vojna» v Chernom more: (Avgust-oktjabr' 1914 g.). M.: Kvadriga, 2009. 221 s.; Olejnikov A.V. Dardanell'skaja operacija 19 fevralja 1915 g. – 9 janvarja 1916 g. Astrahan': Astrahan. gos. un-t, 2009. 184 s.; Nelipovich S.G. Krovavyj oktjabr' 1914 goda. M.: Minuvshee, 2013. 808 s.; Os'kin M.V. Brusilovskij proryv. M.: Jauza, 2010. 414 s.; Cherkasov A.A., Rjabcev A.A., Men'kovskij V.I. «Ataka mertvecov» (Osovec, 1915 g.): mif ili real'nost' // Bylye gody. 2011. № 4. S. 5–11 i dr.
31. Shishov A.V. Persidskij front (1909–1918): nezasluzheno zabytye pobedy. M.: Veche, 2010. 352 s.; Pavlov A.Ju. «Russkaja odisseja» jepohi Pervo mirovoj vojny. Russkie jekspedicionnye sily vo Francii i na Balkanah. M.–SPb.: Veche, 2011. 215 s.
32. Duz' P.D. Istorija vozduhoplavaniya i aviacii v Rossii (ijul' 1914 g. – oktjabr' 1917). 3-e izd., pererab. i dop. M.: Mashinostroenie, 1989. 336 s.; Glushkov V.V., Dolgov E.I., Sharavin A.A. Korpus voennyh topografov russkoj armii v gody pervo mirovoj vojny. M.: Int' voennogo i politicheskogo analiza, 1999. 233 s.; Alekseev M. Voennaja razvedka Rossii. M.: Izd. dom «Russkaja razvedka», 2001. Kn. 3: Pervaja mirovaja vojna. Ch. 1. 510 s. Ch. 2. 510 s.; Gerasimov V. Istorija sozdaniya otechestvennoj morskoj aviacii (1910–1917 gg.). Smolensk: RIC «Gerostep», 2007. 136 s.; Avdeev V.A., Karpov V.N. Sekretnaja missija v Parizhe: Graf Ignat'ev protiv nemeckoj razvedki v 1915–1917 gg. M.: Veche, 2009. 395 s.; Os'kin M.V. Krah konnogo blickriga. Kavaleriya v Pervo mirovoj vojne. M.: Jauza, 2009. 446 s.
33. Pisarev Ju.L. Tajny pervo mirovoj vojny. Rossija i Serbija v 1914–1915. M.: Nauka, 1990. 356 s.; Pavlov A.Ju. Skovannye odnoj cel'ju: Strategicheskoe vzaimodejstvie Rossii i ee sojuznikov v gody Pervo mirovoj vojny (1914–1917 gg.). SPb.: SPbGU, 2008. 188 s.; Pestushko Ju.S. Rossijsko-japonskie otnoshenija v gody Pervo mirovoj vojny (1914–1917 gg.). Habarovsk: Dal'nevost. gos. gumanitarnyj un-t, 2008. 236 s.; Romanova E.V. Put' k vojne: razvitiye anglo-germanskogo konflikta, 1898–1914. M.: MAKS Press, 2008. 328 s. i dr.
34. Aviatory – kavalery ordena Sv. Georgija i Georgievskogo oruzhija pe-rioda Pervo mirovoj vojny 1914–1918 godov: Biograf. spravochnik. M.: ROSSPJeN, 2006. 359 s.; Lazarev S.A. Geroi Velikoj vojny. Izvestnye i neizvestnye: Jenciklopedija Russkoj armii. SPb.: Atlant, 2007. 382 s.; Rossija i SSSR v vojnakh XX veka. Kniga poter': spravochnoe izdanie. M.: Veche, 2010. 624 s. i dr.
35. Rjazanskaja kniga pamjati Velikoj vojny 1914–1918 godov. T. 1. [Rjazan': Tip. Rosarhiva, 2010]. 932 s. T. 2. M.: Tip. Rosarhiva, 2012. 1759 s.
36. Portugal'skij P.M., Alekseev P.D., Runov V.A. Pervaja mirovaja vojna v zhizneopisanijah russkih voenachal'nikov. M.: Jelakos, 1994. 400 s.; Sokolov Ju.V. Krasnaja zvezda ili krest? (Zhizn' i sud'ba generala Brusilova). M.: Rossija molodaja, 1994. 169 s.; Alekseeva-Borel' V.M. Sorok let v rjadah russkoj imperatorskoj armii. General M.V. Alekseev. SPb.: Bel'veder, 2000. 752 s.; Mul'tatuli P.V. «Gospod' da

благословит решение мое...». Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Satis#, 2002. 349 с.; Рунов В. Полководцы Первой мировой войны. Русская армия в лицах. М.: Издательство «Яуза», 2014. 832 с.; Смольин А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланов, 2012. 200 с.; Цветков В.Ж. Генерал Алексеев. М: Вече, 2014. 544 с. и др.

УДК 930

Вехи возвращения «забытой» войны: основные тенденции и этапы в развитии отечественной историографии Первой мировой

¹ Евгений Федорович Кринко

² Татьяна Павловна Хлынина

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

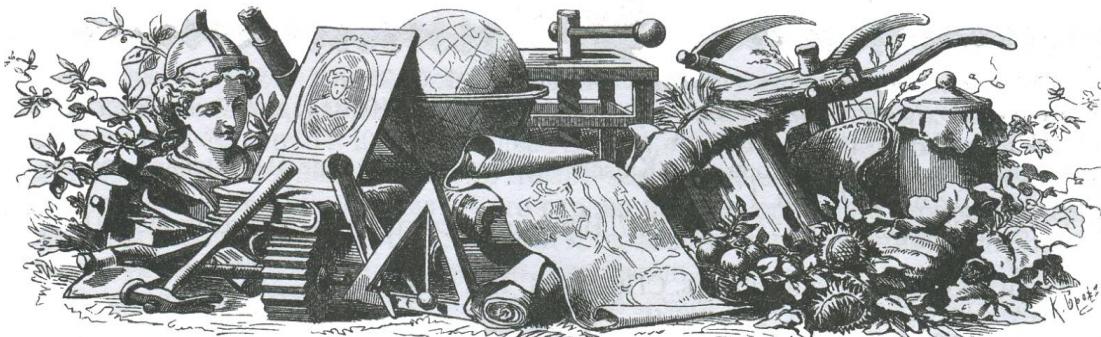
Доктор исторических наук

² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Аннотация. Статья посвящена отечественной историографии Первой мировой войны. Долгое время она считалась «забытой войной» в истории России. Однако за прошедшее столетие в России опубликованы тысячи работ по данной проблеме. Авторы статьи анализируют основные тенденции и этапы в изучении Первой мировой войны в советской и современной российской историографии. Непосредственно в военные годы и в первые десятилетия после войны изучение событий 1914–1918 гг. было в значительной степени продиктовано практическими задачами. После Великой Отечественной войны прикладная направленность исследований исчезла. Это отразили изменения в формах и практиках изучения проблемы. В то же время влияние политики и идеологии на советскую историографию Первой мировой войны сохранилось. В современной России изучение событий Первой мировой войны приобретает все более разнообразный характер. Появление новых подходов значительно расширяет проблематику и возможности исследований.

Ключевые слова: Первая мировая война; внешняя политика России; отечественная историография; история международных отношений.

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 94

The Role of Public Organizations of Kursk Province in Provision of Assistance to the Front Line in the First World War

¹ Fedor A. Gavrikov

² Oleg E. Chuikov

¹ Kursk branch of the Russian economic University named after G.V. Plekhanov, Russian Federation 305016, Kursk region, Kursk, street Pavlovskogo, 65

PhD (History), Associate Professor

E-mail: gavrikovf81@mail.ru

² Southwestern state University, Russian Federation

305040, Kursk region, Kursk, street 50-years of October, 94

PhD (Sociology), Associate Professor

E-mail: chuikov-ru@mail.ru

Abstract. The First World War caused great changes in the everyday life of the Russian province. It was forced to adapt to the wartime and the shortage of resources. The current situation promoted local authorities to establish and develop charity committees and public organizations, which rendered assistance to the Kursk Province in complex circumstances. The charitable work, organized by local authorities enabled to render material assistance to the front line and lift the spirit of the Russian soldiers.

Keywords: Public organizations; charity; Kursk Department of Tatyana's Committee; Union of Cities; All-Russian Red Cross Society.

Введение. Первая мировая война 1914–1918 гг. – одно из самых грандиозных и трагических событий в истории человечества. Участие России в первой мировой войне потребовало колоссального напряжения всех материальных и человеческих ресурсов страны. На волне патриотических настроений в стране развернулось широкое общественное движение по оказанию помощи фронту и пострадавшим от военных действий. В годы первой мировой войны по всей России функционировало множество различных благотворительных организаций и обществ, деятельность которых протекала под лозунгом «Все для защиты Отечества». Движение помощи фронту и пострадавшим от войны охватило всю страну, в том числе и отдаленные окраины. Курская область не стала исключением в этом отношении. На протяжении всей войны общественные организации Курской области при активном участии местного населения собирали пожертвования на военные нужды, а также предпринимали меры по оказанию помощи семьям призванных на войну солдат и прибывавшим в регион больным и раненым воинам и беженцам. Организация госпиталей и распределение в войсках предметов личного потребления стали первыми обязанностями, которые взяли на себя городские управы и земства. В этой деятельности они пересекались не только с государственной администрацией и обществом Красного Креста, но и с частными благотворителями.

Методы и материалы. К основным источникам нашего исследования относятся материалы Государственного архива Курской области, журналы заседаний земских собраний Курской губернии, периодические издания Курской губернии периода Первой мировой войны. В статье использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие выдвигать

конкретные задачи для научного решения проблемы в их последовательном развитии во времени, а также в сравнении с аналогичными процессами, протекавшими в стране. Особое внимание придается статистическому методу, который использовался при обработке опубликованных и архивных данных о численности городского населения, воинских призывах, финансовом положении городов и помощи горожан русской армии.

Обсуждение. В Курской губернии в годы Первой мировой войны достаточно активную деятельность развернули общественных организаций. Они участвовали в оказании помощи детям-сиротам, беженцам, семьям участников войны. Так, «Верховное совещание по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, состоявшееся под личным председательством Ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны», предложило комитетам, учреждениям и обществам, ведающим делом призрения семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, преимущественно оказывать благотворительную помощь:

1. Нуждающимся в помощи семействам следующих нижних чинов:

а) состоящих на действительной службе по призыву и не отбывших еще определенных для службы в мирное время сроков;

б) поступивших до дня объявления о мобилизации на действительную службу охотниками.

2. Нижеследующим лицам:

а) внебрачным детям нижнего чина, если они содержались его трудом и если по имущественному положению своему и по имущественным средствам их матерей они нуждаются в призрении;

б) пасынкам, падчерицам и приемным детям нижнего чина, если они содержались его трудом и нуждались в призрении;

в) нуждающиеся в призрении матери внебрачных детей нижнего чина, если они содержались его трудом, и уход за его детьми лишает ее возможности зарабатывать средства к жизни» [1].

В сентябре 1916 г. в Москве состоялось совещание представителей всех губерний, областей и городских отделений «Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Елизаветы Федоровны» для совместного обсуждения и разработки некоторых вопросов, входящих в круг ведения Комитета. Вследствие этого Курское отделение Комитета попросило сообщить ему данные, всесторонне освещающие деятельность земских и городских учреждений, по призрению семейств воинов. Сведения эти необходимо было разделить на 3 категории:

1. Организация помощи сиротам и полусиротам воинов.

2. Призрение семей убитых иувечных воинов.

3. Помощь семьям призванных.

Каждую из этих категорий было желательно разделить на 2 периода, а именно: а) что сделано до совещания; б) что намечено или намечается в ближайшем будущем. Независимо от этого необходимо было указать, какие мероприятия желательны к приведению в жизнь, но не могли быть осуществимы по тем или иным причинам, и какие именно. На этот запрос Рыльское особое городское попечительство сообщило, что в Рыльске не существовало организации помощи сиротам и полусиротам воинов, а также нет организации по призрению семей убитых иувечных воинов, а семействам же призванных на войну, выдавалась казенная пайка. Попечительство выдавало из частных благотворительных сумм пособия, но в малых размерах и то в исключительных случаях, в виду того, что приток благотворительных сумм почти прекратился. До 1-го июня 1916 г. семействам призванных выдано попечительством из благотворительных сумм 3290 рублей [2].

Оказанию помощи детям, отцы которых были призваны по мобилизации, была посвящена работа и Рыльского педагогического комитета, который просил городскую управу предоставить ему список наиболее нуждающихся в материальной помощи [3]. Несмотря на множество благотворительных комитетов, денег катастрофически не хватало. Так, Курская городская исполнительная комиссия по выдаче дополнительного пособия семьям призванных докладывала в июле 1916 года, что «оставшихся в ее распоряжении средств едва хватит до ноября» и поэтому предлагала просить верховный совет «об ассигновании 50000 рублей» [4].

Особой заботой были окружены сироты и полусироты. В городах губернии открывались благотворительные учреждения, главной целью которых было попечение детей нижних чинов и офицеров, ушедших на войну.

К 1 января 1916 года в городах функционировали следующие учреждения, занятые помощью детям воинов:

В Курске: приют для 50 сирот воинов, оборудованный Курским отделением комитета ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны; на средства дворянства содержался пансион-приют на 95 воспитанников [5].

При Льговском городском приюте на благотворительные средства содержалось детское отделение на 30 мальчиков-сирот павших воинов. В Щиграх на городские средства и средства Союза городов 1 ноября 1915 г. был открыт приют для детей. В нем призревалось 40 мальчиков [6].

В Лыговском городском приюте Н. Дерюгина 3 мая 1915 г. земством было открыто отделение для детей лиц, призванных на войну. На содержание приюта направлялось 1500 рублей [7]. В приюте содержалось до 30 мальчиков-сирот воинов, погибших во время войны [8].

Летом 1916 г. Курским отделом общества охраны народного здоровья была устроена детская летняя колония. Колония располагалась во 2-й Стрелецкой школе, «охотно и безвозмездно предоставленной обществу для намеченной цели Курской уездной земской управой. В колонии находилось 27 детей в возрасте от 8 до 11 лет, исключительно мальчиков-школьников. Набирались эти дети, главным образом, из семей, отцы которых призваны в армию» [9].

Государством был создан Алексеевский комитет по выдаче пособий детям нижних чинов, погибших на войне, со времени их смерти и прекращении выдачи продовольственного пособия от казны (пайка). Каждому ребенку, погибшему на войне нижнего чина или же лишившегося вследствие войны трудоспособности и не имеющему средств к существованию, в небольших городах от Алексеевского комитета выдавалось от 30 до 42 рублей в год. Проживающим в больших городах круглым сиротам производилась выдача усиленного пособия [10].

После Февральской революции в Курске 22 апреля 1912 г. было открыто местное отделение «общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям» [11].

В течение всей войны, и, особенно, в ее начальный период, население местных городов губернии в целом трогательно заботилось об ушедших на фронт сыновьях и дочерях, братьях и отцах. Для воинов собирали и высыпали теплые вещи и нижнее белье, подарки из продуктов и табака, предметы обихода и прочее, кроме того, практиковались пожертвования денежных средств на различные нужды фронтовиков, в том числе на особые рождественские подарки. Так, по постановлению Курского очередного земского собрания за 24 ноября 1914 г. было выделено 10000 руб. на приобретение подарков к Рождественскому празднику для находившихся на передовых позициях в действующей армии двух дивизий и мортирной батареи, ранее базировавшихся в городе Курске. Земством были приобретены подарки в виде теплых вещей и других необходимых принадлежностей (рубахи, кальсоны, портняки и т.п.). Всего были приобретены и через губернатора отосланы на фронт подарки для 274 нижних чинов. Через некоторое время от солдат пришло письмо с выражением искренней благодарности [12].

В Курске в октябре 1915 г. образовался комитет по сбору пожертвований на нужды благотворительной организации при штабе Верховного Главнокомандующего. В Курском городском театре был дан благотворительный спектакль, и два кинематографических сеанса в Курских синематографах «Мир» и «Гигант». В результате чего получили 1110 руб. 49 коп. со спектакля и 317 руб. 65 коп.; 653 руб. 01 коп. с киносеансов – соответственно. По подписным листам было собрано 485 руб. Члены акцизного надзора дали 560 руб. 69 коп. [13]. Все эти средства пошли на подарки войнам.

Помощь больным и раненым воинам оказывалась не только в лазаретах и госпиталях, находившихся на территории губернии. Наши земляки выезжали непосредственно в районы ведения боевых действий, а также оказывали помощь госпиталям, находившимся в других городах России. Так, к примеру, Курская Знаменская община сестер милосердия российского общества Красного Креста, согласно распоряжению Главного управления, 3 августа сформировала два отряда сестер милосердия. Причем один из них в составе 3-х штатных и 16 запасных сестер военного времени был направлен в Москву, другой, в составе 6 штатных сестер милосердия – в Вязьму [14].

Самыми представительными и весьма деятельными общественными организациями в Курской губернии являлись «Курское отделение Татьянинского комитета», Союз городов, местные отделения Всероссийского общества Красного Креста и Дамского комитета и др., а также частные лица, причастные к делу оказания помощи беженцам. Главным вопросом было устройство прибывших из районов военных действий, преимущественно галичан, а также их расквартирование, поиск для них занятий, оказание им первоначальной помощи и т.д. Были установлены следующие размеры пайки: муки ржаной – 1,5 пуда на одного взрослого, для детей 5–12 лет – 1 пуд, моложе 5 лет – 0,5 пуда, пшена для взрослого – 15 фунтов, для детей 5–12 лет – 10 фунтов, моложе 5 лет – 5 фунтов [15]. Пайки выдавались по минимальной норме – из расчета 15 копеек в день на человека. Беженцам оказывали и юридическую помощь, для них во вновь открываемых национальных школах организовывали обучение их детей. Органы местного самоуправления и население участвовали в строительстве для них теплых бараков, осуществляли сбор и раздачу верхней одежды, нижнего белья и др. вещей. Местное население лояльно относилось к беженцам почти всех национальностей, кроме одной группы беженцев – волынских немцев колонистов, т.к. в тылу и на фронте распространилась шпиономания, все неудачи и поражения русской армии объясняли происками немецких шпионов.

Заключение. В годы Первой мировой войны в Курской губернии, как и по всей России, наблюдалось широкая деятельность общественного движения по оказанию помощи фронту и пострадавшим от военных действий. Активное участие в деле помощи фронту принимали различные организации, учреждения и ведомства, а также широкие слои местного населения. Свою деятельность в Курской губернии развернули многочисленные общественные и благотворительные организации помощи фронту. Движение помощи фронту, охватившее в годы первой мировой войны все слои российского общества, было вызвано волной патриотических настроений, которая с началом войны

прокатилась по всей России. Однако во многом истинная причина этого явления заключалась в неподготовленности правительства к затяжному характеру войны. Первые же месяцы войны показали, что страна не готова к длительному военному конфликту. Это в свою очередь потребовало привлечения всех сил общества к работе на оборону. Зародившееся на ниве патриотизма и носившее поначалу характер «благотворительности», движение общественной помощи фронту и пострадавшим от военных действий очень скоро переросло свои рамки и стало тем средством, с помощью которого царское правительство пыталось «заслать» брешь в обороне страны и решить вызванные войной социальные проблемы. В годы первой мировой войны в Курской губернии наблюдалась типичная ситуация с оказанием помощи фронту и пострадавшим от войны, характерная для большинства районов Российской империи, находившихся вдали от театра военных действий. Война потребовала напряжения всех материальных и человеческих ресурсов страны. Деятельность общественных организаций по оказанию помощи фронту стала ответом широких слоев населения на неготовность правительства к затяжному характеру войны. Они сыграли значительную роль в обеспечении нужд действующей армии и оказании помощи пострадавшим от военных действий.

Примечания:

1. Государственный архив Курской области. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 698. Л. 267–267 об.
2. ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32. Приложение.
3. ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32. Л. 35–35 об.
4. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2006. Л. 7–8 об.
5. Журналы заседаний очередного Курского земского собрания за 1915–1916 гг. Курск, 1916. С. 1538.
6. Там же. С. 1539.
7. Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916. С. 82
8. Журнал заседания чрезвычайного Льговского уездного земского собрания за 10 августа и 28 ноября 1914 года и очередного за 1914 год. Курск, 1915. С. 37.
9. Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916. С. 101.
10. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2216. Л. 1.
11. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1907. Л. 27
12. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10729. Л. 5.
13. Курская быль. № 50. 1915. 22 февраля. С. 4.
14. Обзор Курской губернии за 1915 год. Курск, 1916. С. 82.
15. Журналы заседаний очередного Курского земского собрания за 1915–1916 гг. Курск, 1916. С. 1538.

References:

1. Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti. F. 1642. Op. 1. D. 698. L. 267–267 ob.
2. GAKO. F. 377. Op. 1. D. 32. Prilozhenie.
3. GAKO. F. 377. Op. 1. D. 32. L. 35–35 ob.
4. GAKO. F. 37. Op. 1. D. 2006. L. 7–8 ob.
5. Zhurnaly zasedanii ocherednogo Kurskogo zemskogo sobraniya za 1915–1916 gg. Kursk, 1916. С. 1538.
6. Tam zhe. S. 1539.
7. Obzor Kurskoi gubernii za 1915 god. Kursk, 1916. S. 82
8. Zhurnal zasedaniya chrezvychainogo L'govskogo uezdnogo zemskogo sobraniya za 10 avgusta i 28 noyabrya 1914 goda i ocherednogo za 1914 god. Kursk, 1915. S. 37.
9. Obzor Kurskoi gubernii za 1915 god. Kursk, 1916. S. 101.
10. GAKO. F. 54. Op. 1. D. 2216. L. 1.
11. GAKO. F. 37. Op. 1. D. 1907. L. 27
12. GAKO. F. 1. Op. 1. D. 10729. L. 5.
13. Kurskaya byl'. № 50. 1915. 22 fevralya. S. 4.
14. Obzor Kurskoi gubernii za 1915 god. Kursk, 1916. S. 82.
15. Zhurnaly zasedanii ocherednogo Kurskogo zemskogo sobraniya za 1915–1916 gg. Kursk, 1916. С. 1538.

УДК 94

**Роль общественных организаций Курской губернии в оказании помощи фронту
в годы Первой мировой войны**

Федор Алексеевич Гавриков
² Олег Евгеньевич Чуйков

Курский филиал Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, Российская
Федерация

305016, Курская область, г. Курск, ул. Павлуновского, 65

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: gavrikovf81@mail.ru

² Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94

Кандидат социологических наук, доцент

E-mail: chuikov-ru@mail.ru

Аннотация. Первая мировая война вызвала глубокие изменения в обычную жизнь российской провинции, пришлось переходить на управления в условиях военного времени и нехватки ресурсов. Органы местного управления в сложившейся ситуации способствовали созданию и развитию благотворительных комитетов и общественных организаций, которые оказывали поддержку населению Курской губернии, находившемуся в сложной жизненной ситуации. При помощи благотворительной работы, организованной органами местного самоуправления, удалось оказать материальную помощь фронту, и поднять моральный дух русских воинов.

Ключевые слова: Общественные организации; благотворительность; Курское отделение Татьянинского комитета; Союз городов; Всероссийское общество Красного Креста.

UDC 94(571.16)"1905/1917"

Establishment of Provincial Unions of the Cities of Siberia: Experience of Regional Identity Construction in Wartime (1914–1916)

Olga A. Kharus

Tomsk State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor
634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Abstract. The article presents the approach to the detection of the role and place of provincial organizations of All-Russian Union of Cities in the social life of the Siberia, which is based on the analysis of the social practices, concerned with their establishment in the context of the regional identity construction. The paper detects the specific character of the forms and methods of Siberian identity representation, used by the liberal initiative minority in the First World War. The reasons, preventing the implementation of the project of creating of broad coalition of the public, based on the development of self-government institutions development are determined.

Keywords: All-Russian Union of Cities; regional organizations; Siberian identity; the First World War.

Введение. С началом Первой мировой войны у общественности Сибири появилась возможность реализовать свою социальную активность в рамках Всероссийского союза городов (ВСГ), созданного в августе 1914 г. для оказания помощи фронту и пострадавшим от войны. Наряду с городскими отделами ВСГ в регионе были сформированы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский областные союзы городов.

В исследованиях, затрагивавших проблемы формирования и деятельности областных союзов, представлены два основных подхода: 1) рассмотрение этих сюжетов в контексте истории классовой борьбы, противостояния либералов и революционных демократов [1. С. 128–131, 138–145; 2]; 2) изучение деятельности сибирских отделов ВСГ по решению изначально возлагавшихся на них задач организации помощи фронту, раненым воинам и семьям призванных фронтовиков [3]. Не оспаривая правомерность данных подходов, обусловленных спецификой научных интересов исследователей, представляется возможным обозначить иной ракурс в определении роли и места областных союзов сибирских городов в общественной жизни региона, а именно: рассмотрение социальных практик, связанных с созданием этих структур, в контексте процесса конструирования региональной идентичности. Такая постановка вопроса открывает, на наш взгляд, дополнительные возможности для осмыслиения соответствующего опыта не только в поле действия ситуативных факторов военного времени, но и с позиций возможности его использования в исторической перспективе.

Материалы и методы. Обращение к изучению процесса конструирования региональной идентичности как целенаправленной сознательной деятельности общественных и политических акторов позволяет ввести в исследовательское пространство социально-антропологическое измерение. Ориентация на сочетание макро- и микроисторического подходов обеспечивает изучение ценностных ориентаций, установок, мотивов деятельности и поведенческих стратегий инициативного меньшинства в контексте общих тенденций и особенностей исторического развития России и Сибири. Основными источниками, позволяющими реализовать исследовательский замысел, являются неопубликованные документы местной администрации и органов городского самоуправления, резолюции областных съездов представителей городов Западной и Восточной Сибири, а также материалы региональной периодической печати.

Обсуждение. Вопрос о необходимости создания областного союза городов Сибири был поставлен инициативными кругами региональной общественности практически сразу же после санкционирования властями деятельности местных отделов ВСГ. Осенью 1914 г. идея объединения сибирских городов получила поддержку со стороны органов общественного самоуправления, высказавшихся за образование Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского областных союзов. Создание этих структур признавалось крайне необходимым для «территориально-огромной, разноплеменной и дезорганизованной Сибири» ввиду её «особой отдаленности» от центра и специфики уклада жизни в регионе. Уверенность в успехе проекта основывалась на убежденности его инициаторов в готовности населения поддержать идею областного союза городов, которая «легко воспринимается всеми и имеет годами взрыхленную, вполне благоприятную почву в сибирском общественном сознании» [4. 1914. 6 дек.].

Решение об учреждении Западно-Сибирской областной организации ВСГ было принято на съезде представителей 12 городов, состоявшемся в Омске 11–13 апреля 1915 г. Формирование

областного союза рассматривалось как необходимое условие консолидации общественности для более эффективного решения проблем, порожденных условиями военного временем, с учетом их местной специфики и ни в коей мере не предполагало противопоставления центру. За руководящим органом вновь созданной организации – съездом представителей городов Западной Сибири и Степного края – и ее исполнительным органом – Западно-Сибирским областным комитетом Союза городов – закреплялся статус региональных филиалов центрального руководства ВСГ [5. Д.2969. Л.377, 378].

Задачу консолидации общественных сил региона ставили перед собой и организаторы съезда представителей городов Восточной Сибири. Предполагая привлечь к сотрудничеству широкие круги общественности, инициативная группа отправила приглашения на съезд не только всем городским думам Сибири, но и биржевым и военно-промышленным комитетам, местным отделам ВСГ и Сибирского общества помощи больным и раненым воинам (Сибиртета), отделам Лиги по борьбе с туберкулезом, обществам врачей, организациям Красного Креста, кооперативам [1. С. 161-162].

Областной съезд представителей городов Восточной Сибири начал свою работу в Иркутске 15 апреля 1916 г. Открывая съезд, председатель организационного бюро по его созыву Л.А. Белоголовый четко обозначил миссию делегатов: «Нынешним съездом кладется начало областной организации и съездов городов Восточной Сибири с постоянным бюро этих съездов. Сегодняшний день – новый этап по пути развития нашего края к культуре и прогрессу» [6. 20 апр.]. Предназначение областной организации сибирских городов, «этого первого фундамента сибирской общественности», по словам депутата IV Государственной думы от Енисейской губернии С.В. Востротина, представлявшего на съезде ЦК ВСГ и Сибиртет, должно было заключаться, прежде всего, в выяснении насущных нужд Сибири и подготовке необходимых материалов для проведения тех или иных мероприятий в законодательных учреждениях [6. 22 апр.]. В целом, не предполагая противопоставления общегосударственным интересам и в полной мере разделяя лозунг «Всё для войны, всё для победы» как важнейший для граждан России, либерально настроенные делегаты съезда в своих выступлениях акцентировали значимость объединения общественности региона для решения целого комплекса его специфических проблем: экономических, правовых, социальных, культурных.

Лейтмотивом принятых на съезде резолюций стала идея развития общественной инициативы и консолидации различных групп и слоев населения. В частности, в числе первоочередных мероприятий намечались: устранение всех условий, тормозящих развитие общественной самодеятельности; скорейшее проведение реформы Городового положения; введение на окраинах земства; привлечение в состав продовольственных органов городов представителей кооперативов и профессиональных союзов с правом решающего голоса; обеспечение свободы деятельности кооперативных, профессиональных и прочих организаций, «защищающих интересы рабочего»; формирование из представителей городского и земского союзов, военно-промышленного комитета, рабочих организаций, кооперативов и общественно-торговых учреждений центрального общественного органа для решения проблем с продовольствием; объединение деятельности всех национальных, общественных и других организаций, оказывающих помощь беженцам, «под флагом Всероссийского Городского Союза» [7. Л.3-7]. Начальник Иркутского губернского жандармского управления, очевидно, имел все основания утверждать, что «красной нитью во всех речах и резолюциях съезда проходит желание захватить в руки общественных организаций больше прав» [8. Л.64].

Обеспечивать координацию действий общественности региона, по замыслу организаторов съезда, призваны были областные союзы городов Сибири. В принятой резолюции об образовании областной организации городов Восточной Сибири необходимость децентрализации в деятельности ВСГ обосновывалась ссылками на обширность территории Российской империи и различия правовых и иных укладов жизни городов. При этом перед областными организациями ставилась двуединая задача: удовлетворение общегосударственных нужд, связанных с военным временем, и местных нужд городов, входящих в эти организации. В Восточной Сибири было решено создать, исходя из «чисто практических соображений» (обширность территории, огромные расстояния, недостаточное развитие системы путей сообщения), две областные организации в соответствии с административным делением: Восточно-Сибирскую в границах Иркутского генерал-губернаторства и Дальневосточную в границах Приамурского генерал-губернаторства [7. Л.4].

Признав целесообразным «по местным условиям» образование на огромной территории Сибири нескольких областных организаций, съезд вместе с тем высказался и за создание общесибирской организации «в целях объединения работ, касающихся в одинаковой степени всех районов Сибири». Предполагалось, что создание этой организации должно стать предметом обсуждения съезда городов всего региона, созыв которого провозглашался ближайшей задачей. В стремлении к децентрализации в объединении городов вполне определенно прослеживались областнические, но отнюдь не сепаратистские тенденции. Резолюция по вопросу об образования областных организаций однозначно определяла их статус в качестве составных частей ВСГ [7. Л.4].

С вновь созданными областными союзами представители либеральной общественности Сибири связывали долгосрочные перспективы развития региона, намереваясь добиваться

расширения сферы деятельности ВСГ и продления его полномочий на послевоенный период. В первом пункте принятой на съезде городов Восточной Сибири резолюции по вопросу об образовании областной организации констатировалось: «Всероссийский союз городов ... является общественно-необходимой организацией и в условиях мирного времени, объединяющей города в целях наиболее планомерного и лучшего удовлетворения местных городских нужд, улучшения городских финансов и пр.» [7. Л.4]. Открывавшиеся в связи с наметившейся тенденцией к расширению сферы компетенции ВСГ перспективы развития общественной инициативы, формирования гражданской ответственности либералы считали необходимым подкрепить привлечением к деятельности региональных структур «возможно более широких слоев населения путем введения в состав комитетов представителей всех общественных организаций данного города» [9. Л.60, 63, 68]. В начале декабря 1916 г. циркуляр, предписывавший действия по решению этой задачи, был утвержден на заседании бюро Западно-Сибирского областного комитета и омского комитета ВСГ и разослан всем местным комитетам и органам городского самоуправления Западной Сибири [9. Л.68].

Однако практическая реализация намеченных планов оказалась сопряжена с множеством проблем. Отчасти, они были вызваны организационной слабостью самих областных союзов, впрочем, вполне объяснимой с учетом отсутствия у инициаторов их создания необходимого опыта координационной и административной деятельности в столь широко заявленном формате. Так, включение в состав Западно-Сибирского областного комитета представителей различных городов породило проблемы с обеспечением кворума и сделало невозможной его работу на постоянной основе [5. Д.2969. Л.385; 6. 7 июля].

Множество административных запретов и ограничений существенно осложняло внутриорганизационные проблемы областных союзов городов. Либерально настроенным руководителям Западно-Сибирского областного союза так и не удалось получить разрешение Министерства внутренних дел на созыв второго съезда представителей городов региона, где планировалось рассмотреть вопрос о расширении прав и компетенции организаций ВСГ [10. 1 дек.]. Местная администрация, настороженно относившаяся ко всяkim попыткам создания широкой общественной коалиции, выражала беспокойство по поводу очевидного стремления руководства отделов ВСГ выйти из-под её контроля и отстоять статус автономных общественных организаций, подчиняющихся исключительно центральному руководству Союза городов [11. Л. 70; 12. Д.5. Л.6]. Органы губернского управления решительно блокировали выделение ассигнований на деятельность областных комитетов ВСГ, выражая недовольство их намерениями решать вопросы, не связанные непосредственно с нуждами военного времени, и продолжить свою деятельность в послевоенный период [6. 16 окт.; 10. 29 окт.; 13. 4 янв.].

Противодействие властей было не единственной причиной провала либеральной тактики создания широкой общественной коалиции. Важную роль сыграло обострение общенационального кризиса в стране и сопровождавшее его усиление социальной поляризации общества и партийно-политической конфронтации. Подключение к работе местных комитетов ВСГ представителей потребительских, сельскохозяйственных, кредитных и ссудосберегательных обществ, общества ремесленников-крестьян стало причиной постоянных конфликтов между либерально настроенными общественными деятелями и революционно-демократическим, левым крылом организаций [12. Д.4. Л.18, 19; Д.5. Л.101-102; Д.6. Л.22, 39].

В конечном счете, острота противостояния различных социальных и политических сил, с одной стороны, и активное противодействие центральных и местных властей, с другой, не позволили реализовать замысел консолидации населения региона в рамках структур областных союзов городов.

Результаты исследования. Работа съездов городов Западной и Восточной Сибири и создание по их результатам региональных структур ВСГ фактически являлись своеобразным конкретно-историческим воплощением целенаправленного процесса конструирования региональной идентичности, инициированного местной интеллектуальной элитой, общественными и политическими акторами в условиях начавшейся мировой войны. Стремлением объединить население как для решения специфических проблем военного времени, так и для обеспечения благоприятных условий социально-экономического, политического, культурного развития региона в долгосрочной перспективе были продиктованы попытки формирования горизонтальных связей поверх социальных, партийно-политических, национальных границ.

Идеологическое наполнение формируемой системы горизонтальных связей определялось осознанием специфики политических, экономических, социальных условий Сибири, стремлением дать сигнал центру в связи с явным игнорированием интересов развития региона и привлечь внимание властей к решению его проблем для обеспечения равноправного статуса в Российской империи. При этом процесс конструирования региональной идентичности не вступал в конфликт с ярко выраженной общероссийской идентичностью его инициаторов. Более того, их общегражданская идентичность являлась доминирующей, а предпринимавшиеся действия по формированию региональной общности имели, по сути, инструментальное значение, будучи нацеленными на решение не только специфических локальных проблем региона, но и проблем общественного переустройства в государственном масштабе. Показательным в этом отношении является активное

обсуждение на областных съездах вопросов, связанных с реформой городского самоуправления в стране, демократизацией процедуры выборов в земство, организацией противодействия попыткам разжигания национальной розни в России, введением ответственного министерства [7. Л.10; 11. Л.23].

Данный опыт конструирования региональной идентичности представляет интерес и с точки зрения оценки открывавшихся в этом процессе возможностей для модернизации и трансформации системы государственного управления в России. В рамках региональных структур либералы предприняли попытку обеспечить социальный консенсус путем привлечения представителей различных слоев и групп населения к активной общественной деятельности, а также выстроить диалог с властью на основе формирования институтов местного самоуправления, расширения их функций и сферы компетенции. Однако в условиях обострения общенационального кризиса, ярко выраженной и продолжавшей усиливаться социальной и политической поляризации предлагавшиеся либерально настроенными акторами практики солидарных действий не нашли поддержки ни в обществе, ни во властных инстанциях.

Заключение. Характерной особенностью способов и форм презентации региональной идентичности, использовавшихся инициативным меньшинством при создании областных союзов городов Сибири, являлась их направленность на формирование, укрепление и развитие институтов местного самоуправления для решения специфических локальных проблем с учетом общегосударственных интересов. Оказавшись невостребованными в ситуации, характеризовавшейся крайней нестабильностью, остротой конфронтации различных социальных и политических групп, эти технологии представляются, тем не менее, весьма продуктивными по своему замыслу. При соответствующей «настройке» с учетом специфики современных социально-политических условий их использование может придать процессу конструирования сибирской идентичности позитивный характер, способный обеспечить повышение уровня как региональной, так и общенациональной конкурентоспособности.

Благодарности. Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Примечания:

1. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: изд-во Томск. ун-та, 1978. 170 с.
2. Макарчук С.В. Съезд представителей городов Восточной Сибири 15-19 апреля 1916 г.: влияние социалистических партий // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. научн. тр. / Барнаул, 2005. С. 64-65.
3. Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2005. 177 с.
4. Сибирская жизнь. Томск.
5. Журналы заседаний Томской городской думы // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.127. Оп.1.
6. Сибирская мысль. Красноярск. 1916.
7. Резолюции первого областного съезда представителей городов Восточной Сибири // Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.300. Оп.1. Д.357.
8. Переписка начальника Иркутского губернского жандармского управления с генерал-губернатором // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.600. Оп.1. Д.884.
9. Переписка о Всероссийском и Западно-Сибирском союзах городов. 29 декабря 1916 г. – 12 декабря 1917 г. // Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.172. Оп.1. Д.350.
10. Енисейский край. Красноярск. 1916.
11. Переписка об общественном движении и прессе в гор. Омске и Степном крае. 9 февраля 1915 г. – 5 января 1916 г. // ГАОО. Ф.270. Оп.1. Д.652.
12. Дневник И.И.Серебренникова // ГАИО. Ф.609. Оп.1.
13. Омский телеграф. Омск. 1917.

References:

1. Mosina I.G. Formirovanie burzhuašii v politicheskiju silu v Sibiri. Tomsk: izd-vo Tomsk. un-ta, 1978. 170 s.
2. Makarchuk S.V. S'ezd predstavitelej gorodov Vostochnoj Sibiri 15-19 aprelja 1916 g.: vlijanie sozialisticheskikh partij // Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Pjatye nauchnye chtenija pamjati professor A.P. Borodavkina: sb. nauchn. trudov / Barnaul, 2005. S. 64-65.
3. Poluarshinov A.V. Pomoshh' obshhestvennyh organizacij i naselenija Zapadnoj Sibiri frontu I postradavshim ot vojny: ižul' 1914 – fevral' 1917 gg.: dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.02. Omsk, 2005. 177 s.
4. Sibirskaj zhizn'. Tomsk.
5. Zhurnaly zasedanij Tomskoj gorodskoj dumy // Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (ГАТО). F. 127. Op. 1.

6. Sibirskaia mysl'. Krasnojarsk. 1916.
7. Rezoljucii pervogo oblastnogo s'ezda predstavitelej gorodov Vostochnoj Sibiri // Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti (GANIO). F.300. Op. 1. D.357.
8. Perepiska nachal'nika Irkutskogo gubernskogo zhandarmskogo upravlenija s general-gubernatorom // Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO). F. 600. Op. 1. D.884.
9. Perepiska o Vserossijskom i Zapadno-Sibirskom sojuzah gorodov. 29 dekabrja 1916 g. – 12 dekabrja 1917 g. // Gosudarstvennyj arhiv Omskoj oblasti (GAOO). F. 172. Op. 1. D.350.
10. Enisejskij kraj. Krasnojarsk. 1916.
11. Perepiska ob obshhestvennom dvizhenii i presse v gor. Omske i Stepnom krae. 9 fevralja 1915 g. – 5 janvarja 1916 g. // GAOO. F. 270. Op. 1. D.652.
12. Dnevnik I. I. Serebrennikova // GAIO. F. 609. Op. 1.
13. Omskij telegraf. Omsk. Omsk. 1917.

УДК 94(571.16)"1905/1917"

Создание областных союзов городов Сибири: опыт конструирования региональной идентичности в условиях военного времени (1914–1916 гг.)

Ольга Анатольевна Харусь

Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Аннотация. Представленный в статье подход к определению роли и места областных структур Всероссийского союза городов (ВСГ) в общественной жизни Сибири основан на анализе социальных практик, связанных с их созданием, в контексте процесса конструирования региональной идентичности. Выявлена специфика форм и способов презентации сибирской идентичности, использовавшихся либерально настроенным инициативным меньшинством в условиях Первой мировой войны. Раскрыты причины, не позволившие реализовать проект создания широкой общественной коалиции на основе развития институтов самоуправления.

Ключевые слова: Всероссийский союз городов; региональные структуры; сибирская идентичность; Первая мировая война.

UDC 63.3(0)6

Russian War Prisoners of the First World War in German Camps

¹ Gulzhaukhar Kokebayeva

² Erke Kartabayeva

³ Nurzipa Alpysbayeva

¹⁻³ Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
71, al-Farabi avenue, Almaty 050038

¹ Dr. (History), Professor

E-mail: kokebayeva@mail.ru

² PhD (History), Associate Professor

E-mail: erke_66@mail.ru

³ PhD (History), Associate Professor

E-mail: nurzipakz@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of the custody of Russian war prisoners in German camps. The German authorities treated Russian war prisoners in accordance with the 'Provision of War Prisoners Custody', approved by the Emperor on 11 August, 1914. The content of this document mainly corresponded to the Hague Convention Respecting the Laws and Customs of War on Land. But German authorities discriminated the war prisoners of different nationalities.

Keywords: war prisoners; the First World War; the Hague Convention; custody; war prisoners camps; the Entente; Central states.

Введение. XX век ознаменовался двумя мировыми войнами, революциями и гражданскими войнами, которые принесли человечеству неисчислимые беды. Первая мировая война была переломной эпохой в мировом развитии. С одной стороны, она содействовала крушению крупных многонациональных империй и абсолютных монархий. С другой стороны, она обострила духовный кризис индустриальной цивилизации, началось идеиное, духовное брожение в европейском обществе, что привело к революциям в некоторых крупных странах, в том числе и в Германии и России. Эти события оказали влияние и на судьбу военнопленных.

Материалы и методы. Основной источниковой базой нашего исследования являются материалы казахстанских и германских архивов, также и опубликованные воспоминания бывших военнопленных. Методологическую основу исследования составляют линейные концепции истории человечества, разработанные зарубежными и отечественными учеными. Мировые войны первой половины XX века рассматриваются здесь как период цивилизационного излома: первая мировая война отразила кризис индустриальной цивилизации, а межвоенный период и вторая мировая война стали переходным этапом в становлении постиндустриальной цивилизации.

Обсуждение. В советский период были изучены только некоторые аспекты истории военнопленных первой мировой войны, в частности, участие военнопленных в революционных событиях и гражданской войне в России, в восстановлении и развитии экономики, в общественной и культурной жизни Советской страны, агитационная работа большевиков среди русских военнопленных в Центральных державах. В постсоветский период в России началось интенсивное изучение истории военнопленных первой мировой войны. Среди них необходимо отметить монографию О.С. Нагорной [1] и диссертационное исследование С.Н. Васильевой, посвященные изучению условий содержания и трудоиспользования военнопленных в России, Германии и Австро-Венгрии [2]. В статьях Е.Ю. Сергеева и Е.С. Синявской исследуются условия содержания русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, их психологическая адаптация к условиям плены [3, 4].

Результаты. В период Первой мировой войны в плену в Германии находились 2 415 043 военнослужащих армий стран-членов Антанты, в том числе 1 420 479 российских военнопленных [5, с. 56-57]. В первые годы войны военные ведомства Германии не были готовы к приему большого количества военнопленных. Утвержденное 11 августа 1914 г. «Положение о размещении военнопленных» предусматривало размещение военнопленных в казематах, крепостях и специальных лагерях. Офицеры и солдаты должны размещаться в разных помещениях, необходимо было уделить внимание на отдельное от солдат размещение старших унтер-офицеров; в помещениях на каждого пленного унтер-офицера и солдата должны отвести 2,5 кв. метров площади; генералам и штабным офицерам должны были выделить комнату с площадью 18 кв. метров, а другим офицерам – 12 кв. метров. Однако когда увеличилось количество военнопленных, уже невозможно было соблюдать эти правила. Пленные солдаты размещались в общих бараках или определялись в рабочие команды.

В соответствии с 6-статьей Гаагской конвенции Военное министерство Германии 17 октября 1914 г. утвердило «Общие положения привлечения военнопленных рядового состава к работе».

Военнопленные использовались в строительстве лагерей, тренировочных полигонов, каналов, в работах по осушению болот, в возделывании пустошей, ремонтно-строительных работах по улучшению дорог, в промышленности. В связи с нехваткой сезонных рабочих Министерство сельского хозяйства попросило выделить русских военнопленных для работ по уборке урожая. Были созданы рабочие команды, каждая из которых состояла из 30 человек. Военное министерство предписывало комендатурам лагерей и рабочих команд обеспечить охрану военнопленных и систематически отчитываться перед министерством о привлечении пленных к работе [6].

В конце 1915 года в связи с отправкой на фронт огромного количества работоспособных немцев остро ощущалась нехватка рабочей силы на предприятиях, шахтах и в сельском хозяйстве. С этого периода наряду с военнопленными рядового состава к работе привлекаются также унтер-офицеры. Русские, румынские и сербские унтер-офицеры низшего чина подлежали трудовой повинности, а более высокие чины унтер-офицеров привлекались к работе на добровольной основе. Унтер-офицеры армий других стран Антанты полностью сохранили право добровольности трудоиспользования.

Однако наблюдалось дифференцированное отношение немецких властей к военнопленным разных национальностей. Российские немцы, литовцы, латыши и эстонцы выделялись из основной массы военнопленных. В марте 1915 года в Военном министерстве специально обсуждался вопрос о создании отдельного лагеря для российских военнопленных немецкой национальности и возможности предоставления льгот при их трудоиспользовании [7]. Российские немцы по распоряжению Военного министерства от 17 октября 1916 г. стали получать более высокую заработную плату. В сельском хозяйстве они получали в зимний период по 0,50 марок, летом – по 1 марке в день за выполнение работ в качестве ремесленника в деревне. Если они сами платили за проживание и питание, то их однодневные заработки составляли зимой 1,25 марок, летом – 1,50 марок. Кроме того, по распоряжению Военного министерства от 7 ноября 1916 г. военнопленным немцам, живущим не в лагере, разрешалось покупать гражданскую одежду, и они получали в день 80 марок за одежду и 30 марок за белье. Военнопленные русские и украинцы рядового состава за работу на шахтах получали в день 0,50 марок, а унтер-офицеры – 0,60 марок.

18 июня 1915 года Военное министерство сообщило рейхсканцлеру о том, что некоторая часть российских военнопленных немецкой национальности изъявили желание после окончания войны остаться в Германии, просило решить вопрос об их размещении, оставить ли их в тех же лагерях или собрать в отдельный лагерь. Министерство также напомнило, что в восточных провинциях Германии из-за призыва в армию большого количества людей крестьянское сословие сильно уменьшилось, поэтому там существует большой спрос на новых немецких поселенцев. Распоряжением от 8 марта 1917 года Военное министерство уполномочило «Союз немецких реэмигрантов» послать представителей в лагеря военнопленных, где они будут составлять списки российских военнопленных немецкой национальности для организации особых сборных лагерей, а также заниматься урегулированием условий труда и размера зарплаты работающих на разных предприятиях военнопленных немецкой национальности, создавать обстановку, облегчающую адаптацию российских немцев к условиям жизни в Германии. В письме Военного министерства от 27 марта 1917 г. содержится просьба к Министерству образования и духовных дел предписать церковным и школьным органам оказывать содействие работе представителей «Союза немецких реэмигрантов» по подготовке благоприятных условий устройства жизни российских немцев в Германии. 16 апреля 1917 года Имперское правительство направило соответствующее распоряжение правительствам Пруссии, Баварии, Саксонии, Вюртемберга и Эльзас-Лотарингии выявлять во всех лагерях, расположенных в этих землях, российских военнопленных немецкой национальности, которые желают остаться в Германии [8].

12 декабря 1915 года Балтийский доверенный совет в Берлине обратился с просьбой в Военное министерство Германии разрешить их сотрудникам оказывать содействие российским военнопленным балтийских национальностей, работающих на немецких предприятиях. После переговоров 15 января 1916 года Военное министерство удовлетворило просьбу Балтийского доверенного совета. 28 июля 1917 года Военное министерство издало распоряжение об особом размещении латышских, литовских и эстонских военнопленных [9].

Если военнопленные в первые месяцы войны столкнулись с острым ощущением тоски и безысходности, то по мере улучшения условий проживания и организации досуга начали адаптироваться к условиям жизни в лагерях. Администрации лагерей организовали курсы по изучению немецкого языка, где преподавали учителя, которые до войны подолгу жили и работали в России и других странах Антанты. К преподаванию допускались также и военнопленные – бывшие преподаватели и студенты, они с воодушевлением отнеслись к возможности применения своих профессиональных знаний. Учебные курсы не ограничивались изучением языков, в зависимости от особых потребностей проводились занятия также по математике, астрономии, бухгалтерскому учету, географии, истории, электричеству, сельскому хозяйству, юриспруденции, музыке. В Гётtingенском лагере из русских военнопленных был организован хор, музыкальное трио из балалайки, гитары и мандолины [10, с. 32-33]. Большинство лагерей имели библиотеки, в библиотеках некоторых больших лагерей создавались отдельные фонды французских, английских, немецких, фламандских и русских книг. В сборе литературы для лагерных библиотек оказывали большую помощь нейтральные

страны, Международный Комитет Красного Креста, Немецкое общество Красного Креста, Христианский союз молодежи и другие общественные организации.

Однако организация библиотеки, чтение лекций и докладов были вызваны не только заботой о досуге военнопленных, они служили основным целям Германской империи в мировой войне. Так, 18 июня 1915 года Военный комитет Нижней Саксонии писал в Отдел внутренних дел правительенного аппарата: «Наличие большого контингента русских пленных в Германии, количества которых достигло примерно миллиона, предоставляет нам возможность уже теперь использовать разнообразные пути подготовки благоприятной ситуации для усиления немецкого влияния в России. Среди пленных, кажется, находится значительное количество образованных и влиятельных людей, которые легко могли бы впасть под влияние высокого уровня немецкой культуры, индустрии и техники, и которые после возвращения на родину могли бы вести пропаганду немецких товаров. Чтобы приблизить осуществление этих соображений, мы очень просим по согласованию с Военным министерством организовать в лагерях русских военнопленных доклады и лекции, которые, ознакомив с экономическим потенциалом Германии, оказали бы влияние на реализацию цели превратить Россию после войны в емкий рынок сбыта для Германии» [11].

По положениям Гаагской конвенции 1907 года военнопленным предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов. 14 декабря 1914 года Военное министерство Германии издало распоряжение об учреждении вспомогательного комитета по организации духовной жизни военнопленных. Вспомогательный комитет должен был найти среди военнопленных, кто служил до войны в различных духовных учреждениях, людей, способных руководить религиозными обрядами в лагерях. Комитет делился на конфессиональные отделения, каждое отделение должно было действовать в среде своих единоверцев. В лагерях на 3 000 военнопленных приходилось по одному священнослужителю, поэтому по распоряжению Военного министерства военнопленным разрешалось исполнять службу духовника. Администрация лагеря должна была обращаться с военнопленными – священнослужителями так, как принято обращаться с пленными офицерами. Чтобы предотвратить нарушения прав военнопленных на сохранение своей веры и изъявление религиозных чувств, Военное министерство направило во все сборные штабы армейского корпуса распоряжение, где отмечалось: «Есть повод обратить внимание на то, что по отношению к военнопленным не допустимы попытки изменить их веру. Военное министерство просит по получению данного распоряжения не допускать впредь попыток такого характера и обращает на это внимание священнослужителей, которым поручено руководство отправлением религиозных обрядов, также и других людей, допущенных к распространению религиозных писем среди пленных» [5, с. 101].

Весной 1915 года вопрос о богослужении и отправления религиозных обрядов в лагерях, где содержались российские военнопленные, стал для Военного министерства сложной проблемой, так как военнопленные из России были представителями разных народов и различных вероисповеданий, они размещались в лагерях не по этническому происхождению, а по гражданству. Военнопленные-россияне размещались в 83 лагерях для рядового состава и 43 лагерях для офицеров [5, с. 12-25]. В лагеря, где в основном были сосредоточены русские военнопленные, посылались русские православные священники, сопровождаемые переводчиками, но они не могли оставаться в одном лагере на длительный срок. Правительство Испании по поручению правительства России 23 декабря 1915 г. обратилось в Министерство иностранных дел Германии разрешить передачу от Священного Синода освященные престольные реликвии русскому попу для использования в богослужении и причастиях в Майнцком лагере.

Чтобы обеспечить возможность совершения исламских религиозных ритуалов, решили собрать всех военнопленных мусульман из колоний стран Антанты в двух лагерях, расположенных у Бюнцдорфа и Цоссена, впоследствии этим двум лагерям дали общее название «мусульманский лагерь», в нем были сосредоточены более 100 тысяч военнопленных мусульман из колоний стран Антанты [12, с. 34]. Лагеря военнопленных мусульман в Германии посещали представители мусульманских народов России. Так, в июле 1918 года в лагере у Цоссена побывали вице-президент Мусульманского военного совета Осман Токумбет и член Центрального совета мусульман всей России Юсуф Музффар [13].

Заключение. В период Первой мировой войны все страны придерживались норм международного права относительно содержания военнопленных; были, конечно, нарушения отдельных статей Гаагской конвенции 1907 года, однако эти нарушения исходили из объективных причин, они не были связаны с общей направленностью внутренней политики воюющих государств.

Примечания:

1. Нагорная О.С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922). М., 2010.
2. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03, 07.00.02. М., 1997. 24 с.
3. Sergeev E. Kriegsgefangenschaft aus russischer Sicht. Russische Kriegsgefangene in Deutschland und im Habsburger Reich (1914-1918) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. Н. 1. С. 113-134.

4. Сенявская Е.С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник РУДН. Серия «История». 2013. №1. С. 64-83.
5. Kriegsgefangene Völker. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Hrsg. W. Doege. – Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1921. 249 s.
6. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112386, Bl. 58-60.
7. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112387, Bl. 248.
8. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112388, Bl.185-186.
9. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112388, Bl. 113.
10. Stange C. Das Gefangen-Lager in Göttingen. – Göttingen: Verlag Louis Hofer, 1915. 37 s.
11. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112387, Bl.77.
12. Mühlen P.v.z. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der Sowjetischen Orientvolker im Zweiten Weltkrieg. – Düsseldorf: Droste Verlag GmbH, 1971. 256 s.
13. Die Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik (BStU), RHE 28/88 SU, Bd. 1, Bl.106.

References:

1. Nagornaja O.S. Drugoi voennyj opit. Russkie voennoplennye Pervoj mirovoj vojni v Germanji (1914-1922). M., 2010.
2. Vasileva S.N. Voennoplennye Germanji, Avstro-Vengri i Rossji v gody pervoj mirovoj vojni: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03, 07.00.02. M., 1997. 24 c.
3. Sergeev E. Kriegsgefangenschaft aus russischer Sicht. Russische Kriegsgefangene in Deutschland und im Habsburger Reich (1914-1918) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. H. 1. S. 113-134.
4. Senjavskaja E.S. Polozhenie russkih voennoplennyh v gody Pervoj mirovoj vojni: ocherk povsednevnogo realnosti // Vestnik RUDN. Seria «Istoria». 2013. №1. С. 64-83.
5. Kriegsgefangene Völker. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Hrsg. W. Doege. – Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1921. 249 s.
6. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112386, Bl.58-60.
7. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112387, Bl.248.
8. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112388, Bl.185-186.
9. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112388, Bl.113.
10. Stange C. Das Gefangen-Lager in Göttingen. – Göttingen: Verlag Louis Hofer, 1915. 37 s.
11. Bundesarchiv (Berlin), R 1501/112387, Bl.77.
12. Mühlen P.v.z. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der Sowjetischen Orientvolker im Zweiten Weltkrieg. – Düsseldorf: Droste Verlag GmbH, 1971. 256 s.
13. Die Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik (BStU), RHE 28/88 SU, Bd. 1, Bl.106.

УДК 63.3(0)6

**Русские военнопленные Первой мировой войны
в немецких лагерях**

¹ Гульжаяхар Каженовна Кокебаева

² Ерке Тамабековна Картабаева

³ Нурзипа Кумешбаевна Алпысбаева

¹⁻³ Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан
050038 Алматы, пр.аль-Фараби, 71

¹ Доктор исторических наук, профессор
E-mail: kokebayeva@mail.ru

² Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: erke_66@mail.ru

³ Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nurzipakz@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема содержания русских военнопленных в лагерях Германии. Обращение немецких властей с военнопленными России в первые месяцы войны определялось «Положением о размещении военнопленных», утвержденным императором 11 августа 1914 г. Содержание этого документа в основном соответствовало Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Однако наблюдалось дифференцированное отношение немецких властей к военнопленным разных национальностей.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны; Гаагская конвенция; размещение; лагеря для военнопленных; Антанта; Центральные державы.

UDC 940.3

Correspondence between the Family Members as the Historical Source of the First World War

Svetlana A. Khubulova

North Ossetian state university of name K.L. Khetagurova, Russian Federation

Dr. (History), Professor

E-mail: hubul@yandex.ru

Abstract. The extracts from the personal correspondence of the career soldier of the Russian Army E.I. Denisov and his spouse E.I. Denisova-Gerlih are published for the first time. The information, obtained from the letters, enables to reconstruct some spheres of everyday life of the servicemen of the Russian Army and the wives of combatants, trace back the change of worldview attitudes, individual and social behavioral aspects of the population in the First World War.

Modern challenges allow us to raise new, unpublished data, analyze the problems beyond the research survey. Letters of the contemporaries contain the data, concerning new realities in Russian citizens' worldview formation in wartime. They enable to feel the war through people's impressions, to see the emotional experience of the ordinary person, to penetrate into his inner world with its worries, thoughts and emotions. Personal correspondence fills the gap in our knowledge of the changes in mass and personal strategy of survival. The letters reflect the full extent of the personal values of wartime period. The study of the wartime letters helps us to get the idea of contemporaries' inner world, understand the deep origins of selflessness, fortitude, mass heroism.

Keywords: war; family; fortitude.

Введение. История Первой мировой войны не получила достаточно полного освещения в отечественной историографии. Во многом это связано с ограниченной источниковой базой и устаревшей методологией исследования. Современные вызовы позволяют восполнить имеющиеся лакуны с помощью введения в научный оборот большого пласта разнообразных документов и материалов. Среди них можно отметить эго-документы (личная переписка, дневники), которые в новейшей историографии активно находят применение [1]. Личная переписка времен Первой мировой войны является ценным источником, обладающим значительным информационным потенциалом, тем более что эпистолярное наследие этого периода сохранилось в незначительном количестве.

Материалы и методы. В работе впервые вводятся в научный оборот эпистолярные источники периода Первой мировой войны из частной коллекции, обозначаются возможности его использования в плане обогащения исследований новыми фактами. Изучение фронтовых писем помогает восстановить многие аспекты военной повседневности, объективная и целостная картина которой возможна с помощью привлечения новых видов источников. Основными источниками для данной публикации стали письма супругов Денисовых. Штабс-капитан П.С. Денисов, потомственный военный, офицер-воспитатель Владикавказского кадетского корпуса, добровольцем ушел на войну, геройски сражался, получил несколько правительственные наград. Геройски погиб в боях на р. Пилице (Польша). Супруга, Е.И. Денисова – Герлих, проживала в г. Владикавказе. Полная переписка супругов Денисовых передана автору статьи внучкой Денисовых – Е.Х. Мельниченко.

В работе был использован принцип герменевтического анализа текста, предложенных И.Р. Гальпериным [2]. Кроме того, автор в основу публикации положил проблемно-хронологический метод, позволивший выявить специфику переписки в зависимости от времени их написания.

Обсуждение. Личные документы периода Первой мировой войны как исторический источник стали предметом изучения недавно [3]. Опираясь на корпус эпистолярных источников, ученые исследовали содержание фронтового письма как массового документа. Вместе с тем, эти работы написаны в духе господствовавших идеологем, цензурных ограничений [4]. В региональной историографии до сих пор не получила распространения эта разновидность источников.

Изучение имеющейся специальной литературы позволяет, с одной стороны, говорить о наличие закономерного и устойчивого интереса к объекту исследования, а с другой – выявить исследовательские лакуны в его изучении, прежде всего, на уровне регионального эпистолярного комплекса, а также в области компаративного источниковедческого синтеза.

Заключение. Завершая анализ личной переписки, отметим, что письма, с одной стороны, носят предельно субъективный, но, с другой стороны, имеют массовый характер. Мы пришли к выводу, что очевидная субъективность освещения событий может одновременно быть и достоинством писем, отражающим изменение в поведенческих практиках и мировоззрении человека военного времени, и их недостатком как документальных источников, где на пишущего оказывают определенное влияние разного рода факторы.

Примечания:

1. Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: по материалам Республики Татарстан. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Казань, 2009.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Злоказов Г.И. Солдатские письма с фронта в канун Октября. // Свободная мысль. 1996. №10. С. 37–46.
4. Локтева Н.А. О чём рассказывают письма с фронтов Первой мировой: (По документам Госархива Самарской области). // Эхо веков. 2005. № 1. С. 31–35.

УДК 940.3

Семейная переписка как исторический источник по Первой мировой войне

Светлана Алексеевна Хубурова

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Российская Федерация
доктор исторических наук, профессор
E-mail: hubul@yandex.ru

Аннотация. Впервые публикуются выдержки из личной переписки семьи кадрового офицера русской армии П.С. Денисова и его супруги Е.И. Денисовой-Герлих. Информация, полученная из писем, позволяет реконструировать некоторые сферы повседневного быта военнослужащих российской армии и жен комбатантов, проследить изменение мировоззренческих установок, индивидуальных и социальных поведенческих практик населения в годы Первой мировой войны.

Современные вызовы позволяют привлекать новые, ранее недоступные материалы, анализировать проблемы, которые были за пределами исследовательского поиска. Сведения о новых реалиях в формировании мироощущений россиян в условиях военного времени содержатся в письмах современников, которые дают возможность прочувствовать войну через ощущения людей, увидеть переживания простого человека, приоткрыть его внутренний мир с его переживаниями, мыслями, эмоциями. Личная переписка позволяет восполнить наши представления об изменениях в массовой и личной стратегии выживания. Именно в письмах с наибольшей полнотой и эмоциональным накалом отразились ценности людей фронтового периода. Изучение писем военного времени помогает составить представление о внутреннем мире современников, понять глубинные истоки самоотверженности, стойкости, массового героизма.

Ключевые слова: война; семья; мужество.

Вызовы истории способствовали тому, что в гуманитарной науке изменились методологические подходы, появилась возможность формирования новых направлений. Многие узловые проблемы отечественной истории также получили новое прочтение. Исследования по истории Первой войны долгое время не вписывались в традиционную историографию [1]. По сути дела, история войны была написана на основе официальных источников (отчеты, донесения, сводки и проч.). Однако в связи с развитием исторической науки в последние годы большое внимание стали уделять нетрадиционным нарративным источникам, полученным из воспоминаний рядовых участников, современников, а также эго-документов, к которым относится и личная переписка [2]. Источниковая база этих исследований предполагает существенное расширение привлекаемых материалов [3].

Личная переписка отвечает потребности исследователей перейти от изучения «великих людей и событий» к «истории снизу», подчеркивая тем самым ценность любого человека как субъекта истории. Историческая память отдельной личности, отдельной семьи, вписанная в локальную и глобальную историю, наполненная эмоциональностью (как положительной, так и отрицательной), повседневностью, мировоззрением, мотивацией и ценностными ориентирами, имеет огромное значение для понимания прошлого [4].

Интерес научного сообщества к изучению эго-документов обусловлен возможностями межпредметного подхода в процессе анализа и интерпретации материала. А для наиболее полной картины прошлого недостаточно основываться на знания только «официальной истории» [5].

Цель настоящей работы – воссоздать черты той эпохи, показать мир глазами современников, что даст возможность изучить те аспекты проблемы, которые оказались на периферии научного поиска. Для истории войн переписка современников является особо ценным и важным источником, позволяющим взглянуть на события сквозь завесу секретности, дезинформации и пропаганды.

В региональной историографии личная переписка как вид источников военной истории только создается, и еще мало привлекается в исследованиях.

В нашем распоряжении оказалось 250 писем с фронта и в действующую армию (август 1914 г. – февраль 1915 г.), адресатами которых были супруги П.С. и Е.И. Денисовы.

Петр Семенович Денисов (10 июля 1883 г. – 20 февраля 1915 г.) и вся его семья посвятили себя военному ремеслу. Сам он во Владикавказском кадетском корпусе служил офицером-воспитателем, в августе 1914 г. добровольцем ушел на войну. В декабре 1914 г. награжден орденом Св. Анны с надписью «За храбрость» 4-й степени. 5 марта 1915 г. убит в бою на р. Пилице (Польша), командовал ротой. Представлен к наградам: ордену Св. Владимира 4-й степени и ордену Св. Анны 2-й степени. Петр Семенович был женат на дочери коллежского советника Екатерине Ильиничне Герлих (16.01.1888 г. – 10.08.1974 г.), семья которой также верой и правдой служила Отечеству.

Письма Денисовых, несмотря на субъективность, заключают в себе много ценной и неопосредованной информации по различным сторонам военной жизни. Помимо разноплановых сведений о фронтовом быте или событиях в глубоком тылу (г. Владикавказ), письма содержат яркий рассказ очевидцев; мнение авторов о настроениях и отношении к войне на передовых позициях и в тылу.

1914 год
№1

19 августа

Екатерина – Петру

Как ты устраиваешься? Вчера видела Морозову. Она говорит, что каждое письмо из действующей армии проходит цензуру и если где-нибудь стоить упомянуть запрещенное, то его не пропустят. Я пишу на всякий случай, чтобы ты ничего не писал и письма твои не пропадали бы.

Сегодня в телеграмме было указано, что русские потерпели поражение, а где, неизвестно, и так тоскливо сделалось, что сейчас иду с Варей покупать карту.

№2

20 августа

Петр – Екатерине

Милые мои, родные Катеринка и Женя! Утром сегодня добрался до Варшавы, приехал в Английскую гостиницу, надел чистое белье, вымылся, напился чаю и отправился искать следы полка, был в комендатуре и в крепости, а также в двух госпиталях Красного Креста. Но ничего добиться не смог.

Думаю, с Божьей помощью доберусь как-нибудь. Узнал, что существует только часть полка, а то почти вся дивизия разбита (только это под секретом). Капитан Петро в и подпоручик Макарович убиты, но наши в большинстве живы. Теперь наши отступили и стоят где-то, но где, вот вопрос?! Знамя спасено. Говорят, от дивизии можно только полк набрать, и то с трудом.

В Варшаве жизнь кипит, как будто ничего и не происходит, нет никакой войны. Подвозят массу раненых, в институте, университете устраивают больницы.

Душой спокоен, вот только волнуюсь, как вы будете без денег.

Конца войны, кажется, модно не скоро ожидать, по ходу дела затянется, верно, эта история надолго.

№3

22 августа

Екатерина – Петру

Была вчера у гадалки-персиканки. Наговорила мне много, ничего плохого, говорит, что гадание вышло мне очень хорошее. Сказала, что у меня голова с пуд (т.е. много ума), что через месяц, т.е. в сентябре, закончатся неприятности. Говорит, что тебе три дороги, и мне предстоит длинная дорога, что ты получишь много денег и назначение.

№4

14 сентября

Петр – Екатерине

Милые мои, родные!

Пользуюсь случаем, что могу отправить через Варшаву и пишу вам побольше.

В бою еще не был ни разу, все только ходим, только недавно сформировались. Я командую 11-й ротой и у меня в роте 2 младших офицера, но только оба пропора. Наш полк пока придан к 24-й дивизии, не знаю надолго ли. Перед отъездом из Варшавы я все-таки нашел Иванова и зашел к нему. Представь себе, какой ужас узнал. Иван Алексеевич был призван формировать ратников и во время формирования застрелился.

Заказал себе сапоги, дал задаток, но взять не успел, т.к. полк экстренно выступил. Попробуй прислать мне посыпку 1000 папиросок и немного шоколаду, больше ничего не надо, ибо если пропадет, то не жалко. Едим пока хорошо, антрепренер есть с нами, а кроме того денщики готовят как только могут гусей, уток, кур, яичницу, какао и проч. Едим все время верхом.

№5

15 сентября

Екатерина – Петру

Голубчик мой дорогой! Что так тоскливо мне, что так тяжело? Здоров ли ты, родной? Как чувствуешь себя? Здоров ли? Был ли в бою?

Милый, мой золотой, скоро ли закончится эта война и аней и эта мука? Осточертело все убийственно, хоть вешайся! И ты тоже вчера прислал открытку и пишешь, что если у меня будет время, я написала письмо длинное. Я ведь и так если не каждый день, то через день пишу. Любишь ли ты свою мамку, не разлюбишь ли? Я так истосковалась по тебе!

Пиши, голубчик, чаще, как только будет время и побольше. Теперь говорят, немчура ослабла и можно больше писать. А ты на самой границе или в Германии уже? Штемпель на открытке был «Млава» (польский город – С.Х.), вот почему я заключаю, что вы мало продвинулись вперед.

Пиши, голубчик. Одна отрада – твои письма. Целуем крепко – я и дочка. Пойдем с ней опускать письмо.

№6

28 сентября

Екатерина – Петру

Мой милый, родной малечка! Здоров ли ты, голубчик? Что-то давно нет писем от тебя? Как чувствуешь себя, дорогуша?

Доченька наша Женя сегодня разбила свою тарелочку и горько заплакала, потом пришла ко мне и говорит: «Напишем сейчас же папочке, пусть он пришлет тарелочку». Я говорю, что он сейчас на войне, там нет тарелочек. Но она уверяет, что, может быть, папка услышит, она закричала: «Тарелки новые купи!». Воображаю, сколько радости было бы, если бы она получила тарелки. Женюська все вспоминает папку и говорит, скоро ли, мама, дорогой папа приедет? А уж как я жду этого! Господи, скоро ли закончится эта мука, скоро ли мы заживем вместе? По предсказанию г-жи Табе (pariжанка, которая предсказывает обыкновенно на весь год и уже не первый раз) война должна закончиться в октябре. Если бы это было так, сколько радости было бы повсюду, точно Святое Христово Воскресение было бы для всех. Малька, голубчик мой, ненаглядный мой, скоро ли мы будем вместе? Вчера заказала тебе бурочные сапоги по лакированным, чуть пошире сделают. Их в четверг обещали выслать. Лишь бы тебе тепло было, и ты не простудился, голубчик мой дорогой! Получил ли ты посылку, понравилась ли она тебе?

№7

5 октября

Екатерина – Петру

Как хочется о тебе знать все-все, и как горько, что почти ничего не знаю! Малечка, говори всегда молитву, это спасет тебя. Вообще, одна надежда на Господа!

Погода отвратительная, каждый день туман. Ах, малька, какой казус вышел с половчанами (Полоцкий кадетский корпус, переведенный во Владикавказский кадетский корпус – С.Х.). В воскресенье они взяли тройку (извозчика) и отправились втроем (офицер и двое в черных пальто) осматривать Грузинскую дорогу. Как долго они ехали, не знаю, но только они стали подниматься в горы, к ним подскочили казаки и потащили в Джараховское управление. Казаки вообразили, что арестованные – шпионы, т.к. в это время в горах не бывает посторонних. Если бы с ними был фотограф, их сразу же отправили бы в Тифлис, как шпионов, и Бог знает, что бы с ними сделали. Теперь у них будут хорошие впечатления о Грузинской дороге. А казаки молодцы, хорошо следят за дорогой.

№8

18 октября

Петр – Екатерине

Любимые Катюнечка и Женюрка! Не сердитесь на меня за то, что давно не писал. Не было возможности, вот уже с 26-го даже вздохнуть не было возможности. Бой под Гурой-Кальварией (польский город – С.Х.), потом к Варшаве пошли, сидели под огнем на позиции и вот теперь идем дальше, вслед отступающему немцу. Устал физически очень и нравственно массу перенес – очень тяжело, но надеюсь на Бога, что кончится это испытание тогда и отдохнем.

На позиции кашевар с кухней привез нам два десятка пирожных от Замадени, конечно, за наши деньги. Пока наши дела идут хорошо, что будет дальше, одному Богу известно. Надоели очень куры, гуси, индюки. Хочется котлеток, ватрушки или чего-нибудь в этом роде, да ничего не выходит, далеко бояться та, которая меня баловала. Думаю, тебе очень хочется меня побаловать, да нельзя.

Здоров, не считая лихорадки, которая частенько трясет, в особенности, по ночам, да если еще в окопах сидим. Нервничать стал, раньше куда спокойней и ровнее был, чем стал теперь? Бог даст, война благополучно закончится, отдохну, и нервы успокоятся. Если будет возможность, пришлите

мне, голубчики, еще 3 тыс. папирос, только получше упаковывай, а то будет жалко, если они в коробке рассыплются.

Пишу вас, сидя в избе, имея свободного времечка малость, и не знаю, когда смогу отправить, но я теперь этим не смущаюсь, пишу, когда есть время и ношу с собой, пока не подвернется оказия. Погодка наступила довольно холодная, настоящая осень. Сердце мое, на которое я жаловался, стало лучше работать, гораздо реже дает о себе знать.

Но теперь о болезнях не думаешь, оставаться бы в живых и это хорошо будет. Чего-то эта еще дрянь-турок вмешался, мало его били, еще верно захотелось попробовать нашего «чемоданчика» (это здесь называют снаряды нашей тяжелой артиллерии).

№9

28 октября
Петр – Екатерине

Милые мои и дорогие роднуськи Котик и Женюрка!

1-го октября, т.е. когда ты писала мне, как тяжело у тебя на душе, нелегко было и мне, как раз мы тогда были в Варшаве и ночью оттуда выступили. Поход был очень тяжелый, в 6 верстах от нас шла отчаянная стрельба и вообще получили полное боевое удовольствие. Настроение было тяжелое, это видно и тебе передалось. Относительно того, что большей частью пишу открытки, так это от того, что пишешь их на скорую руку, не имея времени, только чтобы написать, что здоров и успокоить вас, редко удается, так как теперь писать, всецело занятым письмом. Обыкновенно пишешь открытку под разговоры других и торопишься отправить. Что касается того, что деньги у тебя ждут меня, то это дело твое, я посылаю тебе и доченьке, что могу, а вы уже сами ими распоряжайтесь, чтобы хватало. Высыпать мне не надо, проживай, что имеешь и сладко, береги свое здоровье и Женюрку и этой ерундой не расстраивайся.

Хоть бы Бог дал нам елочку вместе отпраздновать. Ну, пока, до свиданья. Храни вас Бог, крепко-крепко вас обнимаю!

№10

3 ноября
Петр – Екатерине

Крепко-крепко вас обнимаю и целую! Получил в посылке сапоги, башлык, носки. Вы себе представить не можете, как все это во время пришло. Сапоги вот уже два дня как порвались и я только о том и думал, скоро ли получу бурочные и вдруг они тут как тут. Ночью в окопе было холодно, и я подумал о своем башлыке. А ты как будто подслушала и прислала.

Наступил кризис в папиросях у офицеров, о солдатах и говорить нечего. У них давно нет курева и достать трудно. Когда раздал им, сказал, что это гостицы от моего брата из Рыбинска, они были очень благодарны и радовались как маленькие дети. Котик, белья много присыпать не надо, заставлять Владимира таскать его на себе, совесть не позволяет.

Скучно без газет. Например, сегодня читал газеты от 18 сентября. Поэтому что на белом свете делается. По слухам, наш полк принимал участие в сражении, а мне не пришлось – проболтался в обозе, досадно страшно, что так вышло. Сейчас нахожусь с ротой в прикрытии. Встретился с одним артиллеристом, он совершил 20 вылазок под Тырдин. Ну, до свидания, напишу потом.

P.S. По газетам турок-то бьют и наши идут вперед, так что думаю у вас там спокойней.

№11

21 ноября
Екатерина – Петру

Мой голубчик, как ты? Боюсь, чтобы ты по ошибке в поисках полка, не попал бы в руки к немцам. Пришли телеграмму, чтобы я знала, что ты здоров.

В газетах было предсказание какой-то француженки, которая предвидела эту войну еще три года назад. Она предсказывает, что 4-го декабря в германии вспыхнет бунт против Вильгельма, а 12-го декабря будет заключен мир. Как хочется верить этому, родной! Ведь тогда мы елочку проведем вместе! Да, еще говорили, что 12-го декабря Вильгельм застрелится. Бог с ними, пусть лучше одного человека не станет, чем гибнет ради его фантазии столько людей.

№12

22 ноября
Петр – Екатерине

Давно не писал вам, все время маневрировали. А 21-го числа я, оборудовав сторожевое охранение у р. Варты, подал рапорт о болезни и отправился в обоз 2-го разряда, у меня сделался флюс, раздуло очень щеку, так что глаз почти закрыло. Завтра с утра думаю опять к роте вернуться. Сидеть здесь не хочу, боюсь, скажут, что удрал или лодырничаю.

Не уехал ли корпус из Владикавказа? Думаю, ты должна будешь последовать за ним. Но думаю, что не придется, Бог даст, с Турцией скоро покончим, и она не подумает даже внутрь Кавказа идти. Уже даже начинаешь подумывать, пусть бы скорее ранили, да домой отпустили.

Говорят, меня представили к Анне 4-й степени, а это дает право во всех институтах воспитывать Женьку на казенный счет.

№13

1 декабря

Петр – Екатерине

Уже с 24-го не писал вам, мои милые, да и что писать-то, когда знаешь, что при всем желании отправить никак нельзя письма.

С 24-го сидим на позиции в окопах, живу в землянке, немцы от нас шагах в 800-1000, тоже в окопах, целые дни идет легкая ружейная перестрелка. Один день немцы здорово (зачеркнуто – С.Х.) залпами «чемоданов» (это снаряды от тяжелых орудий), но, слава Богу, никакого ущерба роте они не принесли, разве что только разбили дом сзади нас и попортили плиту, пришлось ночьючинить, а то бы и супа сварить было бы негде.

Вчера часов в 10 вечера немцы ходили на нас в атаку, но наши «секреты» во время их заметили, осветили местность смоляными «быками» и встретили их сильным залповым, пулеметным и артиллерийским огнем, так что они и до половины не успели дойти, как пошли восвояси, т.е. сделали «цюрок», как у нас говорят. Думаю, нас скоро на позиции сменят, дадут малость отдохнуть, предполагаем 6-го, т.е. на полковой праздник будем где-нибудь в деревушке стоять. Во время атаки вчерашней ваш папка был молодцом, стоял за окопами и командовал всей ротой сам. Адъютант говорил, что меня за Лодзь представили к ордену Анны 3-й степени с мечами и бантом, это за прикрытие. Видишь, как хорошо служу, уже ко второму ордену представили. Первый был за Гуру-Кальварию.

Котик, я решил, если суждено мне оставаться живым, буду проситься в корпус, очень скучаю по корпусу, и гораздо больше меня прельщает служба там, чем в полку. Думаю, выхлопотать удастся как-нибудь.

№14

5 декабря

Екатерина – Петру

Хотела приложитьсь к Моздокской Божьей матери, но оказывается или ее нет здесь, или почему-либо нельзя. Собор был закрыт, и я не попала туда.

Вчера приезжал сюда Государь (Николай II был во Владикавказе проездом на Кавказский фронт – С.Х.). Приехал он в город в 10 часов утра, некоторые дамы ходили встречать в город, но я не пошла – трамвайное движение было остановлено, а мне с дочкой идти туда и обратно пешком тяжело. Все офицеры корпуса пошли к корпусу встречать Государя. На вокзале были выстроены все учебные заведения и стояли они там без конца. Мы стояли у второго флигеля, потому что он посещал раненых, с нами раненые помещаются в квартире Каландаришвили. Простояли мы часа 3, но наше терпение было вознаграждено: Он проехал совсем мимо нас, потом прошел совсем в шаге от нас, и опять проехал мимо, когда уезжал. 17 автомобилей сопровождали его.

Кадеты почти бежали с вокзала, что успеть Его встретить в корпусе и когда он уезжал, выстроились шпалерами. Некоторые дамы одели бальные платья и встречали Его в вестибюле, но таких было мало – человек 6.

Какое чудное впечатление оставил Он! Бесконечно добрые глаза и исстрадавшееся лицо. Какое-то благоговение чувствуешь к НЕМУ, когда видишь. Одет он был в черкеску черную и в черной папахе. Никакого шума не было, были только корпусные, значит, и толкучки не было. Кадет распустили до 10 декабря. Так что теперь гуляют во всю. Город весь во флагах был, и еще сегодня не сняли и вечером иллюминация.

№15

3 февраля

Петр – Екатерине

Милые, дорогие мои! Катюнчик, посылаю тебе приказ по полку о награждении меня Анной 4-й ст., спрячь этот приказ на всякий случай, он пригодиться может. Я принял свою роту, все идет хорошо и благополучно, сижу в резерве, на днях опять на позиции пойду. Все ходят слухи, что скоро будем наступать, дай-то Бог, чтобы это наступление было благополучно, скорее бы этого немца выгнать из России, надоел уж больно нам.

Вот и пост наступил, неужели и пасху нам придется проводить порознь? За что такое наказание нам послано??!

Катюнчик, ты и представить себе не можешь, какая тоска по вам одолела. Веришь, смотрю на ваши карточки и слезы катятся из глаз, конечно, это нервы, да, но... Авось Бог пошлет, если не конец, то хоть рану и я смогу с вами увидеться, только тем и живу и только жду того, что увижу вас.

У нас уже тоже начинается весна, сравнительно тепло, дожди идут иногда. Мы теперь стоим на отдыхе, дали 8 дней, а потом пойдем на позиции опять, говорят, это спокойная позиция – теперь там стоит гвардия и против нас больше австрийцев, чем немцев, думаю, легче будет. Вместо золотого оружия, кажется, дадут Владимира, но это еще точно неизвестно, во всяком случае пусть будет между нами, когда будет известно точно, тогда можно будет рассказать всем, а теперь – секрет.

№16

12 февраля

Петр – Екатерине

Милые мои, дорогие и родные! Вот уже вторые сутки кончаются, как стою на позиции. Отличнейшая позиция попалась, немцы в 2100-х и между позициями речонка-болотце, так что очень спокойно сидеть можно, давно не чувствовал себя так хорошо на позиции, как здесь. Письмо отправляю со своим конюхом, посылаю его в Варшаву, чтобы купил чего-нибудь в подарок моей Женюрке – новорожденной и конечно тебе.

Читал в газете о наших неуспехах в Восточной Пруссии и сердце дрогнуло, опять мерзавцы перехитрили. Когда уже мы их погоним, и когда будет конец той ужасной войны? Меня она уже подорвала в конец, еще один-два боя и больше не выдержу, нервы сильно расшатались, издергались здорово. Мне Георгиевский говорил, что мне легко воевать, потому что я романтик, а кто-то сказал, что мне легко, так как я твердо верю в судьбу и должен драться как лев. Я действительно верю в то, что если не судьба, то и не убют, а теперь еще прибавилась вера в то, что если ушел живым в тех сумасшедших боях, то Бог сохранит и дальше.

Вчера получил очень хорошие сведения о наших победах под Праснышем и стало на сердце лучше.

У нас была теплая и хорошая погода, а вчера и сегодня идет снег и стала форменная зима, ведь конец февраля!

Живем мы сейчас в хатке, с самого Рождества этого удовольствия не испытывали, даже дали кровать, хотя только остав, но все-таки кровать.

Слава Богу, жив-здоров, стою еще в полковом резерве, должно быть 20-го сменить позиции какого-либо батальона, но позиция тихая и спокойная, так что должно будет хорошо стоять. Это, конечно, если не будет каких-либо перемен, ибо теперь, кажется, событиядвигаются вперед чуть ли не ежечасно, жалко, что почты нет давно, да газеты давненько не читал.

Христос с вами, целую крепко!

№17

20 мая

Е.И. Денисовой – фельдшер 11-й роты А. Зеньков

Многоуважаемая Екатерина Ильинична! Осмеливаюсь сообщить Вам о геройской кончине дорогого Вашего супруга Петра Семеновича. С самого утра 20 февраля 1915 г. немец начал обстреливать наши резервные окопы. И вот в 11 часов прибыл наш любимый ротный командир и объявил нам, что дана боевая задача выбить немца из занятого им нашего окопа. «Я надеюсь, что с помощью Божьей мы с вами, братцы, эту задачу выполним. Ну, так с Богом, за мной!». И перекрестившись, все пошли на передовую позицию. Шли под сильным артиллерийским огнем, когда пришли на указанную позицию, то сейчас же заняли ее... Наше дело было трудное, но наш командир, раненый, кричал: «Братцы, не щади проклятого немца!». Но тут пришел приказ немедленно отступать, т.к. немцы двигались на нас колоннами.

Когда перешел перелесок, услышал голос нашего командира. Он кричал мне: «Зеньков, я ранен!» Когда я подошел, его вел под руку вестовой. Я предложил перевязать ему руку, он ответил: «Здесь нельзя. Вон немцы идут. Когда дойдем до наших окопов, там и перевяжешь».

Когда дошли до наших окопов, я хотел сделать перевязку, а командир говорит: «Эх, Зеньков, не надо и перевязки. Помираю я!». Потом сказал громко: «Прощай, Катя!». И вздохнул глубоко.

Да, Екатерина Ильинична, был герой, всегда шел впереди роты. Дай ему бог вечную память, герою, павшему в бою за веру, царя и Отечество!

Примечания:

1. Алексеев А. Россия в 1914–1915 годах: война на два фронта // Наука и жизнь. 2007. № 9. С. 38-45.
2. Миронов В.В. Военно-историческая антропология: ежегодник 2005/2006: актуальные проблемы изучения. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.
3. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
4. Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. 173 с.
5. Федорченко С.З. Народ на войне. М.: Лениздат, 1990. 340 с.

UDC 94/47

Urals during the First World War: Social and Cultural aspects

¹ Elena V. Alekseeva

² Elena Yu. Kazakova-Apkarimova

¹ Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Russian Federation
620990, Ekaterinburg, Sofia Kovalevskaya, 16

Dr. (History), Leading Researcher, Associate Professor
E-mail: alekseeva167@mail.ru

² Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Russian Federation
620990, Ekaterinburg, Sofia Kovalevskaya, 16

Dr. (History), Leading Researcher
E-mail: Apkarimova@mail.ru

Abstract. On the basis of archival sources, pre-revolutionary periodicals, folklore materials, memories, modern historiography and taking into account the relevant queries of the Russian society the authors analyze the impact of the First World War on the peripheral region of Russia – the Urals. The study is based on anthropologically oriented approach, which allows understanding various aspects of the social life in the rear during the war. Industrial contribution of the Urals to the defense of the country is well-known. The article is devoted to less explored issues: assessment of public sentiment and the level of self-organization, the features of social life in wartime, the role of the Russian Orthodox Church and the clergy in public life in the Ural cities, the role of public institutions and behavior of socio-professional groups. The authors conclude that, despite the Urals' remoteness from the battlefield, the First World War had a profound impact on the life of the region, which made a significant human, economic, and art contribution to the battle against the enemy.

Keywords: The First World War; the Urals; region; city; public life; patriotism; community organizations; municipal government; social groups; culture; intelligentsia.

Введение. Трудно переоценить значение Первой мировой войны для России. Она стала водоразделом, раскололшим нашу историю на две части. Последовавшие за войной октябрьская революция и гражданская война привели Российскую империю к гибели, перевернули частную и общественную жизнь, нравственные устои, экономику, культуру. Эти события с особым драматизмом сфокусировались на Урале: здесь летом 1918 г. был положен конец российской императорской фамилии Романовых.

Со времени начала войны прошло сто лет, но нет ни общепризнанных данных о человеческих и экономических потерях Российской империи, ни единых оценок случившегося. В России в этом году впервые 1 августа отмечается новый государственный праздник – День памяти воинов, погибших в Первой мировой войне. В связи с юбилейной датой в ряде городов России устанавливаются памятники ее героям.

Материалы и методы. Каким было население Урала накануне Первой мировой войны, как военные события повлияли на общественную жизнь региона, какой вклад он внес в обороноспособность страны, как война преломилась в народной памяти и творчестве уральцев? Ответы на эти вопросы даны в статье на основе архивных источников, дореволюционной периодики, фольклорных материалов, воспоминаний, достижений историографии. В основе исследования лежит антропологически ориентированный подход, который позволяет понять особенности общественной жизни в тылу во время войны.

Обсуждение. Из порядка 178 млн жителей Российской империи [1] на Урале накануне войны проживало около 13 млн. человек. Горожанами из них было 842 тыс. человек, или 6,3% [2]. Значительная часть трудоспособного мужского населения региона была мобилизована на фронт. В первый год войны с уральских заводов на фронт ушло 22,3% рабочих, из округов – 43,7% вспомогательных рабочих [3, с. 395]. Оренбургская губерния в ходе мобилизаций 1914–1917 гг. направила в действующую армию 11,7% населения, Уфимская – 10,6% [4, с. 205]. Мобилизация и отправка войск на театр военных действий проходила «в образцовом порядке», что современники расценивали как позитивный результат закрытия «по высочайшему повелению» торговли алкоголем. [5, с.567-568]. Сухой закон ударили по производителям крепких напитков и пива. Например, Екатеринбургская городская Дума после долгих препирательств с «пивной королевой» М.И. Гребеньковой (акционерное общество «Уральская Бавария») постановила – вылить в реку Исеть 35000 ведер пива, что и было исполнено [6, с. 53].

Война взбудоражила житейское море уральского города. В воспоминаниях Агриппины Григорьевны Коревановой именно таким шумным, людным, многоголосым предстает Екатеринбург первых дней войны:

«Как-то утром... я прибирала в комнатах и вдруг слышу на улице шум. А улица наша была тихая, безлюдная, редко увидишь пешехода. Я вышла за ворота взглянуть. Улица оказалась сплошь запруженной людьми, лошадьми и телегами. В телегах сидели люди, по пять-шесть человек в каждой. Одни низко опустили головы, другие уныло пели и безжалостно рвали гармонии. Рядом с телегами шли женщины, многие из них плакали и причитали как по покойнику.

Я спросила:

— Что случилось? Куда это едут?

— Война...

Мостовая не вмещала толпу. Люди заполнили тротуары, и уже трудно было разобрать, кто идет, кто едет. Со стороны казалось, что лошади, не будучи в силах пробиться через толпу, подминают под себя людей, а те кричат и плачут» [7, с. 582].

Умонастроения, присутствовавшие в обществе в этот период, отражены в фольклоре региона.

Ой, прощай, Карабаш,

Широкая улица,

На войну мой мил уехал,

Приезжать не суйся [8].

Уральцы в целом разделяли патриотический подъем начального периода войны. На Урале, как и по всей России, после публикации царского манифеста организовывались молебны о здравии императора и о даровании победы над врагом. Например, в Ирбите, по словам очевидца, «Во время молебна многие плакали. По окончании долгое «ура» и национальный гимн раздавались по всем улицам города». По его утверждению, многие молодые люди выражали желание поступить в ряды войск добровольцами, а многие дамы записывались сестрами милосердия. Между тем, крупные торговцы, учитывая сложившиеся условия, уже «накинули» цены на продукты первой необходимости: в частности, повысились цены на чай и сахар [9, с. 3]. Когда патриотический подъем стих, экономические проблемы только усугубились. Жители города, знаменитого на всю Россию своей ярмарочной торговлей, испытали деструктивное влияние военного времени. В январе 1915 г. очевидец отмечал «затишье» в отличие от предыдущих лет, когда в это время Ирбит уже настраивался на ярмарочный лад. «Приехали четыре-пять магазинов и приступили к разборке товаров среди обстановки, совершенно несоответствующей ярмарочному положению». Почти три четверти гостиного двора, - писал современник, - и большинство торговых корпусов заняты воинскими чинами и пленными австрийцами. Местные обыватели, конечно, в большом унынии» [10, с.4]. Было очевидно, что привоз европейских товаров на ирбитскую ярмарку значительно сократится.

В тыловой повседневности провинциального Урала в годы Первой мировой войны присутствовали лишения и ограничения военного времени, потоки беженцев, военнопленных (австрийцев, немцев, венгров), множество вдов и сирот, борьба с эпидемической опасностью. В конце 1915 г. вследствие отступления русских армий под напором немцев началось беженское движение: «гонимые ужасом пред надвигавшимся жестоким беспощадным врагом уроженцы западных губерний России разных национальностей, устремились на восток, вглубь России». В ноябре 1915 г. в Оренбурге насчитывалось более 14 тыс. беженцев (в том числе около 4 тыс. женщин и 5 тыс. детей), в Троицке — около 3 тыс., в Челябинске — около 2 тыс. человек [11, с. 338]. Всего к 1917 г. на территории всей России «рассеялось» около 850 тыс. человек. Положение беженцев было очень тяжелое [12, с. 1]. В помощь им создавались национальные комитеты, которые заботились о духовных и материальных нуждах «своих единоплеменников и единоверцев». Появились несколько национальных комитетов для помощи беженцам в Уфе. Требовалась помощь и русским беженцам. Их положение порождало мысль о национально-русском комитете помощи. Восточно-русское общество, начавшее свою деятельность в Уфе в мае 1916 г., создавалось для содействия развитию духовных и материальных сил русской народности в Восточной части России [12, с. 6-7]. Пример этого общества, ставшего, по словам современника, «плодом пробудившегося под влиянием текущей войны русского национального самосознания», свидетельствует об особенностях общественного сознания уральцев, важными компонентами которого являлись православие, национальная идентичность, гражданственность и патриотизм.

Количество военнопленных на территории Урала достигало 60 тыс. человек [13]. В 1915 г. военнопленные составляли до 17,4% общего числа работников, в 1916 г. их число возросло до 29,3%, а на отдельных предприятиях достигло 45,3%. К ноябрю 1917 г. на уральских заводских предприятиях было занято 20 794 пленных (12,2% общей численности рабочих), в горных предприятиях — 10 569 (25,2%), в лесных — 20 297 (36,1%) [14].

Уральцы, оставшиеся в тылу, работали на производстве, обеспечивая фронт снарядами и оружием. За годы Первой мировой войны уральскими казенными и частными предприятиями было выпущено около 9,1 млн. снарядов, более 1 млн. ед. холодного оружия и свыше 4,5 млн. ед. шанцевого инструмента. В период Первой мировой войны доля Урала в общероссийском производстве составляла: снарядной стали — 47%, проволоки — 21%, артиллерийских скорострельных орудий — 31%,

крепостных гаубиц – 67%, артиллерийских снарядов – 12,3%, винтовок – 43%, меди – 73%, серного колчедана – 90%. Масштаб уральского вклада в военное производство Российской империи и его рост иллюстрируется следующими цифрами: накануне войны уральские заводы производили около 15% от общероссийской военной продукции, к концу войны доля уральских предприятий в военном производстве России составила более 30% [15].

Война вносила свои корректизы в социально-экономическую жизнь уральских заводских поселений. Правление администрации по делам Сергинско-Уфалейских заводов предполагало в 1915 г. провести работы по переоборудованию Нижне-Уфалейского завода, планируя провести к нему железную дорогу от Верхне-Уфалейского завода. Однако было решено отложить намеченные преобразования вплоть до окончания войны [16, с. 5].

Остро стоял вопрос помочь семьям рабочих, кормильцы которых ушли на фронт. Для их обеспечения при Нижне-Рудянском заводе, например, был организован особый комитет, средства которого, помимо единовременных пожертвований, формировались из добровольных двухпроцентных отчислений рабочих от заработной платы, а служащих от получаемого ими жалованья [17, с. 4].

В чрезвычайных условиях военного времени трудно переоценить роль Русской Православной Церкви и духовенства. Священники совершали богослужения, участвовали в сборе пожертвований на нужды войны. Церковно-приходские попечительства Екатеринбурга оказывали помощь семьям воинов и беженцам: устраивались ясли, велось обследование материального положения прихожан, организовывалась помощь беженцам. В 1915 г. пособием,енным советом при Вознесенской церкви, воспользовалось 170 человек. В 1915 г. на пособия семьям воинов было израсходовано 1596 руб. 25 коп., 54 беженца получили жилье, 18 человек были приняты в качестве прислуки, 47 – рабочими и мастерами. В 1915 г. сумма пожертвований семьям воинов достигла почти 3 тыс. руб. [18, С. 50-51].

Попечительский совет при екатеринбургской Златоустовской церкви с 1 августа 1914 г. по 1 января 1916 г. собрал пожертвований на сумму 1 283 руб. При этом попечительском совете действовал дамский комитет, содержавший приют-ясли для детей лиц, призванных на войну. В среднем в месяц было зарегистрировано 500 посещений приюта-яслей. [18, С. 46].

Кроме благотворительности, пермское Свято-Троицкое церковно-приходское попечительство занималось регулярной организацией народных чтений. В 1914 г. состоялось 24 чтения, на которых присутствовало от 200 до 400 человек.

Проповеди священников военных лет носили патриотический характер, в них говорилось о том, что для России это война оборонительная, справедливая. А.Г. Коревановой запомнились слова архиерея, сказанные солдатам после молебна, организованного на Сенной площади Екатеринбурга: «Вражеская сила напала на нас, чтобы отнять нашу землю, разрушить наши дома, наши храмы и осквернить нашу святую православную веру! Но Господь справедлив и велик, Он не допустит такого поношения, а тем, кто умрет за нашу святую родину, за царя и веру православную, тем уготовает Он жизнь бесконечную и венцы нетленные в лоне Авраамовом». ...Поп кончил свою проповедь и взмахнул в воздухе большим серебряным распятием. Раздалась команда, солдаты надели фуражки. Взяли ружья на плечо и, построившись повзводно, ударили все враз ногами о землю. Заиграла медная музыка, публика тоже надела шапки и, как с похорон, стала расходиться. Лица у всех были угрюмые. Позже я узнала от одного раненого солдата, что этот полк прямо из вагонов попал в сражение, и в первый же день почти целиком был уничтожен немцами» [7, С. 585].

Отдельно следует сказать о многогранной роли интеллигенции в общественной жизни уральского города в годы Первой мировой войны. Культурно-просветительская работа интеллигенции заключалась, в частности, в чтении лекций, посвященных теме войны. Например, 3 января 1915 г. приват-доцент П.С. Коган в Общественном собрании Екатеринбурга прочитал лекцию «Война народов». Лектор осветил своеобразие исторического пути Германии накануне войны и сфокусировал внимание на феномене германского милитаризма. Ключевой идеей лекции являлась мысль о необходимости отстоять независимость России и не довести ее до «унизительного положения германской колонии» [19, с. 3]. Вторая лекция П.С. Когана, проведенная 4 января 1915 г. в Общественном собрании, посвящалась теме: «От Гете к Бисмарку». Автор провозглашал: «Мы воюем не с Германией Гете и Канта, а с Германией Бисмарка». В лекции анализировались особенности философии Макса Штирнера и Фридриха Ницше. [20, с. 3].

Культурно-просветительную работу в уральских городах во время войны вели различные общественные организации. Так, в программу лекций и народных чтений при Пермском научно-промышленном музее в 1915–1916 гг., входили разнообразные темы, посвященные истории европейских стран и европейскому влиянию на Россию, истории международных отношений, в том числе: «Немцы и Россия» (отношение к немцам выдающихся русских людей; Россия и славянство в представлении немецких ученых; немцы в художественной русской литературе; немецкое влияние в истории нашей интеллигенции; взаимоотношения России с Пруссией и Австрией в XVIII и XIX в.); пангерманизм и панславизм; характерные особенности немецкой, английской, французской, итальянской культуры; и т.д. [ГАПО (Государственный архив Пермской области. Ф. 680. Оп. 1. Д. 138. Л. 1–2].

Творческая интеллигенция организовывала различные культурные мероприятия (часто с благотворительными целями). Репертуар отвечал запросам времени: исполнялись былины и славянские народные песни. Отзвуком переживаемых событий было исполнение национальных гимнов — русского и союзных держав (сербского, английского и французского, Марсельезы). Гимны, по словам очевидца, слушались публикой стоя и сопровождались аплодисментами [21, с. 3].

Многочисленные благотворительные акции стали яркой чертой военного времени в уральском тылу. Например, на большом благотворительном концерте «Война и мир», прошедшем 19 января 1915 г. в новом городском театре Екатеринбурга, собирались средства на нужды местных лазаретов, закупку теплой одежды и белья для воинов на передовых позициях [22, с. 3].

Отношение россиян, уральцев к странам-участницам Первой мировой войны ярко предстает в аллегорической серии воюющих держав — цикле статуэток из полудрагоценных камней, созданных в мастерской замечательного живописца, ювелира, резчика по камню А. К. Денисова-Уральского в 1914—1916 гг. [23].

Его творение включило 12 аллегорий стран-участниц и три композиции: «Изгнание Германии», «Памятник Вильгельму», и «Апофеоз войны». В гротескной форме представлен «величайший злодей мировой истории», германский император Вильгельм, который «создал мировую катастрофу, не пожалев жизни миллионов своих подданных». Подножием памятнику Вильгельма, восседающего на разжиревшей свинье, скульптор сделал «мягкую» мраморную перину [23, с. 70].

В годы войны активно работали сословные (в частности, мещанские) самоуправляющиеся корпорации, проявлявшие заботу о социальной защите не только своих членов, но и жертвовавших посильные суммы союзникам. Так, Кунгурское мещанскоe общество 28 июля 1914 г. постановило выделить 1 тыс. рублей на выдачу пособий семьям призванных на войну нижних чинов из местных мещан. С аналогичной инициативой выступило и Екатеринбургское мещанскоe общество, ассигновавшее «500 руб. на военно-санитарные нужды в распоряжение Его Императорского Величества, 100 руб. правительству Бельгии, 100 руб. правительству Черногории, 100 руб. правительству Сербии, 25 руб. в распоряжение Императорского Российского пожарного общества также на нужды войны, 200 руб. в распоряжение екатеринбургского городского комитета для выдачи пособий семьям ушедших на войну, 300 руб. на содержание двух коек для раненых в екатеринбургском лазарете уральских горных заводов, 100 руб. на покупку чая, сахара и табака для действующей армии, 25 руб. на ясли для солдатских семейств в Екатеринбурге и 50 руб. на канцелярские, типографские и другие расходы» [ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 386. Оп.1. Д. 7. Л. 11—24 об., 60—60 об., 73, 152].

Идеями сострадания, милосердия и братской любви руководствовалась екатеринбургская общественность, создавая в городе кружок для сбора пожертвований в пользу пострадавшего от войны населения Черногории и Сербии. Членами кружка предполагалось устройство благотворительных концертов, спектаклей и вечеров [24, С. 3]. Уральские горожане обращалась с «братскими приветами» к странам-союзникам. Так, 17 августа 1914 г. губернатор Вятской губернии А.Г. Чернявский, возглавивший Общество помощи семьям запасных Вятской губернии, обратился к президенту Французской республики со следующими словами: «В минуты радости и горя французский народ был нам близким и родным. Теперь в борьбе с общим врагом мы породнились с ним совсем. Как родному, мы посылаем ему в лице Вашем наш привет, наше утешение, нашу братскую любовь. В своем влечении к нему мы не можем остановить обуревающий нас порыв запечатлеть это наше святое чувство просьбой принять от нашего общества помощи семьям призванных на войну скромную посильную помощь. Мы не богаты, но мы делимся насколько возможно. Цените нас не по сумме, посылаемой для семей ваших нуждающихся солдат, а по тому чувству, которым мы свой дар сопровождаем. Благоволите распределить по Вашему усмотрению пять тысяч франков, которые мы переводим по телеграфу. Благоволите принять и передать вашему благородному народу, вашей прекрасной Франции, также и нашу любовь, которой проникнуто каждое здесь слово. Да здравствует Франция! Да здравствует ее первый гражданин Господин Президент!» [25, С. 14]. Телеграмма французского посла в России Палеолога из Петрограда свидетельствует о том, что проникновенные слова и искренний порыв жителей Вятской губернии нашли сочувственный отклик в сердцах французов [29, С. 13-14].

К повседневным заботам городских дум и управ прибавились новые направления деятельности, обусловленные нуждами военного времени. Так, в бюджетах Перми, Екатеринбурга, Оренбурга появились новые расходы на расквартирование призванных на войну военнослужащих запаса, помочь их семьям, организацию санитарных отрядов для помощи и ухода за ранеными и больными воинами [26, С. 7-9].

Хотя проблема оптимизации расходной структуры городских бюджетов оставалась острой, городские власти старались находить средства на социальные нужды, вызванные войной. Например, на заседаниях Кунгурской городской думы в сентябре 1914 г. было принято решение о выделении сумм из городских капиталов на выдачу пособий семьям запасных военнослужащих, мобилизованных на фронт; о вступлении во всероссийский городской союз помощи больным воинам; об обложении владельцев недвижимости в пределах города в пользу Красного Креста. Гласные

решили вступить во Всероссийский городской союз помощи раненым воинам и внести в него 1 тыс. руб. и, кроме того, такую же сумму выделить местному лазарету Красного Креста [27, С. 4].

На съезде уральских городских голов (Екатеринбурга, Оханска, Верхотурья, Чердыни, Соликамска, Осы, Ирбита, Камышлова, Кунгура и Шадринска, Глазова и Сарапула) 28 августа 1914 г. было принято решение о создании подвижного госпиталя на 50–100 мест за счет средств городских бюджетов [ГАСО. Ф. 386. Оп.1. Д. 7. Л. 11–24 об., 60–60 об., 73, 152].

Тяготы войны испытывали все категории городского населения. Психологической реакцией общественности на войну стала ненависть ко всему немецкому, даже к историческим названиям. Еще в самом начале войны Санкт-Петербург был переименован в Петроград. В октябре 1914 г. возникла идея переименования Екатеринбурга. Эта инициатива исходила от Екатеринбургского мещанского общества, которое постановило «возбудить ходатайство о переименовании Екатеринбурга, присвоив ему название ЕкатериноУральска или какое-либо другое, но чисто русское». Эту мысль одобрили пермский губернатор и главный начальник Уральских горных заводов. В апреле 1915 г. этот вопрос был включен в повестку местной городской думы. Предлагались варианты: Екатериноград, Иседонск, Екатеринополь, Екатеринозаводск. Однако думцы единогласно приняли решение сохранить историческое название, «не дерзая посягнуть на название, данное императором Петром Великим». В декабре 1916 г. Пермская ученая архивная комиссия еще раз предлагала переименовать город, обращаясь с этим вопросом к главному начальнику Уральских горных заводов. Комиссия предлагала новые названия, «приличествующие русскому городу»: Екатеринозаводск, Екатериноситск, Екатериноугорск, Екатериноурал, Екатеринокаменск, Екатериногор, Екатеринобор. Однако свое первородное название город на Иsetи сменил только после революции 1917 г., и то далеко не сразу [28, С. 59–60].

Военное время наложило заметный отпечаток на внешний облик и быт Екатеринбурга. Член французской военной миссии в России лейтенант Пьер Паскаль, находившийся в Екатеринбурге в мае 1918 г., в своих дневниковых записях дал ему такую характеристику: «Город, в сущности, деревня. Несколько заводов. Много китайцев, солдат, рабочих. Никакой роскоши, буржуазии, ресторанов. Кинотеатры. ...Вот он порог Азии. Множество полурусских-полуазиатских физиономий. Залитая солнцем привокзальная площадь напоминает Самарканд». Из «признаков культуры» он отметил «в городе рабочие библиотеки, а на вокзале – вагон-библиотеку» [29]. Не прошло и года, но товарищ П. Паскаля по французской военной миссии, Альбер Грасье, также посетивший Екатеринбург, описывает его совсем по-другому. «Когда мы в середине марта вернулись после длительной прогулки по Уралу, Екатеринбург был еще в своих снежно-белых одеждах, именно в таком виде город мне казался наиболее красивым. Это действительно прекрасный и большой город... Екатеринбург – город императорский, и не только из-за трагических воспоминаний и патриархального дома, но еще в силу своей статности, которую придают ему все дворцы. Именно сверкающий во всем своем блеске стиль ампир этих царственны пышных домов придает Екатеринбургу столь особый отпечаток» [30].

По-своему реагировали на военное время женщины. Значительной части женского населения Урала был присущ высокий уровень гражданского самосознания, о чем, например, свидетельствует следующий призыв со страниц газеты «Голос Приуралья»: «...Армии нужны орудия, снаряды, ружья. Приготовить и отправить на фронт их можем и обязаны все мы, не тратя денег на предметы роскоши и прихоти и отдавая государству свои сбережения путем подписки на новый военный заем. Пора нам, женщинам, перестать быть «обывательницами» и сделаться гражданками в полном смысле этого слова!» [31, С. 3].

В годы войны социальная активность женщин заметно возросла особенно в сфере благотворительности. Екатеринбургский дамский кружок, открывшийся в октябре 1914 г., устраивал акции по сбору пожертвований, необходимых вещей для отправки на передовые позиции. В октябре 1914 – апреле 1916 г. в дамском кружке насчитывалось 64 женщины. За этот период сбор средств (собрали 26 443 руб.) и вещей (теплых жилетов, белья, сухарей, табака и других припасов) для русских воинов велся за счет лотерей, спектаклей, кружечных сборов и т. д.

С октября 1914 г. по апрель 1916 г. на фронт было отправлено семь вагонов с собранными вещами: 7 322 кальсон, 5 654 портнянок, 2 289 полотенец и простыней, 8 256 рубашек, 10 332 кисетов, 374 пуд. кренделей, 628 пар сапог. На фронт также доставлялись теплые жилеты, разные съестные припасы, сахар, чай, спички, носки. Часть подарков была приурочена к религиозным праздникам: к Пасхе (отправлялись куличи) и Рождеству [32, С. 3–12, 83–84].

Перипетии войны надолго сохранились в памяти жителей Урала. По воспоминаниям 65-летнего колхозника А.Л. Колясникова, записанным в 1952 г. в селе Байны, Богдановичского района, Свердловской области, он был мобилизован в 1916 г., и в составе двух отборных дивизий Русского экспедиционного корпуса был послан во Францию, испытывавшей недостаток солдат на фронте. Ветеран вспоминал, что русские солдаты были своего рода платой за поставку французских пушек: «Нам французы пушки давали, а с нас за это брали солдат. Каждый русский солдат в 17 сантимов обошёлся французам. А сантим-то меньше копейки!». После шести месяцев стояния против немцев в Шампани, солдаты узнали о революции в России и потребовали возвращения домой. Приехав во Францию как союзники, в семнадцатом году они оказались на положении военнопленных. Семь тысяч русских солдат «как бандиты» были отправлены в Африку, прожили там

«за проволокой» на тяжелых работах пять лет, пока их не вернули в Россию. «Долго пришлось пострадать нам у наших бывших союзников. Но всё же, в конце концов, родная советская власть выручила нас и вернула на Родину» [8].

Заключение. Таким образом, несмотря на то, что Урал находился за тысячи километров от мест боевых действий, Первая мировая война оказала глубокое воздействие на жизнь региона, а сам он внес существенный человеческий, экономический, творческий вклад в сражение с врагами. В годы войны Урал дал третью часть общероссийского военного производства. На его территории нашли убежище, материальную помощь и моральную поддержку тысячи переселенцев из западных губерний России. Как тыловой район принял Урал 60 тыс. пленных, чей труд активно использовался в различных отраслях промышленности.

Война нашла живейший отклик в народном сознании, отразилась в фольклоре, уральском камнерезном искусстве, внесла новые черты в общественную жизнь и повседневность уральского города. В эти кризисные годы заметно активизировались как традиционные социальные институты (Русская Православная Церковь и религиозные общественные организации, сословные корпорации), так и общественные организации нового типа, важными направлениями в работе которых стали социальная помощь и благотворительность. Показательна высокая эффективность городского самоуправления. На рубеже веков уральский город обладал значительным общественным потенциалом, который раскрылся в годы Первой мировой войны. Патриотические настроения и высокий уровень самоорганизации общества позволяли горожанам не только решать насущные жизненные проблемы, усугубленные тяжелыми условиями военного времени, но и поддерживать материально и морально тех, кто страдал от войны большего всего – солдат, раненых, переселенцев и беженцев.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3422.2014.6.

Примечания:

1. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. Санкт-Петербург. 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://istmat.info/node/167> (дата обращения: 19.03.14).
2. Алеврас Н.Н. Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов XVIII – начала XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). История. Выпуск 32. С. 33.
3. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: изд-во «Екатеринбург», 1998. 621 с.
4. Магомедов Р.Р., Шмакова Н.Н. Население южного Урала в начале первой мировой войны // Вестник ОГУ №5 (141)/май 2012. С. 203-207.
5. Оренбургские епархиальные ведомости. 1914. 27 сентября. № 36.
6. Акифьева Н.В. Питейная история Урала (XVII – начало XXI века). Серия "Очерки истории Урала". Вып. 44. Екатеринбург: БКИ, 2007.
7. Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев / под общей редакцией Г.П. Лобановой. Екатеринбург: музей истории Екатеринбурга, 2000. 608 с.
8. Бирюков В.П. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://urbibl.ru/knigi/birukov/8.htm> (дата обращения: 21.02.14).
9. Зауральский край. 1914. 29 июля. № 168.
10. Зауральский край. 1915. 23 января. № 18.
11. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.
12. Отчет о жизни и деятельности Восточно-русского культурно-просветительного Общества в г.Уфе за 1916 год. Уфа, 1917.
13. Павлова О.В. Миграции населения на Урале в 1914-1939 гг. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. к.и.н. Екатеринбург, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: Диссертации по гуманитарным наукам - <http://cheloveknauka.com/migratsii-naseleniya-na-urale-v-1914-1939-gg#ixzz2vpd2YuRX> (дата обращения: 15.01.14).
14. Суржикова Н.В. Военнопленные в экономике Среднего Урала (1914-1917). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://refdb.ru/look/2937302.html> (дата обращения: 29.01.14).
15. Жук А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны, 1914-1918 гг. Автореф. дисс... к.и.н. Екатеринбург, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://cheloveknauka.com/voennaya-promyshlennost-urala-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 29.01.14).
16. Зауральский край. 1915. 30 января. № 24.
17. Зауральский край. 1915. 3 апреля. № 73.
18. Гавриленко Н.М. Екатеринбургской городской думе доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1916.
19. Зауральский край. 1915. 6 января. № 4.
20. Зауральский край. 1915. 8 января. № 5.
21. Зауральский край. 1914. 30 июля. № 169.

22. Зауральский край. 1915. 4 января. № 3.
23. «...Более, чем художник...». К 150-летию со дня рождения Алексея Козьмича Денисова-Уральского. Научный каталог выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. Автор текста и составитель Л.А. Будрина. Екатеринбург, 2014. 83 с.
24. Зауральский край. 1915. 24 января. № 19.
25. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1915 год. Вятка, б.г. 593 с.
26. Апкаимова Е.Ю. Городское общественное управление в годы Первой мировой войны // Вторые Урал. воен.-ист. чтения: материалы регионал. науч. конф. Екатеринбург, 2000.
27. Зауральский край. 1914. 23 сентября. № 212.
28. Попов Н.Н. О переименовании Екатеринбурга, его улиц и площадей // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9.
29. Пьер Паскаль. Страницы из «Русского дневника» / Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Вестник Уральского Отделения РАН. 2011. № 1 (35). С.98. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.iie-uran.ru/doc/35/87-102.pdf> (дата обращения: 12.03.14).
30. Альбер Грасье. Отрывки из неизданного дневника «Сибирь. 1919»/ Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Вестник Уральского Отделения РАН. 2011. № 1 (35). С. 102. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.iie-uran.ru/doc/35/87-102.pdf> (дата обращения: 12.03.14).
31. Голос Приуралья. 1916. 5 апреля. № 74.
32. Очерк о деятельности Екатеринбургского дамского кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции, за время с 5 октября 1914 года по 25 апреля 1916 года. Екатеринбург, 1916.

References:

1. Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravochnik. Sankt-Peterburg. 1995. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://istmat.info/node/167> (data obrashcheniya: 19.03.14).
2. Alevras N.N. Spetsifika provintsial'nogo sotsiuma dorevolyutsionnogo Urala v rakurse sotsiokul'turnykh protsessov XVIII – nachalo XX veka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 16 (154). Istorija. Vypusk 32. S.33.
3. Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya. Ekaterinburg: izd-vo «Ekaterinburg», 1998. 621 s.
4. Magomedov R.R., Shmakova N.N. Naselenie yuzhnogo Urala v nachale pervoi mirovoi voiny // Vestnik OGU №5 (141)/mai 2012. S. 203-207.
5. Orenburgskie eparkhial'nye vedomosti. 1914. 27 sentyabrya. № 36.
6. Akif'eva N.V. Piteinaya istoriya Urala (XVII – nachalo XXI veka). Seriya "Ocherki istorii Urala". Vyp. 44. Ekaterinburg: BKI, 2007.
7. Zlokazov L.D., Semenov V.B. Staryi Ekaterinburg: gorod glazami ochevidtsev / pod obshchey redaktsii G.P. Lobanovoi. Ekaterinburg: muzei istorii Ekaterinburga, 2000. 608 c.
8. Biryukov V.P. Ural v ego zhivom slove. Sverdlovsk, 1953. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://urbibl.ru/knigi/birukov/8.htm> (data obrashcheniya: 21.02.14).
9. Zaural'skii krai. 1914. 29 iyulya. № 168.
10. Zaural'skii krai. 1915. 23 yanvarya. № 18.
11. Gubernatory Orenburgskogo kraya. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1999. 400 c.
12. Otchet o zhizni i deyatel'nosti Vostochno-russkogo kul'turno-prosvetitel'nogo Obshchestva v g. Ufe za 1916 god. Ufa, 1917.
13. Pavlova O.V. Migratsii naseleniya na Urale v 1914-1939 gg. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uch. st. k.i.n. Ekaterinburg, 2004. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: Dissertatsii po gumanitarnym naukam - <http://cheloveknauka.com/migratsii-naseleniya-na-urale-v-1914-1939-gg#ixzz2vpd2YuRX> (data obrashcheniya: 15.01.14).
14. Surzhikova N.V. Voennoplennye v ekonomike Srednego Urala (1914-1917). [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://refdb.ru/look/2937302.html> (data obrashcheniya: 29.01.14).
15. Zhuk A.V. Voennaya promyshlennost' Urala v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914-1918 gg. Avtoref. diss... k.i.n. Ekaterinburg, 2000. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://cheloveknauka.com/voennaya-promyshlennost-urala-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny> (data obrashcheniya: 29.01.14).
16. Zaural'skii krai. 1915. 30 yanvarya. № 24.
17. Zaural'skii krai. 1915. 3 aprelya. № 73.
18. Gavrilenko N.M. Ekaterinburgskoi gorodskoi dume doklad o reorganizatsii dela prizreniya bednykh v g. Ekaterinburge. Ekaterinburg, 1916.
19. Zaural'skii krai. 1915. 6 yanvarya. № 4.
20. Zaural'skii krai. 1915. 8 yanvarya. № 5.
21. Zaural'skii krai. 1914. 30 iyulya. № 169.
22. Zaural'skii krai. 1915. 4 yanvarya. № 3.

-
23. «...Bolee, chem khudozhnik...». K 150-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseya Koz'micha Denisova-Ural'skogo. Nauchnyi katalog vystavki v Ekaterinburgskom muzee izobrazitel'nykh iskusstv. Avtor teksta i sostavitel' L.A. Budrina. Ekaterinburg, 2014. 83 c.
24. Zaural'skii krai. 1915. 24 yanvarya. № 19.
25. Pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii i kalendar' na 1915 god. Vyatka, b.g. 593 c.
26. Apkarimova E.Yu. Gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v gody Pervoi mirovoi voiny // Vtorye Ural. voen.-ist. chteniya: materialy regional. nauch. konf. Ekaterinburg, 2000.
27. Zaural'skii krai. 1914. 23 sentyabrya. № 212.
28. Popov N.N. O pereimenovanii Ekaterinburga, ego ulits i ploshchadei // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 1998. № 9.
29. P'er Paskal'. Stranitsy iz «Russkogo dnevnika» / Danilova O.S., Kraeva T.V. Frantsuzskaya voennaya missiya v Rossii (1916–1919) i vospominaniya ee sotrudnikov o prebyvanii na Urale // Vestnik Ural'skogo Otdeleniya RAN. 2011. № 1 (35). S.98. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.iie-uran.ru/doc/35/87-102.pdf> (data obrashcheniya: 12.03.14).
30. Al'ber Gras'e. Otryvki iz neizdannogo dnevnika «Sibir'. 1919»/ Danilova O.S., Kraeva T.V. Frantsuzskaya voennaya missiya v Rossii (1916–1919) i vospominaniya ee sotrudnikov o prebyvanii na Urale // Vestnik Ural'skogo Otdeleniya RAN. 2011. № 1 (35). S.102. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.iie-uran.ru/doc/35/87-102.pdf> (data obrashcheniya: 12.03.14).
31. Golos Priural'ya. 1916. 5 aprelya. № 74.
32. Ocherk o deyatel'nosti Ekaterinburgskogo damskogo kruzhka po sboru pozhertvovanii dlya otpravki na peredovye pozitsii, za vremya s 5 oktyabrya 1914 goda po 25 aprelya 1916 goda. Ekaterinburg, 1916.

УДК 94/47

Урал в годы Первой мировой войны: социокультурный аспект

¹ Елена Вениаминовна Алексеева

² Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова

¹ Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация

620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент

E-mail: alekseeva167@mail.ru

² Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация

620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: apkarimova@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных источников, дореволюционной периодики, фольклорных материалов, воспоминаний, достижений историографии и с учетом актуальных запросов современного российского общества анализируется влияние Первой мировой войны на периферийный регион России – Урал. В основе исследования лежит антропологически ориентированный подход, который позволяет понять особенности общественной жизни в тылу во время войны. Известен промышленный вклад Урала в оборону страны. Статья преимущественно посвящена менее исследованным в историографии проблемам: оценке общественных настроений и уровня самоорганизации граждан, особенностей общественной жизни в военное время, роли Русской Православной Церкви и духовенства в общественной жизни уральских городов, значимости общественных институтов и поведению отдельных социально-профессиональных групп. Аргументируется вывод о том, что, несмотря на удаленность Урала за тысячи километров от мест боевых действий, Первая мировая война оказала глубокое воздействие на жизнь региона, а сам он внес существенный человеческий, экономический, творческий вклад в сражение с врагами.

Ключевые слова: Первая мировая война; Урал; регион; город; общественная жизнь; патриотизм; общественные организации; городское самоуправление; сословные общества; культура; интеллигенция.

UDC 93/94

Some Aspects of the Russian Cossacks' Participation in the First World War

Vladimir P. Trut

Southern Federal University, Russian Federation
346780, Rostov Region, Azov, Izmaylova st., 55, apt. 16
Dr. (History), Professor
E-mail: trut.vladimir@rambler.ru

Abstract. The article, basing on the analysis of different source and historiographic data, considers some important aspects of the participation of Russia's Cossack troops in the First World War. The scale of the Cossacks mobilization is shown, the data, concerning the amount of Cossack units are presented. The issues, concerning the Cossacks' participation in the most important battles are highlighted. The fortitude and heroism, displayed by them in wartime are analyzed. The data, concerning the number of St. George awards, awarded to the Cossacks and their battle honors are revealed.

Keywords: the First World War; the Cossacks; Cossack units; Cossack Cavalry; heroism; fortitude; military duty.

Введение. 17 июля 1914 г. в стране была объявлена мобилизация. 19 июля Германия объявила России войну. Вскоре в войну вступили и остальные участники противостоящих друг другу коалиций – австро-германской и Антанты, а позже и их стратегические союзники. Так в казачьи курени поступалась война, названная потом и «Великой», и даже «Второй Отечественной», а еще позже осуждающе-пренебрежительно «империалистической» и «грабительской», в обыденном же сознании простых людей она получила незамысловатое наименование «Германской». В прошлом участие России в одной из самых больших, страшных и кровопролитных войн во всей истории человечества – Первой мировой – либо всячески замалчивалось и обходилось, либо отмечалось вскользь и поверхностно. Не вдаваясь в необходимую всестороннюю характеристику сущности Первой мировой войны и характера участия в ней России, можно отметить, что так или иначе, но миллионы простых русских людей, в том числе и сотни тысяч казаков, в ее ходе сражались, прежде всего, за свое Отечество и его интересы. И в этом их несомненная заслуга перед Россией и всеми последующими поколениями россиян.

Материалы и методы. В статье использованы опубликованные и архивные документы и материалы по рассматриваемой теме. Привлечены разнообразные материалы отечественной историографии по данной проблеме. В работе использован многофакторный подход, историко-системный метод, позволяющий изучать объект исследования путём выделения его отдельных структурных элементов, их прямых и опосредованных функций, их связи между собой и с целым, научно-критический анализ.

Обсуждение. Тема участия казачества всех казачьих войск страны в Первой мировой войне в историографии исследована крайне недостаточно. Это обусловлено весьма значительными трудностями, вытекающими как из масштабности и сложности самой научной проблемы, так и отсутствием необходимых методологических, источниковедческих и собственно историографических наработок по её изучению. Впервые вопросы участия казаков всех войск в войне рассмотрел в своих работах Г.Л. Воскобойников [1]. Позднее к данной проблеме обратился В.П. Трут [2]. И если в последнее время исследователями внесён немалый вклад в изучение участия в Первой мировой войне по отдельности кубанского, донского, забайкальского, оренбургского казачества, то новых научных монографических исследований, посвящённых изучению участия в войне казаков всех казачьих войск России, в историографии вплоть до настоящего времени так и не представлено.

Результаты. В 1914 г. до объявления мобилизации в русской армии всего находилось 54 казачьих полка, 6 пластунских (пеших) казачьих батальонов, 3 казачьих конных дивизиона (из них два отдельных), 23 казачьи батареи, 11 отдельных казачьих сотен, а также «Собственный Его Императорского Величества конвой». Всего в этих частях и подразделениях числилось 68,5 тысяч казаков [3]. После объявления мобилизации в армию были призваны казаки второй и третьей очередей строевого разряда. Характерно, что согласно разработанному и существовавшему еще в мирное время мобилизационному плану в случае начала крупномасштабных военных действий мобилизации подлежало до 12,5% всего взрослого казачьего мужского населения [4]. (Для сравнения можно отметить, что процентная норма мобилизации неказачьего населения страны составляла 4,2%) [5].

В первый месяц войны хорошо себя зарекомендовали даже целые казачьи соединения. Так, 4 августа 5-я кавалерийская дивизия австро-венгерской армии, конница которой военными специалистами всех стран справедливо считалась одной из лучших, перешла границу и углубилась в пределы русской территории. Однако в тот же день в ходе ожесточенного кавалерийского боя под

Городком она была остановлена и разбита 2-й Сводно-Казачьей дивизией, а ночью совершенно разгромлена у Сатанова [6]. 8 августа 10-я кавалерийская дивизия под командованием графа Ф.А. Келлера в знаменитом встречном конном бою у Ярославице наголову разгромила считавшихся лучшими в австро-венгерской армии «белых драгун» 4-й кавалерийской дивизии. В этом бою, определяемом исследователями как самом большом кавалерийском столкновении всей 1-й мировой войны, отличились казаки 1-го Оренбургского казачьего полка [7].

После вступления в октябре 1914 г. в войну Турции на стороне австро-германской коалиции в русской армии был образован новый Кавказский фронт. На него в спешном порядке были направлены кубанские, терские конные и пластунские казачьи части, а также полки и батареи оренбургских и сибирских казаков. И уже вскоре они громко заявили о себе в ходе упорных боев под Сонамаром, Хоросаном и особенно хорошо проявили свои лучшие боевые качества во время сражения под городом Саракамышем. С наилучшей стороны в этом сражении и последующем контрнаступлении показали себя казаки 1-го и 2-го Сибирских казачьих полков, 2-й Оренбургской казачьей батареи, 2-й Кубанской пластунской бригады (7-й и 12-й пластунские батальоны, 1-й Лабинский казачий полк, 5-я Кубанская казачья батарея, сотня 3-го Кавказского полка), 3-го, 4-го и 6-го батальонов 1-й Кубанской пластунской бригады. За проявленные отличия эти казачьи части получили в награду почетных шефов из числа членов императорской семьи. Хорошо действовали в это время и кубанские казаки 1-го Уманского казачьего полка 1-й Кавказской казачьей дивизии [8].

К концу 1914 г. в действующей армии находилось свыше 180 тысяч казаков и 4 тысячи казачьих офицеров. К этому времени было мобилизовано более половины всех казаков призывающего возраста.

В тяжёлых и кровопролитных сражениях 1915 г. казачьи полки и дивизии бросались на самые ответственные и опасные участки. Так, на Северо-Западном фронте в феврале 1915 г. 27-й, 28-й и 29-й Донские казачьи полки 5-й Донской казачьей дивизии и 1-й Верхнеудинский казачий полк 1-й Забайкальской казачьей бригады решительной атакой отбросили войска противника, вклинившиеся в расположение русских позиций на стыке 5-й и 6-й армий и создавшие реальную угрозу их флангам. В мае-июне на этом же фронте неоднократно отличались забайкальские казаки 1-го Нерчинского и уссурийские казаки Уссурийского казачьих полков Уссурийской конной бригады. В ходе непрерывных боев эти полки потеряли около 70% своего личного состава убитыми и ранеными, но продолжали стойко сражаться и исполняли все приказы командования. 1 июня забайкальцы и уссурийцы в кровопролитном бою у местечка Попельяны нанесли поражение противнику. За проявленные мужество и геройство большая группа казаков и офицеров 1-го Нерчинского и Уссурийского казачьих полков была награждена орденами и медалями. А умелые действия и личная храбрость командира Уссурийской конной бригады генерал-майора А.М. Крымова были отмечены орденом Св. Георгия IV степени [9].

Второй год войны потребовал от казачества нового напряжения сил. В казачьих областях прошли очередные массовые мобилизации. К концу 1915 года непосредственно в действующей армии на фронте находилось уже 292 тысячи казаков [10]. Всего же к этому времени на военную службу было призвано свыше 8 тысяч казачьих офицеров и 327 тысяч рядовых казаков. Из них было сформировано 163 казачьих полка¹, 28 пластунских батальонов², 3 казачьих конных дивизиона, более 50 казачьих артиллерийских батарей, значительное количество отдельных³ и особых сотен⁴, а также конвойных полусотен⁵.

Весной 1916 г. небольшой отряд кубанских казаков совершил беспримерный рейд по вражеским тылам, вошедший яркой страницей в историю войны. 27 апреля 1-я сотня 1-го Уманского казачьего полка под командованием сотника В.Д. Гамалия по приказу командира Экспедиционного корпуса генерал-лейтенанта Баратова выступила из Майдешта в районе Керманшаха на соединение с

¹ Казачьи полки 6, 5 и 4-сотенного состава. Из 163 казачьих полков, находившихся в армии к концу 1915 г., 148 полков было 6 сотенного состава, 8 полков – 5-сотенного состава и 7 полков 4-сотенного состава. В шестисотенном казачьем полку по штату полагалось 750 нижних чинов (казаков и приказных), 117 унтер-офицеров (младших и старших урядников, вахмистров), 23 офицера (подхорунжих, хорунжих, подъесаулов, есаулов, войсковых старшин и полковников) - В. Т.

² Пластунские (пешие) казачьи батальоны формировались только в Кубанском, Донском и Терском казачьих Войсках. Из 28 пластунских батальонов было 22 Кубанских, 2 Донских и 2 Терских. В 1916 г. Формируются еще 2 Донских пластунских батальона. По штатному расписанию в пластунском батальоне полагалось 858 рядовых и унтер-офицеров и 22 офицера. В период войны формировались батальоны усиленного состава средней численностью 940-960 казаков и офицеров. Некоторые из них, как, например, 3-й Донской, достигали численности в 1030 человек. - В. Т.

³ Отдельные сотни – строевые казачьи части сотенного состава, не входившие в полковые части и действовавшие как самостоятельные подразделения. В мирное время формировались для несения службы на территории своего Войска. В годы Первой мировой войны отдельные сотни направлялись в армию для несения тыловой службы, а также командировались на фронт для охраны и обслуживания штабов. По штату в отдельной сотне полагалось 144 рядовых и унтер-офицеров и 4 офицера (включая командира сотни). - В. Т.

⁴ Особые сотни - отдельные строевые казачьи части сотенного состава, формировавшиеся во время Первой мировой войны из казаков старших призывающих возрастов (третьей очереди строевого и частично даже запасного разряда) для охраны и обслуживания штабов, почты, связи, конвоев.

⁵ Конвойные полусотни - отдельные казачьи подразделения, выполнявшие те же функции, что и сотни, но состоявшие не из 4-х, а из 2-х взводов. - В. Т.

находившимися на р. Тигр на Багдадском направлении английскими частями. Пройдя по турецким тылам 300 верст, 9 мая казаки прибыли в Ставку командующего английским Экспедиционным корпусом в Месопотамии [11]. Успех этого похода в определенной степени сказался, видимо, на принятии русским командованием плана переброски в Месопотамию на соединение с союзниками Кавказской кавалерийской дивизии, развернутой для этого в Кавказский кавалерийский корпус [12]. (Осуществлению этого весьма рискованного мероприятия помешало окончание войны). И хотя данный рейд имел больше показательное, чем военное, значение, его осуществление, по свидетельствам современников, сыграло очень важную политическую, морально-психологическую и пропагандистскую роль.

Казачьи соединения принимали активное участие в известном крупномасштабном наступлении Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. В его составе находились 2-я Сводно-Казачья, 1-я и 6-я Донские, 1-я Терская, 3-я Кавказская казачьи дивизии, отдельные казачьи полки, приданые пехотным соединениям и входившие в состав кавалерийских дивизий регулярной конницы. Всего на фронте было сосредоточено 40 казачьих полков. И если в первые дни наступления, начавшегося 22 мая, действия входивших в 4-й кавалерийский корпус 8-й армии генерала А.М. Каледина 2-й Сводно-Казачьей и 3-й Кавказской казачьих дивизий не увенчались успехом, то атаки 1-й Донской и 1-й Терской казачьих дивизий 3-го кавалерийского корпуса 9-й армии генерала П.А. Лечинского оказались очень удачными. Казаки этих дивизий существенно расширили прорыв вражеской обороны и, развивая наступление, начали преследование отступавшего неприятеля. Позже на Юго-Западный фронт, в составе переданной ему 3-й армии генерала Л.П. Леша, были переброшены 5-я Донская, 1-я Кубанская и Забайкальская казачьи дивизии [13]. В боях у Гниловод 2–4 июня особо отличился 1-й Уральский казачий полк. Только во время конной атаки полка во главе с его командиром полковником М.Н. Бородиным 2 июня было взято в плен 24 офицера и около 1500 солдат противника, захвачено 3 орудия и 2 пулемета [14].

По нашему мнению, к началу 1917 г. в армии находилось ровно 164 конных казачьих полка [15], в том числе Лейб-гвардейские (после Февральской революции – просто гвардейские) Казачий, Атаманский, Сводно-Казачий (в него входили Оренбургская и Уральская гвардейские конные сотни, Забайкальская и Сибирская гвардейские конные полусотни, Амурский, Астраханский, Семиреченский и Уссурийский гвардейские конные взводы), 3 казачьих отдельных конных и 1 казачий отдельный пеший дивизионы, казачий «Собственный Его императорского Величества» конвой (в апреле 1917 г. из входивших в него 1-й и 2-й Лейб-гвардии Кубанских и 3-й и 4-й Лейб-гвардии Терских казачьих сотен были образованы отдельный гвардейский Кубанский конный казачий и гвардейский Терский конный казачий дивизионы), 30 пластунских батальонов, 64 казачьи артиллерийские батареи (из части которых были образованы 3 гвардейских и 16 обычных отдельных конно-артиллерийских дивизионов), 177 казачьих отдельных и особых сотен, 79 казачьих конвоев полусотенного состава, 16 казачьих запасных конных полков, 3 казачьих запасных пеших батальона, 6 казачьих запасных артиллерийских батарей (в том числе 3-х батарейный Донской запасной конно-артиллерийский дивизион), 3 казачьих запасных конных дивизиона, 7 казачьих запасных конных сотен, 5 казачьих запасных пеших сотен, 1 гвардейская казачья запасная полусотня, 2 гвардейских казачьих запасных конных взвода, 1 казачий запасной артиллерийский взвод, а также большое количество местных (станичных) команд [16].

В период Первой мировой войны казаки многократно демонстрировали личный и массовый героизм, мужество, доблесть, верность воинскому долгу и военной присяге, большое воинское мастерство, высокие морально-психологические качества. По достоинству оценивал казаков-воинов даже неприятель, в том числе и некоторые видные вражеские военачальники, как например, немецкий генерал-фельдмаршал Август Макензен [17]. Это же подтверждали полученные казаками многочисленные боевые государственные награды. Более чем наглядно, на наш взгляд, об этом свидетельствовал тот факт, что только наиболее высоких и почетных военных наград Георгиевских – за годы войны был удостоен каждый третий находившийся в армии казак! Всего более 500 казачьих офицеров было награждено орденами Св. Георгия и почетным Георгиевским («Золотым») оружием. Георгиевскими крестами и медалями было отмечено свыше 120 тысяч казаков [18]. Из этого общего числа казачьих Георгиевских кавалеров 193 офицера и 37 тысяч нижних чинов являлись донскими казаками [19]. Не стоит упускать из виду и такого важного обстоятельства, что очень многие казаки были награждены несколькими Георгиевскими наградами, и поэтому общее количество полученных казаками Георгиевских наград было намного выше.

Подтверждением отмеченных качеств казаков-воинов служит и то, что за все годы войны среди них не оказалось ни одного дезертира. На данное обстоятельство, не имевшее аналогов в мировой военной практике, далеко не случайно указывали многие видные военные авторитеты, как, например, генерал-лейтенант А.И. Деникин [20].

Одним из частных, но весьма почетных показателей заслуг казачества в войне было и награждение бежавших из плена казаков Георгиевскими медалями со специальной надписью «За смелый побег» и их вручение отличившимся казакам самим императором. Такие медали, согласно принятому в ноябре 1916 г. постановлению Военного Совета, полагались всем бежавшим из плена нижним чинам (солдатам и унтер-офицерам) при обязательном полном выяснении всех

обстоятельств их плениния¹. Но лично Николай II такие медали вручал только казакам. Уже в декабре 1916 г. для награждения за побег из неприятельского плена были представлены старший урядник 30-го Донского казачьего полка Николай Заикин, казак 21-го Донского казачьего полка Тимофей Лепнухов, казак 34-го Донского казачьего полка Иосиф Горелов, казак 40-го Донского казачьего полка Тимофей Пучков и младший фельдшер 20-й отдельной Донской сотни Иван Филимонов [21].

Необходимо отметить и еще одно весьма существенное обстоятельство. В свое время авторитетный исследователь в области военной социологии, автор более 100 публикаций, в том числе 30 монографий, переведенных на восемь иностранных языков, инициатор создания, основатель и бессменный руководитель пользовавшихся очень большим авторитетом и признанием русской белоэмигрантской общественности функционировавших в Париже (1927–1939) и в Белграде (1931–1944) под эгидой Русского Общевоинского Союза Высших военно-научных курсов, выполнявших за рубежом по сути функции русской военной Академии, генерал-лейтенант Н.Н. Головин при анализе качественного состояния армии особое внимание обращал на такой важнейший фактор, как моральная упругость войск [22]. Данный показатель, предложенный генералом Головиным в результате всестороннего и глубокого научного обоснования, отражал соотношение из общего количества потерь собственно кровавых потерь (убитыми, ранеными, отравленными газами и т.п.) и потерь пленными. Чем выше был процент первых и ниже вторых, тем, естественно, был выше и показатель моральной упругости войск. Интересны сравнительные данные в этой области, приведенные Н.Н. Головиным по русской армии периода Первой мировой войны. Средний показатель из общего количества потерь по всем частям и родам войск был 69% кровавых и 31% пленными [23]. В отборных гвардейских частях он составлял соответственно 91% и 9%, в гренадерских – 78% и 22%, в армейской пехоте – 65% и 35%, в стрелковых частях – 82% и 18%, в регулярной кавалерии – 79% и 21%, в артиллерии 56% и 44%, в ополчении – 42% и 58%. Но самым высоким во всей русской армии данный показатель был в казачьих частях – 94% и 6% [24]. Таким образом, по важному показателю боеспособности воинских частей – моральной упругости войск казачьи части и подразделения были первыми и превосходили даже гвардию. Приведенные цифры и оценки, полученные в результате глубокого, обстоятельного и объективного научного исследования, еще раз более чем убедительно свидетельствуют о высоких качествах казаков-воинов, их мужестве и стойкости.

Заключение. Подводя итог рассмотрению участия казачества в Первой мировой войне и характеристике проявленных им в ее ходе качеств, можно полностью согласиться с мнением бывшего атамана Терского казачьего Войска генерал-лейтенанта Г.А. Вдовенко, справедливо отмечавшего, что «казачество на эту войну отдало все до последнего напряжения. Оно честно выполнило свой долг перед Родиной. Казачьи полки заслужили похвалу – даже от неприятеля, и во время развала ушли с фронта последними» [25].

Глубокое осознание казаками своего гражданского долга и обязанностей, высокая дисциплина и исполнительность, заложенные еще в ранней юности основополагающие морально-нравственные принципы, вся система воспитания и подготовки к несению считавшейся почетной и важной воинской службы, искренняя убежденность в правоте такого подхода к несению возложенных на него государством обязанностей, традиционные для казачества верность воинской присяге и готовность по первому зову грудью встать на защиту Отечества – все эти его положительные качества в полной мере проявились в кровопролитных сражениях и всех тяжелейших испытаниях Первой мировой войны.

Примечания:

1. Воскобойников Г.Л. Казачество в первой мировой войне 1914-1918 г. М.: Издательство Российской киновидеокомпании, 1994.
2. Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов-н/Д: Гефест, 1998.
3. Советская военная энциклопедия. Т.4. М.: Воениздат, 1977. С. 34; Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 11. М.: Советская Энциклопедия, 1973. С. 176. В данных энциклопедических изданиях ошибочно указано, что в армии в это время находилось 4 казачьих отдельных пеших дивизиона. – В. Т.
4. Воскобойников Г.Л. Казачество в первой мировой войне 1914-1918 г. М.: Издательство Российской киновидеокомпании, 1994. С. 31.
5. Там же.
6. Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. Т. 3. М.: Голос, 1994. С.179.
7. Там же. С.203.
8. Воскобойников Г. Л. Указ. соч. С.36-39.
9. Воскобойников Г.Л. Указ. соч. С.46.
10. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 99.
11. Подробнее см.: Мальцев В.Н. Кубанские казаки в Персии в 1916 г. //Кубанское казачество:

¹ Согласно специальному постановлению Военного Совета, принятому еще в начале марта 1915 г. все добровольно сдавшиеся в плен нижние чины по их возвращению подлежали ссылке в Сибирь на поселение. Поэтому все обстоятельства плениния солдат неприятелем тщательно проверялись даже после их бегства из плена. - В.Т.

проблемы истории и возрождения. Тезисы докладов научной конференции. Краснодар: Б. и., 1992. С. 39; Мальцев В.Н. Кубанские казаки в Первой мировой войне: к постановке проблемы // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. Ростов н/Д: изд-во РГУ, 1995. С. 90; Мугуев Х.-М. К берегам Тигра, М., 1953.

12. Денисов С.В. Белая Россия. Альбом № 1. -Нью-Йорк, 1937. С. 80.
13. Воскобойников Г.Л. Указ. соч. С. 77.
14. Керновский А.А. Указ. соч. Т.4. С. 48.
15. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 276. Л.Л. 96-98.
16. Трут В.П. Указ. соч. С.44.
17. Губин М.П. Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников... С. 137; Вдовенко Г.А. Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников... С. 28. и др.
18. Воскобойников Г.Л. Казачий формирования в Первой мировой войне. // Проблемы казачьего возрождения. Сб. ст. Ч. 2. С.50.
19. Даниленко Т. Новая коллекция // Новочеркасские ведомости. 1995. 18 августа.
20. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 372; Деникин А.И. Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников... С. 30.
21. Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой Мировой войне. С. 88.
22. См.: Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войн. Париж: Б. и. 1938; Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне, В 2-х т. Париж. Б. и.. 1938; и др.
23. Образцов И. Сила и дух // Родина. 1993. №8-9. С. 65. Табл. 2. Данные взяты автором из книги Н.Н. Головина «Военные усилия России в Мировой войне».
24. Там же.
25. Вдовенко Г. А. Ответ на анкету // Казачество. Мысли современников... С. 22.

References:

1. Voskoboinikov G.L. Kazachestvo v pervoi mirovoi voine 1914-1918 g. M.: Izdatel'stvo Rossiiskoi kinovideokompanii, 1994.
2. Trut V.P. Kazachestvo Rossii v period Pervoi mirovoi voiny. Rostov-n/D: Gefest, 1998.
3. Sovetskaya voennaya entsiklopediya. Т.4. М.: Voenizdat, 1977. С. 34; Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. Izd. 3-e. Т. 11. М.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1973. С. 176. V dannikh entsiklopedicheskikh izdaniyakh oshibochno ukazano, chto v armii v eto vremya nakhodilos' 4 kazach'ikh otdel'nykh peshikh diviziona. - V. T.
4. Voskoboinikov G.L. Kazachestvo v pervoi mirovoi voine 1914-1918 g. M.: Izdatel'stvo Rossiiskoi kinovideokompanii, 1994. С. 31.
5. Tam zhe.
6. Kersnovskii A.A. Iстория russkoi armii. V 4-kh t. Т. 3. М.: Golos, 1994. S.179.
7. Tam zhe. S.203.
8. Voskoboinikov G. L. Указ. соч. С.36-39.
9. Voskoboinikov G.L. Указ. соч. С.46.
10. RGVIA. F. 2007. Op. 1. D. 11. L. 99.
11. Podrobnee sm.: Mal'tsev V.N. Kubanskie kazaki v Persii v 1916 g. //Kubanskoe kazachestvo: problemy istorii i vozrozhdeniya. Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii. Krasnodar: B. i., 1992. S.39; Mal'tsev V.N. Kubanskie kazaki v Pervoi mirovoi voine: k postanovke problemy // Problemy istorii kazachestva XVI-XX vv. Rostov n/D: изд-во РГУ, 1995. S. 90; Muguev Kh.-M. K beregам Tигра, M., 1953.
12. Denisov S.V. Belya Rossiya. Al'bom № 1. N'yu-Iork, 1937. S. 80.
13. Voskoboinikov G.L. Указ. соч. С. 77.
14. Kersnovskii A.A. Указ. соч. Т.4. С. 48.
15. RGVIA. F. 2003. Op. 2. D. 276. L.L. 96-98.
16. Trut V.P. Указ. соч. С.44.
17. Gubin M.P. Otvet na anketu // Kazachestvo. Mysli sovremennikov... S. 137; Vdovenko G.A. Otvet na anketu // Kazachestvo. Mysli sovremennikov... S. 28. i dr.
18. Voskoboinikov G.L. Kazach'i formirovaniya v Pervoi mirovoi voine. // Problemy kazach'ego vozrozhdeniya. Сб. ст. Ч. 2. С.50.
19. Danilenko T. Novaya kolleksiya // Novocherkasskie vedomosti. 1995. 18 avgusta.
20. Denikin A.I. Ocherki russkoi smuty. Krushenie vlasti i armii. Fevral' – sentyabr' 1917 g. М., 1991. S.372; Denikin A.I. Otvet na anketu // Kazachestvo. Mysli sovremennikov... S. 30.
21. Voskoboinikov G.L. Kazachestvo v Pervoi Mirovoi voine. С. 88.
22. Sm.: Golovin N.N. Nauka o voine. O sotsiologicheskem izuchenii voin. Parizh: B. i. 1938; Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v Mirovoi voine, V 2-kh t. Parizh. B. i.. 1938; i dr.
23. Obraztsov I. Sila i дух // Rodina. 1993. №8-9. С. 65. Tabl. 2. Dанные взяты автором из книги N.N. Golovina «Voennye usiliya Rossii v Mirovoi voine».
24. Там же.
25. Vdovenko G. A. Otvet na anketu // Kazachestvo. Mysli sovremennikov... S. 22.

УДК 93/94

О некоторых аспектах участия российского казачества в Первой мировой войне

Владимир Петрович Трут

Южный федеральный университет, Российская Федерация
346780, Ростовская область, г.Азов. ул.Измайлова, д.55, к.16
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: trut.vladimir@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе анализа различного источникового и историографического материала, рассматриваются некоторые важные аспекты вопроса участия казачества всех казачьих войск России в Первой мировой войне. Показаны масштабы мобилизации казаков, приведены данные о количестве казачьих частей и подразделений. Освещены вопросы участия казаков в наиболее важных сражениях войны. Проанализированы проявленные ими в ходе войны мужество и героизм, раскрыты данные о количестве Георгиевских наград, которыми были награждены казаки, и их других боевых отличиях.

Ключевые слова: Первая мировая война; казачество; казаки; казачьи части; казачья кавалерия; героизм; мужество; воинский долг.

UDC 94(47).083

Teachers' Corporation of the Russian Universities in the First World War: Features of Everyday Life and Interrelations

¹ Mikhail V. Gribivskiy

² Alexander N. Sorokin

¹ National Research Tomsk State University, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: mgrib@mail2000.ru

² National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: salexhist@mail2000.ru

Abstract. The paper discloses the problem of interrelations in Russian university teachers' corporation in the First World War, considers the reaction to the beginning of the war, features of material status of professors and teachers of Russian universities in pre-revolutionary period.

Keywords: the First World War; universities; professors and teachers' corps; social and politic sentiments; charity; evacuation.

Введение. Феномен человека и корпоративных сообществ в условиях войны привлекает внимание историков и антропологов потому, что обращение к нему позволяет увидеть то, как действовали наши предки и общественные институты в нетипичных, чрезвычайных, пограничных обстоятельствах. Представители университетского преподавательского корпуса в 1914 г. вступили в непростой период своей истории, связанный с переоценкой ценностей, некоторыми изменениями профессиональной деятельности, ухудшением материально-бытового положения. В статье предпринимается попытка реконструировать жизнедеятельность университетского преподавательского сообщества в условиях перемен 1914 г. – накануне еще более масштабных перемен 1917 г.

Материалы и методы. Источниковая база исследования сложилась из архивных документов, извлеченных из Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Украины (ЦГИАУ), Центрального государственного исторического архива Москвы (ЦГИАМ), Государственного архива Одесской области (ГАОО). В фондах университетов, попечителей учебных округов, Министерства народного просвещения (МНП) сосредоточены разнообразные документы (отчеты, официальная переписка, частные письма), проливающие свет на исследуемую проблему. Значительную ценность для изучения истории эвакуации Варшавского университета представляют воспоминания профессора И.А. Малиновского. В исследовании использованы и опубликованные источники, такие как законодательные акты, ежегодные Отчеты и Известия университетов, периодическая печать (Ежегодник газеты «Речь», «Новое Время»).

Исследование выполнено в русле такого направления, как социальная история. В методологическом отношении авторов интересовали отдельные казусы как отражения типичных обстоятельств университетской жизни. В работе использован сравнительно-исторический метод, историко-социологический анализ.

Обсуждение. Вплоть до конца XX в. проблема университетов и университетских сообществ в годы Первой мировой войны поднималась в только в трудах по истории высших учебных заведений. Первым исследователем, который предпринял удачную попытку обобщить разрозненный материал и ввести в научный оборот ранее неизвестные архивные источники, был А.Е. Иванов. Он опубликовал в 1999 г. фундаментальную статью, посвященную «гражданской психологии и патриотической деятельности» представителей российской вузовской и академической науки в военное время [1]. Тему влияния войны на общественно-политические настроения преподавателей развивают немецкая исследовательница Труде Маурер [2] и – на материалах Петроградского университета – Е.А. Ростовцев [3], [4]. Другим направлением исследований (Э. Фукс, А.Н. Дмитриев) стала тема влияния войны на научный процесс и научные связи [5]. Кроме этого интерес представляют локальные исследования отражения войны в истории отдельных университетов [6], [7], [8]. Из обобщающих работ последнего времени необходимо отметить статью выше упомянутого А.Е. Иванова [9].

Результаты. Накануне Первой мировой войны российская университетская преподавательская корпорация была весьма отчетливо разделена по общественно-политическим пристрастиям на «левых» и «правых». Для иллюстрации приведем фрагмент письма одесского профессора Б.В. Варнеке от 1 января 1914 г.: «В Новороссийском университете год тому назад выбрали Ректором профессора Кишенского, крайне правого, но очень глупого человека. Проводили его левые. Наши радовались, видя в этом симптомы примирения; я смотрел иначе и оказался, увы, прав. Он сразу переменил фронт и попал в руки к левым, уже провел двух левых в деканы [...]» [10]. О подобном расколе совета говорят и источники по истории Юрьевского университета. И.о. ректора М.Н. Крашенинников писал в том же 1914 г. попечителю Рижского учебного округа по поводу избрания К.Д. Покровского проректором университета: «Професор Покровский, как член совета, всегда голосовал вместе с левыми против правых, и я не помню ни одного случая, когда он голосовал бы вместе с правыми против левых [...]. Сам факт избрания его Советом на должность проректора служит наглядным доказательством принадлежности его к партии левых» [11, л. 51]. Подобная картина внутреннего раскола наблюдалась и в прочих университетах [7], [12]. Помимо идейных разногласий, университетскую корпорацию разобщали трения между «старшими» (штатные профессора) и «младшими» (внештатные приват-доценты) преподавателями [13], [14].

Вступление России в Первую мировую войну временно консолидировало российское общества перед лицом общего врага. В исследовательской литературе уже отмечалось, что в университетской преподавательской корпорации в 1914–1915 гг. наблюдалось примирение разных лагерей [1], [3].

В 1914 г. война пришла на страницы университетских ежегодных отчетов. Так, в Отчет столичного Петроградского университета за 1914 г. был включен специальный раздел «Отношение университета к настоящей войне», в котором сообщалось о верноподданейшем адресе Николаю II, принятом единогласно всеми членами Совета; о решении отчислять часть жалования сотрудников университета на нужды войны; о создании в университете мобилизационного пункта и открытии лазаретов; об уходе на фронт студентов в качестве добровольцев; о патриотических манифестациях [15, с. 90–93]. Отчет самого молодого, Саратовского, университета за 1914 г. содержал перечень дел, рассматривавшихся в течение года Советом; среди них значились такие, как «О выражении сожаления по поводу разрушения Лувенского университета германской армией», «О присоединении к протесту, выраженному медицинским факультетом Московского университета по поводу жестокого обращения с больными нашими соотечественниками со стороны врачей Германии» [16].

Временное утихание внутренних споров между представителями различных идейных течений внутри преподавательской корпорации следовало из того обстоятельства, что большая часть профессуры симпатизировала кадетской партии, которая в начале войны призывала «отложить ... внутренние споры», «не дать врагу ни малейшего повода надеяться на разделявшие нас разногласия» [17].

«Немецкий вопрос». Войны часто сопровождаются ростом в обществе ксенофобских настроений, направленных против представителей народов стран-противников. В годы Первой мировой войны по России прокатилась антинемецкая кампания, вылившаяся в выступления против профессоров и преподавателей немецкого происхождения. Отметим выступления студентов Петроградского университета против профессора В.Ф. фон Зелера в октябре 1914 г. Вернувшись из Германии (где он находился в каникулярное время) в Россию профессор встретил озлобленное по отношению к себе настроение студенческой аудитории. Этот настрой был вызван слухами о том, что Зелер имеет германское подданство. Часть студентов освистала своего профессора, выкрикивая при этом: «Долой немецкого подданного, долой прусаков» [11, л. 14–15 об.]. Аналогичная ситуация произошла с заслуженным ординарным профессором Университета Св. Владимира Ф.И. Кнауэром, вернувшимся, как и фон Зелер, осенью 1914 г. из Германии по месту службы в Россию. Особое ожесточение против профессора Кнауэра вызвало то, что незадолго до начала войны он добился перехода своих сыновей в Германское подданство и вывез их на проживание к матери в г. Йену. В донесении в МНП попечитель Киевского учебного округа писал: «Большинство профессоров сторонилось от него, многие из них перестали подавать ему руки, а проф[ессор] С.Т. Голубев даже открыто выступил против него в заседании историко-филологического факультета с обвинениями в измене и с требованиями его удаления» [11, л. 22]. Ф.И. Кнауэр под давлением [18] попечителя учебного округа П.Э. Соколовского (кстати, также немца по происхождению) был вынужден подать 24 ноября 1914 г. рапорт о временном освобождении его от службы по болезни, который был удовлетворен уже 25 ноября [11, л. 29]. Ф.И. Кнауэр был арестован и сослан в Томскую губернию. Позднее его перевели в Томск, где скоро скончался [11, л. 46].

Профессорская благотворительность. Впрочем, война вызвала в преподавательской среде и положительные инициативы. На волне патриотического подъема в профессорско-преподавательской коллегии университетов наблюдался благотворительный порыв, впрочем, для представителей корпорации благотворительная деятельность не была чужда и ранее [19]. Однако в сравнении с довоенным временем, благотворительные акции 1914 г. отличались завидной массовостью. 4 августа 1914 г. состоялось заседание Совета Саратовского университета, на котором было решено отчислять ежемесячно 3 % профессорского содержания в фонд военной помощи [20, с. 131–132]. 20 августа 1914 г. Совет Харьковского университета решил отчислять 3 % от содержания профессоров «на нужды войны» [21, с. 5]. 1 сентября 1914 г. Петроградский университет принял решение об отчислении

профессорской коллегией и служащими 3 % жалования в пользу лазарета высших учебных заведений [15, с. 91–93], [22, с. 5.]. Совет Московского университета еще 25 июля 1914 г. решил открыть клинику для раненых и больных воинов, обеспечение лечения которых брали на себя приват-доценты медицинского факультета [23]. В стенах университетов проводились многочисленные «кружковые сборы» в пользу солдат и беженцев и раненых [24, л. 12.]. Профессор Петроградского университета М.И. Ростовцев входил в комитет «Петроград – беженцам», который организовывал сборы в их пользу [19, с. 108]. Многие преподаватели медицинских факультетов оказывали помощь фронту своей профессиональной деятельностью, работая безвозмездно в сознанных при университетах лазаретах или в учреждениях Красного креста. Так, декан медицинского факультета Новороссийского университета профессор С.С. Груздев и приват-доцент этого же факультета П.Г. Часовников с 1915 г. в каникулярное время работали в Красном кресте, выезжая на театр военных действий [24, л. 2 об., 8].

Университетские преподаватели находили возможность заниматься благотворительностью на фоне серьезных жизненных испытаний, вызванных военным временем. Сложнее всего – из-за непосредственного соприкосновения с войной – пришлось преподавательскому корпусу тех университетов, которые располагались недалеко от западных границ России. Составить представление о жизни преподавателей в 1914–1915 гг. вблизи линии фронта можно по воспоминаниям профессора И.А. Малиновского, переведенного незадолго до войны из Томского в Варшавский университет. Бытовые условия в Варшаве в первые месяцы войны были вполне удовлетворительными. И.А. Малиновский вспоминал: «Я очень редко обедал в столовых или ресторанах [...]. Предпочитал обходиться своими средствами. Выходило и сытно я вкусно. Приготвлял яичницу с ветчиной, сосиски с картофелью и сметаной, вермишель с творогом и маслом, отваривал горошек и ел с маслом, жарил малороссийскую колбасу. Это было первое блюдо. На второе – простокваша с сахаром и корицей. На третье – кофе или чай с пирожными. В кондитерской на углу Маршалковской и Кошниковой коробка маленьких пирожных (около 20 штук) стоила 15 коп[еек]» [25, л. 113–114]. Между тем, военное положение давало о себе знать: «в течение целого учебного года фронт был в 30–35 верстах от Варшавы; когда затихал городской шум, слышна была издали канонада; над городом летали немецкие «таубе»; в них стреляли шрапнелью; один раз сделал полет «цеppелин»; бомба упала на одной из центральных улиц; дело было ночью и никто из людей не пострадал; но во всех громадных 5-ти и 6-ти этажных домах целого квартала были разбиты все стекла, скрючились вывески на магазинах [...]» [25, л. 115]. В середине лета 1915 г. ситуация на фронте изменилась в худшую сторону, и город был сдан. Профессор И.А. Малиновский, находившийся в каникулярное время с семьей в Остроге (Ровенская губерния), лишился своего варшавского имущества («На произвол судьбы осталась наша квартира: мебель, вся обстановка, посуда, сундук с меховыми вещами, платье, ковры, все столовое белье, библиотека [...], фотографии, письма, некоторые мои рукописи и т.д.» [25, л. 116]). В августе в Москве прошло экстренное заседание Совета для обсуждения вопроса о дальнейшей судьбе Варшавского университета. На заседании обсуждались варианты эвакуации университета в Саратов, Нижний Новгород и Ростов-на-Дону. Было принято предложение Ростовского городского управления, которое обещало бесплатно предоставить университету на первое время необходимые помещения, ассигновать сумму на расходы, связанные с устройством Университета на новом месте, выделить один миллион рублей на постройку новых университетских зданий. Об устройстве на новом месте И.А. Малиновский вспоминал так: «Отыскали [...] квартиру в доме Асланова по Пушкинской улице [...]. Квартира великолепная во всех отношениях: [...] в центре города, очень близко от университета [...]; центральное отопление, электричество, водопровод; первый этаж; шесть комнат» [25, л. 117]. Семье И.А. Малиновского повезло: «Скоро наступил квартирный кризис, и трудно было найти не только хорошую, но и плохенькую квартиру [...]. Колли (имеется в виду семья профессора-физика А.Р. Колли – авт.) обзаводились обстановкой годом позже нас и уже за все платили вдвое и втрое» [25, л. 117].

Эвакуация вглубь империи из-за угрозы оккупации затронула четыре университета. Первыми – осенью 1915 г. – были эвакуированы Варшавский университет и Университет Святого Владимира. Преподаватели, студенты и оборудование из Варшавы, как уже было отмечено, были перемещены в Ростов-на-Дону, а университет из Киева принял Саратов, куда к началу октября перебрались более 60 преподавателей (осенью 1916 г. университет вернулся в Киев). Частично условиями военного времени было вызвано открытие в Перми 1916 г. отделения Петроградского университета (оно задумывалось как база на случай возможной эвакуации университета Петроградского университета), преподавательский состав которого преимущественно сформировался за счет головного вуза. Дольше всего решался вопрос об эвакуации Юрьевского университета, так как линия фронта менялась, и угроза потери Прибалтики то делалась реальной, то отступала. Переезд университета в Воронеж произошел уже в 1918 г. [26].

В военное время материально-бытовое положение членов университетской преподавательской корпорации ухудшалось. Среди университетских преподавателей наблюдалось совсем немного обладателей крупных состояний. По подсчетам А.Е. Иванова накануне революции лишь 12,6 % штатных преподавателей университетов обладали земельной собственностью и домами [27]. Для большинства профессоров основным источником благосостояния являлось жалование, получаемое по линии МНП, а так же доходы от иной профессиональной деятельности. Большую

часть рассматриваемого периода фиксированное жалование профессоров и преподавателей российских университетов составляло от 1000 (лектор), до 3000 рублей (ординарный профессор) в год. Профессора и преподаватели Томского и Варшавского университетов пользовались льготами, увеличивающими их жалование на 20–50 % [28], [29]. Доходы профессоров и преподавателей пополнялись и за счет «гонорарной системы». Суммируя постоянные (оклад) и вероятные (доплата за административную должность, гонорар, региональные прибавки, орденские пенсии) доходы, получаемые профессорами и преподавателями, можно сделать вывод о большом разбросе итоговых цифр: от сумм, едва превышающих 1000 рублей в год у доцентов и до 7000–8000 у профессоров-юристов столичных университетов [30]. Этих заработков могло хватать на содержание преподавательских семей еще в начале XX в., однако мировая война довольно быстро обесценила царский рубль. Представление о материальном положении, в котором оказались младшие преподаватели, дает письмо, написанное матерью одного из приват-доцентов Московского университета министру народного просвещения летом 1916 г. Женщина описывала ситуацию, сложившуюся с ее сыном, который ранее был командирован МНП заграницу для работы над диссертацией: «Побыв там 1½ года, он был застигнут в Германии войной, принужден был бежать, при чем потерял все свое имущество: книг на 500 р[ублей], весь багаж, даже ручной и билеты на проезд. На возвращение употребил 18 дней, истратив 350 р[ублей]. По приезде в Россию стипендия от Министерства была прекращена, но несмотря на свое трудное материальное положение, он продолжил заниматься окончанием диссертации, читая вместе с тем лекции в университете безо всяского определенного вознаграждения, так как лекции его считались необязательными. Со слушателей получал 22 р[ублей] за полугодие» [31, л. 131–132].

В связи с упоминанием московского приват-доцента, вынужденного бежать из Германии в 1914 г., стоит отметить факты попадания представителей преподавательской корпорации в плен в начале войны. Так, профессор Саратовского университета Б.И. Бируков оказался летом 1914 г. в плену в Германии, где он на протяжении ряда предшествовавших лет занимался зоологическими исследованиями. Лишь в конце сентября 1914 г. профессор Бируков сумел вернуться в Саратов [8, с. 9].

В условиях заметного удорожания жизни российские власти пошли на повышение преподавательского жалования. В декабре 1915 г. министр П.Н. Игнатьев разослал письмо, в котором просил ректоров университетов «в виду общей дороговизны, вызванной исключительными обстоятельствами военного времени» представить соображения о размере «пособий, которые могли бы быть выданы единовременно лицам преподавательского персонала» [31, л. 5–5 об.]. Совет Харьковского университета в качестве минимальной необходимой доплаты к ежегодному жалованию называли сумму в 2000 рублей [31, л. 19–19 об.]. Первые реальные доплаты последовали только весной 1916 г. Тогда лицам, получающим содержание по службе в размере не выше 2400 рублей в год, была установлена процентная добавка к содержанию «по случаю вызванного войной вздорождания жизни». В зависимости от места службы и размера жалования она составила от 12,5 до 30 %. Летом 1916 г. были, наконец, увеличены штатные оклады профессоров и преподавателей. Согласно закону «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов...» новые оклады выглядели следующим образом: ординарный профессор – 4500 рублей, экстраординарный профессор – 3000 рублей, доцент (в Варшавском и Юрьевском университетах) – 2400 рублей, лектор – 1500 рублей [32]. Впрочем, сделанные повышения едва ли могли покрыть все расходы, которые неизменно росли вследствие инфляции.

Заключение. Начало Первой мировой войны привело к всплеску вполне искренних патриотических чувств среди университетских профессоров и преподавателей, что на время объединило вчерашних политических противников. Всплеск патриотизма провоцировал как положительные начинания (благотворительность), так и не вполне конструктивные, но объяснимые явления (антинемецкие настроения). Впрочем, названные явления в большей степени были характерны для первого года войны. Военные поражения России 1915–1916 гг., внутриполитические процессы, недостаточность содержания, материально-бытовые сложности формировали критицизм по отношению к властям в преподавательской среде, которая будет приветствовать Февральскую революцию, прошедшую под антивоенными лозунгами.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.
2. Maurer T. Der Krieg der Professoren: Russische Antworten auf den deutschen Aufruf “An die Kulturwelt” // Jahrbuch für Wirtschafts Geschichte. 2004. № 1. S. 221–247; Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer: Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006.
3. Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 308–324.

4. Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса. СПб., 2012. С. 308–315.
5. Фукс Э. Влияние войны на международные научные связи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 94–113; Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб, 2007. С. 236–255.
6. Ростовцев Е.А. Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации? (Преподавательское сообщество Петроградского университета в годы Первой мировой войны) // Хронотоп войны: пространство и время в культурных презентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 191–194; Ростовцев Е.А. Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история: Сб. ст. СПб., 2007. С. 72–117; Михальченко С.И. Варшавский университет в годы Первой мировой и Гражданской войн // *Homo belli* – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX вв. Н. Новгород, 2000. С.244–245.
7. Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX вв. М., 2009. С. 139–156.
8. Мраморнов А.И. Саратовский Императорский университет в годы Первой мировой войны (1914–1917 годы) // Известия Саратовского унив. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 8–12.
9. Иванов А.Е. Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской Империи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 207–220.
10. ЦГИАУ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 26. Л. 61.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 501. Л. 51
12. Бушуева Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 248–266.
13. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122).
14. Грибовский М.В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «История и политические науки». 2012. № 2. С. 103–108.
15. Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1915.
16. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1914 год. Саратов, 1915. С. 17.
17. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915. С. 242.
18. ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3318. Л. 6 об.
19. Ростовцев Е.А. Столичная профессура и благотворительность в начале XX в.: постановка проблемы // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 106–111.
20. Известия Императорского Николаевского университета. 1915. Вып. 3.
21. Отчет о состоянии лазарета Имп. Харьковского унив. для раненых воинов со дня его открытия 16 окт. 1914 по 1-е янв. 1915. [Харьков], 1915.
22. Новое Время. 6 авг. 1914 г.
23. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 746. Л. 9.
24. ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 651. Л. 12.
25. Малиновский И.А. Воспоминания. Машинопись. Б. г. // Музей истории Томского государственного университета. Ф. И.А. Малиновский.
26. Карпачев М. Перемещение университета из Юрьева в Воронеж // Логос. 2005. № 6 (51). С. 253–268.
27. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 224.
28. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 102.
29. РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 530. Л. 5–8 об.
30. Грибовский М.Г. Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 76–80.
31. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 131–132.
32. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. 3 июля. № 197. Ст. 1662.

References:

1. Ivanov A.E. Rossijskoe «uchenoe soslovie» v gody «Vtoroj Otechestvennoj vojny» (Ocherk grazhdanskoy psihologii i patrioticheskoy dejatel'nosti) // Voprosy istorii estestvoznanija i tekhniki. 1999. № 2. S. 108–127.
2. Maurer T. Der Krieg der Professoren: Russische Antworten auf den deutschen Aufruf “An die Kulturwelt” // Jahrbuch füg Wirtschafts Geschichte. 2004. № 1. S. 221–247; Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer: Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006.
3. Rostovcev E.A. Ispytanie patriotizmom. Professorskaja kollegija Petrogradskogo universiteta v gody Pervoj mirovoj vojny // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2009. Vyp. 29. S. 308–324.
4. Rostovcev E.A. Kazus professora fon Lista (jepizod iz universitetskoy istorii perioda Pervoj mirovoj vojny) // Uroki istorii – uroki istorika Sbornik statej k 80-letiju Ju. D. Margolisa. SPb., 2012. S. 308–315.
5. Fuks Je. Vlijanie vojny na mezhdunarodnye nauchnye svjazi // Nauka, tekhnika i obshhestvo Rossii i Germanii vo vremja Pervoj mirovoj vojny. SPb., 2007. S. 94–113; Dmitriev A.N. Pervaja mirovaja vojna: universitetskie reformy i internacional'naja transformacija rossijskogo akademicheskogo soobshhestva // Nauka, tekhnika i obshhestvo Rossii i Germanii vo vremja Pervoj mirovoj vojny. SPb, 2007. S. 236–255.
6. Rostovcev E.A. Mobilizacija intellekta: oborona strany ili nastuplenie korporacii? (Prepodavatel'skoe soobshhestvo Petrogradskogo universiteta v gody Pervoj mirovoj vojny) // Hronotop vojny: prostranstvo i vremja v kul'turnyh reprezentacijah social'nogo konflikta. M.; SPb., 2007. S. 191–194; Rostovcev E.A. Universitetskaja korporacija stolicy Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny // Otechestvennaja istorija: Sb. st. SPb., 2007. S. 72–117; Mihal'chenko S.I. Varshavskij universitet v gody Pervoj mirovoj i Grazhdanskoy vojny // Homo belli – chelovek vojny v mikroistorii i istorii povsednevnosti: Rossija i Evropa XVIII–XX vv. N. Novgorod, 2000. S.244–245.
7. Rostovcev E.A. Akademicheskaja korporacija Sankt-Peterburgskogo universiteta v nachale XX v.: otnoshenie k vlasti i grazhdanskому obshhestvu // «Byt' russkim po duhu i evropejcem po obrazovaniju»: Universitety Rossijskoj imperii v obrazovatel'nom prostranstve Central'noj i Vostochnoj Evropy XVIII – nachala XX vv. M., 2009. S. 139–156.
8. Mramornov A.I. Saratovskij Imperatorskij universitet v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gody) // Izvestija Saratovskogo univ. 2009. T. 9. Ser. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Vyp. 1. S. 8–12.
9. Ivanov A.E. Otkliki Pervoj mirovoj vojny v vysshej shkole Rossijskoj Imperii // Nauka, tekhnika i obshhestvo Rossii i Germanii vo vremja Pervoj mirovoj vojny. SPb., 2007. S. 207–220.
10. CGIAU. F. 385. Op. 2. D. 26. L. 61.
11. RGIA. F. 733. Op. 201. D. 501. L. 51
12. Bushueva L.A. Professorskaja korporacija Kazani v jepohu peremen: mezhlichnostnye kommunikacii universitetskikh ljudej (nachalo XX veka) // Dialog so vremenem. 2011. Vyp. 36. S. 248–266.
13. Dmitriev A.N. Statusy znanija (o social'nyh markerah jevoljucii rossijskogo universiteta pervoj treti HH veka) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 4 (122).
14. Gribovskij M.V. Fenomen privat-docentury v rossijskikh universitetah konca XIX – nachala XX vv. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Istorija i politicheskie nauki». 2012. № 2. S. 103–108.
15. Otchet o sostojanii i dejatel'nosti Petrogradskogo universiteta za 1914 g. Pg., 1915.
16. Otchet o sostojanii i dejatel'nosti Imperatorskogo Nikolaevskogo universiteta za 1914 god. Saratov, 1915. S. 17.
17. Ezhegodnik gazety «Rech'» na 1915 god. Pg., 1915. S. 242.
18. CGIAU. F. 274. Op. 1. D. 3318. L. 6 ob.
19. Rostovcev E.A. Stolichnaja professura i blagotvoritel'nost' v nachale XX v.: postanovka problemy // Vestnik Omskogo universiteta. 2012. №. 1. S. 106–111.
20. Izvestija Imperatorskogo Nikolaevskogo universiteta. 1915. Vyp. 3.
21. Otchet o sostojanii lazareta Imp. Har'kovskogo univ. dlja ranenyh voinov so dnja ego otkrytija 16 okt. 1914 po 1-e janv. 1915. [Har'kov], 1915.
22. Novoe Vremja. 6 avg. 1914 g.
23. CGIAM. F. 418. Op. 92. D. 746. L. 9.
24. GAOO. F. 42. Op. 35. D. 651. L. 12.
25. Malinovskij I.A. Vospominanija. Mashinopis'. B. g. // Muzej istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. F. I.A. Malinovskij.
26. Karpachev M. Peremeshhenie universiteta iz Jur'eva v Voronezh // Logos. 2005. № 6 (51). S. 253–268.
27. Ivanov A.E. Vysshaja shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka. M., 1991. S. 224.
28. Nekrylov S.A. Professorskoye-prepodavatel'skoye korporus Imperatorskogo Tomskogo universiteta (1888 – fevral' 1917 gg.): Diss. kand. ist. nauk. Tomsk, 1999. S. 102.
29. RGIA. F. 733. Op. 155. D. 530. L. 5–8 ob.
30. Gribovskij M.G. Material'nyj dostatok professorov i prepodavatelej universitetov Rossii v konce XIX – nachale XX vekov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 349. S. 76–80.
31. RGIA. F. 733. Op. 156. D. 338. L. 131–132.
32. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvujushhem Senate. 1916. 3 iulja. № 197. St. 1662.

УДК 94(47).083

Преподавательская корпорация российских университетов в условиях Первой мировой войны: особенности повседневности и коллективных взаимоотношений

¹ Михаил Викторович Грибовский

² Александр Николаевич Сорокин

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: mgrib@mail2000.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: salexhist@mail2000.ru

Аннотация. В статье раскрывается проблема коллективных взаимоотношений внутри российской университетской преподавательской корпорации в условиях Первой мировой войны. Рассматриваются реакция на начало войны, особенности материально-бытового положения профессоров и преподавателей российских университетов в военный предреволюционный период.

Ключевые слова: Первая мировая война; университеты; профессорско-преподавательский корпус; общественно-политические настроения; благотворительность; эвакуация.

UDC 94 (47) 084.3 (571)

«We Felt the Bitter Satisfaction of Our Shared Victory”: the Theme and Images of the ‘Great War’ in the Official and Pro-government Periodical Press of the White Siberia (June 1918 – December 1919)

Dmitry N. Shevelev

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin Avenue, 36
Dr. (History), Associate Professor
E-mail: shev-dn@yandex.ru

Abstract. The article, using the data of official and pro-government periodical press, issued in the east of Russia since summer of 1918 to 1919, considers the propaganda, made by the Omsk government out of the recollections of the First World War. The author came to the conclusion that *the whole set* of propaganda texts, presented in numerous declarations, booklets, newspaper articles, interviews, reviews, notes and feuilletons should be considered as a specific narrative with own actualization contexts, representation composition and scenario. The political discourse of the White Siberia presented the First World War as a specific starting point, backbone, structuring the political space. Besides, the ‘Great War’ played the significant role in the construction of the new political identity, based on the national, sovereign and patriotic values and the memory of the former glories of Russia.

Keywords: the First World War; Civil War; anti-Bolsheviks movement; propaganda; official periodical press political discourse.

Введение. Гражданская война в России – явление сложное и многоуровневое. В ее основе лежал конфликт мировоззрений, что придавало борьбе особенно ожесточенный и бескомпромиссный характер. «Красные» и «белые» олицетворяли собой альтернативные представления о будущем российского общества. Ценностная основа антибольшевистского движения была эклектична, сочетая в себе либеральные и консервативные элементы. «Разрушающему воздействию большевистской идеологии», основанной на лозунгах «интернационал, коммунизм, государство – рабочий союз и диктатура пролетариата», лидеры белого движения постарались противопоставить свою систему ценностей, базовыми из которой являлись: «религия, нация, собственность, правовое государство и Учредительное собрание» [1].

В передовой статье первого номера газеты «Русское дело» ведущий идеолог и один из руководителей пропагандистского аппарата Омского правительства Н.В. Устрилов так охарактеризовал идейное противостояние «красных» и «белых»: «Вместо интернационала – нация. Вместо класса – Родина. Вместо коммунистической общины – правовое государство на основе национальной демократии. Вместо мертвой и принудительной религии механизма – живая жизнь в духе, в свободе. Вместо всеобщего принудительного уравнения – иерархия ценностей. Вместо пролеткульта – культура. Вместо бесшабашного политического футуризма – чувство преемственности, традиции, сознания связи с прошлым, с настоящим» [2; 5 окт.]. Основной смысл произошедшего в лагере противников большевизма «пересмотра идеологии» Устрилов видел в том, что «он возвращает русскому народу Россию», отвергая революцию, носившую «принципиально антинациональный» характер.

Любая политическая пропаганда так или иначе обращается к историческому опыту, актуализируя, в зависимости от стоящих перед ней задач, триумфальные или травматические образы культурной памяти общества. Осведомительный аппарат Российского правительства адмирала А.В. Колчака не являлся исключением. Как писала одна из газет, «в прошлом Россия имела мудрых государей, блестящие военные подвиги, блестящую временами дипломатию» [3; 30 сент.]. Государственное возрождение России не мыслилось политическим руководством Белого Востока вне опоры на исторические традиции и героическое прошлое. Политическая публицистика официального направления апеллировала к таким судьбоносным для русского народа историческим событиям, как отдаленного прошлого (борьба с монголо-татарами, Смута начала XVII века, Отечественная война 1812 г.), так и относительно недавним: русско-японская и Первая мировая войны.

Усилиями официальной и проправительственной прессы запечатленный в памяти и зафиксированный в непосредственном жизненном опыте подвиг солдат и офицеров российской армии на полях сражений «Великой войны» политизируется, трансформируется в символ, прецедентное событие. Само участие России в войне, жертвы, которые принесла она на алтарь общей победы рассматривались как своеобразный символический капитал, особый ресурс, которым антибольшевистские силы могут воспользоваться в мобилизационных целях в настоящем.

Материалы и методы. Рассматривая характерную для политической пропаганды антибольшевистских правительств востока России практику репрезентации темы и образов Первой мировой войны, мы будем исходить из понимания того, что дискурс «конституирует общество и культуру» [4; с. 112], а «борьба на уровне дискурсов и изменяет, и воссоздает социальную реальность» [5; с. 26]. Для наших дальнейших рассуждений наиболее значимы два механизма дискурсивного конструирования социальной реальности. *Во-первых*, приписывая значение объектам, осуществляя их номинацию и категоризацию, дискурс структурирует и упорядочивает социальное пространство. «Социальные классификации, оперирующие главным образом... бинарными противопоставлениями: мужской – женский, высокий – низкий, сильный – слабый и т.п., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир» [6; с. 83]. *Во-вторых*, проявляющаяся в дискурсе символическая власть, власть «именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто» [5; с. 84] формирует социальную идентичность. «Идентичности принимаются, отвергаются и обсуждаются в дискурсивных процессах» [8; с. 91].

Основным источником для написания данной работы послужили материалы официальной и проправительственной периодической печати (газеты «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник», «Русская армия», «Русское дело», «Наша газета», «Сибирская речь», «Свободная Сибирь», «Русский голос» и ряд других), выходившей на территории, подконтрольной Временному Сибирскому, Временному Всероссийскому и Российскому адмирала А.В. Колчака правительствам с лета 1918 по конец 1919 г. Автором были отобраны и проанализированы примерно 140 воззваний, брошюр, газетных статей, интервью, очерков, заметок и фельетонов в которых так или иначе затрагивалась тема «Великой войны». По мнению автора периодические издания примерно одной политической направленности (в данном случае – «либерально-консервативной» или «национально-государственной») образуют единое смысловое поле, общее дискурсивное пространство.

При изучении выбранных текстов использовались элементы дискурс-аналитической исследовательской процедуры, разработанной Э. Лакло, Ш. Муфф, Т.А. ван Дейком и Р. Водак [8]. «Великая война» рассматривается одновременно и как один из «мифов», организующих политическое пространство Белого Востока, и как ключевой знак, формирующий национальную (и наднациональную) идентичность.

Обсуждение. Объектом исследования является политическая коммуникация Белого Востока. При этом основным субъектом коммуникации выступают антибольшевистские политические режимы, сформировавшиеся на территории Сибири в период Гражданской войны. Предмет исследования находится на пересечении трех тематических областей: истории Первой мировой и Гражданской войн, а также политической лингвистики, занимающейся изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием. Каждая из этих предметных сфер обладает сложившимися исследовательскими традициями и подходами, однако в таком ракурсе научная проблема ранее не формулировалась.

Результаты. Тема Первой мировой войны, связанные с ней образы широко представлены на страницах периодических изданий, выходивших на востоке России со второй половины 1918 до конца 1919 г. В прессе тех лет не сформировалось устойчивого определения для обозначения событий 1914 – 1918 гг. Использовались названия «великая война», «великая война народов», «мировая война», «война народов», «европейская война», «германская война», «нынешняя война», «война 1914 – 1918 гг.» и даже «великая германо-франко-русская война». В декларации Российского правительства адмирала А.В. Колчака от 7 декабря 1918 г. Первая мировая война обозначена как «четырехлетняя война против германской коалиции» [9; 10 дек.].

Эпитеты, применявшиеся в прессе для описания первого в истории вооруженного конфликта достигшего мирового масштаба: «кошмарные четыре года» [10; 17 окт.]; «бесчисленные кровавые жертвы» [9; 10 дек.]; «кошмар человечества, море крови» [11; 3 янв.]; «кровавые ужасы беспримерной по жестокости войны» [12; 14 янв.]; «неслыханная война» [11; 4 (17) янв.]; «четырехлетний кровавый кошмар» и множество других, выражают всеохватность, продолжительность, беспрецедентную жестокость и бесчеловечность «Великой войны».

Анализ официальных и проправительственных периодических изданий позволяет выявить несколько контекстов, в рамках которых актуализировались тема и образы Первой мировой войны. Эти контексты можно объединить тематически:

- Вызванная началом Гражданской войны вербовка добровольцев в Сибирскую армию, а затем мобилизация.
- Возвращение военнопленных.
- Биографии военачальников белого движения.
- Обсуждение полученного в ходе мирового конфликта нового военного опыта, в том числе применения конницы, артиллерии, авиации, танков и т.д.
- Национальные и государственные ценности возрождающейся России.
- Армия как символ возрождающейся России, преемственность «старой» и «молодой» армии.

- Взаимоотношения с бывшими союзниками России по Антанте.
- Взаимоотношения России с другими славянскими народами.
- Завершение Первой мировой войны и работа Парижской мирной конференции.

В периодической печати официального направления, а также в издававшихся на востоке России пропагандистских брошюрах сформировался свой сценарий репрезентации, определенная последовательность подачи материала, развертывания темы «Великой войны». В рамках этого сценария можно выделить несколько ключевых сюжетов:

Подвиг. Мировая война стала для России тяжелейшим испытанием. Страна оказалась не готова к широкомасштабным и долговременным военным действиям. «Мы то били немцев с австрийцами, то, не имея снарядов и патронов, отступали, отбиваясь камнями и палками, как делали это в Галиции молодцы Новочеркасского полка и волынцы» [13; с. 4]. «Без снарядов, без оружия, голодная, временами неодетая, Русская армия совершила чудеса, пред которыми преклонялся весь мир» [14; 29 (15) окт.]. За годы войны Россия не раз, с огромными для себя потерями, спасала союзников. «Россия дала возможность сделать западный фронт непреодолимым... Россия ни разу не позволила германцам сосредоточить все свои силы на западе» [9; 29 нояб.]. Именно Россия вынесла на себе основную тяжесть «Великой войны».

Грехопадение. Понимая, что она проигрывает войну, Германия «сумела подло использовать революционные брожения масс в России, бросив в него и умело раздув пламя социальной вражды» [15; 12 нояб.]. Обессиленная Россия не выдержала. «Русский фронт распался вследствие истощения страны, принесшей непосильные жертвы. Яд революционной демагогии, так искусно использованный германской рукой, разложил стойкость и выносливость русских солдат» [9; 29 нояб.]. К власти в стране пришли подкупленные Германией «большевики-предатели», заключившие с ней Брестский мир. «Он опозорил всю Россию: нас всех назвали изменниками наши союзники, потому что мы их бросили в очень опасное время, оставили одних и отказались воевать» [13; с. 4].

Раскаяние и искупление. Брест-Литовский мирный договор стал несмываемым национальным позором. «Эта измена гнетет нас и отравляет чистоту нашей радости» [16; 17 (4) нояб.]. Страданиями, унижениями, многочисленными жертвами заплатила Россия за предательство. «Вся русская жизнь превратилась в Голгофу. Мы распяты за Россию, мы распяты за человечество. Наши потери – искупительные жертвы европейской и всемирной свободы» [11; 5 янв.]. Вина за это целиком и полностью лежит на большевиках. «Народная Россия, как известно, отвергла Брестский договор. Тем самым она осталась в отношениях войны с Германией» [15; 3 июля]. «Мы, русские, с Германией никогда не мирились. Мы продолжали бороться, как могли, и если не активным, то пассивным сопротивлением помогали победе до конца» [9; 29 нояб.]. Подняв оружие против изменников, восстановливая российскую государственность и армию, как воплощение нации, «государственно мыслящие» люди России искупают позор Бреста. «Мы вновь летом этого года (1918 – Д.Ш.) начали войну с центральными державами и с того времени сделали все, что могли» [16; 17 (4) нояб.].

Воздаяние. Антибольшевистские силы с восторгом встретили окончание «Великой войны». «Пережив величайшие несчастья, испив до дна чашу унижения, мы все же чувствуем в своих сердцах мощь многомиллионного народа и, хотя еще носим раны в груди, но как равные, как веерные и искренние союзники шлем поздравления братьям по оружию. Мы верим, что нас встретят те же обятия, что и в 1914 году, и никто из наших друзей не захочет вложить свои персты в наши раны» [17; 20 (7) нояб.]. Несмотря на преждевременный выход России из войны, ее нынешнее правительство и объединившаяся вокруг него «государственно мыслящая» общественность надеялись, что союзники учтут былые заслуги страны. «Разве можно допустить мысль, что уже забыты те жертвы, которые внесены были Россией в общее дело борьбы с насилием? Разве можно отрицать тот непреложный факт, что именно ее колоссальные жертвы, понесенные в течение первых трех лет войны, во имя верности принятых на себя союзным обязательствам, именно они обеспечили победоносный исход войны для держав согласия?» [15; 12 нояб.]. В воздаяние заслуг, считали они, союзники пригласят Россию на Парижскую мирную конференцию, признают Российское правительство адмирала А.В. Колчака, окажут ему экономическую и военную помощь. «Конференция мира не будет праздником свободы и справедливости, если во время ликования освобожденных нашей кровью народов, она предоставит нам лишь право считать свои раны» [11; 5 янв.].

Таким образом, всю совокупность текстов о «Великой войне», имевших пропагандистскую направленность и представленных в многочисленных декларациях, брошюрах, газетных статьях, интервью, очерках, заметках и фельетонах следует рассматривать как особый нарратив со своими контекстами актуализации, композицией и сценарием репрезентации.

Можно говорить и о вполне определенных целевых аудиториях, для которой транслировались эти тексты:

- население подвластных антибольшевистским правительствам территорий;
- правительства, политические и общественные круги стран-союзниц России по Первой мировой войне;

• представители славянских народов (чехи, словаки, сербы, поляки, карпатороссы (русины)), оказавшиеся вовлеченными в российскую Гражданскую войну.

В ситуации разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции объединившимся вокруг Омского правительства антибольшевистским силам необходимы были новые формы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». Основной задачей, решаемой пропагандистскими ведомствами Белого Востока, являлось формирование и консолидация «воображаемого сообщества», понимаемого как «русская национальная общность», подчинение его целям борьбы с большевизмом. Анализ периодической печати официального направления позволяет выделить несколько уровней формируемой национальной и наднациональной идентичности, конституирующую роль в которых играл нарратив о «Великой войне»:

- принадлежность к русским людям («Мы – русские»);
- принадлежность к сообществу славянских народов («Мы – братья-славяне»);
- принадлежность к сообществу «культурных европейских народов» («Мы – европейцы»).

Причем если первоначально отражающая правительственный точку зрения пресса стремилась укрепить веру в союзников, усилить чувство единения с западными демократиями, то к осени 1919 г., когда разочарование в союзниках достигает своего апогея, благополучная Европа все отчетливее противопоставлялась униженной и страдающей России.

В начале октября 1919 г. в «Нашей газете», издававшейся Русским бюро печати, была опубликована басня с характерным названием «Соседская благодарность». В форме аллегории в ней была представлена Первая мировая война. Когда на лес обрушился страшный Зверь, его обитатели заспорили о том как «смирить опасного соседа».

Да вдруг Медведь явился на совет.
Все ну его просить: «Сосед!
Ты – красота лесов: отвага, опыт, сила.
Все за тобой!
Нас, Миша, выручи – иди вперед на бой:
Свою отвагу покажи,
Врага на месте удержи.
А мы его потом, не торопясь, по свойски
Блокируем в лесу геройски.

Когда же Медведь одолел Зверя «благодарные соседи» о нем забыли:
Как только звери победили.
Тотчас к дележке приступили.
А перед тем сошлись потолковать,
Кому что дать:
Позвали даже крыс, Медведя лишь забыли,
Что весь израненный лежал,
Покинутый, голодный, слабый.
И от берлоги утомленной лапой
Волков нахальных отгонял [18; 7 окт.].

В такой ситуации «союзнической ориентации» стала противопоставляться «русская ориентация», общеевропейской наднациональной идентичности – «великая Россия в свободном славянстве». «Розовые очки, сквозь которые мы смотрели на союзников, сняты и, кажется, разбиты, – констатировала в начале ноября 1919 г. красноярская «Свободная Сибирь». – Много говорят о разных ориентациях и снова донкихотствуют из-за них. Для нас же понятно только одно – славянство. Мы – славяне, а все славяне в таком же положении, как и русские» [19; 4 нояб. (21 окт.)].

Заключение. Представленная в официальных декларациях и возвзваниях, газетных статьях и фельетонах, брошюрах, листовках, политической публицистике правительственная пропаганда Белого Востока строилась на сочетании национально-державных и либерально-демократических компонентов, соединении традиционных устоев (сильное национальное государство, православие, армия) с опорой на культурную память о героическом прошлом русского народа с ценностями, привнесенными революцией (демократия, правовое государство, парламентаризм, политические свободы). В такой ситуации использование в пропагандистских целях темы и образов «Великой войны» было вполне объяснимо и закономерно.

Сложнее обстоит дело с определением результатов использования данной пропагандистской стратегии, ее эффективности.

Свою мобилизующую роль, особенно на начальном этапе Гражданской войны, она, безусловно, сыграла. Так один из влиятельных омских политиков Г.К. Гинс масштабность Гражданской войны напрямую связывал с непризнанием значительной частью населения России Брестского мира, который и «расколол страну на два не только непримиримых внутренне, но и разнородных по внешней ориентации лагеря». Унизительный для России договор, полагал он, «заставил тех, кто

желал спасти страну от столь откровенно созданного немецкого ига, обратиться к помощи Антанты» [20; с. 32].

Не следует забывать, что решающую роль в свержении советской власти на востоке России сыграл Чехословацкий корпус. «И не случайно, – писала осенью 1919 г. газета “Русская армия”, – пролилась на русской земле, на пустынных полях Сибири и Приволжья, благородная чешская кровь... В самую трудную пору жизни России представители чехословацкого народа оказали ей неоценимые услуги» [21; 29 окт.]. В течение второй половины 1918 – 1919 г. на территории Урала, Сибири и Поволжья формировались русско-чешские, русско-сербские, югославянские, польские, карпаторусские части для борьбы с «германо-большевизмом». В такой ситуации тема и образы «Великой войны» органично вплетались в развертывание идеологемы панславизма, что приносило определенные плоды. «В то время, как другие все еще торгаются, все еще решают вопрос, – что для них выгоднее: признать или не признать, или, быть может, “самоопределить” Россию на клочья, героический сербский народ, – один среди всех, признал только одну, единую Россию и это свое признание теперь иллюстрируют реальной, недвусмысленной помощью» [19; 11 нояб. (29 окт.)]. Так прокомментировала прибытие на юг России, в армию генерала А.И. Деникина, офицеров сербской армии красноярская «Свободная Сибирь».

Однако расчеты антибольшевистских сил на признание заслуг России бывшими союзниками по Четверному соглашению не оправдались. Претендовавшее на роль всероссийского правительство адмирала А.В. Колчака не было приглашено для участия в Парижской мирной конференции. Кроме того не состоялось и его признания странами Антанты. «Мы с чрезвычайной болью переживаем наши страдные дни. Мы испытали радость поражения Германии. Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы» [11; 4 (17) янв.], – такими словами одной из сибирских газет можно подвести итог сложившегося для Российского правительства адмирала А.В. Колчака положения.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 61. Л. 54.
2. Русское дело (Омск). 1919.
3. Наша газета (Омск). 1919.
4. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
5. Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
6. Бурдье П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007.
7. Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.
8. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997; Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008; Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009.
9. Правительственный вестник (Омск). 1918.
10. Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918.
11. Сибирская речь (Омск). 1919.
12. Правительственный вестник (Омск). 1919.
13. Зачем немец большевика выдумал. Новониколаевск, 1919.
14. Русский голос (Томск). 1919.
15. Заря (Омск). 1918.
16. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.
17. Отечественные ведомости (Уфа – Екатеринбург). 1918.
18. Наша газета (Новониколаевск). 1919.
19. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919.
20. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. М., 2009. 672 с.
21. Русская армия (Омск). 1919.

References:

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-341. Op. 1. D. 61. L. 54.
2. Russkoje delo (Omsk). 1919.
3. Nasha gazeta (Omsk). 1919.
4. Dejk T.A. van. Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke b kommunikacii. M., 2013.
5. Jorgensen M., Fillips L. Diskurs-analiz. Teorija I metod. Char'kov, 2008.
6. Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva. M., SPb., 2007.
7. Brubejker R. Etnichnost' bez grupp. M., 2012.
8. Vodak R. Jazyk. Diskurs. Politika. Volgograd, 1997; Dejk T.A. van. Jazyk. Poznanije. Kommunikacija. M., 1989; Jorgensen M., Fillips L. Diskurs-analiz. Teorija I metod. Char'kov, 2008; Ticher S., Mejer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza texta I diskursa. Char'kov, 2009.

9. Pravitelstvennyj vestnik (Omsk). 1918.
10. Vestnik Vremennogo Vserossijskogo pravitel'stva (Omsk). 1918.
11. Sibirskaja rech (Omsk). 1919.
12. Pravitelstvennyj vestnik (Omsk). 1919.
13. Zachem nemets bol'shevika vydumal. Novonikolaevsk, 1919.
14. Russkij golos (Tomsk). 1919.
15. Zarja (Omsk). 1918.
16. Svobodnaja Sibir' (Krasnojarsk). 1918.
17. Otechestvennye vedomosti (Ufa – Ekaterinburg). 1918.
18. Nasha gazeta (Novonikolaevsk). 1919.
19. Svobodnaja Sibir' (Krasnojarsk). 1919.
20. Gins G.K. Sibir', sojuzniki i Kolchak. Povorotnyj moment russkoj istorii. 1918–1920 gg. M., 2009.
21. Russkaja armija Русская армия (Omsk). 1919.

УДК 94 (47) 084.3 (571)

**«Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»:
тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной
периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)**

Дмитрий Николаевич Шевелев

Томский государственный университет, Российская Федерация
634650, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: shev-dn@yandex.ru

Аннотация. В статье, на основе материалов официальной и проправительственной периодической печати, вышедшей на востоке России с лета 1918 до конца 1919 г., рассматривается использование Омским правительством в пропагандистских целях памяти о Первой мировой войне. Автор приходит к заключению о том, что всю совокупность текстов о «Великой войне», имевших пропагандистскую направленность и представленных в многочисленных декларациях, брошюрах, газетных статьях, интервью, очерках, заметках и фельетонах следует рассматривать как особый нарратив со своими контекстами актуализации, композицией и сценарием презентации. В политическом дискурсе белой Сибири Первая мировая война выступала в роли своеобразной точки отсчета, узлового знака, структурировавшего политическое пространство. Кроме того, «Великая война» играла значимую роль в конструировании новой политической идентичности, базирующейся на национальных, державных и патриотических ценностях, а также памяти о былом величии России.

Ключевые слова: Первая мировая война; Гражданская война; антибольшевистское движение; пропаганда; официальная периодическая печать; политический дискурс.

UDC 004.738.1:94 (571.1/.5)

The Experience of the Design of Thematic Network Resource, Concerning the History of the Public Assistance in the Extreme Conditions of Wars of the Early XX Century

¹Tatiana A. Kattcina

²Olesia M. Dolidovich

³Irina P. Pavlova

⁴Valeriy A. Pomazan

^{1, 2, 4} Siberian Federal University, Russian Federation
79 Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041

¹Ph. D. in History, Associate Professor
E-mail: katsina@list.ru

²Ph. D. in History, Associate Professor
E-mail: dolidovich@mail.ru

⁴Associate Professor
E-mail: valanter@mail.ru

³Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation
90 Mira Avenue, Krasnoyarsk, 660049

²Dr. (History), Professor
E-mail: iripa@inbox.ru

Abstract. The paper is focused on the content of website on the history of the social welfare to the victims of the Russian-Japan (1904-1905) and the First World (1914-1918) Wars. The technique of database creation, necessary for the study of public organizations, which activity was aimed at the rendering help to the victims of war is presented. In the course of the specific historic research, the creation of thematic database and website was the secondary, convenient form of work with information, mainly the archive one. The Eastern Siberia was selected as a base of the main research. The set of materials, posted on the website is aimed at the research of the influence of large-scale military conflicts on the concept, forms and activities of social welfare to the victims of war; widens the information base of historic research and educational process; enables to integrate the material across Russia and form the all-Russian database in the longer term.

Keywords: historic database; the system of database management; history-oriented website; the Eastern Siberia; the Yenisei Province; the Irkutsk Province; social welfare; the victims of war; the Russian-Japan War; the First World War.

Введение. Военная история и история войн традиционно являются одними из наиболее востребованных в научных исследованиях в странах-участницах вооруженных конфликтов. Новым явлением в российской историографии следует считать начавшуюся разработку проблем, связанных с социальными аспектами жизни людей, формами и мерами их социальной поддержки в периоды крупных вооруженных конфликтов. И устоявшиеся, и появившиеся в последнее время методологические конструкты требуют более основательного «подкрепления» результатами конкретных исследований, в том числе региональных. Особую роль в процессе расширения информационной базы исторических исследований и образовательного процесса играют тематические интернет-ресурсы. Вниманию читателя представляется содержательная характеристика историко-ориентированного Web-сайта, который разрабатывается авторами настоящей статьи на материалах Восточной Сибири с 2013 г. в рамках проекта, поддержанного РГНФ.

Представление информации о региональной истории с помощью Web-сайтов практикуется во многих странах, что, очевидно, вызвано способностью сетевых ресурсов выполнять три важные функции: 1) накапливать и сохранять историческую информацию о регионе в виде «академических» баз данных для специалистов; 2) осуществлять утилитарную роль популяризации научных исторических сведений о регионе; 3) значительно расширять и углублять исследования по региональной истории за счет создания профессионального виртуального сообщества ученых-историков, работников музеев и архивов, краеведов, студентов [1].

Материалы и методы. Исследование базируется на комплексе источников, выявленных из многочисленных фондов центральных (государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военно-исторический архив) и региональных (Красноярского края и Иркутской области) архивохранилищ.

После сбора источниковедческой информации и построения стандарта ее перевода в электронный формат, была выбрана система управления базой данных *MySQL* – программа, позволяющая создавать базы данных и обеспечивающая обработку, сортировку и поиск данных; разработана архитектура системы интеграции данных; созданы вспомогательные модули для

заполнения и обработки полученных исторических материалов; с помощью технологии *PHP* – база данных (далее – БД) формата *MySQL* была интегрирована в созданный историко-ориентированный сетевой ресурс (Web-сайт).

При разработке БД и Web-сайта мы опирались на работы О. Boonstra, L. Breure, P. Doorn [2], P. Alkhoven [3], R. Rosenzweig и D. Cohen [4; 5], Л.И. Бородкина [6], И.М. Гарской [7; 8; 9], Ю.Ю. Юмашевой [10] и других авторов, посвященные проблемам теории и методики исторической информатики, разработке концепций ее развития.

Обсуждение. Существует мнение, что «в ходе реализации исследовательских программ компьютерные базы данных по локальной истории создаются очень редко. Имеющиеся же в качестве инструмента исследования истории региона практически не используются, поскольку нацелены на достижение в первую очередь популяризаторской или образовательной цели. Общий их недостаток – нечеткость структуры и низкий уровень представительности данных, а также ориентация на фактологию, а не на источники» [11]. Однако следует отметить, что мотивы создания баз данных, равно как и историко-ориентированных тематических сайтов, гораздо разнообразнее; большим разбросом подходов характеризуется сам процесс формирования историко-ориентированных ресурсов, качество которых, в свою очередь определяется квалификацией коллектива разработчиков [12].

Традиционно для создания баз данных историками используются формализованные массовые источники (переписи населения, бюджетная статистика и так далее), которые позволяют характеризовать идентичные явления за длительные исторические промежутки [13]. При разработке базы данных по истории общественных организаций, деятельность которых была связана с оказанием помощи жертвам войны, нам пришлось агрегировать информацию по каждой организации из источников с различным уровнем достоверности и репрезентативности: деловая переписка, отчеты, анкеты, планы работ, записки, журналы, протоколы заседаний советов центральных и местных отделений организаций и так далее. Были привлечены не только архивные документы, но и материалы газетно-журнальной периодики. При этом количество искомой информации в каждом из источников было неравнозначным: от простого упоминания, до детальной характеристики. Имея дело с такими разнообразными по составу и содержанию, но не жестко структурированными по форме данными исторических источников, мы использовали информацию, зафиксированную в источнике не полностью, а частично.

Результаты. Данные по благотворительным организациям были систематизированы и выгружаются в таблицу с использованием программы Microsoft Excel. Таблица является основным хранилищем данных, которые состоят из записей (строк) и полей (столбцов). Каждая строка соответствует отдельной записи (благотворительной организации), каждый столбец представляет собой поле базы данных: 1) название; 2) начало деятельности; 3) местонахождение; 4) правление; 5) цели и задачи; 6) источники денежных средств; 7) объекты помощи; 8) направления работы; 9) размер и меры социальной поддержки; 10) источники и литература.

Рис. 1. Фрагмент главной страницы Web-сайта с просмотром рисунка при его активации

Технология *PHP* позволила интегрировать БД формата MySQL в Web-сайт, находящийся на период тестирования на бесплатном хостинге. Главная страница Web-сайта демонстрирует его назначение через информацию о проекте, размещенную в верхней части страницы. В правой части сайта расположена галерея графических материалов, где просмотр рисунков (социальная реклама времен Русско-японской и Первой мировой войн) производится при активации одного из элементов (рис. 1).

В левой части страницы отражены разделы сайта в виде ссылок перехода: «О проекте», «База данных и документы эпохи», «Публикации», «Контакты», «Администрирование». Правая часть сайта отображает содержимое каждой из ссылок при их активации.

Тематический запрос в БД может быть сделан по названию организации или адресату социальной помощи (рис. 2).

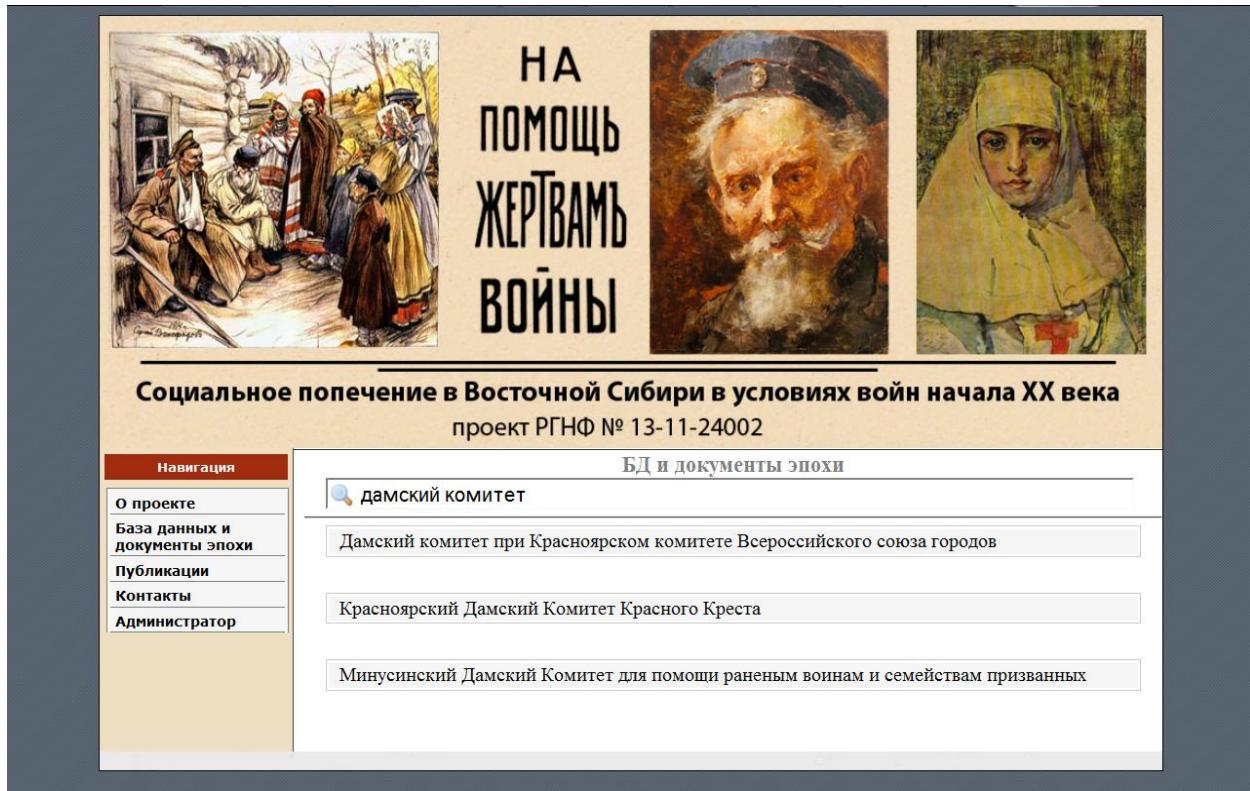

Рис. 2. Пример поиска по названию организации

Развернутая информация по каждой благотворительной организации воспроизводится при переходе по ссылке с названием организации и формируется автоматически из БД в виде информационной «карточки».

«Карточка организации» содержит так называемые документы эпохи – фотографии, сканированные копии архивных документов, которые сопровождаются справочными данными о месте хранения, подлинности и способе исполнения. Активация выделенного элемента обеспечивает его увеличенный просмотр (рис. 3).

Рис. 3. Вид информационной «карточки» благотворительной организации с активированным для просмотра фотодокументом

Раздел «Публикации» представлен тематической подборкой статей разработчиков ресурса (рис. 4). При активации названия статьи происходит переход к ее аннотации, а при активации значка файла PDF – переход к полному тексту работы.

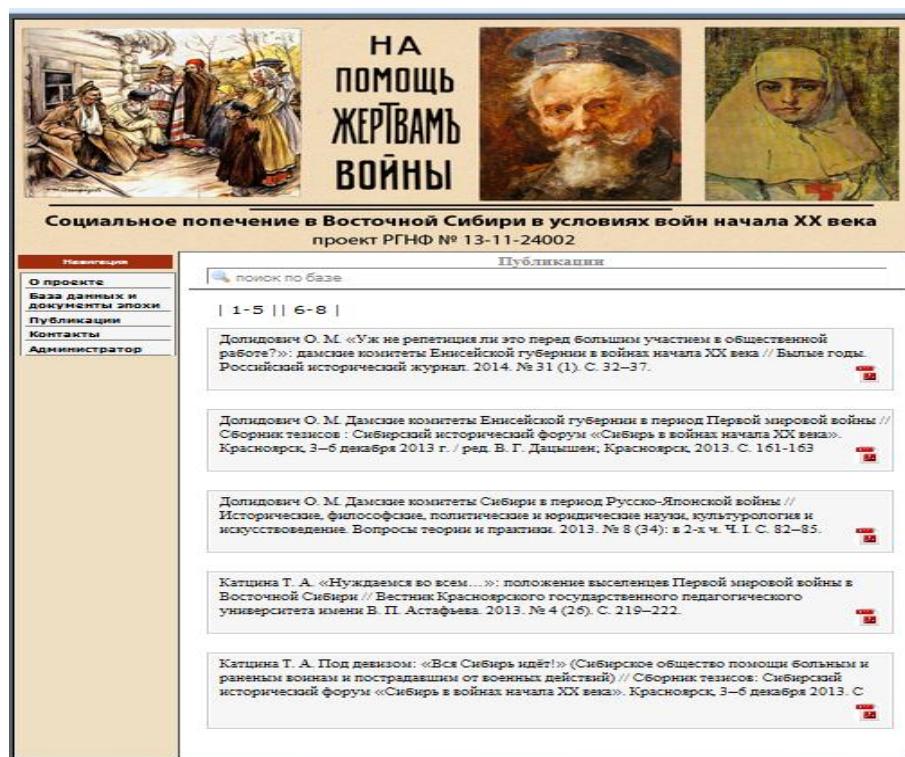

Рис. 4. Изображение раздела «Публикации»

Сопровождение и динамическое наполнение БД сайта обеспечивает режим «Администратор». После ввода логина и пароля появляется возможность добавлять в таблицу новые данные, корректировать существующие (рис. 5).

Данные [Публикации] [Опции выход]										
Создать	Экспорт данных XLS	1-10	11-20	21-30	31-40	41-50	51-60	61-66		
Комитет по спасению погидающим и раненым воинам	15 февраля 1913 г.	Енисейская губерния, станция Красноярск, Красноярский уезд.	Личный состав	- сборы от благотворительных организаций, губернаторов и спонсоров	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	- сборы для раненых, губернаторов и спонсоров	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	1. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен
Комитет по спасению погидающим и раненым воинам	31 июля 1914 г.	Енисейская губерния, гор. Минусинск	Личный состав - около 40 человек	- сборы от благотворительных организаций, губернаторов и спонсоров	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	- сборы от благотворительных организаций, губернаторов и спонсоров	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	2. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен
Красноярский Комитет помощи Красноярскому Краевому Красному Кресту	Образован по инициативе Енисейского губернатора И. А. Абрамова	гор. Красноярск, Енисейская губерния	Председательский - спустился губернатором Л. А. Абрамовым	- сборы от устроителей, губернаторов и губернаторов	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	- спасение раненых и раненых из-за гражданской войны	3. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен
Красноярский Комитет помощи Верхнеудинскому городу	Организован по инициативе Красноярского городского головы С. И. Потапчикова	Енисейская губерния, гор. Красноярск	Председатель - городской голова С. И. Потапчиков	- спасение раненых Красноярского городского головы С. И. Потапчикова	- спасение раненых из-за гражданской войны	- спасение раненых из-за гражданской войны	- спасение раненых из-за гражданской войны	- спасение раненых из-за гражданской войны	4. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен
Красноярский Комитет помощи беженцам	23 августа 1915 г. при Красноярском отделе Сибири	Енисейская губерния, гор. Красноярск	Бюро помощи беженцам	- спасение (300 рублей) беженцев	- спасение беженцев	- спасение беженцев	- спасение беженцев	- спасение беженцев	5. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен
Красноярское городское попечительство по пропаганде	28 июля 1914 г.	Енисейская губерния, гор. Красноярск	Председатель В. И. Краснов	Председатель В. И. Краснов	- спасение беженцев	- спасение беженцев	- спасение беженцев	- спасение беженцев	6. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен
Красноярское отделение Родственного Общества Красного Креста	1914 г.	Енисейская губерния, гор. Красноярск	Член отделения С. И. Потапчиков (Красноярский город)	-	-	-	-	-	7. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен
Кружок лиц, работающих для спасения и помощи Енисейской губернии	Образован по постановлению Министерства иностранных дел	Енисейская губерния, гор. Минусинск	Личный состав	- добровольные пожертвования от Правительства иностранных дел	- беженцы	- добровольные пожертвования от Правительства иностранных дел	- добровольные пожертвования от Правительства иностранных дел	- добровольные пожертвования от Правительства иностранных дел	8. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен
Минусинский городской Комитет помощи беженцам	Енисейская губерния, гор. Минусинск	115 человек	-	-	-	-	-	-	9. Лебанов П. Г. Годы и разделы истории // Енисейские	Протоколы Первой мировой войны представителей городов Ен

Рис. 5. Данные БД в режиме администрирования

Массив базы данных на начало мая текущего года сравнительно небольшой – включает 66 объектов преимущественно по Енисейской губернии. Анализ уже имеющейся информации показал, что с началом Первой мировой войны увеличилось не только число общественных организаций, но и совокупное количество людей, втянутых в сферу филантропии. Это было особенно значимо для Сибири, с ее большим территориальным пространством, низкой плотностью населения, большим этническим и социальным разнообразием. Вопросы классификации благотворительных организаций, их численный и профессионально-социальный состав, а также формы помощи нуждающимся группам населения более подробно рассмотрены в статье Т. А. Катциной [14], а деятельность дамских комитетов Восточной Сибири – в серии публикаций О. М. Долидович [15; 16].

Заключение. К числу преимуществ разработанной нами информационной модели можно отнести следующие реализованные возможности: упорядочивание и хранение данных о благотворительных организациях, создание которых в Восточной Сибири было вызвано потребностями Русско-Японской и Первой мировой войн; наличие режима администрирования для динамического изменения БД; возможность работы в сети Интернет широкому кругу пользователей, так как требуется только наличие браузера, а ограничение доступа возможно лишь из-за перегрузки сервера хостинга.

Сформированная БД позволяет получить ряд количественных показателей (число благотворительных организаций, численный и поименный состав их правления, объем финансирования) и качественных характеристик (задачи организации, целевая группа, разработка процедур отбора получателей помощи, выбор средств и форм оказания помощи, структура финансирования и так далее); обладает возможностью интегрировать материал по различным территориальным и хронологическим параметрам; является доступной для других исследователей за счет использования ресурсов сети Интернет.

Разрабатываемый ресурс может способствовать развитию исследований большого круга проблем о присутствии институтов гражданского общества в политической системе дореволюционной России и уровне их зрелости.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда «Социальное попечение в Восточной Сибири в условиях войн начала ХХ века» № 13-11-24002.

Примечания:

1. Варфоломеев А.Г. Семантическая сеть как модель представления знаний по региональной истории / А.Г. Варфоломеев, А.С. Иванов, Г. Сомс // Материалы международной конференции «Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы». Москва, 13–15 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/AIK2008/thesis.pdf> (дата обращения: 28. 04. 2014).
2. Boonstra O. Past, present and future of historical information science / O. Boonstra, L. Breure, P. Doorn. Amsterdam: NIWI-KNAW, 2004. 130 p.
3. Alkhoven P. New Research Perspectives for the Humanities / P. Alkhoven, P. Doorn // International Journal of Humanities and Arts Computing. 2007. № 1(1). P. 35–47.
4. Rosenzweig R. Digital History: A Guide to Collecting, Presenting, and Preserving the Past / R. Rosenzweig, D. J. Cohen. University of Pennsylvania Press, 2005. 328 p.
5. Cohen D. J. History and the Second Decade of the Web / Cohen D. J. // Rethinking History. 2004. № 8(2). P. 293–301.
6. Бородкин Л. И. Историко-ориентированные тематические сайты: источниковедческие аспекты разработки контента / Л. И. Бородкин // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2005. № 34. С. 147–152.
7. Гарская И. М. Основные направления развития исторической информатики в конце XX – начале XXI века / И. М. Гарская // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. Вып. 6. С. 75–103.
8. Гарская И. М. Информационные технологии и информационный подход в исторической науке / И. М. Гарская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2011. № 4. С. 110–124.
9. Гарская И. М. Историческая информатика: после точки бифуркации / И. М. Гарская // «Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций»: Труды XI конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2010. С. 5–33.
10. Юмашева Ю. Ю. Метаисточник: к вопросу о верифицируемости данных / Ю. Ю. Юмашева // Документ. Архив. История. Современность. Сборник научных трудов. Вып. 6; Уральский государственный университет имени А. М. Горького. Екатеринбург, 2006. С. 309–317.
11. Хлынина Т. П. Историческая регионалистика: основные концепты и проблемы дисциплинарного роста / Т. П. Хлынина // Былые годы. Российский исторический журнал. 2010. № 3. С. 77.
12. Бородкин Л. И. Информационные ресурсы по истории трудовых отношений в российской промышленности / Л. И. Бородкин, И. М. Гарская // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12 / под ред. Л. И. Бородкина. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 9–10.
13. Бензин М. И. База данных по аграрной истории Европейской России 1930–1980-х годов: опыт проектирования / М. И. Бензин, Т. М. Димони // Проблемы развития территории. 2012. 5(61). С. 119.
14. Kattsina T.A. The Siberians in Voluntary Associations Brought to Life by the Needs of the First World War // Bylye Gody. 2014. № 31 (1). pp. 62–66.
15. Долидович О. М. Дамские комитеты Сибири в период Русско-Японской войны / О. М. Долидович // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 82–85.
16. Dolidovich O.M. “Can it be a Rehearsal before a Wider Participation in the Social Activities?”: Women’s Committees of the Yenisey Province in Wars of the Early XX Century // Bylye Gody. 2014. № 31 (1). pp. 32–37.

References:

1. Varfolomeev A. G. Semanticheskaya set' kak model' predstavleniya znanii po regional'noy istorii / A.G. Varfolomeev, A. S. Ivanov, G. Soms // Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Innovatsionnye podkhody v istoricheskikh issledovaniyakh: informatsionnye tekhnologii, modeli i metody». Moskva, 13–15 dekabrya 2008 g. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/AIK2008/thesis.pdf> (data obrashcheniya: 28.04.2014).
2. Boonstra O. Past, present and future of historical information science / O. Boonstra, L. Breure, P. Doorn. Amsterdam: NIWI-KNAW, 2004. 130 p.
3. Alkhoven P. New Research Perspectives for the Humanities / P. Alkhoven, P. Doorn // International Journal of Humanities and Arts Computing. 2007. № 1(1). P. 35–47.
4. Rosenzweig R. Digital History: A Guide to Collecting, Presenting, and Preserving the Past / R. Rosenzweig, D. J. Cohen. University of Pennsylvania Press, 2005. 328 p.
5. Cohen D. J. History and the Second Decade of the Web / Cohen D. J. // Rethinking History. 2004. № 8(2). P. 293–301.
6. Borodkin L. I. Istoriko-orientirovannye tematicheskie sayty: istochnikovedcheskie aspeкty razrabotki kontenta / L. I. Borodkin // Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». 2005. № 34. S. 147–152.
7. Garskova I. M. Osnovnye napravleniya razvitiya istoricheskoy informatiki v kontse XX – nachale XXI veka / I. M. Garskova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija. 2010. Vyp. 6. S. 75–103.
8. Garskova I. M. Informatsionnye tekhnologii i informatsionnyy podkhod v istoricheskoy nauke / I. M. Garskova // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Istoriya Rossii». 2011. № 4. S. 110–124.
9. Garskova I. M. Istoricheskaya informatika: posle tochki bifurkatsii / I. M. Garskova // «Krug idey: modeli i tekhnologii istoricheskikh rekonstruktsiy»: Trudy XI konferentsii Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». M., 2010. S. 5–33.

-
10. Yumasheva Yu. Yu. Metaistochnik: k voprosu o verifitsiruemosti dannykh / Yu. Yu. Yumasheva // Dokument. Arkhiv. Istorya. Sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 6; Ural'skiy gosudarstvennyy universitet imeni A. M. Gor'kogo. Ekaterinburg, 2006. S. 309–317.
 11. Khlynina T. P. Istoricheskaya regionalistika: osnovnye kontsepty i problemy distsiplinarnogo rosta / T.P. Khlynina // Bylye Gody. 2010. № 3. S. 77.
 12. Borodkin L. I. Informatsionnye resursy po istorii trudovykh otnosheniy v rossiyskoy promyshlennosti / L. I. Borodkin, I. M. Garskova // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie. Vyp. 12 / pod red. L. I. Borodkina. M.: Izd-vo MGU, 2006. S. 9–10.
 13. Benzin M. I. Baza dannykh po agrarnoy istorii Evropeyskoy Rossii 1930–1980-kh godov: opyt proektirovaniya / M. I. Benzin, T. M. Dimoni // Problemy razvitiya territorii. 2012. 5(61). S. 119.
 14. Kattsina T.A. The Siberians in Voluntary Associations Brought to Life by the Needs of the First World War // Bylye Gody. 2014. № 31 (1). pp. 62–66.
 15. Dolidovich O.M. Damskie komitety Sibiri v period Russko-Yaponskoy voyny / O. M. Dolidovich // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 8 (34): v 2-kh ch. Ch. I. C. 82–85;
 16. Dolidovich O.M. “Can it be a Rehearsal before a Wider Participation in the Social Activities?”: Women’s Committees of the Yenisey Province in Wars of the Early XX Century // Bylye Gody. 2014. № 31 (1). pp. 32–37.

УДК 004.738.1:94 (571.1/.5)

Опыт проектирования тематического сетевого ресурса по истории социального попечения в экстремальных условиях войн начала XX века

¹Татьяна Анатольевна Катцина

²Олеся Михайловна Долидович

³Ирина Петровна Павлова

⁴Валерий Александрович Помазан

^{1, 2, 4} Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

¹кандидат исторических наук, доцент
E-mail: katsina@list.ru

²кандидат исторических наук, доцент
E-mail: dolidovich@mail.ru

⁴старший преподаватель
E-mail: valanter@mail.ru

³Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация
660049, Красноярск, пр. Мира, 90

²доктор исторических наук, профессор
E-mail: iripa@inbox.ru

Аннотация. В статье раскрывается содержательное наполнение (контент) Web-сайта по истории социальной помощи жертвам Русско-Японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.) войн; приводится методика формирования базы данных, необходимой для изучения общественных организаций, деятельность которых была связана с оказанием помощи пострадавшим от военных действий (жертвам войны). В ходе конкретно-исторического исследования создание тематической базы данных и Web-сайта являлось вторичной, удобной формой работы с информацией, прежде всего, архивного характера. Базой основного исследования выбрана Восточная Сибирь. Размещенный на интернет-ресурсе комплекс материалов предназначен для исследования влияния крупных военных конфликтов на концепцию, формы и меры социальной поддержки пострадавших от военных действий; расширяет информационную базу исторических исследований и образовательного процесса; позволяет интегрировать материал по другим регионам и в долгосрочной перспективе сформировать общероссийскую базу данных.

Ключевые слова: историческая база данных; система управления базами данных; историко-ориентированный Web-сайт; Восточная Сибирь; Енисейская губерния; Иркутская губерния; социальное попечение; жертвы войны; Русско-японская война; Первая мировая война.

UDC 372.893:37.0356:94 "1914/18"

The First World War: Historic Memory and Educational Space (on the materials of Russia and Netherlands)

¹ Olga N. Senyutkina

² Aron Ronald Frederick Gebkhardt

¹ Nizhny Novgorod state linguistic university, Russian Federation
354000, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Minin St., 31a
Dr. (History), Associate Professor

E-mail: senutkina@mail.ru
² University of Amsterdam, Netherlands
1012 WB Amsterdam, Spuistraat, 134
Graduate student
E-mail: arf.gebhardt@gmail.com

Abstract. The article compares the reflection of the First World War events in the historic memory and educational space of two societies: the Netherlandian and the Russian ones. Some new historic sources of archive origin, disclosing the little-known moments in the history of the World War are introduced for the scientific use.

The conclusion contains the information of the factors, influencing the materials introduction. The idea that all objective information delivery on the First World War leads to the elimination of stereotypes in the perception of the events at the time and the appropriate reflection in the educational space and as a result, promotes the understanding between the nations is justified.

Keywords: history; historic memory; education; patriotism; ethnus; confession; inter-cultural communication; socio-cultural identity; mentality; Netherlands; Russia.

Введение. В 2014 году исполняется 100 лет с того времени, как началась первая в истории человечества война, получившая название мировой. Сначала люди, не знаяшие, что человечество обречено пережить еще одну мировую войну вскоре через 20 лет после её окончания, называли первую мировую «Великой», «Большой» – уже тогда признавая масштабы этого страшного по кровопролитию события: в войне участвовало 38 государств, она унесла около 10 млн человеческих жизней около 20 млн человек получаютувечья [1].

Насколько выражена необходимость обращения к этим, теперь уже отдаленным от нас, событиям мирового звучания? От каких факторов зависит отношение к ним? Какое отражение находят события Первой мировой войны в историографии? В образовательном пространстве? Меняется ли отношение к ним? Насколько важна эта тема для тех государств, которые сумели сохранить свой нейтралитет в военные годы?

Материалы и методы. Источниками написания статьи явились историографические материалы: российские (советские и постсоветские) и нидерландские. Привлекались архивные материалы Центрального архива Нижегородской области. Анализировались фрагменты о Первой мировой войне из учебников и учебных пособий, которые используются в образовательном пространстве России и Нидерландов. Использовались при необходимости материалы научных сайтов. Основным методом исследования стал сравнительно-исторический метод.

Обсуждение. Совершенствование качества образования – задача любого общества, независимо от его истории, традиций и менталитета. Крупнейшие события мировой истории находят то или иное отражение в учебных процессах разных стран. Предметом обсуждения в сфере общественного мнения и в среде конкретных профессионалов является вопрос, какие события и каким образом следует освещать в учебном процессе. Одним из событий всеобщей истории является Первая мировая война, речь о которой идет довольно активно в современных условиях. Дополнительным стимулом включения в число активно обсуждаемых тем можно считать своего рода памятный знак этого года – 100-летие со времени начала этой войны.

Сложность отражения событий Первой мировой войны в российских учебниках заключается в том, что сегодня в корне пересматривается отношение к ним в обществе в целом и в историографии, в частности. Причины тому – отказ от резких оценок политики царского правительства в связи с признанием неудачи социального эксперимента по построению коммунистического общества.

В менталитете россиян заложено особое внимание к оценкам, исходящим из уст правителя. Президент России В.В. Путин 27 июня 2012 года, отвечая на вопрос сенатора А.И. Лисицына в Совете Федерации, как Россия собирается отмечать столетие начала Первой мировой войны, обвинил большевистское руководство в проигрыше Россией Первой мировой войны – «...то результат предательства тогдашнего правительства... большевики совершили акт национального

предательства...». Путин назвал проигрыш России уникальным: «наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества. Мы проиграли проигравшей Германии, по сути, капитулировали перед ней, она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой» — заявил В.В. Путин [2].

Сегодня 1 августа отмечается как День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 годов.

Из приведенной оценки проистекает, по меньшей мере, два положения: 1) внимание не акцентируется на том, что участники той войны сражались в рядах царской армии (следовательно, согласно советской историографии, уже априори достойны осуждения) и 2) большевистское правительство могло не только допускать ошибки, но и совершать акты предательства (такого рода тезис невозможно было увидеть в книгах и учебниках советского времени, в которых содержится следующая трактовка: большевики утвердились у власти благодаря Брестскому миру, давшему им некую передышку в войне с Германией, и это было благом для народа).

В советской историографии в рамках формационного методологического подхода оценка сводилась к тому, что большевики, благодаря сепаратному выходу из войны, ускорили возможность построения социализма в мирных условиях. Теперь в оценках торжествует в большей мере антропоцентристский подход: нужно отдать должное памяти погибших, проявлявших героизм на её фронтах, пусть проигравших войну (но не по своей вине). Внимание уделяется патриотическим настроениям населения в годы войны [3].

Сегодня, решив почтить проигравших, российское общество намеревается исправить ситуацию и развернуть работу по корректировке оценки той войны: среди прочих мер, в школьных учебниках должна утверждаться идея, что война отнюдь не являлась для России империалистической, несправедливой, захватнической. Главное при осуществлении патриотического воспитания рассказать обучаемым, что на Восточном фронте героически сражались солдаты и офицеры Российской армии. Что же касается международных оценок, то акцент должен делаться на честном выполнении обязательств Империи перед союзными в рамках Антанты государствами.

Анализ фрагментов текстов школьных учебников, посвященных Первой мировой войне, показывает, что основной событийный ряд, отраженный на их страницах, содержательно одинаков и соответствует объективному раскладу противостояния блоков государств.

Дискуссионным является вопрос, надо ли было Российской империи участвовать в этой войне, не имея четко выраженных национальных интересов. Так ставится проблема для размышления учащимся в некоторых учебниках [4].

При такой подаче материала логично было бы поставить вопрос о том, насколько правильным было решение царского правительства о заключении военно-политического союза с Францией (1891–1894) и последовавшего за этим соглашения с Великобританией (1907), повлекшего за собой оформление Антанты. Но вопрос о целесообразности ухода России от этих соглашений не поднимается и не объясняется на страницах учебников. Таким образом, так или иначе, признается ответственность России за включение в блок, противостоящий Тройственному союзу. В некоторых учебниках категорично утверждается, что у России для вступления в войну были свои корыстные цели: достижение контроля над проливами Босфор и Дарданеллы, дающего гарантированный выход в Средиземноморье и укрепление позиций на Балканах [5. С. 43]. Мысль о том, что существовал мотив помочь со стороны России славянским православным народам, братьям по вере, в учебниках не звучит.

Следует отметить, что авторы всех учебников, рекомендованных Министерством образования и науки РФ для школы, объективно показывают значимую роль Восточного фронта, на котором осуществлялось противостояние России, с одной стороны, и Германии и Австро-Венгрии, с другой [6].

С точки зрения методологии подачи материала, делается переход от классового подхода в оценках происходившего к антропоцентрическому. Например, в одном из учебников [5. С. 50] великие княжны Ольга и Татьяна представлены на фотографии в форме сестер милосердия, что вызывает у школьников, по меньшей мере, сомнение в справедливости расстрела царской семьи в 1918 году.

Что касается героев той войны, то генерал А.А. Брусилов в школьных учебниках и в советские годы всегда упоминался положительно. Дело здесь не только в том, что в 1916 году был совершен героический прорыв на Восточном фронте, вошедший в историю, как Брусиловский, но и в том, что царский генерал впоследствии воевал в годы гражданской войны на стороне Красной армии. В современных учебниках авторы иногда добавляют к тексту о Брусилове и его изображение [7].

По-видимому, сегодня в российском образовательном пространстве вызрела необходимость более глубокого освещения героизма на фронтах Первой мировой войны. Для этого историками предпринимаются некоторые усилия. Например, в Нижегородской области готовится к изданию историко-краеведческий и публицистический сборник под названием «Нижегородцы и Великая война 1914–1918 гг.» объемом в 400 страниц, составитель и редактор С.А. Смирнов.

Книга посвящена вкладу нижегородцев в защиту Родины в годы Первой мировой войны. На ярком историческом фоне показан боевой путь нижегородских дивизий, рассказывается о подвигах воинов-земляков, о деятельности лиц и организаций в сферах снабжения армии, призрения раненых и семей фронтовиков и беженцев, государственной безопасности и охраны правопорядка.

Основные статьи дополнены приложениями справочного характера в виде архивных документов, списков полков и воинских чинов, биографических справок.

Такого рода книги становятся, безусловно, хорошим подспорьем учителям.

Для России важен момент подчеркивания участия в войне людей разной этнической и конфессиональной принадлежности. Например, материалы о таком участии татар-мусульман и других нерусских и неправославных этносов сближает народы России, обращая их взор к общему героическому прошлому.

Среди воевавших были и нижегородские татары-мусульмане. К началу сентября 1914 года завершилась первая мобилизация в Ендовищенской, Андинской, Ургинской и других волостях губернии. Большинство призванных составляли молодые мужчины в возрасте 20–30 лет. Из Сергача в Нижний шли подводы с ратниками. Сергачский уездный военный начальник докладывал командиру формируемой дружины о непрерывном пополнении состава. Только из моноэтнических татарских селений Урга, Анда, Ендовищи, Ключищи, Карга за первые месяцы войны на фронт отправилось более 450 человек [8. С. 36].

Можно называть имена защитников Отечества из татарских селений Нижегородчины. Среди них – только из татарского селения Красный Острров – Халил Нуреев, Тажетдин Салахетдинов, Абзал Айбятов, Халил Алиакберов, Сафа Азеев и многие другие.

Знаменательно то, что женщины помогали фронту, не только работая в тылу. Известны имена жительниц деревни Ишево, которые так же, как и мужчины, ушли на войну: это – Сабера Хакимова и Ханяфия Рахимова [9]. По нашим подсчетам, в первые годы войны 90-тысячное татарское население губернии отправило на фронт свыше 3.000 солдат [10].

Сказанное – интересные и важные детали. Их нужно, по нашему мнению, вводить в образовательное пространство.

Примеры такого рода, извлеченные историками из архивов, переданные учителем своим ученикам в дополнение к материалам учебника, дают возможность усиливать патриотическое воспитание. Важным моментом является и развенчивание все еще бытующих в сознании мифов о Первой мировой войне:

- якобы она была однозначно империалистической;
- что российская армия только отступала и терпела поражения;
- что Россия вела войну в изоляции от союзников;
- якобы Николай II желал заключения сепаратного мира с Германией [11].

В дополнение скажем, что сегодня Российский общеобразовательный портал Интернета большое внимание уделяет событиям Первой мировой войны, делая акцент на документы военного времени. Действительно, только опираясь на исторический источник и его грамотную интерпретацию, можно составить картину событий, приближенную к реальной.

Резких содержательных перемен в историографии, в целом характерных для российского менталитета, не наблюдается в общественном мнении западноевропейцев и историографии западноевропейских ученых. Традиция вспоминать события Первой мировой войны не уходила из социокультурного пространства Западной Европы и продолжает оставаться в нем по сей день. Достаточно вспомнить отмечаемый во Франции и Бельгии, как национальный праздник, День перемирия – 11 ноября 1918 года. Или: День поминовения в Великобритании – второе воскресение каждого ноября. Примеры можно было бы продолжать, война была мировой, и люди отдают должное памяти погибших, редко какому государству удалось её избежать.

На картах школьных учебников Нидерланды и Швейцария остаются маленькими островками континентальной Европы, невовлеченными в театры военных действий [12]. Известно, что в годы Первой мировой войны Нидерланды смогли удержать свой нейтралитет: «Политика нейтралитета не только спасла страну от сильных социальных потрясений, но и принесла ощутимые плоды нидерландской экономике» [13. С. 71].

У голландской образовательной системы есть давняя традиция свободы и независимости от правительенного вмешательства. Начиная с первого проекта Конституции Нидерландов 1848 года, свобода преподавательской деятельности была основным правом, которое осталось неприкосновенным даже во время различных попыток реформы Конституции Нидерландов. Эта свобода преподавания в значительной степени помогла религиозным движениям (католики, протестанты) в создании их собственных школ с их собственным религиозным почерком, независимым от правительенного вмешательства. У Нидерландов, таким образом, есть два значительно различающихся типа школ: общественные правительственные школы на светской основе и «специальные» школы, основанные разными конфессиями с различающимися взглядами на суть образования [14]. Оба типа школ получают равное финансирование от правительства.

Недавно, в 2012 году, Голландский Образовательный Совет – независимый консультативный совет – обратился с просьбой к правительству расширить содержание статьи 23 Конституции Нидерландов, гарантирующей свободу образования [15].

Свобода преподавания устанавливает границы непосредственного воздействия, которое правительство может оказывать на голландские образовательные учреждения. Голландское правительство не может, например, диктовать школам, что преподавать и как преподавать. Оно не

может даже рекомендовать, какие учебники могут или не могут использоваться в той или иной школе, поскольку это противоречило бы столь желанной свободе образования.

Однако школа, чтобы получить финансирование, должна соответствовать определенным критериям. Эти критерии подготовлены правительством и известны как «Основные цели». Эти «Основные цели» определены Голландским министерством образования, и они одни и те же для всех учеников, как общественных, так и «специальных» школ. Эти «Основные цели» и служат главными установками для голландских учебных планов и минимальными требованиями к их составлению на первые три года среднего образования (для учеников от 12 до 14 лет).

В «Основных целях» наличествует 7 частей. Из них одна (за номером 5) имеет непосредственное отношение к рассматриваемому в статье сюжету и называется «Человек и общество» [16]. Её содержание: «Ученик учится использовать структурное деление на временные отрезки, в которые он/ она может поместить события в их развитии и людей в их времени. Ученик в таком случае будет ориентироваться в специфических особенностях каждого периода времени» [16].

Предпоследний этап охватывает временной отрезок с 1900 до 1950 года и назван периодом мировых войн. «Основные цели» подчеркивают, что ученики должны уметь увязывать события истории XX столетия с конкретикой современности.

Первая мировая война, таким образом, имеет отношение к голландским ученикам только лишь постольку, поскольку она может объяснить им суть происходящего в современном мире. Кроме того, Первая мировая война – не отдельное событие, которое должно быть оценено само по себе, но событие, включенное в больший период времени, который, в свою очередь, включает в себя большое количество разнообразных новаций (изобретение телевидения, деколонизация, освободительные движения, конец Голландской империи).

Первая мировая война может быть рассмотрена только как маленький винтик крупной машины – случай, который заслуживает внимание только потому, что способствует пониманию современного мира.

Голландский историк Маартен Брандс писал, что память о Первой мировой войне в лучшем случае фрагментарно интегрирована в голландскую историческую память [17]. Несмотря на то, что в Нидерландах есть некоторые мемориалы, которые были первоначально предназначены для памяти о Первой мировой войне, отсутствует какой-либо специальный юбилейный день или какая-либо церемония, когда вспоминают жертв тех событий. Нидерланды вспоминают своих погибших, жертв той войны, 4 мая, но речь идет о: «всех тех – гражданских и военных – кто из Королевства Нидерландов умер или был убит, начиная со Второй мировой войны (курсив авт.), во время войны или в последующих миротворческих операциях [18]. Некоторые мемориалы в память о жертвах Первой мировой войны малоизвестны и не очень хорошо сохраняются. Внимание таким мемориалам оказывают, прежде всего, люди на местах, заинтересованные поддержанием этой части коллективной памяти. Так, например, в Винтерсвийке есть очень активная группа 'Monumentenbelangen', которой удалось восстановить памятник в первоначальном виде.

Памятник 'Nederland Neutraal' (Нейтральные Нидерланды) был установлен в 1923 году и напоминает о голландском нейтралитете во время Первой мировой войны. В 1926 году в пространство памятника был введен построенный фонтан, продемонстрировавший возможности сети водоснабжения Винтерсвийка. После Второй мировой войны памятник находился в плохом состоянии, но в 2013 году и памятник и фонтан были отремонтированы и тем самым восстановлены.

Существенно, что мемориал Винтерсвийка вскоре после его установления использовался в других целях, (то есть демонстрации возможностей сети водоснабжения, служа для подачи воды). Аналогично другие памятники в иных местах претерпевали подобные изменения.

Военно-морской монумент в Ден Элдере был первоначально построен в память о 58 голландских моряках, подорвавшихся на минах во время Первой мировой войны, установленных

вдоль голландского побережья. После Второй мировой войны монумент получил статус памятника жертвам войны 1939–1945 гг. Надпись «1914–1918» была удалена с памятника, и в наше время даже флотский персонал не знает, какой была первоначальная цель его установки.

Это – судьба также и других памятников той войны: большинство из них либо получает дополнительный смысл озnamенования памяти жертв Второй мировой войны либо приходит в полную негодность и падает со временем, уходя в небытие.

Большое количество памятников, связанных с событиями Первой мировой войны, посвящено беженцам или интернированным солдатам.

Самым большим из них является так называемый Бельгийский памятник в городе Амерсфорте.

После падения Антверпена в 1914 году многие бельгийцы (по некоторым источникам до 1.000.000 человек), искали и нашли убежище в Нидерландах. Из чувства благодарности бельгийские беженцы возвели этот памятник в течение 1914–1918 годов. Спустя только двадцать лет после окончания той войны, в 1938 году, бельгийский король Леопольд во время визита в Нидерланды посетил этот памятник [20]. Из-за нейтралитета Нидерланды с начала войны имели международное обязательство интернировать любых иностранных солдат, находящихся на их территории. Британские солдаты, уходя из Бельгии в поисках прибежища в Нидерландах, были интернированы в лагерь около города Гронингена [21].

Памятники – часть коллективной памяти и, как таковые, указывают на степень готовности своей страны лицезреть свою историю. Голландский историк Хьюберт ван Туилл ван Серускеркен отметил отсутствие Первой мировой войны в голландской и международной историографии. Он объясняет это тем, что «небольшое государство не является, как в футболе, игроком» [22], ссылаясь на факт, что Нидерланды из-за нейтралитета вряд ли могли играть заметную роль в те годы.

Вскоре после заключения мира в 1918 году оказалось, что война уходит очень быстро из коллективной памяти и не считается предметом изучения и осмысливания.

И в последующем ситуация не меняется. Внимание голландской историографии было более нацелено на Вторую мировую войну и ее последствия для Нидерландов. Роль Нидерландов во время той войны очень отличалась от предшествующей; во время Первой мировой войны Нидерланды были нейтральными свидетелями, тогда как во Второй мировой войне голландцы стали жертвами.

Еще один вопрос, раскрывающий голландскую позицию относительно Первой мировой войны – это отражение темы в учебниках.

В Нидерландах существует большое количество учебников, из которых школы могут свободно выбрать нужное им. Что касается методики преподавания истории, то школа может выбирать из 12 различных вариантов. Нет никакой системы рекомендаций на этот счет от правительства – поскольку давление при выборе посягнуло бы на свободу преподавания.

Содержание голландских школьных учебников совпадает во многом с историографическими оценками, когда речь идет о Первой мировой войне. Как сказано выше, голландское образование использует «Основные цели» и периодизацию, исходя из десяти основных временных отрезков как установку при формировании материалов уроков по истории.

Чтобы помочь ученикам и учителям грамотно иметь дело с историей, голландское правительство в 2005 дало распоряжение комиссии, возглавляемой историком и литератором Фритс ван Устромом, создать некий Канон истории. Цель такого Канона состояла в том, чтобы противостоять возможной потере интереса к истории у голландских учеников.

Канон был представлен голландскому правительству в октябре 2006 года. С тех пор как школы в Нидерландах имеют большую свободу в методике преподавания, Канон не обязателен к исполнению. Тем не менее, небезынтересно понять, что говорится в Каноне о Первой мировой войне, учитывая, что Канон служит директивой для подачи материала по рассматриваемому нами периоду истории.

Согласно Канону, Первая мировая война была периодом, имевшим последствия и для Нидерландов, и ее злодеяния, сказались и на этой стране [23]. Вспомним общеизвестные факты: обе

воюющие стороны во время этой войны – инициаторы войны (Германия, Италия, Австро-Венгрия) и их противники (Великобритания, Франция и Россия и присоединившиеся к ним США) использовали в траншеях ядовитый газ.

По поводу голландского нейтралитета Канон говорит, что он «был в течение долгого времени основанием голландской внешней политики» [24]. Причины установления нейтралитета не приведены и из текста неясно, почему Нидерланды не подверглись нападению со стороны противоборствующих государств. Канон заканчивает параграф о Первой мировой войне утверждением, что на её финише многие европейские страны пережили революционные события.

Отмечено, как говорилось ранее, что Первая мировая война – лишь маленький винтик в большом колесе; и война значима в сознании лишь потому, что может частично объяснить происходящее сегодня. Разные методики обращают на это внимание.

В методике Feniks Первая мировая война используется, чтобы проиллюстрировать понятия национализм, шовинизм, империализм и гонка вооружений [25]. Акцент делается на основных причинах войны и сути её как окопной, позиционной. Внимание - Западному фронту. Восточный Фронт упоминается, но не говорится ни слова ни о Брусилове, ни о сражении в Тannенберге.

Война закончилась, когда Соединенные Штаты вмешались в ситуацию в 1918 году после подписания Брест-Литовского мира между Германией и Россией. Положение Нидерландов во время войны и последствия войны для них в этой методике не имеют никакого значения.

Центральный вопрос, который рассматривается: Каковы причины Первой мировой войны, и что сделало эту войну уникальной в истории человечества? Такой вопрос призывает к механическому перечислению различных причин и не бросает «вызов» ученику, не мотивирует его самостоятельной работы.

Методика МЕМО использует Переводную мировую войну в качестве шага к рассмотрению Октябрьской революции в России. Глава 2 в этом материале называется «Эра мировых войн; На пути к Красному Террору».

Основные понятия при этом – капитализм, социализм и марксизм. Далее задействованы понятия: коллективизация, пропаганда и тоталитаризм [26]. Делается упор на событиях в России, Советский Союз и Нацистская Германия ставятся на один уровень как тоталитарные государства.

Методика Indigo подчеркивает ужасы Первой мировой войны. Можно предположить, что ученики должны сочувствовать кому-то, живущему в 1918 году. Обучаемые могут сделать, разъясняя эти ужасы, какие-то иллюстрации в виде плакатов и т.п. Объясняются причины того, как индустриализация и техническое развитие помогли Первой мировой войне стать в конечном итоге резней [27].

Эти три методики служат хорошим примером того, как голландские учебники «переводят» вышеупомянутый Канон в учебный процесс. Хотя существует достаточно разнообразие в презентации материалов и содержании этих книг, суть остается одной и той же: Первая мировая война – шаг к российской революции/красному террору, подчеркивание ужасов войны с ее миллионами жертв и отсутствием Нидерландов во всеобщем конфликте.

Конечно, этот последний пункт не должен становиться неожиданностью. Нидерланды оставались нейтральными до 1940 года и активно не участвовали в той войне. Таким образом, мы видим, что голландские учебники не пытаются объяснить сложность удержания государством нейтральной позиции и тот факт, что голландский нейтралитет, даже во время Первой мировой войны, оспаривался её участниками.

Результаты. Мотивация включения в образовательное пространство материалов о Первой мировой войне (с теми или иными содержательными акцентами, в том или ином объеме) зависит от ряда факторов:

- от того, как выглядело участие того или иного государства в этой войне, какую позицию занимали по отношению к ней народы и власть;
- каково отношение к исторической памяти в целом в рамках той или иной культуры;
- существует ли традиция патриотического воспитания в образовательной составляющей той или иной культуры.

Заключение. В голландской коллективной памяти Первая мировая война отражена, прежде всего, как часть большего целого. Период между 1914 и 1918 годами был стартовой площадкой к дальнейшему развитию, а не событием, достойным особого отношения. Военные мемориалы Первой мировой войны часто не используются по первоначальному предназначению. Нейтральная позиция Нидерландов во время войны делает трудным постижение того, что происходило в соседних государствах.

Для России Первая мировая война, на долгое время незаслуженно забытая, имеет огромное значение, явившись катализатором революционных событий.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что сегодня существует необходимость в сохранении исторической памяти о событиях Первой мировой войны и введения информации о ней в образовательное пространство. Это нужно не только в интересах культурных сообществ отдельных

стран, но и для более плодотворного межкультурного общения, для укрепления межкультурных коммуникаций.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № 2275 «Стратегии межкультурной коммуникации, этноконфессиональное взаимодействие и социокультурная идентичность России».

Примечания:

1. Вернер Штайн. Хронология мировой цивилизации. Т.2 /Отв. ред. Е. Лакирева. М: СЛОВО/SLOVO, 2003. С. 55, 69.
2. Известия. 2012. 4 августа.
3. Молчанова В.С., Черкасов А.А., Шмигель М. Молодежь и патриотические настроения в период царствования императора Николая II //Былые годы. 2013. № 30 (4). С. 88-93.
4. Измозик В.С. История России: 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений /В.С.Измозик, С.Н.Рудник; под общ. ред. Р.Ш.Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2013.
5. История. Россия и мир. 11 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений /О.В.Волобуев, В.А.Клоков, М.В.Пономарев, В.А.Рогожкин. М.: Дрофа, 2013.
6. Алексашкина Л.Н. История. Россия и мир в XX – начале XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень /Л.Н.Алексашкина, А.А.Данилов, Л.Г.Косулина. М.: Просвещение, 2010.
7. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: профил. и базовый уровни /А.О.Чубарьян, А.А.Данилов, Е.И.Пивовар и др. М.: Просвещение, 2011. С. 39.
8. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отечеству (конец XVI – начало XX вв.). Нижний Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2005. С. 36.
9. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.636. Оп.1. Д.1. Л. 2.
10. ЦАНО. Ф.2368. Оп.1721. Д.73. Л. 161, 350.
11. Шатохина-Мордвинцева Г.А. Нейтралитет Нидерландов в годы Первой мировой войны // Научные ведомости. 2009. № 9(64). С. 65-72.
12. Сергеев Е.Ю. Как и за что воевала Россия /Журнал «Фома». 2013. № 8 (124).
13. Dutch Ministry of Education, <http://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/vrijheid-van-onderwijs>, accessed may 13th 2014.
14. Artikel 23 Grondwet in maatschappelijk perspectief, Onderwijsraad, Den Haag, 2012.
15. http://wetten.overheid.nl/BWBR0019945/geldigheidsdatum_13-05-2014#Bijlage.
16. M.E. Brands, 'The Great War die aan ons voorbijging. De blinde vlek in het historische bewustzijn van Nederland' in: M. Derman en J.E.H. Blom (eds), Het belang van de Tweede Wereldoorlog (Den Haag 1997) 9-20.
17. http://www.4en5mei.nl/4_en_5_mei/nationale_herdenking/wie_herdenken_we.
18. <http://www.wereldoorlog1918.nl/nederlandse-gedenktekens/>.
19. <http://www.wereldoorlog1918.nl/nederlandse-gedenktekens/#05>.
20. <http://www.wereldoorlog1918.nl/engelsekamp/engelsekamp-deel-12.html>.
21. The Netherlands and World War I: espionage, diplomacy and survival by Hubert P. van Tuyl van Serooskerken Tuyl van Serooskerken, Hubert P. vanLeiden [etc.]: Brill 2001.
22. <http://www.entoen.nu/eerstewereldoorlog>.
23. Ibid.
24. Feniks 2e fase 2e editie, Thieme Meulenhof bv, juli 2012.
25. Memo Havo 3, Malmberg.
26. Indigo, Wolters-Noordhoff, 2005.

References:

1. Verner Shtain. Khronologiya mirovoi tsivilizatsii. Т.2 /Otv. red. E.Lakireva. M: SLOVO/SLOVO, 2003. S. 55, 69.
2. Izvestiya. 2012. 4 avgusta.
3. Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Shmigel' M. Molodezh' i patrioticheskie nastroeniya v period tsarstvovaniya imperatora Nikolaya II //Bylye gody. 2013. № 30 (4). S. 88-93.
4. Izmozik V.S. Iстория Rossii: 11 klass: uchebnik dlya uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii /V.S.Izmozik, S.N.Rudnik; pod obshch. red. R.Sh.Ganelina. M.: Ventana-Graf, 2013.
5. Iстория. Rossiya i mir. 11 kl. Bazovyi uroven': ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii /O.V.Volobuev, V.A.Klokov, M.V.Ponomarev, V.A.Rogozhkin. M.: Drofa, 2013.
6. Aleksashkina L.N. Iстория. Rossiya i mir v XX – nachale XXI veka. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii: bazovyi uroven' /L.N.Aleksashkina, A.A.Danilov, L.G.Kosulina. M.: Prosveshchenie, 2010.
7. Iстория Rossii, XX – nachalo XXI veka. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenii: profil. i bazovyi urovni /A.O.Chubar'yan, A.A.Danilov, E.I.Pivovar i dr. M.: Prosveshchenie, 2011. S. 39.

-
8. Senyutkina O.N., Guseva Yu.N. Nizhegorodskie musul'mane na sluzhbe Otechestvu (konets XVI – nachalo XX vv.). Nizhnii Novgorod: Izd-vo NIM «Makhinur», 2005. S. 36.
 9. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F.636. Op.1. D.1. L. 2.
 10. TsANO. F.2368. Op.1721. D.73. L. 161, 350.
 11. Shatokhina-Mordvintseva G.A. Neitralitet Niderlandov v gody Pervoi mirovoi voiny // Nauchnye vedomosti. 2009. № 9(64). S. 65-72.
 12. Sergeev E.Yu. Kak i za chto voevala Rossiya /Zhurnal «Foma». 2013. № 8 (124).
 13. Dutch Ministry of Education, <http://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/vrijheid-van-onderwijs>, accessed may 13th 2014.
 14. Artikel 23 Grondwet in maatschappelijk perspectief, Onderwijsraad, Den Haag, 2012.
 15. http://wetten.overheid.nl/BWBRO019945/geldigheidsdatum_13-05-2014#Bijlage.
 16. M.E. Brands, 'The Great War die aan ons voorbijging. De blinde vlek in het historische bewustzijn van Nederland' in: M. Derman en J.E.H. Blom (eds), Het belang van de Tweede Wereldoorlog (Den Haag 1997) 9-20.
 17. http://www.4en5mei.nl/4_en_5_mei/nationale_herdenking/wie_herdenken_we.
 18. <http://www.wereldoorlog1918.nl/nederlandse-gedenktekens/>.
 19. <http://www.wereldoorlog1918.nl/nederlandse-gedenktekens/#05>.
 20. <http://www.wereldoorlog1918.nl/engelsekamp/engelsekamp-deel-12.html>.
 21. The Netherlands and World War I: espionage, diplomacy and survival by Hubert P. van Tuyl van Serooskerken Tuyl van Serooskerken, Hubert P. vanLeiden [etc.] : Brill 2001.
 22. <http://www.entoen.nu/erstewereldoorlog>.
 23. Ibid.
 24. Feniks 2e fase 2e editie, Thieme Meulenhof bv, juli 2012.
 25. Memo Havo 3, Malmberg.
 26. Indigo, Wolters-Noordhoff, 2005.

УДК 372.893:37.0356:94"1914/18"

Первая мировая война: историческая память и образовательное пространство (на материалах России и Нидерландов)

¹ Ольга Николаевна Сенюткина

² Арон Рональд Фредерик Гебхардт

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет, Российская Федерация
354000, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
Доктор исторических наук, доцент, профессор

E-mail: senutkina@mail.ru

² Университет Амстердама, Нидерланды
1012 ВВ Амстердам, Спуистраат, 134
Аспирант
E-mail: arf.gebhardt@gmail.com

Аннотация. В статье делается сравнительный анализ отражения событий Первой мировой войны в исторической памяти и образовательном пространстве на материалах двух обществ: нидерландского и российского. Введены в научный оборот некоторые новые исторические источники архивного происхождения, раскрывающие малоизвестные моменты в истории мировой войны.

Делается заключение о тех факторах, которые влияют на введение материалов о Первой мировой войне в образовательное пространство. Обосновывается идея о том, что все более объективная подача материалов о Первой мировой войне ведет к изживанию стереотипов восприятия событий того времени, к их адекватному отражению в образовательном пространстве и, в конечном итоге, способствует большему пониманию между народами.

Ключевые слова: история; историческая память; образование; патриотизм; этнос; конфессия; межкультурная коммуникация; социокультурная идентичность; менталитет; Нидерланды; Россия.

Part 2. General History

UDC 93+340(470)(075.8)

The Privileges in Russia in XVIII–XIX Centuries

Aleksei S. Emelianov

Southwest state university, Russian Federation
305040, Kursk region, Kursk, st. 50 let oktyabrya, 94
Lecture
E-mail: emelyanov46@mail.ru

Abstract. The article, basing on the study of historic-legal and historic-sociological material, analyzes the use of such tool as privileges by the Russian government in XVIII–XIX centuries.

The author studies legislative foundations of privileges grant, particularly in decrees, manifests, conditions of Catherine the Great, Pavel I and the social effect of their use.

Keywords: privilege; government; politics; nobility.

Введение. Социальная политика, дворцовые интриги и новый курс в развитии российского государства вызвал необходимость более активного использования правительством привилегированного права, совершенствования института выдачи привилегий в законодательстве в целях эффективного управления и выполнения политических задач.

Наиболее показательным историческим примером использования института привилегий в политических и социальных сферах является период дворцовых переворотов второй четверти, второй половины XVIII века. В данном случае речь идет, в первую очередь, о системе классовых привилегий, существенно расширявших права дворянства: возобновилась раздача земли и крестьян дворянам; было разрешено дворянам записывать своих малолетних детей в гвардейский полк; срок службы дворян ограничили 25-ю годами; была осуществлена отмена таможенных пошлин в 1754 г., наконец, был издан Манифест о вольности дворянства 1762 г. [1]

Материалы и методы. В процессе исследования политики выдачи привилегий в XVIII веке базовым источником стали законодательные акты и архивные материалы. Основными методами исследования использовались общеисторические методы.

Обсуждение. Рассматривая историю развития российского права и теорию права, можно выделить такие виды привилегий, как личные, групповые, классовые, территориальные, экономические, налоговые, военные и т.д. Первые проявления привилегий в законе были зафиксированы еще во времена тархановых грамот «Золотой орды» [2]. Большую роль всегда играли классовые привилегии, так как этот вид преимуществ, наделяя определенный слой населения дополнительными правами, служил «рычагом» управления политической и экономической ситуацией в стране. Правительство наделяло группу населения привилегией, являвшуюся опорой в проводимой государством политике в качестве инструментария регулирования общественных отношений [3].

Другой вид, территориальные привилегии, имел не менее важное значение в управлении государством, наделяя определенные, стратегически важные для государства, территории, исключительными правами. Для рассмотрения этих видов привилегий был проведен анализ законодательства XVIII–XIX вв., поскольку данный период позволяет рассмотреть наиболее важные, яркие, значимые привилегии в законодательстве, выдаваемые государством.

Несомненно, самым важным и явным действием в закреплении привилегий было принятие 21 апреля 1785 году Екатериной II такого законодательного акта, как «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»[4]. Сокращенным названием данного акта принято считать «Жалованная грамота дворянству», в котором подтверждалась основные положения, изложенные в Манифесте о вольности дворянства 1762 года. Данная грамота, по мнению правительства, должна была содействовать большей консолидации господствующего класса, которым являлось дворянство. Стоит отметить, что в том же 1785 году был принят и другой законодательный акт «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи»[5], именуемый «Жалованная грамота городам», который добавлял и расширял привилегии дворянства.

Стоит отметить, что в самом названии «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» присутствует такой термин как «преимущества», который является синонимом термина «привилегия». В этом документе содержалась масса таких привилегий, которые возвышали дворянства над другими сословиями.

В данном законодательном акте описывается порядок и причины возведения в столь высокий чин, а так же причины лишения данного титула. Порядок лишения звания дворянина так же содержал элементы привилегий, так как лишиться дворянин своего титула мог лишь из-за серьезного преступления, совершенного им. К таковым преступлениям относятся: «1. Нарушение клятвы. 2. Измена. 3. Разбой. 4. Воровство всякого рода. 5. Лживые поступки. 6. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание...». При этом следует отметить что обычный суд не мог судить дворянина, а, как говорилось в законе, «Да не судится благородный, кроме своими равными», т.е. определить виновность дворянина могли только равные ему, а именно дворяне. Говоря о суде и наказаниях, нельзя не сказать о том, что в ст. 14 данной грамоты говорилось о сроке давности преступления дворянина, который составлял 10 лет, а в ст. 15 о том, что к «благородному» нельзя было применять телесное наказание, что, несомненно, являлось яркой привилегией этого класса.

О вольности дворянства в жалованной грамоте говорит и тот факт, что дворянам разрешалось покидать российское государство на длительные периоды времени и поступать на службу в европейских державах, которые являлись союзниками России, что, вне всяких сомнений, расширяло поле деятельности дворян. Эта привилегия была очень важна для господствующего класса, так как в законе говорится о том, что дворяне могли иметь фабрики и заводы, иметь рукодельный промысел и т.д. Не менее важной привилегией было и то, что не только участок земли и дом принадлежал дворянину, но и все что находилось в недрах земли и воды, которые к нему относились. В ст. 32 «Жалованной грамоты дворянству» написано следующее: «Благородным дозволяется оптом продавать или из указанных гаваней за моря отпускать товар...». В совокупности все эти привилегии давали «благородным» право на экспорт продукции, произведенной на личных фабриках и заводах, так и сырья, найденного в недрах своих владений.

Помимо дворянства дополнительные права были дарованы купцам I и II гильдий, которые освобождались от телесных наказаний, могли владеть крупными промышленными и торговыми предприятиями [6].

Данные привилегии, несомненно, улучшили и облегчили жизнь дворян и купцов, давая им больше возможностей для развития производства или торговли.

Одной из важнейших привилегий «Жалованной грамоты» стало наделение дворянства самоуправлением, создав дворянское общество. Официальным органом данного общества стало «дворянское собрание». Основной функцией данного собрания было избрание на такие посты, как: губернские и уездные предводители дворянства, капитан-исправников, которые возглавляли уездную администрацию, судебных заседателей и т.д.

В рассматриваемый период помимо «Жалованной грамоты» привилегии были дарованы и другими законодательными актами. Следует отметить, что в зависимости от экономической или иной целесообразности привилегиями наделялись не только дворяне и купцы. Особыми правами наделялись, например, откупщики. Правовой статус откупщиков закреплял специальный законодательный акт – «Кондиции, постановленные к заключению контрактов о содержании с 1767 г. впредь через 4 года на откупу питейных и прочих сборов, кроме Москвы и Петербурга, во всех губерниях» от 19 января 1767 г. Питейная торговля рассматривалась государством как общее дело казны и откупщиков. Последние считались «коронными поверенными служителями», получали высокое право, подобно дворянам, носить шпаги, должны были охраняться и снабжаться охранными караулами в случае необходимости. Во время несения откупных обязанностей на откупщиков распространялась особая юрисдикция. Об этом свидетельствует не только разрешение ношения шпаги, иметь охрану, но и обязанность на подведомственных откупщику кабаках иметь государственный герб [7].

При Павле I, как следует из многих документов той эпохи, купцы не только не подвергались никаким ограничениям со стороны правительства, но и, по словам Батровой Т.А., в отношении данного сословия принимались различные меры поощрения их деятельности [8].

Такая политика отражена в ряде указов, в частности Павел I в Именном указе Сенату в 1800 г. высказал основную мысль об отношении к торговому сословию: «Торговля есть корень, откуда обилие и богатства произрастают...изъявляя Высочайшее благоволение...торгующим, искусством и знаниями в торговле к общей пользе содействующим..., чтобы «ознаменовать их особенным знаком Монаршаго... к ним уважения..., учредил новый для них класс отличия, под названием Коммерции Советников, которому равняться с осьмым классом службы статской» [9]. Купцы получали различные привилегии: дополнительные права торговать в особых лавках и амбарам, были выделены также российские купцы в сравнении с иноземными, а также купцами евреями (русские подданные платили вдвое меньше пошлину) [10]. Таким образом, государь подчеркнул роль купечества в жизни государства, используя институт привилегий.

Вместе с тем, торговое законодательство развивалось, а контроль за торговой деятельностью усиливался (Устав цехов, 1799 г.), что может указывать на двойственность, и даже противоречивость в политике Павла I.

Заключение. Следствием проводимой политики выдачи привилегий в XVIII–XIX веках стало усиление роли дворянского и купеческого сословий. Выдача привилегий дворянству и торговых

привилегий торговому сословию привела к общезвестному социальному положению в рассматриваемый период. Существенно повысилось значение института привилегий в обществе того времени, он действительно стал не просто законодательным способом регулирования общественных отношений, но и методом политической борьбы.

Привилегированное право в рассмотренный период позволяло решать важные стратегические экономические и политические вопросы. Выдавая привилегии дворянам, купцам, откупщикам государство получало возможность более эффективного управления социальными процессами, достижения поставленных перед ним целей.

Примечания.

1. Орлов А.С., Георгиев В.А. и др. История России в схемах: учебное пособие. М.: Проспект, 2011. С. 86.
2. РГАДА. Ф. 131. Оп. 28. Д. 196. Л. 4-18.
3. Емельянов А.С., Тиганов А.И., Ларина О.Г. Привилегии и иммунитеты в праве: проблемы определения и анализ действующего законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. №5(44). С. 52.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. Первое. Том XXII. 1784–1788 гг. №16. С. 187.
5. Памятники российского права. В 35 т. Т. 7. Памятники права в период правления Павла I: учебно-научное пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 272.
6. Захаров В.В., Исаев И.А., Ларина О.Г., Салтыкова С.А. Эволюция права и правовых институтов в истории российской государственности: монография. М., 2012. С. 160.
7. Ларина О.Г. Этапы развития законодательства о питеиной регалии в России // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. №2. С. 119.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXII. 1784–1788 гг. №16.
9. Об учреждении для купечества особого отличия под названием Коммерции Советников, и о сравнении оного с восьмым классом статской службы: Именный указ, данный Сенату от 27 марта 1800// ПСЗ. Собрание I. Т.XXVI. №19347.
10. Памятники российского права. В 35 т. Т. 7. Памятники права в период правления Павла I: учебно-научное пособие / под. общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 274.

References:

1. Orlov A.S., Georgiev V.A. i dr. Iстория Rossii v skhemakh: uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2011. S. 86.
2. RGADA. F. 131. Op. 28. D. 196. L. 4-18.
3. Emel'yanov A.S., Tiganov A.I., Larina O.G. Privilegii i immunitety v prave: problemy opredeleniya i analiz deistvuyushchego zakonodatel'stva // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №5(44). S. 52.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. Tom XXII. 1784–1788 gg. №16. S. 187.
5. Pamyatniki rossiiskogo prava. V 35 t. T. 7. Pamyatniki prava v period pravleniya Pavla I: uchebno-nauchnoe posobie / pod obshch. red. R.L. Khachaturova. M.: Yurlitinform, 2014. S. 272.
6. Zakharov V.V., Isaev I.A., Larina O.G., Saltykova S.A. Evolyutsiya prava i pravovykh institutov v istorii rossiiskoi gosudarstvennosti: monografiya. M., 2012. S. 160.
7. Larina O.G. Etapy razvitiya zakonodatel'stva o piteinoi regalii v Rossii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №2. S. 119.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. Tom XXII. 1784–1788 gg. №16.
9. Ob uchrezhdenii dlya kupechestva osobago otlichiya pod nazvaniem Kommertsii Sovetnikov, i o sravnenii onago s vos'mym klassom statskoi sluzhby: Imennyi ukaz, dannyi Senatu ot 27 marta 1800// PSZ. Sobranie I. T.XXVI. №19347.
10. Pamyatniki rossiiskogo prava. V 35 t. T. 7. Pamyatniki prava v period pravleniya Pavla I: uchebno-nauchnoe posobie / pod. obshch. red. R.L. Khachaturova. M.: Yurlitinform, 2014. S. 274.

УДК 93+340(470)(075.8)

Привилегии в России в XVIII–XIX веке

Алексей Сергеевич Емельянов

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет октября, 94

Преподаватель

E-mail: emelyanov46@mail.ru

Аннотация. В статье на основе изучения историко-правового и историко-социологического материала представлен анализ применения правительством такого инструмента как привилегии в России XVIII–XIX вв.

Автором исследуются законодательные основы выдачи привилегий, в частности в указах, манифестах, кондитиях Екатерины II, Павла I, а также социальный эффект их применения.

Ключевые слова: привилегия; правительство; политика; дворянство.

UDC 930.85

J. Gobineau, Wagner, China and the Emergence of the ‘Yellow Threat’

¹ Dmitry E. Martynov
² Yulia A. Martynova

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation

Institute of Oriental Studies and International Relations

PhD, Associated Professor

420111, Kazan, Pushkin str., 1/55

E-mail: dmitrymartyrov@mail.ru

² Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation

Salikh Saidashev Higher School of Arts

Concertmaster

420021, Kazan, Tatarstan str., 2

E-mail: marabaeva.juli@gmail.com

Abstract. The article deals with the views of J. Gobineau of China and the term of the ‘Yellow Threat’. Gobineau denied the progress and the social equality and considered China the most sociable community of the world and at the same time developed the concept of the ‘Yellow Threat’. Being the logical pessimist, he considered that the major conflict of the XX century will be the conflict between the white and the yellow races. After his death, the views of Gobineau were adopted by R. Wagner’s and spread across kaiser Germany. They were also adopted by the imperial Japan, followed by Konoe Atsumaro and Mori Ogai. Despite the attention of Gobineau to the problems of China, his views didn’t spread across China.

Keywords: General history; China; Japan; the ‘Yellow Threat’; racism; elitarism; egalitarianism; imperialism; colonialism.

Введение. Вклад Жозефа-Артура де Гобино (1816 – 1882) в западную общественную мысль может быть охарактеризован как глубоко противоречивый. Считая себя в первую очередь литератором, он не был популярен у современников, однако его расовая теория нашла признание сначала в кайзеровской Германии, а далее и в Третьем Рейхе. Впрочем в нацистской Германии он так и не попал в сонм «народных мыслителей». Во второй половине XX в. теория Гобино стала восприниматься как безусловный анахронизм, который упоминается в обобщающих трудах (напр. [1, с. 84–86]), количеству работ, специально посвящённых ему, невелико, а на русском языке исчисляется единицами [2].

Необходимость вновь обратиться к теориям Ж. Гобино определяется, на наш взгляд, двумя основными обстоятельствами. В условиях быстрой поляризации и радикализации общественного сознания (ныне глобального), исследование трудов основоположников популярных теорий – расовых в том числе, – позволяет выявить источники популярных мифов и способствовать борьбе с ними. Имя Ж. Гобино прочно связано как минимум с двумя мифологемами – превосходства арийской расы и «жёлтой угрозы». Посему возвращение к главному труду Гобино – «Опыта о неравенстве человеческих рас» [3] с точки зрения востоковеда и историка общественной мысли не будет лишь антикварным интересом.

Китай в теории Гобино. К середине 1850-х гг. Ж. Гобино служил секретарём посольства в Иране и с полным правом именовал себя профессиональным востоковедом. Опыт Ирана как «анти-Европы» служил теоретическому обоснованию его мировоззрения, отрицающего прогресс и современность. Тогда же был написан и «Опыт». Связь с Китаем парадоксальна, как многое в его жизни: в 1859 г. кандидатура Гобино рассматривалась при назначении первого официального посла Франции в Китай (где до 1912 г. правила маньчжурская династия Цин), но он отклонил это предложение, поскольку в дипломатической иерархии того времени оно было равносильно ссылке. По крайней мере, так воспринимал ситуацию сам Гобино, описывая её в письме своему учителю А. де Токвилю [4, р. 196]; так же воспринял и своё назначение в Бразилию.

Расовая теория не была инновацией Гобино, принципиально новым для западного общественного сознания было понятие о смешении рас как принципе подъёма и упадка мировых цивилизаций, а также роли «вырождения» в этом процессе. Заметим лишь, что понятие «раса», используемое в «Опыте», практически аналогично понятию «этнос», «этническая группа» и восходит к историографии европейского романтизма [2, с. 135, 137–138].

Из трёх основных рас – белой, чёрной и жёлтой – по Гобино белая (арийская) раса является элитарной. Социальные институты, созданные этой расой, основаны на конкуренции и неравенстве. Напротив, жёлтая раса является самой социабельной изо всех существующих. «Во всех делах – приверженность к посредственности, четкое понимание всего, что не является слишком

возвышенным или глубоким; любовь ко всему полезному, уважение к порядку, осознание преимуществ, которые дает определенная доза свободы. Желтокожие очень практичны, в узком смысле этого слова. Они не предаются мечтаниям, не склонны к теоретическим рассуждениям, неизобретательны, но способны оценить и принять все утилитарное. Их желания ограничиваются спокойной и, по мере возможности, удобной жизнью. <...> Наверное, любой цивилизатор охотно избрал бы такой народ в качестве основы своего общества...» [3, с. 194–195].

Из своей расовой теории Гобино выводил теорию цивилизаций, которых насчитывал 10. Все они были обязаны своим возникновением арийскому элементу, который зародился в Центральной Азии и Сибири и постепенно смешиваясь с остальными расами привёл к созданию цивилизации. Взгляды Гобино весьма причудливы, например, он считал, что древнеегипетская цивилизация была создана арийской колонией из Индии, которая возникла в верхнем течении Нила. Китайская цивилизация в классификации Гобино шла под №5 и была аналогична египетской по обстоятельствам возникновения – начатки социального мышления привнесла жёлтой расе колония арийцев из Индии [3, с. 200–201]. Экзотично даже в этом контексте выглядела идея возникновения доколумбовых цивилизаций Америки, изложенная в книге «История Оттара-ярла» (1879)¹. Арийским элементом, который привёл к созданию цивилизации, были немногочисленные группы викингов.

Здесь можно услышать явно диссонансную ноту. Гобино заявлял, что монголоиды зародились и развивались на Американском континенте, переселились на север Евразии и далее начали расселение в юго-западном направлении. В результате оказывалось, что неполноценная жёлтая раса победила и вытеснила белые финские народы – коренных обитателей северной Евразии и Дальнего Востока. Гобино делал ещё более оригинальные выводы, ближе всего стоящие к вульгарному расизму: он предположил, что описанные в индийском эпосе «Рамаяна» обезьяны полчища, – не что иное как монголоидные армии, используемые Рамой для покорения чёрных народов южной Индии [3, с. 365].

Гобино отказывался признавать глубокую древность китайской цивилизации, а равно и достоверность письменных источников, которые были созданы до III в. до н.э. [3, с. 369–370]. Однако он использовал миф о перво человеке Пань-гу², который сопоставлял с данными индийской мифологии, и в результате посчитал его доказательством цивилизующей роли индийских арийцев на «потомков обезьян» – племён мяо, населявших древнейший Китай [3, с. 371–372]. Цивилизование, осуществляемое воинами-кшатриями, восставшими против брахманов, Гобино относил к XXX – XXVIII вв. до н.э. Таким образом, центром возникновения китайской цивилизации был юг, а не север, а ненависть восставших кшатриев к брахманической системе определила социальный, а не религиозный характер китайской цивилизации, диктуемый «мужским» типом кшатрийского мышления [3, с. 373–376]. Соответственно, китайская цивилизация относится к «мужскому типу», что противоположно представлениям XIX в. и даже собственно китайским взглядам на этот счёт [5].

С начала XIX в. Китай служил для европейских мыслителей эталоном патриархального общества и идеологии. Для Гобино, отрицающего ценности либерализма и социализма, патриархат был моделью древнейшего арийского общественного строя, соответственно, он считал его самым совершенным для древности и зримым доказательством культурной деятельности арийцев среди низших рас. «У китайцев очень прозаическая натура, чрезмерность ужасает их, поэтому несправедливый монарх немедленно теряет авторитет и уважение. В этой стране принципом правления был патриархат, поскольку цивилизаторами были арийцы, которые жили среди низших народов, но на практике абсолютизм властителя не проявлялся ни в сверхчеловеческой гордыне, ни в отталкивающем деспотизме и был ограничен узкими рамками в силу того, что малайская природа не провоцировала эксцессов, а арийский дух, смешиваясь с ней, находил среду, осознающую, что спасение государства есть соблюдение законов на всех уровнях населения. <...> Самое святое – традиция, и тираны усматриваются даже в отходе императора от обычая предков. Короче говоря, сыну Неба позволено все, за исключением посягательства на освященные традиции» [3, с. 378–379].

Арийское завоевание Гобино относил к китайской праистории. Для раннего периода характерна «фрагментарность власти», распылённой по многим княжествам. Это соотносится с древнейшей историей Египта и Индии, из чего делается вывод, что арийцы не приемлют унификации [3, с. 383]. Эту систему Гобино называл «феодальной», и, по-видимому, это было первой попыткой охарактеризовать таким образом общественно-экономический строй доимперского Китая. Идея тождества общественной системы древнейшего Китая и европейского феодализма восторжествует в историографии только в первой трети XX в. благодаря работам Ху Ши (основные историографические подходы в этом вопросе рассмотрены в статье М.Е. Кравцовой [6]).

Таким образом, события III в. до н.э. – реформы Цинь Ши-хуанди и создание имперского механизма – для Гобино означали утрату всякого наследия белой расы, и торжество расы жёлтой, что он даже сравнивал с начальным этапом Великой Французской революции [3, с. 384].

¹ Гобино возводил к Оттару – норвежскому пирату IX – X вв., завоевателю Нормандии, – свою родословную. В конце жизни он всё более идентифицировал с ним себя, последние письма к сестре подписаны именно этим именем [2, с. 138, 141].

² Миф о первопредке был зафиксирован в письменной культуре Китая не ранее III в. н.э. Предполагается, что это было заимствование из мифологической традиции аборигенов китайского Юга, в частности, мяо.

В теории Китая Гобино было множество других оригинальных посылок. Китай для него был «демократической монархией», в которой чиновники-мандарины ограничивали пределы императорской власти, а система государственных экзаменов позволяла любому простолюдину занять высочайшее положение в обществе. «Посредственность» китайской литературы сочетается с масштабами образования, недоступного современной ему Европе. Подчёркивание сосуществования демократии и деспотизма в Китае не было нарочитым парадоксализмом Гобино, поскольку вытекало из политической теории Аристотеля, а также демонстрировало явное влияние его учителя Токвиля, который полагал, что стремление к равенству подрывает стремление к совершенствованию.

Таким образом, Гобино находился в одном шаге от признания китайской цивилизации социалистической в своей основе. Скорее всего, он был знаком с председательской речью Ю. Моля в Азиатском обществе в конце 1851 г., в которой сущность китайского общества прямо называлась формой социализма. В том же году другой знакомый Гобино – китаевед и тибетолог Э. Хюк выпустил в свет весьма популярный труд «Китайская империя», в которой охарактеризовал суть реформ Ван Ань-ши (1021–1086) как социалистическую [7, р. 113]. Таким образом, для Гобино социализм и эгалитаризм были совпадающими понятиями, полностью приложимыми к китайскому обществу. Он проводил явные параллели между институтами китайского мандарината и политической практикой современной ему Франции, именуя «химерой» основные столпы либерализма – равенство, верховенство личных заслуг и возможность добиться успеха только при помощи личных способностей. Однако он признавал, что эти «принципы 1789 года» ещё в древности были реализованы в монархическом Китае.

«Жёлтая угроза», Вагнер и эсхатология. В описаниях Китая Гобино можно найти достаточное количество отсылок и прямых заимствований из труда Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества». Однако «Опыт» Гобино мыслился его автором не только как попытка научной интерпретации всей человеческой истории, но и нёс совершенно ясный идеологический и личностный посыл. Перечисленные выше параллели между политическими системами традиционного Китая и современной Гобино Европы могут рассматриваться как аналог «Персидских писем» Монтескье – метафоры, предназначенные для развенчания и санации причин политических конфликтов в Европе. Однако, анализируя материалы, созданные Гобино в последнее десятилетие его жизни (не только его статьи, но и переписку и дневниковые записи), становится очевидным, что он понимал тесную взаимосвязь всех субъектов международного процесса. В конце жизни он со всей определённостью высказывал идею, что Китай, захваченный Россией (или Германией), может захватить Европу и совершенно уничтожить белую расу и созданную ею цивилизацию. Более того – борьба с социализмом по важности для судеб мира уступает неизбежной перспективе китайского вторжения [8, с. 219–220]. В 1878 г. Гобино предсказывал, что вторжение начнётся в ближайшие 10 лет [9, р. XLVI–XLVII].

Активное внедрение идеи «жёлтой угрозы» в западное общественное сознание происходило следующим образом: в 1876 г. Гобино, сопровождая в европейском турне бразильского императора Педру II, впервые встретился с Р. Вагнером, знакомство возобновилось в 1880 г., к тому времени композитор прочитал и «Опыт» [8, с. 236–242]. Современники отмечали, что к 1881 г. Гобино уже состоял в приятельских отношениях со всем вагнеровским кругом, включая его жену Козиму (урождённую Лист). Вагнеровская газета *“Bayreuther Blätter”* («Байрёйтский листок») впервые познакомила немецких читателей с теориями Гобино, причём не только в пересказе; там публиковались переводы отрывков из работ графа [4, р. 256].

Практически все позднейшие исследователи подчёркивали значительные расхождения в мировоззрении и интеллектуальных построениях Гобино и Вагнера. Однако в начале 1880-х гг. Вагнер заявлял, что их видение прошлого и будущего вполне совместимы, ибо научные работы французского дипломата давали научное объяснение его собственных расовых идей. Издание своих сочинений 1881 г. Вагнер посвятил Гобино и был полон решимости распространять его наследие по Европе и миру [4, р. 256]. Возникает иной вопрос – смогли бы Вагнер и Гобино активно сотрудничать? Гобино раздражала идея всеобщего спасения,ложенная Вагнером в основу собственного творчества, как христианская по своему генезису. Соответственно, Вагнер проигнорировал тезис Гобино, согласно которому артистические способности требуют расового смешения. Резко отличались их представления о морали – Вагнер последовательно придерживался шопенгаузеровских взглядов, в то время как Гобино ближе были идеи Ницше, выраженные в «По ту сторону добра и зла» [8, с. 157].

Не следует, однако, пренебрегать и моментами сходства. В своей статье «Героизм и христианство» (*Heldentum und Christentum*) Вагнер продемонстрировал значительное воздействие на него идей Гобино, особенно во всём, что касалось античного театра, искусства Ренессанса и генеральной идеи – аскетизма арийских героев и неизбежности вырождения германской расы при межэтническом смешении [10, с. 231–232].

За год до кончины Вагнера, Гобино поместил в его «Байрёйтском листке» статью «Относительно нынешнего положения дел в мире», переведённую на немецкий язык К. Вагнер и снабжённой введением композитора. Статья эта примечательна во многих отношениях, ибо содержит краткое изложение всемирной истории с расовой точки зрения, а далее на этом фундаменте

выстраивается анализ мировой политики после насильтственного «открытия» Китая во время Первой Опиумной войны (1839–1842) [8, с. 480–485]. Важнейшей параллелью древности по отношению к современности является образ жёлтого завоевателя Аттилы, которому Гобино приписал решающий удар, уничтоживший Римскую империю.

Отношение Гобино к Аттиле менялось в течение жизни. В первой попытке изложить расовую теорию – эпической поэме «Манфредина» (1848) – Гобино изобразил завоевателя как «сокрушителя революции городской черни». Тогда ещё он находился под влиянием идей романтизма, активно взявшего линию на «романтизацию варварства» (как выразился ещё К. Маркс), которое, вполне в руссоистском ключе, противопоставлялось аморальной и декадентской «цивилизации», – сиречь, современности. Однако уже в «Опыте» Аттила рассматривался как типичный представитель жёлтой расы, и тем самым утратил почти все свои привлекательные черты [11, р. 144–145].

Здесь следует подчеркнуть, что по мнению Гобино, Римская империя к тому времени безнадёжно прогнила от чрезмерного прилива «меланийской крови», порождённой длительным процессом «семитизации». Для Гобино, однако, важнее было не центральноазиатское происхождение Аттилы, а тот факт, что подавляющее большинство его войск составляли германские варвары – т.е. арийцы. Именно они «расчистили» пространство для нового подъёма арийской культуры в средневековой Европе [8, с. 482].

Возвращаясь к современности, Гобино особое внимание уделил темпам и масштабу китайской эмиграции, описав последствия «китайской волны», которая захлестнёт Европу по железным дорогам Российской империи. Граф одобрительно отзывался о законах, запрещающих китайскую миграцию в Калифорнию и южные колонии Британской империи (будущие Австралия и Новая Зеландия) – на том простом основании, что антипатия к чуждым расам естественна. Пессимизм его, знакомый читателям «Опыта», нашёл своё полное воплощение в прогнозе на будущее: Европа в конечном счёте будет поглощена «ордами с Востока», поскольку её социальная структура, неотделимая от расового состава общества, слишком деградировала, чтобы противостоять нашествию. Итогом будет наступление «нового V века», в котором «новые жёлтые орды» сметут Европу ещё более радикальным образом, чем во времена Римской империи, ибо она ещё более деградировала в расовом отношении. Вспоминая схемы мирового процесса, описанные в «Опьте», это будет ликвидацией последних остатков арийской цивилизации в Европе, и осуществлят её китайцы, которым свойственны узкие коммерческие и личные интересы [7, р. 117].

Поскольку Гобино считал себя в первую очередь литератором, он попытался придать своим видениям художественный вид. Последним его опубликованным произведением стала трагедия «Амадис», частично опубликованная в 1876 г., и вышедшая в полном виде уже после кончины автора – в 1887 г. [8, с. 485, 490]. Поэма исключительно велика по своему объёму – около 12 000 стихов, свыше 500 страниц текста, и весьма тяжела по стилю. Основное её содержание – эсхатологический конфликт белой и жёлтой рас. Изначальная элита белой расы – аскеты-герои, которым долгое время удавалось сохранять цивилизацию и должный социальный порядок, со временем стали жертвой революционных событий, приведших к власти простолюдинов, и прежде всего – буржуазию, которая является более и менее смешанной в расовом отношении, но, в свою очередь, сталкивается с восстаниями расово неполноценной черни. Ослабленная Европа становится лакомой добычей для хищников за её пределами. Последний шанс сохранить её – противостояние бесчисленным «жёлтым ордам» при помощи полуазиатов – славян. Однако арийские герои, непобедимые в открытом поединке, становятся жертвой многочисленности своих противников и тонут в море трупов тех, кого убили. Характерно, что в переиздания собрания сочинений Гобино, выходивших в XX в., поэма не включается [7, р. 117].

Содержание «Амадиса» является лучшей иллюстрацией того, что для Гобино историография и эсхатология совпадали. Ещё в «Опьте» описано, что жёлтые орды, пришедшие из Американского континента, изгнали арийцев из их прародины – Центральной Азии; это находит логическое завершение в «Амадисе». Однако самым парадоксальным на этом фоне выглядит совершенно иное – исходя из логики расизма, следовало бы ожидать, что Гобино должен оправдывать империалистическую экспансию. Граф и здесь был последовательно оригинален – он выступал с позиций расистского антиколониализма. Азия для Гобино – «запретный плод», который отравит любого, кто решитсякусить его. В своих художественных произведениях на азиатскую тему он вообще отходил от расизма и неоднократно подчёркивал высокие моральные и интеллектуальные качества восточных народов (например, лезгинов, которых рассматривал как «татар», т.е. относящихся к монголоидной расе) [2, с. 138].

Впервые образ Азии как запретного плода появился в статье Гобино «Три года в Азии», вышедшей в 1859 г. по результатам работы в дипломатическом представительстве Франции в Иране. В переписке с Токвилем в 1850-е гг., он предсказывал, что страны Азии неизбежно одолеют дряхлеющую Европу, особенно «ненасытный в своей древности Китай» [4, р. 142]. В «Опьте», написанном раньше, содержится весьма примечательный пассаж на эту тему. Гобино пытался смоделировать теорию арийского захвата Китая на современном ему материале. Первый генерал-губернатор Британской Индии лорд Р. Клайв (1725 – 1774) полагал, что достаточно 30-тысячной британской армии, чтобы покорить всю Срединную империю. По индийскому образцу, войска

должны были составлять гарнизоны в важнейших городах и портах, чтобы обеспечить повиновение населения, свободный обмен товаров и сбор налогов. «Такая ситуация не могла бы продолжаться долго. 30 тысяч – слишком мало, чтобы господствовать над тремя сотнями миллионов, составляющими однородную массу в смысле чувств, инстинктов, потребностей. Даже при многократном увеличении армии, она оставалась бы в изоляции и в конце концов была бы вынуждена уйти. А теперь представим другое: лорд Клайв отрекается от британской короны и желает царствовать сам, как император Китая, над покорным его мечу населением. В этом случае дело могло бы обернуться иным образом» [3, с. 388]. Однако в конце концов побеждает пессимизм: Гобино полагает, что даже «серьёзные изменения в китайской крови» не могут быть основой цивилизации европейского типа, и чтобы европеизировать Китай, недостаточно сил «всех цивилизованных народов, взятых вместе». Гобино ещё в 1850-е гг. предсказывал, что Китай можно подчинить, но не удастся переделать [3, с. 389], ему предстоит двигаться до конца по предначертанному ему пути [3, с. 390].

Если анализировать данный пассаж, выясняется, что Гобино исходил из тезиса, что британское завоевание Индии оказалось успешным, в сущности, потому, что объектом и субъектом колониального режима оказались однокоренные в расовом отношении народы – англичане и индийцы. Напротив, рассуждая о возможности реализации британского плана завоевания Китая, Гобино полагал, что европейцы никогда не смогут сбить столь многочисленной колонии, чтобы оказать воздействие на своих жёлтых подданных. Единственным вариантом было бы окитайвание завоевателей, которые бы отпали от британской короны и возложили на себя корону Срединного государства.

Необходимо также заметить, что план, приписанный Гобино генерал-губернатору Клайву, в действительности ему не принадлежал. Издатели собрания сочинений Гобино указывали, что данный план излагался в биографии Клайва, написанной Дж. Малколмом в 1836 г., но не привели на сей счёт никаких источников [7, р. 118]. Похожий план, однако, излагался лордом Маккарти в дневниках его посольства в Китай 1793 г., но при жизни Гобино он не публиковался. Вероятно, граф использовал эту идею из какого-то промежуточного источника. Опасения Гобино относительно оборотной стороны европейского империализма значительно усилились после успешных действий России на Балканах (во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.) и в Центральной Азии, особенно после присоединения Кокандского ханства и Илийского кризиса 1871 – 1881 гг. [4, р. 250–254].

В общем, идеи Гобино, высказываемые им во время «Большой игры» в Центральной Азии, не были восприняты западной политической элитой. Его рассуждения о негативных последствиях западной экспансии в Азию, в частности – продвижения России в Северный Китай, были совершенно несовместимы с колониалистским оптимизмом (не сказать «угаром») 1880-х годов. Не приходится удивляться, что главный труд его жизни – «Опыт о неравенстве человеческих рас» был впервые переиздан в 1884 г., только после его смерти, в связи с окончательной аннексией Вьетнама, приведшей, в итоге, к франко-китайской войне 1884 – 1885 гг.

Иными словами, в наследии покойного Гобино современники расставили совершенно не те акценты, которые предполагались самим создателем. Спустя полвека после его кончины – в 1938 г., французский антрополог Ж. Барзун констатировал, что «идеи Гобино дали совершенно разные всходы в Англии, Франции и Германии. Если в Англии они были восприняты (или придуманы параллели к ним) без указания имени, а во Франции их принятие затянулось, то в Германии они были восприняты раньше всех и во всей полноте» [7, р. 119]. Действительно, в Германии идеи Гобино стали развиваться после их принятия вагнерианцами в Байрёите, прежде всего – Людвигом Шеманом и британцем-германофилом Хьюстоном Чемберленом (женатым на дочери композитора – Еве). Собственно, именно Шеман основал в 1894 г. «Общество Гобино», он же написал двухтомную биографию Гобино (1913–1916).

Х. Чемберлен подошёл к теориям французского графа менее эмоционально, а в идейном плане – более избирательно. Причиной тому был категорический эсхатологизм мышления Гобино и вытекающий отсюда исторический пессимизм. Он одновременно считал смещение рас двигателем развития человечества и смены цивилизаций и главной причиной их упадка и гибели, и вырождения и гибели всего человечества. Идея «вырождения» была живо подхвачена социальными мыслителями и антропологами XIX в., но и Шеман, и Чемберлен подошли к решению вопроса не как поэты, а как рационалисты. Иными словами, возникла идея, впоследствии развитая многочисленными эпигонами, что расовую «чистоту» можно поддерживать или даже восстанавливать, применив научные методы, в частности, евгенические. Кроме того, в пессимизме Гобино был аспект, который категорически не устраивал его продолжателей-вагнерианцев. Проблема заключалась в том, что к вопросу расовой чистоты арийцев граф подходил крайне непоследовательно. С одной стороны, Гобино заявлял, что к XIX в. несмешанных рас не осталось вообще, и постоянно критиковал современных ему европейцев, а особенно – французов. С другой, он многократно возносил хвалу национальному характеру и добродетелям «германцев», которых назвал главным арийским элементом в истории Европы в античности и средних веках. В то же время в некоторых своих статьях и частных выступлениях Гобино мог заявить, что современные немцы, англичане и шведы почти полностью сохранили арийские черты [12, р. 11, 22]. Естественно, что вагнерианцы, сплавляя идеи

арийского расизма и пангерманизма, предпочитали именно эти интерпретации, которые позволяли рассматривать немцев и скандинавов как исторических наследников великой арийской расы. Насколько это было искажением оригинальной мысли Гобино – вопрос в высшей степени дискуссионный [7, р. 120].

Наиболее болезненным для Шемана и Чемберлена являлся еврейский вопрос. Как и их вдохновитель Вагнер, они являлись последовательными идеальными антисемитами, поэтому евреи для них были агентами духовного и расового «вырождения», маскирующихся под арийцев – и главными их врагами. Гобино и в данном вопросе избегал однозначности в суждениях – как мы уже упоминали выше, семиты были для него представителями «меланхийской» низшей расы, но в то же время он описывал библейских израильтян как белых и неизменно отзывался о них с большим уважением. Описывая свою современность – середину XIX в. – Гобино повторял суждения о «семитизации» Европы (по аналогии с упадком Римской империи), но в то же время объективно описывал евреев как органический элемент европейской культуры, одну из составляющих жизнеспособного европейского общества. Т.е. антисемитизм Гобино в значительной степени был абстрактным, и отношение его к евреям сильно контрастирует с выпадами против «жёлтой угрозы» и «посредственностью китайцев-социалистов» и тем более славян-«полуазиатов» [4, р. 255]. Впрочем, биограф Вагнера – П. Роуз, отмечал, что находясь в Байрёите, Гобино демонстрировал аристократическое презрение к евреям, которое производило на окружение композитора сильное впечатление и напрямую выразилось в работах Х. Чемберлена, выпускаемых в свет с 1899 г. [7, р. 121].

«Жёлтая угроза» и германский колониализм. Л. Шеман ещё в 1910 г. категорически заявлял, что именно Гобино впервые ввёл представления о «жёлтой угрозе» в германское общественное сознание [8, с. 485]. Согласно Г. Блю, если в 1880-е гг. призывы к оружию звучали преимущественно в кругах, близких Байрёйтскому фестивалю, то уже в 1890-е гг. концепция «жёлтой угрозы» стала переводиться в измерение международной политики, и инициатором такого переноса стал лично кайзер Вильгельм II. По Г. Блю между риторикой Гобино и риторикой Вильгельма Гогенцоллерна существует известное соответствие («резонанс» – по аналогии с астрономией) [7, р. 121].

Согласно Х. Голвицеру, специально занимавшегося этой проблемой, термин «жёлтая угроза» в 1890-е гг. популярнее всего был во Франции и Германии [Там же]. Собственно термин (никогда не используемый Гобино) появился на базе уже существовавших в предшествующее десятилетие «угроз», в первую очередь – американской (демпинговый экспорт продуктов сельского хозяйства сильно вредил юнкерству Германии). Постоянным элементом европейского политического языка была и «русская угроза», в которой, в зависимости от конъюнктуры, выделялись экономический или военный аспекты; а также «красная угроза», которую тогда представляли преимущественно социал-демократы.

В немецкий политический язык термин “die gelbe Gefahr” ввёл лично Вильгельм II в связи с событиями японо-китайской войны 1894–1895 гг. Французский и английский эквиваленты – “le péril jaune” и “Yellow Peril” – появились ещё позднее; так, французский термин впервые был употреблён в прессе в 1896 или 1897 гг. Хотя обычно считается, что английский термин стал широко употребляться в американской прессе в связи с Ихэтуаньским (Боксёрским) восстанием в 1900 г., но Г. Блю установил, что так называлась глава в книге председателя Лондонского общества изучения Японии А. Диози (Arthur Diósy) «Современный Дальний Восток» [7, р. 121–123].

Необходимость использования этой концепции именно в середине 1890-х гг. объяснялась вмешательством триумвирата европейских держав (Германии, Франции и России) в итоги японо-китайской войны, когда он принудил Японию отказаться от военных баз на полуострове Ляодун. В частном письме Вильгельма своему кузену Николаю II, отправленном в конце апреля 1895 г., прямо заявляется о главной миссии России – защита Европы от нашествия жёлтой расы. С того же периода началась последовательная германская экспансия на Дальнем Востоке: в ноябре 1897 г. германская эскадра захватила бухту Цзяочжоу и превратила провинцию Шаньдун в зону своего влияния. Характерно, что инициатива захвата принадлежала кайзеру лично. Против резко выступало Министерство иностранных дел и даже адмирал фон Тирпиц – шеф флота, причём главным их аргументом было то, что это спровоцирует Россию на военные действия (о ходе событий подробно [13, р. 156–177]).

Следующая волна активности Германии в Китае была спровоцирована Ихэтуаньским восстанием (1899–1900) и последующей европейской интервенцией. Поводом для неё было убийство германского посла К. фон Кеттлера, германское министерство иностранных дел и лично кайзер вновь взяли дело в свои руки. Экспедиционный корпус из Бремерсхафена провожал лично кайзер, в своей речи он, в частности, сравнил будущую роль немцев в Китае с памятью Аттилы, который на тысячетелетия вперёд оставил память о себе у европейских народов. По мнению Г. Блю, это прямое влияние идей Гобино, опубликованных в газете вагнерианцев ещё в 1881 г. Впрочем, в годы Первой мировой войны отождествление тевтонов и гуннов стало общим местом в антигерманской пропаганде стран Антанты [7, р. 124–125]. В общем, вмешательство Германии в дела Дальнего Востока было с осторожностью встречено немецкими интеллектуалами, так, М. Вебер после захвата германских территорий в Китае японцами обозначил позицию Вильгельма II как «романтическую» [14, с. 372–

374]. Впрочем, преувеличивать приверженность кайзера идею «жёлтой угрозы» и полагаться на изрекаемые им апокалиптические пророчества «последнего боя жёлтой и белой рас» тоже вряд ли следует. Буквально через полгода после этого пророчества, император высказался за идею создания японо-германского союза, направленного против британо-французско-русского сближения [15, р. 142–146, 168].

Если принять тезис о сознательном использовании Вильгельмом II элементов теории Ж. Гобино, и наличии, хотя бы частичного, элемента «жёлтой угрозы» в его мировоззрении, встаёт вопрос об источнике его познаний в этой области. Согласно Г. Блю, «передаточным звеном» от круга Вагнера к кайзеровскому двору являлся князь Фредерик Александр цу Эйленбург-Хертефельд (1847–1921), чей дядя – Фридрих Альберт цу Эйленбург – возглавлял в 1859 – 1862 гг. первую прусскую экспедицию в Китай и Японию. Племянник в 1900 г. опубликовал его экспедиционную переписку [7, р. 127]. С другой стороны, родители и родственники Вильгельма превосходно разбирались во французской литературе, и были лично знакомы с графом Гобино. Согласно биографии Шемана, книга Гобино о Ренессансе будущему кайзеру подарила мать.

В пользу влияния князя Эйленбурга говорит тот факт, что он был тесно связан с вагнеровским окружением в Байрёите, был хорошо знаком с Гобино и стал его ярым поклонником и одним из первых пропагандистов его теории в Германии. В 1886 г. он посвятил Гобино статью, вышедшую в *“Bayreuther Blätter”*, особенно высоко оценивая его последнюю поэму *«Амадис»* (сам Гобино называл его в переписке «первым человеком, который понял меня правильно»). Неудивительно, что он вместе с Л. Шеманом и Г. фон Вольцогеном стал одним из сооснователей и главой *«Общества Гобино»*. В переписке Эйленбурга и Гобино «жёлтая угроза» занимала немало места, также много места занимал вопрос расширения российских владений на Дальнем Востоке, каковой они считали важнейшим в политической истории XIX века [7, р. 128]. Таким образом, учитывая дружбу Эйленбурга с Гобино и близость к окружению Вильгельма II, вполне вероятно влияние некоторых элементов теории Гобино на личные взгляды кайзера, и проводимый им политический курс [10, с. 225–226].

Теория Гобино на Дальнем Востоке. В общем, основные направления проникновения западных теорий в интеллектуальное пространство дальневосточных стран на рубеже XIX–XX вв. исследованы достаточно полно. В этом плане можно сразу обратить внимание на то, что прямое влияние теории Гобино и ответ на западные идеи «жёлтой угрозы» фиксируются не в Китае, которого так опасался её автор, а в Японии, которая стремилась попасть в число великих держав.

Китайское интеллектуальное пространство, в той части, которая была открыта западным влияниям, к началу XX в. оказалось прочно занято английскими и американскими миссионерами. Основным предметом устремлений вестернизированной китайской элиты также были англоговорящие страны. В результате самой «модной» теорией вплоть до 1920-х гг. оставался социальный дарвинизм Спенсера, в рамках которого «жёлтая угроза» интерпретировалась в контексте возрождения национальной мощи Китая и отмщения ведущим западным державам за причинённые унижения.

Распространение расовой теории Гобино в Японии напрямую привязано к германской экспансии в Китае; в результате уже с 1898 г. в японской прессе достаточно распространённым стал тезис о неизбежности мировой войны на расовой почве, в которой Китай и Япония совместно выступят против своих «закланных врагов», т.е. белых. Существенную роль в распространении таких взглядов сыграл князь Коноэ Ацумаро (1863–1904) – известный политик, отец будущего премьер-министра¹. Даже краткий обзор его биографии свидетельствует, что всё это было далеко не случайно. Коноэ принадлежал к древнему клану Фудзивара (представители которого были некоронованными правителями Японии в VII–XII вв.), в 1885–1890 гг. обучался в Германии, в Боннском и Лейпцигской университетах, после возвращения в Японию стал депутатом парламента² и возглавил элитную школу Гакусён и с тех же пор проповедовал паназиатскую теорию. Он стал основателем Общества единой азиатской культуры, которое с 1900 г. открыло училище в Китае – сначала в Нанкине, затем в Шанхае, где японцы изучали китайский язык и культуру. Аналогичная школа в Японии для китайцев, заинтересованных в изучении японского языка, ныне является частным университетом Аити (в Нагоя) [16]. Однако мыслителем, который провёл соединительную линию между германской политикой в Восточной Азии и расовой теорией Гобино, стал Мори Огай (1862–1922). Потомственный врач, получивший образование в Германии в 1884–1888 гг. и достигший высших чинов в медицинской службе Императорской армии и генеральского чина, ныне более всего известен как

¹ Коноэ Фумимаро (1891–1945) занимал пост премьер-министра в 1937–1941 гг., ярый сторонник и инициатор колониальной экспансии Японии, направленной на захват Китая и европейских колоний в Юго-Восточной Азии. Сторонник сближения с муссолиниевской Италией и гитлеровской Германией. В 1945 г. был включён в список военных преступников и должен был стать главным обвиняемым на Токийском процессе; покончил с собой, не дожидаясь ареста.

² В 1896–1903 гг. Коноэ Ацумару возглавлял Палату пэров – высшую палату парламента императорской Японии, с 1903 г. – член Тайного совета при императоре. Незадолго до смерти (последовавшей 1 января 1904 г.) он основал Антирусское общество и всячески ратовал за начало русско-японской войны, но не дожил до её начала.

романист, зачинатель романтического направления в современной японской литературе. Гораздо менее известен тот факт, что именно Мори Огай перевёл на японский язык трактат К. фон Клаузевица. Его наследию посвящена специальная работа Р. Боуинга [17], в четвёртой главе которой специально рассматривается интересующая нас тема. Побудительным мотивом для Мори Огай стали факты чрезвычайной жестокости, продемонстрированной германским экспедиционным корпусом при подавлении восстания ихтуаней в Китае. Его беспокоило то, что это могло быть воспринято в японской армии как образец эффективности; получив традиционное конфуцианское воспитание, он не мог примириться с идеей, что морали нет места в современной войне. В результате, анализируя поведение западных колонизаторов, он стал рассматривать его в культурологическом контексте и в результате констатировал, что в основе лежит расовая нетерпимость. Результатом стало то, что он обратился к труду Гобино в немецком переводе, вышедшем в свет незадолго до этого; ярким свидетельством того, что Мори Огай воспринимал именно перевод Шемана стало то, что он практически не упоминает об историческом пессимизме Гобино [17, р. 110–114]. В системном виде он изложил идеи Гобино и Шемана в лекции, прочитанной 6 июня 1903 г. в Обществе изучения Китая и Японии. Характерно, что в своей лекции Мори Огай критиковал Гобино за чрезмерный этноцентризм и сведением человеческой культуры к влиянию наследственности. В ноябре 1903 г. он прочитал в университете Васэда (Токио) лекцию о западных представлениях о «жёлтой угрозе», в которой, в частности, заявил: «Нравится нам это или нет, но мы обречены на противостояние с белой расой». О Гобино он говорил в той же лекции, что «узнал о его учении недавно», и что изучение его теории очень полезно, чтобы знать больше о мышлении западного противника [17, р. 116]. В то же время, будучи рационалистом по натуре и поклонником западной культуры, Мори, видимо, не был категоричен в признании неизбежности расового конфликта и верил в возможность примирения и сотрудничества. Тем не менее, именно он оказался первым пропагандистом расовой теории в Японии, которая сыграла большую роль в теоретическом обосновании империализма эпохи Мэйдзи, Тайсё и раннего периода Сёва¹ и резком повышении уровня расового самосознания в Японии. Последнее доказывалось и в очерке Ж. Сиари о судьбе «Опыта» в японской общественной мысли [7, р. 132]. Таков исторический парадокс – идея расового конфликта, введённая Гобино для описания противостояния белой и жёлтой расы, в конечном счёте, обернулась колоссальным ущербом для народов Китая и Кореи со стороны Японии.

Заключение. Изображение Китая в теории Ж. Гобино, за вычетом некоторых особенностей, является типичным для XIX в. Китайская цивилизация в расовой теории служила символом реакции и исторического застоя, однако из этого не следовало отрицательное отношение Гобино к неевропейским культурам вообще: так, он испытывал большой энтузиазм по отношению к Ирану и Центральной Азии и считал, что их образ жизни предпочтительнее европейского декаданса. Это напрямую было связано и его расовой теорией – для Гобино Иран и среднеазиатский регион сохранили больше арийских элементов, чем современная ему Европа. Из этого следует, что в его понимании Китай не мог рассматриваться, как было принято в то время, как «европейское Зазеркалье», своего рода «анти-Европа». Согласно теории Гобино, прародиной китайской расы является Американский материк, откуда завоеватели вытеснили белые народы Северной Азии и Дальнего Востока. Тем самым образ Китая становился метафорой смертельной угрозы, которая и была реализована в поэме «Амадис». Характерно, что для Гобино – элитариста и аристократа – Китай был символом того, во что превратится мир, если последует по пути социального и политического эгалитаризма. В проблеме масс и революции Гобино впервые увидел корни «демократического деспотизма». В отрицании прогресса заключается «нестандартность» его мышления для магистральных направлений общественной мысли XIX в.

Ж. Гобино был автором идеи «жёлтой угрозы», но его аргументация была такова, что вывела его за пределы круга авторов, обосновывающих колониальную политику и активную экспансию европейских держав на Дальнем Востоке. Характерно, что когда теория Гобино стала пропагандироваться в Германии, из неё были удалены пессимистические элементы. В таком виде она была использована апологетами пангерманизма и евгеники, входящими в круг Р. Вагнера в Байрёите, – в первую очередь Л. Шеманом и Х. Чемберленом. Теория Гобино в германизированной версии была известна некоторым влиятельным политикам и идеологам Японии и стала составной частью японской колониальной риторики в позднюю эпоху Мэйдзи и далее.

Примечания:

1. Семёнов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И. Семёнов. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

¹ В традиционной политической культуре Китая, Кореи и Японии девиз правления – символическое обозначение правления императора; принимается девиз при восшествии на престол и выражает некоторый благой принцип, закладываемый для реализации. Перечисленные императорские эры в Японии – Мэйдзи («Просвещённое правление», 1868–1912), Тайсё («Великая справедливость», 1912–1926), Сёва («Открытый мир», 1926–1989).

2. Гофман А.Б. Элитизм и расизм (критика философско-исторических воззрений А. де Гобино) / А.Б. Гофман // *Расы и народы*. 1977. Вып. 7. С. 128–142.
3. Гобино Ж.-А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж.-А. де Гобино. М.: Одиссей, ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 765 с.
4. Biddiss M.D. *Father of Racist Ideology: The Social and Political Thought of Count Gobineau* / Michael Denis Biddiss. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. 328 p.
5. Мартынов Д.Е. Классификация утопизма Лю Жэнъхана (из истории освоения эстетического пространства западной цивилизации в Китае) / Д.Е. Мартынов // Общество и государство в Китае: XXXVIII научная конференция / Ин-т востоковедения РАН; сост. и отв. ред. С.И. Блюмхен. М.: Вост. лит., 2008. С. 158–164.
6. Кравцова М.Е. К проблеме Средневековья в Китае / М.Е. Кравцова // *Verbum*. Вып. 12: Диспозиции Средневековья в истории мировой культуры. СПб., 2010. С. 72–93.
7. Blue G. Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity / Gregory Blue // *Journal of World History*. 1999. Vol. 10, no 1. P. 93–139.
8. Schemann L. Gobineaus Rassenwerk. Aktenstücke und Betrachtungen zur Geschichte und Kritik des “Essai sur l’inégalité des races humaines” / Ludwig Schemann. Stuttgart: Frommanns Verlag, 1910. 544 s.
9. Gobineau A. Œuvres. Tome III / Arthur Gobineau; Ed. de J. Gaulmier, J. Boissel, M.-L. Concasty / Bibliothèque de la Pléiade, no 336. Paris: Gallimard, 1987. 1552 p.
10. Young E. J. Gobineau und der Rassismus. Eine Kritik der anthropologischen Geschichtstheorie / E. J. Young. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1968. 363 s.
11. Boissel J. Gobineau, l’Orient et l’Iran. Tome I / Jean Boissel. Paris: Klincksieck, 1973. 476 p.
12. Rowbotham A.H. The Literary Works of Count de Gobineau / Arnold Horrex Rowbotham. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1929. 170 p.
13. Gottschall T.D. By Order of the Kaiser, Otto von Diederichs and the Rise of the Imperial German Navy 1865–1902 / Terrell D. Gottschall. Annapolis: Naval Institute Press. 2003. 337 p.
14. Weber M. Gesammelte politische Schriften / Max Weber. Tübingen: Mohr, 1958. 593 s.
15. Balfour M. The Kaiser and His Times / Michael Balfour. London: Houghton Mifflin, 1964. 524 p.
16. History of Aichi University: [Электронный ресурс] // Aichi University. URL <http://www.aichi-u.ac.jp/foreign/english/history.html> (дата обращения 10.05.2014)
17. Bowring R.J. Mori Ōgai and the Modernization of Japanese Culture / Richard John Bowring. Cambridge (England): Cambridge Univ. Press, 1979. 297 p.

References:

1. Semenov Yu.I. Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei) / Yu.I. Semenov. M.: Sovremennye tetradi, 2003. 776 s.
2. Gofman A.B. Elitizm i rasizm (kritika filosofsko-istoricheskikh vozzrenii A. de Gobino) / A.B. Gofman // *Rasy i narody*. 1977. Vyp. 7. S. 128–142.
3. Gobino Zh.-A. de. Opyt o neravenstve chelovecheskikh ras / Zh.-A. de Gobino. M.: Odissei, OLMA-PRESS, 2000. 765 s.
4. Biddiss M.D. *Father of Racist Ideology: The Social and Political Thought of Count Gobineau* / Michael Denis Biddiss. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970. 328 p.
5. Martynov D.E. Klassifikatsiya utopizma Lyu Zhen'khana (iz istorii osvoeniya esteticheskogo prostranstva zapadnoi tsivilizatsii v Kitae) / D.E. Martynov // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXVIII nauchnaya konferentsiya* / In-t vostokovedeniya RAN; sost. i otv. red. S.I. Blyumkhena. M.: Vost. lit., 2008. S. 158–164.
6. Kravtsova M.E. K probleme Srednevekov'ya v Kitae / M.E. Kravtsova // *Verbum*. Vyp. 12: Dispozitsii Srednevekov'ya v istorii mirovoi kul'tury. SPb, 2010. S. 72–93.
7. Blue G. Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity / Gregory Blue // *Journal of World History*. 1999. Vol. 10, no 1. P. 93–139.
8. Schemann L. Gobineaus Rassenwerk. Aktenstücke und Betrachtungen zur Geschichte und Kritik des “Essai sur l’inégalité des races humaines” / Ludwig Schemann. Stuttgart: Frommanns Verlag, 1910. 544 s.
9. Gobineau A. Œuvres. Tome III / Arthur Gobineau; Ed. de J. Gaulmier, J. Boissel, M.-L. Concasty / Bibliothèque de la Pléiade, no 336. Paris: Gallimard, 1987. 1552 p.
10. Young E. J. Gobineau und der Rassismus. Eine Kritik der anthropologischen Geschichtstheorie / E. J. Young. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1968. 363 s.
11. Boissel J. Gobineau, l’Orient et l’Iran. Tome I / Jean Boissel. Paris: Klincksieck, 1973. 476 p.
12. Rowbotham A.H. The Literary Works of Count de Gobineau / Arnold Horrex Rowbotham. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1929. 170 p.
13. Gottschall T.D. By Order of the Kaiser, Otto von Diederichs and the Rise of the Imperial German Navy 1865–1902 / Terrell D. Gottschall. Annapolis: Naval Institute Press. 2003. 337 p.
14. Weber M. Gesammelte politische Schriften / Max Weber. Tübingen: Mohr, 1958. 593 s.
15. Balfour M. The Kaiser and His Times / Michael Balfour. London: Houghton Mifflin, 1964. 524 p.
16. History of Aichi University: [Elektronnyi resurs] // Aichi University. URL <http://www.aichi-u.ac.jp/foreign/english/history.html> (data obrashcheniya 10.05.2014)

17. Bowring R.J. Mori Ōgai and the Modernization of Japanese Culture / Richard John Bowring. Cambridge (England): Cambridge Univ. Press, 1979. 297 p.

УДК 930.85

Ж. Гобино, Вагнер, Китай и рождение «жёлтой угрозы»

¹ Дмитрий Евгеньевич Мартынов

² Юлия Александровна Мартынова

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Кандидат исторических наук, доцент
420111, Российская Федерация, Казань, ул. Пушкина 1/55
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
Высшая школа искусств им. С. Сайдашева
420021, Российская Федерация, Казань, ул. Татарстан 2
E-mail: marabaeva.juli@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена взглядам Ж. Гобино на Китай и понятию «жёлтой угрозы». Гобино, отрицая прогресс и социальное равенство, рассматривал Китай как наиболее социабельное общество земного шара, и одновременно разрабатывал концепцию «жёлтой угрозы». Будучи последовательным пессимистом, он полагал, что главным конфликтом XIX века станет война белой и жёлтой рас. После его кончины взгляды Гобино были восприняты окружением Р. Вагнера и распространялись в кайзеровской Германии. Также она была воспринята и в империалистической Японии, где её проводниками стали Коноэ Ацумаро и Мори Огай. Несмотря на внимание Гобино к проблемам Китая, в самом Китае его взгляды не получили распространения.

Ключевые слова: Всеобщая история; Китай; Япония; Германия; «Жёлтая угроза»; расизм; элитаризм; эгалитаризм; империализм; колониализм.

UDC 94 (321)

«Tax Collection from Taverns as the Primary Way to Replenish the National Treasury»: alcohol tax from Ivan III to Nikolai II

Natalia Ye. Goryushkina

Southwest State University, Russian Federation
305040 Kursk, 50 Liet Oktyabrya St., 94
PhD (History), Associate Professor
E-mail: goro46@yandex.ru

Abstract. The paper considers the history of the establishment and development of the state monopoly on strong drinks from XV to XX centuries. All the systems of boosting the Russian treasury with alcohol tax are characterized. The dimension of the historic period enabled the author to make the conclusion that the choice of the system of alcohol tax collection depended on the fiscal projections.

Keywords: Russia's budget; state regalia; alcohol tax; state management; tax farming system; excise tax farming system; excise system; dry law.

Введение. Налоги являются одним из основных условий существования любого государства. Резкий контраст между низкой себестоимостью сырья и относительно высокой стоимостью готового продукта, концентрация большой ценности в малом объёме, лёгкость деления и сбыта, отсутствие проблем при хранении – все это сделали крепкие напитки идеальным объектом налогообложения.

История питейного налога в общих чертах известна. Однако логика питейных преобразований, эффективность и жизнеспособность внедряемых способов использования государственной регалии на крепкие напитки мало исследованы. В сложившейся ситуации особую актуальность приобретает освещение питейных реформ на длительном историческом отрезке, позволяющее рассмотреть связующую нить преобразований, их логику, а порой алогичность, вытекавшую из ситуативного «требования момента».

Материалы и методы. Материалами для исследования выступили законодательные акты и нормативно-правовые документы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи», статистические, справочные данные о питиях, научная литература по теме.

Методологическую основу составили принципы историзма, объективности и системности. Помимо того, использовались историко-генетический метод, позволивший рассмотреть долгую эволюцию питейного сбора; историко-типологический метод, обеспечивший выделение отдельных способов организации сбора с питей; историко-системный метод, представивший возможность рассмотреть процесс организации питейного налога как систему.

Обсуждение. Историография по теме начала формироваться на рубеже XIX–XX вв. Но авторы, зафиксировав перемены в организации налога с питей, рассматривали их зачастую в отрыве от предшествовавших и последующих реформ. Основная часть работ посвящена казенной винной монополии С.Ю. Витте [1, 2, 3, 4, 5]. Откупная и акцизная системы обделены вниманием историков.

Результаты. Начала сбора с питей уходят, без сомнения, во времена Киевской Руси. К сожалению, уцелевшие письменные источники не дают возможности установить точное время, когда питейные сборы сделались источником казны. Известно только, что налог с браги, меда, пива, кваса поступал в княжескую казну еще в X в.

Одновременно с процессом создания Российского государства и освобождением от монголо-татарской зависимости шел процесс оформления государственной монополии (регалии) на производство и продажу крепких напитков. Первые ограничения на свободную выделку питей ввел Иван III. Право курить вино переходило государю, который «не допускает, чтобы каждый мог свободно его изготавливать» [6, с. 7]. Питейная продажа оставалась свободной.

Но Иван Грозный приказал частные корчмы закрыть и завести кабаки «царевы». Борис Годунов «казенное самоторжие» утвердил окончательно. Оно велось через государственных агентов («верных людей») или уступалось частным лицам («откупщикам») за плату [7, с. 291].

В первом случае, кабаки управлялись головами и их помощниками – ларечными и целовальниками («верными людьми»). Головы назначались правительством или избрались из состоятельного купечества, ларечные и целовальники – из крестьян или городских (посадских) людей. Служба «на вере» была тяжелой повинностью и для избираемых, и для избирателей. Выборы производились исключительно в интересах казны. Не получая материального вознаграждения, «верные люди» на год (с 1 сентября по 31 августа) отказывались от собственных дел и занимались заготовкой, продажей вина, сбором «явки» (налога с частных винокуров), преследованием корчемников (лиц, производивших и вне кабака продававших спиртные напитки). Целуя крест, они

присягали: «кабацким сбором <...> не корыстоваться» и нести казне «прибор» [Н.Е. – прибыль] против прошлых лет [8, с. 144]. Недобор «правился» с их личного имущества и имущества избирателей. Преступившим клятву грозила смертная казнь [9, с.140].

Во втором случае, кабаки отдавались в аренду («на откуп») «прожиточным людям». Желающий взять питейный откуп являлся в приказ, заведовавший сборами, и объявлял, что «будет платить более, нежели, сколько положено в окладе казенным сборщикам» [10, с. 241]. Чтобы оправдать «наддачу», откупщик прилагал «множественные злодейства», чтобы вернуть деньги с прибылью. Казна грозила «плутящим» наказанием, но выгоды откупа были очевидны. В 1620 г. Михаил Федорович признавал, что «по грехам в Московском государстве <...> во всем скудость и государствской казны нет никакого; кроме таможенных пошлин и кабацких денег государевым деньгам сбору нет» [11, с. 131].

Уложение 1649 г. подтвердило, что кабаки в Российском государстве «царевы». Долг кабаку – долг царю. Каждого, кто не платил добровольно кабацкого долга, ставили на правеж. А если и правеж не помогал, то имущество должника отбиралось в пользу государя. Если имущества не хватало, то кабацкий долг взыскивался со всего общества, к которому должник был приписан [6, с. 13-14]. Царь одаривал кабаками как привилегией монастыри, дворян, вотчинников. Так, князь И.И. Лобанов-Ростовский бил Алексею Михайловичу человеком: «пожалуй меня холопа своего, вели, государь, мне в моих вотчинах устроить торжишко и кабачишко» [6, с. 7].

В 1652 г. под влиянием патриарха Никона Тишайший запретил откуп «за злодейства». Вместо кабаков (слово «кабак» приказано забыть) открылись кружечные дворы, только в больших селениях и в единственном числе. Однако война с Польшей требовала чрезвычайных издержек, с 1663 г. «исправить казну» был снова призван питейный откуп.

Из-за последовавших откупных беспорядков в 1682 г. Федор Алексеевич повторно отменил откуп, но в 1705 г. откупная система была восстановлена. Более того, Петр I, желая получать «быстрые» деньги на масштабные преобразования, в 1712 г. упразднил продажу «на вере» и сделал откуп единственной системой реализации государственной регалии на пития.

К концу царствования Петра I в государственную казну от питейных откупов поступало 1,37 млн руб. (20% российского бюджета) [12, ч. 3, с. 11].

В 1724 г. «кабацкий» сбор был передан в ведение ратуш и магистратов, которые «от себя» либо назначали «сборщиков и счетчиков» питейного налога, либо сдавали его на откуп. Не принятый городскими палатами сбор правился «верными» людьми [13].

До Елизаветы Петровны ничего нового в организацию питейного сбора не было привнесено. В 1750 г. питейный сбор в 85 городах состоял на вере, в 61 городе находился на ратушском содержании, в 63 городах – на откупе, он приносил казне 2,67 млн руб. (21% бюджета). Дочь Петра потребовала название «кружечный двор» (слово «кабак» употреблять запрещено) заменить на «питейное заведение». Оно именовалось теперь не «царским», а «казенным» [12, ч. 3, с. 11].

Екатерина II признала откуп лучшей системой питейного сбора, так как деятельность верных сборщиков и магистратов с ратушами обнаружила «слабый приход, но превеликие подлоги и утайки» [10, с. 154]. С 1767 г. откупная была отведена главенствующая роль, а продаже «на вере» – второстепенная. На веру питейные дома (слово «кабак» было еще раз запрещено) передавались в случае, если на него не находилось откупщика [14]. Устав о вине 1781 г., объединивший все постановления о питейной регалии, указывал, что сданные на откуп питейные дома становятся государственными учреждениями, а откупщики государственными служащими – «коронными поверенными служителями» [15].

Доходы казны с питей в екатерининский период росли. В 1765 г. питейный сбор составил 4,2 млн руб., в 1775 г. – 6,8 млн руб., в 1785 г. – 9,1 млн руб., в 1790 – 9,4 млн руб. (примерно 20% бюджета) [12, ч. 5, с. 224]. Создалось впечатление, питейный налог способен заменить собой все другие налоги, ибо уплата его «по свойству человеческой натуры не кажется тяжелою, коль скоро приобретается плательщиком какое-либо удовольствие» [16]. К 1795 г. откупная система вконец вытеснила продажу «на вере», а питейный доход в 1795 – 1799 гг. достиг 16,9 млн руб. в год (26 % бюджета). Императрица писала Вольтеру: «Наши налоги так необременительны, что в России нет мужика, который бы не имел курицы, когда ее захочет, а с некоторого времени они предпочитают индеек курам» [17, с. 361].

В четырехлетие с 1807 г. по 1811 г. откуп нес в казну по 27,9 млн руб. ежегодно. По признанию государственного казначея Ф.А. Голубцова, ни один из государственных доходов не поступал «в казну с такою определительностью, исправностью и удобностью, как откупной, который, повсюду поступая по известным числам каждый месяц, облегчает тем самым выполнение правительственных расходов» [18, с. 110].

Но чрезвычайные обстоятельства, связанные с Отечественной войной 1812 г., привели к «недочтимости» откупов. «Вопияли» о себе, превосходя всякую меру, действия откупщиков, направленные на получение собственных выгод. «Содержатели откупов <...> из сборщиков дохода превратились в распорядителей оного в свою пользу», – убеждал царя министр финансов Д.А. Гурьев [19, с. 11]. Александр I откупную систему отменил.

С 1819 г. вводилась казенная продажа питет [21]. По новым правилам оптово пития отпускались виноторговцам и водочным заводчикам из казенных магазинов, потребители покупали вино крупными партиями из казенных ведерных лавок, устроенных по одной в каждом городе. Розничная торговля осталась в частных руках.

С 1819 г. по 1823 г. доля питетных сборов в доходах государства увеличилась до 16–18% от всех доходов бюджета. Однако совсем скоро выяснилось, что чиновники, заведовавшие питетным сбором, «продавали его [Н.Е. – вино] в свою пользу, содержали через подставных лиц лучшие питетные дома, <...> раздачу питетных домов производили неправильно, по несколько в одни руки на подставных лицах, взимая за то деньги и налагая даже месячные оклады» [5, с. 23].

Питетный доход упал. Министр финансов Е.Ф. Канкрин докладывал Николаю I: «Казенное управление (кабаками) показало то важное неудобство, что все злоупотребления по этой части обращаются непосредственно в упрек правительству» [22, с. 14]. Откуп был восстановлен, торги проходили с большими наддачами. В 1830 г. питетный сбор составлял 23,9 млн руб. (23% бюджета), 1840 г. – 36,4 млн руб. (28% бюджета), превышая казенные поступления от основных видов прямых налогов – подушной подати и оброка с государственных крестьян [12, ч. 3, с. 3].

Параллельно росту казенных сумм увеличивались злоупотребления откупщиков. Не довольствуясь никаким мерами прибытка, откупщики вели продажу в долг, под залог вещей, за отработки. Вино продавалось «порченным» (разведенным), по цене более высокой и в количестве большем, чем указывалось в отчетах. Государство не имело верных данных о количестве реализуемых питет. Так, по сведениям откупщиков, в 1839–1843 гг. было продано 15,6 млн ведер вина, тогда как при казенном управлении в 1819 г., за 20 лет до того, продавалось более 18,5 млн ведер. Росли откупные недоимки, которых к 1847 г. накопилось на 10,7 млн руб. серебром [5, с. 27]. Откупщики добивались у казны рассрочки на 10-20 лет с ежегодной скидкой в 6% при уплате задолженности ранее установленного срока, а потом погашали долг, наживая на том немалые капиталы. Откупной произвол прикрывался системой взяток, носивших почти легальный характер.

Улучшить откуп пытались изменением частностей. В 1847 г. по проекту крупного откупщика В. Кокорева, обещавшего увеличить «выбор денег из народного капитала», откуп был заменен акцизно-откупным комиссионерством [21, с. 17]. Каждый город с уездом образовывали округ, сбор акцизных статей в котором отдавался на откуп комиссионеру. Для каждого округа определялось количество вина, которое комиссионер должен был выкупить и продать по уплаченной в казну цене. За продажу и расходы комиссионер получал установленный процент, продажа вина сверх нормы и водок высших сортов была прямым доходом комиссионера.

Выгоды казны были очевидны. В 1850 поступило в бюджет 55,4 млн руб. (28 %), в 1855 г. – 68,8 млн руб. (38 % бюджета), в 1860 г. – 106 млн руб. (39,5 %) [12, ч. 3, с. 9-10]. В неофициальных подсчетах фигурируют другие суммы: по одним оценкам поступления в казну снизились к концу откупного периода до 91,7 млн руб. [5, с. 26]; по другим же, напротив, откупщики дали казне дохода больше – около 160 млн руб. [6, с. 22]. Как бы то ни было, во время и после Крымской войны поступление питетных доходов было поразительно стабильным, что контрастировало с другими видами казенных поступлений, которые в это время либо сократились, либо перестали расти.

В 1861 г. Александр II положил конец откупам, объявив о введении с 1 января 1863 г. акцизной системы [23]. Говорить об исключительном значении экономических обстоятельств, вызвавших реформаторский порыв, в данном случае не приходится. Накануне винной реформы 1863 г. откупа несли казне «сверхприбыль». Но крестьянская реформа требовала отказаться от откупов, отрицавших такие понятия как честность, законность, правопорядок.

Государство впервые отказывалось от традиционных форм управления питетным сбором. Отныне извлечение дохода с питет осуществлялось через обложение выкуrivаемого спирта акцизом, а мест производства и продажи питет – патентным сбором. Отмена откупов прошла без фискальных потерь: в 1863 г. доходы с питет составили 121,5 млн руб. (39,3%), в 1869 г. – 134,8 (30,1%), в 1875 г. – 193,7 (30%), в 1882 г. – 250,3 млн руб. (29,7%), в 1888 г. – 264,3 (31,2%), в 1896 г. – 294,3 (21,1%) [24, с. 75]. В акцизный период улучшилось качество крепких напитков и техническое состояние винокуренной промышленности. Но в деле ослабления экономического и морального вреда неумеренного потребления крепких напитков последствия акцизной системы были ничтожны.

К началу 1890-х гг. динамика питетного дохода была утрачена. Министр финансов С.Ю. Витте писал: «По-видимому, питетный доход дошел до пределов, за которыми дальнейший рост его возможен лишь в пропорциональном отношении к увеличению народонаселения, а также при расширении самого потребления вина» [25, с. 486]. Нужда в деньгах, между тем, была велика.

Очередная винная реформа последовала при Николае II, хотя «отцом» ее называют Александра III [19, с. 494]. Казна возвращалась к привычной казенной винной монополии [20, с. 116-120].

С 1 января 1895 г. питетная торговля (оптовая и розничная) постепенно переходила в руки государства. Продажу питет стали вести казенные заведения-склады и винные лавки навынос в стеклянной запечатанной посуде.

С фискальной точки зрения казенная винная монополия оказалась продуктивной: в 1900 г. питетный доход составил 435,9 млн руб. (24% бюджета), в 1905 г. – 641,4 млн руб. (31%), в 1910 –

808,5 млн руб. (29%), 1913 г. – 953 млн руб. (28%) [19, с. 290]. Несмотря на фискальный успех, «пьяный» российский бюджет критиковали и монархисты, и социалисты.

С началом войны 1914 г. (до окончания военных действий) Николай II объявил «сухой закон» – запрет на производство и продажу крепких напитков. Бюджет страны, на протяжении сотен лет зависевший от питейного сбора, в преддверии крупных военных затрат остался без большей части поступлений. По меткому замечанию американского историка А. Мак-Ки, «Николай II разрушил тот экономический механизм, который предохранял империю от развала» [26, с. 155].

Заключение. Как видим, российское государство со временем своего основания (при Иване III) монополизировало право на продажу крепких напитков. Испытывая постоянную нужду в средствах, российские правители искали наиболее эффективные способы эксплуатации питейной регалии. Главенствовал тот способ сбора, который сулил казне больший доход. Питейный сбор «оправдывал» возложенные на него надежды. С 1749 г. (Н.Г. – первая официально засвидетельствованная сумма) по 1913 г. питейный сбор увеличился с 1,79 млн руб. серебром до 953 млн руб., или в 532,4 раза. Доля питейного сбора в доходной части государственного бюджета колебалась от 16 % в 1819 г. до 39,4 % в 1859 г. «Пьяные» деньги веками поддерживали Россию в статусе великой европейской державы.

Несмотря на то, что высочайше не раз было заявлено о готовности пожертвовать питейным сбором ради утверждения нравственных основ, казенный интерес отошел на второй план лишь в 1914 г. с введением «сухого закона», ставшего косвенной причиной дестабилизации Российской империи.

Примечания:

1. Бородин Д.Н. Итоги винной монополии и задачи будущего. СПб.: Тип. «Самокат», 1908. 143 с.
2. Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. Ч. 2. Финансовые результаты винной монополии. Организация винного хозяйства. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1905. 120 с.
3. Осипов Н.О. Винная монополия, ее основные начала, организация и некоторые последствия.
4. Осипов Н.О. Казенная продажа вина. СПб. 1900.
5. Фридман М.И. Винная монополия в России (репринт.). М.: Изд-во Общ-ва купцов и промышленников, 2005. 560 с.
6. Петрищев А.Б. Из истории кабаков в России. СПб.: «Русская скоропечатня», 1906. 32 с.
7. Карамзин Н.М. Избранные сочинения. В 2 т. М.-Л., 1964. Т 2. (URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_tocvol2.htm (Дата обращения 04.06.2014 г.)
8. Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб.: Тип. К.Жернакова, 1848. 258 с.
9. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изд-во Археолог. комис., 1884. 196 с.
10. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатск. тип., 1906. 380 с.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 18 тт. М.: Мысль, 1990. Кн. 5. Т. 9-10. 718 с.
12. Сведения о питейных сборах в России. СПб.: Госуд. канцелярия, 1860. Ч. 3. 351 с.; Ч. 5. 251 с.
13. О заключении в ратуше контракта на откуп таможенных, питейных и других сборов ратушского ведения во всех городах Московской Губернии. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I. Т. 4. № 2611.
14. Об отдаче питейной продажи с 1767 года на откуп во всем Государстве, кроме Сибирской губернии. ПСЗ РИ. Т. 17. Собр. I. №12444.
15. Устав о вине. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 21. № 15231.
16. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф.37. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
17. Павленко Н.И. История России с древнейших времен до 1861 года. М.: Вышш. шк., 2000. 536 с.
18. Министерство финансов. 1802 – 1902. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. Т. 1. 640 с.
19. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. 1863-1913. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1913. 295 с.
20. Черкасов А.А., Бекман Й. К истории питейного дела в России в конце XIX – начале XX вв. // Известия Сочинского государственного университета. 2010. № 2. С. 116-120.
21. Устав о питейном сборе и учреждения для управления питейного сбора в 29 великороссийских губерниях на основании Устава. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 34. № 26764.
22. Лебедев В.А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. 106 с.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 574 Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
24. Горюшкина Н.Е. История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в преобразованной России (на примере Курской губернии). Курск: Изд-во КурскГТУ, 2009. 260 с.
25. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 гг. СПб.: Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1912. 568 с.
26. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России 1914-1917 гг. // Материалы международного научного коллоквиума «Россия и первая мировая война». СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 147-156.

References:

1. Borodin D.N. Itogi vinnoi monopolii i zadachi budushchego. SPb.: Tip. «Samokat», 1908. 143 s.
2. Norov V. Kazennaya vinnaya monopoliya pri svete statistiki. Ch. 2. Finansovye rezul'taty vinnoi monopolii. Organizatsiya vinnogo khozyaistva. SPb.: Tip. N.N. Klobukova, 1905. 120 s.
3. Osipov N.O. Vinnaya monopoliya, ee osnovnye nachala, organizatsiya i nekotorye posledstviya.
4. Osipov N.O. Kazennaya prodazha vina. SPb. 1900.
5. Fridman M.I. Vinnaya monopoliya v Rossii (reprint.). M.: Izd-vo Obshch-va kuptsov i promyshlennikov, 2005. 560 s.
6. Petrishchev A.B. Iz istorii kabakov v Rossii. SPb.: «Russkaya skoropechatnya», 1906. 32 s.
7. Karamzin N.M. Izbrannye sochineniya. V 2 t. M.-L., 1964. T 2. (URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_tocvol2.htm (Data obrashcheniya 04.06.2014 g.)
8. Tolstoi D.A. Iстория финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. SPb.: Tip. K.Zhernakova, 1848. 258 s.
9. Kotoshikhin G.K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha. SPb.: Izd-vo Arkheolog. komis., 1884. 196 s.
10. Chechulin N.D. Ocherki po istorii russkikh finansov v tsarstvovanie Ekateriny II. SPb.: Senatsk. tip., 1906. 380 s.
11. Solov'ev S.M. Iстория России с древнейших времен: V 18 tt. M.: Mysl', 1990. Kn. 5. T. 9-10. 718 s.
12. Svedeniya o piteinykh sborakh v Rossii. SPb.: Gosud. kantselyariya, 1860. Ch. 3. 351 s.; Ch. 5. 251 s.
13. O zaklyuchenii v ratushe kontrakta na otkup tamozhennykh, piteinykh i drugikh sborov ratushskogo vedeniya vo vsekh gorodakh Moskovskoi Gubernii. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ RI). Sobl. I. T. 4. № 2611.
14. Ob otache piteinoi prodazhi s 1767 goda na otkup vo vsem Gosudarstve, krome Sibirskoi gubernii. PSZ RI. T. 17. Sobl. I. №12444.
15. Ustav o vine. PSZ RI. Sobl. I. T. 21. № 15231.
16. Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti (GAKO). F.37. Op. 1. D. 15. L. 1.
17. Pavlenko N.I. Iстория России с древнейших времен до 1861 года. M.: Vyssh. shk., 2000. 536 s.
18. Ministerstvo finansov. 1802 – 1902. SPb.: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag, 1902. T. 1. 640 s.
19. Kratkii ocherk 50-letiya aktsiznoi sistemy vzimaniya naloga s krepkikh napitkov i 50-letiya deyatel'nosti uchrezhdenii, zavedyvayushchikh neokladnymi sborami. 1863-1913. SPb.: Tip. V.F. Kirshbauma, 1913. 295 s.
20. Cherkasov A.A., Bekman I. K istorii piteinogo dela v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. // Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2. S. 116-120.
21. Ustav o piteinom sbore i uchrezhdeniya dlya upravleniya piteinogo sbara v 29 velikorossiiskikh guberniyakh na osnovanii Ustava. PSZ RI. Sobl. I. T. 34. № 26764.
22. Lebedev V.A. Piteinoe delo. SPb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1898. 106 s.
23. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 574 Op. 1. D. 30. L. 3.
24. Goryushkina N.E. Iстория gosudarstvennogo regulirovaniya svobodnogo oborota alkogolya v poreformennoi Rossii (na primere Kurskoi gubernii). Kursk: Izd-vo KurskGTU, 2009. 260 s.
25. Vitte S.Yu. Konspekt lektsii o narodnom i gosudarstvennom khozyaistve, chitannykh ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu Mikhailu Aleksandrovichu v 1900-1902 gg. SPb.: Tip.AO «Brokgauz-Efron», 1912. 568 s.
26. Mak-Ki A. Sukhoi zakon v gody Pervoi mirovoi voiny: prichiny, kontsepsiya i posledstviya vvedeniya sukhogo zakona v Rossii 1914–1917 gg. // Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma «Rossiya i pervaya mirovaya voina». SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999. S. 147–156.

УДК 94 (321)

**«Кроме кабацких денег государственным деньгам сбору нет»:
питейный сбор от Ивана III до Николая II**

Наталья Евгеньевна Горюшкина

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: goro46@yandex.ru

Аннотация. В статье изложена история утверждения и развития государственной монополии на крепкие напитки с XV в. по XX в. Дано характеристика всем использованным системам взимания питейного налога в российскую казну. Протяженность анализируемого исторического отрезка позволила автору заключить, что выбор системы взимания «пьяных» денег зависел от фискальных перспектив.

Ключевые слова: российский бюджет; государственная регалия; питейный сбор; казенное управление; откупная система; акцизно-откупное комиссионерство; акцизная система; сухой закон.

UDC 93/94

The Russian Orthodox Church in Religious Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII – Beginning of XX Centuries)

Yuliya A. Lysenko

Altai State University, Russian Federation
Dr. (History), Professor
E-mail: iulua_199674@mail.ru

Abstract. The article features attempts on analyzing the cultural – historic situation, which conditioned the formation of orthodox population and institutions of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan in XVIII – beginning of XX centuries. The article also features the construction techniques of diocesan, parochial schools in the region and the main activities of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan. The results of complex analysis let determine the decree of integration effectiveness in cultural-religious space of the region, to reveal influential objective and subjective factors.

Keywords: the Russian Orthodox Church; religious-cultural space; Kazakhstan; eparchy; the Old Belief; Islam.

Введение. В историографии утверждилось мнение о том, что в условиях полиэтничности Российской империи, ее правящим кругом удалось «выработать такой тип национальных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и культурных ориентаций» [1]. В целом для национальной политики государства были характерны значительная автономия этноэлит и широкое сотрудничество центрального правительства с ними, отсутствие связи между национальным и социальным статусом населения империи, некоторые преимущества в правовом положении инородцев по сравнению с русским этносом [2].

Главной целью столь либерального курса национальной политики России, при всем разнообразии ее региональных практик оставался этатизм – укрепление общей для империи государственности и сохранение ее территориальной целостности. Данная цель наиболее актуализировалась в 60–70-е гг. XIX в., когда завершилось присоединение к России крупнейших этнорегионов: Степного края, Туркестана, Кавказа. Начавшаяся в этот же период модернизация политической и социально-экономической системы поставила на повестку дня необходимость интеграции этнорегионов в политico-правовое и социально-экономическое пространство империи. Решить столь грандиозную задачу в условиях полиэтничности российского общества возможно было только посредством проведения политики русификации, которая «означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию» [3]. Практическая реализация русификаторской политики нашла отражение в распространении системы образования на русском языке в масштабах всей империи и закреплении государственной идеологии среди многочисленных народов, стержнем которой являлось представление о единстве монарха, православия и народа.

Таким образом, Русской православной церкви в реализации задач национально-интеграционной политики в этнорегионах отводилась ключевая роль. Она была призвана расширять границы православного мира и стремиться к увеличению численности православного населения империи. Именно в данном контексте автор статьи предлагает рассматривать процесс институционального развития Русской православной церкви и закрепление ее позиций в социокультурном ландшафте Казахстана в XVIII – начале XX в.

Материалы и методы. Исследование основано на широком круге источников. Среди них законодательные и нормативные акты, материалы делопроизводства РПЦ и ее региональных структур (распоряжения, постановления Синода, епископов и консисторий, протоколы заседаний консисторий, ежегодные отчеты о состоянии Томской, Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий, отчеты антиисламских и антистарообрядческих православных миссий, епархиальных и уездных училищных наблюдателей). Основной массив привлеченных источников отложился в архивах Российской Федерации и Республики Казахстан: Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Алтайского края, Государственном архиве Омской области, Центрально Государственном архиве Республики Казахстан.

Парадигмой данного исследования выступают цивилизационный и исторический подходы. Первый из них позволяет рассматривать российское общество как особую полиэтничную и поликонфессиональную структуру и отслеживать ее динамику в контексте взаимоотношений с государством на протяжении имперского периода. Исторический подход направлен на выявление исторических процессов – причинно-следственных связей, этапов и результатов деятельности Русской православной церкви в Казахстане в дореволюционный период.

Обсуждение. Процесс формирования институтов и административно-территориальной системы управления Русской православной церкви в Казахстане был связан с начавшимся в 30-е гг. XVIII в. присоединением данного региона к Российской империи. На протяжении этого столетия государство активно осваивало приграничную с Южным Зауральем и Южной Сибирью зону казахской степи посредством строительства военно-оборонительных сооружений от Урала до Иртыша и создания на их базе регулярных и иррегулярных войск. Для закрепления позиций в регионе и увеличения численности «русского православного элемента» параллельно с военно-казачьей колонизацией государством был инициирован процесс переселения государственных крестьян. Ресурсом данного процесса выступали, в том числе, и старообрядцы. Так, в 1765 г. на Алтай была выслана значительная по численности группа старообрядческого населения из Польши, которая составила специфичную социальную страту местного православного населения [4].

В первой половине XIX в. в результате введения в действие Уставов о сибирских оренбургских казахах, последовала ликвидация политической самостоятельности Младшего и Среднего жузов (этнopolитических образований Западного и Северо-Восточного Казахстана, существовавших с XV в.). Процесс сопровождался выдвижением российских аванпостов вглубь казахской степи и переселением сюда казаков Уральского и Сибирского казачьих войск. К 50-м гг. XIX в. в семи внешних округах Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства, созданных на территории Среднего жуза в ходе административной реформы 1822 г. – Акмолинском, Аягузском, Куш-Мурунском, Баян-Аульском, Каркаралинском, Кокчетавском, Кокпектинском – проживало 14701 православных жителей [5]. В Семипалатинске и Усть-Каменогорске, имевших к 1849 г. статус безокружных городов Томской губернии проживало православных: 4049 и 2591 человек соответственно [6].

Значительную группу православного населения Казахстана к середине XIX составили старообрядцы. Официальные статистические данные за 1840 г. фиксировали более 30000 старообрядцев, проживающих в 126 поселениях Уральского казачьего войска. Наибольшее их число приходилось на гг. Уральск (6465 чел.) и Гурьев (1433 чел.) [7]. На востоке Казахстана к этому периоду проживало 6490 старообрядцев. Во внешние округа Омской области переселение старообрядцев на протяжении первой половины XIX в. было официально запрещено, поэтому их количество в регионе было стабильным и не превышало в целом 2500 чел. [8]

Формирование православного населения Казахстана вызвало к жизни необходимость распространения здесь системы церковного административно-территориального управления. При этом отметим, что первоначально данный процесс осуществлялся в рамках общимперских тенденций. Так, на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. система органов управления Русской православной церкви представляла собой черты трехступенчатую модель: епархия с Духовной консисторией – духовное правление – благочиние (протопопия, деятоначальство) – приход. В начале XIX в. в данной модели обозначились изменения в сторону сужения сферы деятельности, а затем и полной ликвидации духовных правлений. В результате к 60–70-м гг. этого столетия церковное административно-территориальное устройство приняло трехступенчатую структуру: епархия – благочиние – приход [9].

Географическое тяготение Казахстана к Сибири обусловило факт вхождения его православного населения под юрисдикцию Тобольской епархии с последующей передачей в 1799 г. части приходов Западного Казахстана в компетенцию вновь образованной Оренбургско-Уфимской, а в 1834 г. – приходов Восточного Казахстана в состав Томской епархии. Первые приходы в Казахстане были сформированы на базе военных крепостей Верхнеуральской, Уральской, Ишимской, Верхнеиртышской, Бухтарминской укрепленных линий. На протяжении XVIII в. их функционирование осуществлялось за счет средств государства или Синода, а преобладающую социальную категорию прихожан составляли военные: казаки, солдаты и офицеры регулярной армии.

К концу XVIII в. обозначалась тенденция дробления военных приходов, создаваемых в приграничной линии и перемещения их в категорию сельских. Это было связано с утратой большинством из них военных функций в результате выдвижения российских аванпостов к границам Центральной Азии. Социальный состав таких приходов был представлен сельским населением, а их жизнедеятельность регламентировалась в рамках общимперского законодательства: церкви и приходы в них стали содержаться за счет православных общин. Незначительное количество приходов на рубеже XVIII–XIX вв. возникло при заводах и рудниках на Востоке Казахстана в связи с открытием и началом разработки месторождений полиметаллических руд.

В целом для XVIII – начала XIX в. были характерны низкие темпы развития административно-территориальной системы управления Русской православной церкви в Казахстане, слишком значительные по площади благочиннические округа и приходы. Так, к середине XIX в. в состав Оренбургско-Уфимской епархии входило 142 церкви, объединенных в 13 благочиний. 12 из них охватывали православное население Оренбургско-Орского, Троицкого, Челябинского, Верхнеуральского уездов. И только одно благочиние № 13 располагалось собственно на территории Казахстана, при этом объединяло огромные пространства Уральской области (20 церквей), Тургайской степи (2 церкви) и Сыр-Дарынской укрепленной линии (2 церкви) [10].

Расширение сферы деятельности Русской православной церкви в Казахстане значительно активизировалось со второй половины XIX в., что было связано с завершением его присоединения к

Российской империи, реализацией административно-территориальных реформ, направленных на интеграцию региона в общеимперское пространство. Кроме этого в пореформенный период в ходе крестьянской миграции в регион переселилось около 9041 тыс. человек из европейской части страны, что способствовало резкому увеличению численности православного населения. К 1914 г. оно составило 1820100 чел. – 29,6% от общей численности населения Казахстана. Особенности государственной стратегии переселения, учитывающей природно-климатические характеристики региона, потенциал земельных ресурсов и т.д., привели к тому, что наиболее активно крестьянами осваивалась Акмолинская, Тургайская и Семиреченская области. Именно в пределах этих областей было сосредоточено наибольшее количество православного населения [11].

Закрепление позиций православной церкви в степных районах Казахстана во второй половине XIX в. выражалось, прежде всего, в создании новых епархий, собственно на его территориях: Оренбургской, Туркестанской и Омской [12]. Таким образом, к началу XX в. православное население региона было включено в состав пяти епархий. На Западе Казахстана Уральская область вошла в состав Самарской, Тургайская область – в состав Оренбургской епархии. Центральные и Северо-Восточный районы – Акмолинская и Семипалатинская области – подчинялись Омским епархиальным властям, часть районов Восточного Казахстана – Томской епархии. Приходы Юго-Восточного и Южного Казахстана – Семиреченская и Сыр-Дарьинская области – контролировались Туркестанскими архиереями.

В этот же период наблюдался рост численности благочиний и их социальная дифференциация. В частности, уездные города со своими церквями были обособлены в особые городские благочиния, в 1896 г. созданы отдельные благочиния для монастырских и женских общин, а также выделены самостоятельные благочиния Киргизских православных миссий. Количество церквей, которые находились под наблюдением благочинных в епархиях данного региона, составляло в среднем от 9 до 20, что, в общем, не противоречило общеимперскому законодательству, предполагавшему в составе благочиний от 10 до 15 церквей. Однако тенденции на их значительные площади сохранились.

Приходское строительство в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. осуществлялось вне общеимперского законодательства. Специальным указом Синода в связи со сложным экономическим положением большинства крестьян-переселенцев, последние освобождались от финансовых обязательств по строительству церквей и содержанию приютов. Масштабное церковное и церковно-школьное строительство в регионе было организовано на средства государства и Синода [13]. Например, только в 1911 г. в данный проект было инвестировано 130 тыс. рублей: Итогом его реализации в 1907–1912 гг. явился фактически стопроцентный охват православного населения Казахстана приходской системой. Так, на территории Омской епархии в 1914 г. из 456 приходов 288 располагались на территории Акмолинской и Семипалатинской областей [14]. В Семиреченской области Туркестанской епархии с 1907 по 1910 г. было открыто 52 самостоятельных прихода, всего же за этот период в епархии их численность возросла с 78 до 161. Значительно расширилась и типология приходов: среди них появились городские, горно-заводские, единоверческие, миссионерские. Однако преобладающей категорией стали сельские приходы, объединившие в своем составе крестьян-переселенцев, что отражало аграрно-сырьевую направленность экономического развития региона.

Институциональное развитие Русской православной церкви в Казахстане на протяжении XVIII – начала XX вв. проходило в специфических условиях. Во-первых, благодаря своеобразному историко-культурному развитию региона на протяжении предшествующего, средневекового периода, здесь активно шел процесс исламизации автохтонного населения – казахов. Огромное влияние на данный процесс оказывали два исламских центра – среднеазиатский и южно-сибирский. Однако расположение Казахстана на периферии исламского мира, а также особенности менталитета казахов-кочевников привели к формированию среди них религиозного синкретизма, характеризовавшегося сочетанием языческих и исламских обрядов. Во второй половине XVIII – начале XIX в. Россия, реализуя свою цивилизаторскую миссию по отношению к инородческому населению азиатской части империи, пыталась укрепить монотеизм в казахском обществе посредством административного распространения исламских институтов в степи. Эта политика, позднее подвергшаяся жесткой критике и породившая исламофобские тенденции у российской политической элиты, объективно способствовала росту влияния ислама на повседневность казахов, численности культовых учреждений, паломничества к святым местам.

Во-вторых, определенный процент православного населения Казахстана был представлен старообрядцами. Во второй половине XIX–XX вв. старообрядческие общины различный согласий локализовались в регионе не равномерно, лидирующие позиции по степени их концентрации занимали Западный и Восточный Казахстан. На территории Уральской области (Западный Казахстан) наибольшее количество старообрядцев составляли казаки Уральского казачьего войска. Здесь встречались станицы, населенные почти исключительно староверами: Студеная, Илецкая, Кругозерная, Соболевская [15]. Всего на территории Уральской области к концу XIX в. проживало 57055 старообрядцев (8,8% от общей численности населения области) [16]. На востоке Казахстана в начале XX в. Томским губернским правлением было зарегистрировано не менее 40 белокриницких общин, 31 община поморцев законобрачных, три общины поморцев, старопоморцев и стариковцев, расположившихся [17]. Важно отметить, что исламские и старообрядческие общества Казахстана вели активную миссионерскую

деятельность, в том числе среди русского населения, и выступали, таким образом, оппонентами РПЦ в регионе.

Таким образом, культурное пространство Казахстана не являлось гомогенным, и было структурировано по этноконфессиональному принципу. В свете реализации интегральных устремлений Российской империи и активного включения в орбиту ее интересов данного этнорегиона, населенного как казахами-мусульманами, так и русскими-православными, развитие институтов РПЦ должно было способствовать не только закреплению позиций православного государства, но и закреплению позиций собственно церкви в религиозно-культурном ландшафте региона. Данные процессы неизбежно происходили на фоне столкновения интересов РПЦ с других религиозными системами. Государство в данной ситуации стремилось на законодательном уровне обеспечить режим благоприятствования деятельности церковных институтов в Казахстане. На протяжении XIX в. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД проводил последовательную политику дезинтеграции казахского мусульманского движения и вычленения его из общероссийского, поэтапного сужения сферы влияния исламских структур в регионе и осуществления контроля за их деятельностью. Аналогичные меры имели место и в отношении старообрядческих общин. Со своей стороны РПЦ развернула массовую антиисламскую и антистарообрядческую пропаганду в Казахстане посредством организации работы епархиальных комитетов Православного миссионерского общества, православных миссий, миссионерских школ и т.д. [18]

Помимо этого, центральные и региональные духовные власти прилагали значительные усилия, направленные на вовлечение православного населения Казахстана в сферу влияния РПЦ, создание благоприятных условий для его успешной религиозно-культурной адаптации и ограждения от старообрядческой и исламской пропаганды. На практике это выражалось в организации массового храмового, церковно-школьного строительства, религиозно-просветительской работы. Вторая половина XIX в. стала периодом создания в епархиях Казахстана различные религиозно-просветительских организаций, внебогослужебных кружков, лекториев, сети православных епархиальных, церковных, миссионерских библиотек, монашеских обителей. Важное значение для укрепления религиозно-нравственных начал православного населения Казахстана имело издание Оренбургских, Омских и Туркестанских «епархиальных ведомостей». На страницах данных изданий, выходивших в разные годы с периодичностью два-четыре номера в месяц, публиковались материалы, обличавшие старообрядчество, сектантство и ислам, разъяснявшие внутреннее содержание православных обрядов, церковных служб, доказывающие необходимость посещения храмов и исполнения религиозных треб.

Результаты. Таким образом, становление и развитие РПЦ в Казахстане было сопряжено с реализацией задачи интеграции данного этнорегиона в социокультурное пространство Российской империи. Первый этап данного процесса совпал по времени с XVIII – первыми десятилетиями XIX в. и сопровождался формированием православного населения и церковных институтов в регионе. Второй этап, хронологически соответствующий XIX – началу XX в., характеризовался резким ростом численности славянского населения Казахстана, и, как следствие, активности институционального развития Русской православной церкви. Утверждение позиций РПЦ осуществлялось на фоне противостояния с другими религиозными системами Казахстана, что, в конечном итоге, существенно отразилось на общем содержании ее основных направлений деятельности.

Однозначно оценивать результаты деятельности РПЦ в Казахстане нельзя. Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что, несмотря на все предпринятые мероприятия, в целом в регионе наблюдалась ситуация, связанная с постепенным падением авторитета церкви среди православного населения. Этому способствовал ряд обстоятельств, прежде всего, ограниченные финансовые возможности церкви, исторически более прочные позиции ислама в регионе, инертность православного населения, общие кризисные тенденции развития российского общества, характеризующиеся, в том числе, ростом недоверия к церковным институтам. В тоже время, нельзя отрицать, что усилиями государства и РПЦ в регионе в течении XVIII – начала XX в. была сформирована достаточно разветвленная система административного управления православным населением, создана сеть церковно-приходских и церковно-школьных учреждений, налажена работа разнообразных благотворительных, просветительских, миссионерских структур. Это позволило РПЦ занять определенную нишу в культурно-идеологическом ландшафте Казахстана, избежав открытой конфронтации на этноконфессиональной почве с другими религиозными системами данного региона.

Благодарности. Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 12-01-00281 «Политика России в центральноазиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX – начале XX в.

Примечания:

1. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003. С. 87.
2. Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб.: Издательский дом СПбГУ. 2009. 536 с.
3. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в.. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. С. 166.

4. Булыгин Ю.С. Официальное православие и старообрядчество на Алтае в XVIII в. // Старообрядчество: история и культура / Сборник научных трудов. Барнаул: Издательство Алтайского гос. университета. 1999. Вып. 2. С. 26–27.
5. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 8. Т. II. Д. 2764. Л. 3310б–332.
6. Там же. Ф. 3. Оп. 2. Т. III. Д. 2764. Л. 575–580.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 6. Оп. 7. Д. 139. Л. 24–26об.
8. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17859. Л. 20б–3.
9. Знаменский П. История Русской церкви. М., 1896. С. 229–241.
10. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. СПб., 1902. Вып. 1. С. 246.
11. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Северной Киргизии в эпоху колониализма. М.: Наука, 1996. 242 с.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1595. Л. 8об.
13. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–320б.
14. Голошибин И. Справочная книга Омской епархии. В 7-ми книгах. Омск, 1914.
15. ГАОрО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10568. Л. 530б–54.
16. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. LXXXVIII.. Уральская область. 1904. С. 55–56.
17. Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... к.и.н. Кемерово, 2001. С. 21.
18. Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (XIX – начало XX в.). Барнаул: Издательство Алтайского гос. университета, 2010. 168 с.

References:

1. Rossiiskaya mnogonacional'naia civilizaciya. Yedinstvo i protivorechiya / М.: Progress, 2003. S. 87.
2. Mironov B.N. Istoricheskaya sociologiya Rossii / SPb.: Izdatel'skiy dom SPGU. 2009. 536 s.
3. Tikhonov A.K. Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX v. / SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 2008. S. 166.
4. Bulygin U.S. Oficial'noye pravoslaviye i staroobr'adchestvo na Altaye v XVIII v. // Staroobr'dadchestvo: istoriya i kul'tura / Sbornik nauchnyh trudov. Barnaul: Izdatel'stva Altayskogo gos. universiteta. 1999/ / vyp. 2. S. 26–27.
5. Gosudarstvennyi arkiv Omskoy oblasti (GAOO). F. 3. Op. 8. Т. II. Д. 2764. Л. 3310б.–332.
6. Tam zhe. F. 3. Op. 2. Т. III. Д. 2764. Л. 575–580.
7. Gosydarstvennyi arkiv Orenburgskoy oblasti (GAOrO). F. 6. Op. 7. Д. 139. Л. 24–26об.
8. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17859. Л. 20б.–3.
9. Znamenskiy P. Istorya Russkoy Cerkvi / M., 1896. S. 229–241.
10. Chernavskiy M.N. Orenburgskaya yeparkhiya v proshlom yeyo i nastoyaschem / SPb., 1902. Vyp. 1. S. 246.
11. Bekmakhanova N.Ye. Mnogonacional'noye naseleniye Kazakhstana i Severnoy Kirgizii v epokhu kolonializma / М.: Nauka, 1996. 242 s.
12. Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arkiv. F. 796. Op. 442. D. 1595. L. 8ob.
13. Central'nyi gosudarstvennyi arkiv Respubliki Kazakhstan. F. 115. Op. 1. D. 1. L. 32–320b.
14. Goloshubin I. Spravochnaya kniga Omskoy yeparkhii. V 7-mi knigah / Omsk, 1914.
15. ГАОрО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10568. Л. 530б.–54.
16. Pervaya Vseobschaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii. 1897. Т. LXXXVIII. Ural'skaya oblast'. 1904. S. 55–56.
17. Ivanov K.Yu. Staroobr'adchestvo yuga Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovin'e XIX – nachale XX vv.: Avtoref. dis. ... k.i.n. Kemerovo, 2001. S. 21.
18. Lysenko Yu.A. Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy cerkvi v Kazakhstane (XIX – nachalo XX v.) / Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gos. univesiteta, 2010. 168 s.

УДК 93/94

Русская православная церковь в религиозном пространстве Казахстана: этапы и особенности институционального оформления (XVIII – начало XX в.)

Юлия Александровна Лысенко

Алтайский государственный университет, Россия
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: iulua_199674@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа культурно-исторической ситуации, в условиях которой происходило формирование православного населения и институтов Русской православной церкви в Казахстане в XVIII – начале XX вв. Определяются особенности епархиального, церковно-приходского и церковно-школьного строительства в регионе, основные направления деятельности Русской православной церкви в Казахстане. Результаты комплексного анализа ситуации позволяют определить степень эффективности интеграции РПЦ в культурно-религиозное пространство региона, выявить субъективные и объективные факторы, оказавшие значительное влияние на данный процесс.

Ключевые слова: Русская православная церковь; религиозно-культурное пространство; Казахстан; епархия; старообрядчество; ислам.

UDC 94(460).085

The Gunboat 'Delgado Pareho': Creation and Battle Path

¹ Alejandro Anca Alamillo
² Nicholas W. Mitiukov

¹ Instituto de historia y cultura naval, Spain

28014 Madrid, Calle Juan de Mena, 1

Academico-correspondiente de Real Academia de la Mar (España), Dr. Sc., professor of natural history.

E-mail: alejandro.anca@uria.com

² Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Russian Federation

Izhevsk State Technical University, Russian Federation

Academico-correspondiente de Real Academia de la Mar (España), Dr. Sc., Associate Professor

E-mail: nico02@mail.ru

Abstract. On the base of official data and archives, the battle path of the Spanish 3 class gunboat 'Delgado Pareho', previously 'Dart' yacht purchased in the USA in 1895, was restored. The shows the influence of the gunboat during the Spanish-American War.

Keywords: Spain, history, military and naval politics; Cuba; insurgencia, the Spanish-American War.

Введение. Канонерская лодка "Дельгадо Парехо" стоит особняком в истории войны на Кубе. С одной стороны, это была самая крупная канонерская лодка для Кубы, приобретенная на добровольные пожертвования, с другой стороны, ее единственную лодку неспециальной постройки иногда относят к канонерским лодкам второго ранга. Несмотря на то, что она приняла весьма активное участие в боевых действиях, о ней известно немного, и имеющаяся информация крайне противоречива.

Материалы и методы. В качестве источниковой базы использовались следующие группы источников. В первую очередь архивные данные Archivo General de Marina "Álvaro de Bazán", как ранее не публиковавшиеся, так и уже введенные в научный оборот другими авторами [8]. Во-вторых, данные периодической печати, публиковавшие избранно или полно официальные сводки с театра боевых действий. Это ведущий испанский военно-морской журнал "Revista general de marina", публиковавший не только тексты Королевских декретов, но и обзор по материалам боевых сводок [2]. Полнотекстовые версии Королевских декретов публиковались также в бюллетене "Colección legislativa de la Armada" за соответствующую дату. Далее, это выдержки из сводок, публиковавшиеся в газетах "La Correspondencia de España" [5], "La Época" [6], "La Vanguardia" [7] и других. Частично обзор газет произведен в работе [1]. Ценность представляет также испанский ежегодник "Estado General de Armada" [3], публикующий сведения не только о личном составе военно-морского флота Испании, но и об ее корабельном составе. Третья группа – это аналитические работы испанских историков, А.Р. Родригес Гонсалес, Х.Л. Коэльо Лильо и др., как опубликованные в виде их фундаментальных работ, так и неопубликованные рукописи, предоставленные авторам в личной переписке.

При реконструкции событий автор использовал проблемно-хронологический метод, позволивший изучить проблему исследования в последовательном развитии, а также основы логики, предполагая, что каждое решение испанского руководства имело целью получить определенные политические дивиденды.

Обсуждение. Канонерская лодка "Дельгадо Парехо", подарок флоту испанской колонии в Нью-Йорке, представляла собой бывшую паровую яхту "Дарт" (Dart), построенную по заказу американского миллионера. Для содействия в приобретении в Америке судов для военно-морского флота был специально создан Испанский Патриотический Комитет (Junta Patriótica Española), выступивший организатором покупки в том числе и "Дарта". Рекомендацию для приобретения яхты дал глава военно-морской миссии в США капитан 1 ранга Хосе Феррер (José Ferrer).

На момент покупки Комитет состоял из президента Эмилио Кастильо (Emilio M. Castillo), казначея Хосе Веги (José A. Vega), секретаря Сесарео Вихил (Cesáreo Vigil) и членов Хуан Сала (Juan Sala), Эмилио Пиг (Emilio Puig), Сириако Виадеро (Ciriaco Viadero), Эухенио Лопес (Eugenio López) и А. Пасос (A. Pazos). В основном взносы на покупку вносились в размере 500, 600 и 750 песо, но один вкладчик, пожелавший остаться инкогнито, внес примерно десятую часть стоимости.

Как пишет испанский журналист, работающий под псевдонимом Сервера: "Ореол таинственности окружает эту канонерскую лодку. Я пришел просто в отчаяние, пытавшись разобраться с характеристиками корабля – не просто оказалось мало информации, в некоторых случаях она противоречила сама себе" [1].

Так газета "La Correspondencia de España" за 12 ноября 1895 г. писала: "Лодка, купленная на пожертвования испанской колонии в Нью-Йорке для службы у берегов Кубы имеет скорость от 10 до 12 узлов, и длину 50 футов, осадку – 5 футов. Железные листы обшивки соединяются двумя

рядами заклепок на шпангоутах и интеркостелях, которые были обновлены на его днище во время последнего ремонта. Подводная часть изнутри корпуса выложена слоем портлендского цемента, а верхняя часть обшивки – густо окрашена свинцовым суриком и красной охрой. Снаружи корпус ниже ватерлинии окрашен в красный, сама ватерлиния – белый цинк, борт выше ватерлинии – черный. Каюта и рулевой мостик сделаны из твердых сортов красного дерева. Корабль достоин самой высокой похвалы, как совершенное произведение современной промышленности и техники" [5, 12 de noviembre de 1895].

Однако спустя всего пять дней, та же газета за 17 ноября 1895 г. дает судну следующую характеристику: "Деревянный корпус строился, чтобы обеспечить максимальную надежность, который обычно лишены яхты, поскольку строился он на верфи, обычно строившей буксиры, прочность корпуса которым просто необходима. Каюты офицеров, механиков и нижних чинов вместительны, просторны и изысканы. А первые имеют и водопровод, заведенный также в душевую. Машинное отделение удобно и просторно, машина современной системы с одним котлом, способная развить на максимальной тяге скорость до 12 узлов. Рядом с рулевым мостиком установлен камбуз, оборудованный самыми современными приспособлениями. Стоимость корабля составляет свыше 20.000 песо" [5, 17 de noviembre de 1895].

Интересна заметка и в ведущем испанском военно-морском журнале "Revista General de Marina": "Водоизмещение 20 т, на ней будет установлено 37-мм автоматическая пушка Максима или пулемет" [2]. Таким образом, не понятен даже материал корпуса: металлический, деревянный или композитный. Создается даже ощущение, что во всех приведенных заметках речь идет о разных кораблях. Весьма символично, что такая фундаментальная работа, как "Estado General de Armada" за 1898 г. вообще дает прочерк в разделе материал корпуса [3].

Следующее противоречие связано с местом постройки. "Revista General de Marina" за 1895 г., сообщая о покупке судна, прямо вводит своих читателей в заблуждение, утверждая: "судно построено на британской верфи" [2]. К счастью, большой специалист по истории испанского флота Juan Luis Coello Lillo сумел обнаружить информацию о постройке в оригинальной документации верфи: "Паровая яхта "Дарт" была построена в 1894 г. в Лонг Айленде (Long Island City, основанный как пригород Нью-Йорка, сейчас вошел в состав города в районе Квинса), ее тоннаж составлял 65,5 БРТ, или 40,68 НРТ".

Остальные характеристики судна, в соответствии с "Estado General de Armada" были следующие: Водоизмещение 85 т., длина 30 м, ширина 5,19 м, высота борта 3,05 м, осадка 1,83 м, запас угля 14 т. [3]. И снова эта информацию можно опровергнуть не менее авторитетным источником. В соответствии с документами Общего Архива флота "Альваро де Басан" [4] материал корпуса водоизмещением 85 т. указан как деревянный, длина по ватерлинии – 30 м (ряд вторичных источников сообщают о максимальной длине 32,92 м), ширина 5,9 м, высота борта 2,30 м, осадка – 1,97 м. Тот же источник сообщает, что силовая установка яхты состояла из двухцилиндровой вертикальной машины с цилиндрами высокого и низкого давления. Угольные ямы судна вмещали 10 т. угля при его потреблении на полном ходу 1900 кг в сутки. Таким образом, автономность составляла примерно неделю или 1320 морских миль. Данные о ходовых испытаниях снова отсутствуют, но по результатам тестов испанской стороной по приемке судна 3 ноября, оно развило от 12 до 14 узлов при форсированной тяге. Но следует сразу отметить, что в реальных боевых условиях ход корабля редко превышал 10 узлов.

Следующее разнотечение возникает при анализе состава вооружения. "Estado General de Armada" сообщает об одном 57-мм орудии [3]. Информацию об одном орудии поддерживает полковник российского генерального штаба Яков Жилинский, прикомандированный к испанским войскам на Кубе [11]. Но существует и ряд источников, говорящих о двух орудиях. Так польский историк Петр Олender указывает одно 57-мм орудие и 37-мм револьверную пушку [9]. А.Р. Родригес Гонсалес также подтверждает эту информацию, уточняя, что 37-мм пушка была системы Максима [10]. Уже упоминавшаяся газета "La Correspondencia de España" от 17 ноября 1895 говорит о 57-мм Норденфельт, 37-мм Гочкисс (или Максим) [5, 17 de noviembre de 1895]. Упомянутый выше архивный источник дает следующую информацию: 57-мм пушка Гочкисса в носу и 37-мм той же системы в корме [4]. Но вполне вероятно, что второе орудие установили чуть позднее, отчего и возникает такое разнотечение.

Наконец, "Estado General de Armada" говорит, что экипаж канонерской лодки полностью соответствовал таковому на типе "Эстрелья", т.е. включал командира в чине лейтенанта, механика, помощника механика, боцмана, канонира [3]. Количество нижних чинов не называется, но сравнивая корабельные системы и размерения понятно, что их было больше, чем на типе "Эстрелья".

И так, как уже отмечалось, 3 ноября на судне провели успешные приемные испытания, и в соответствии с подписанным 5 ноября 1895 г. Королевой-Регентшей специальным декретом (опубликованным на следующий день), новое судно получило наименование "Дельгадо Парехо", в честь покойного адмирала, командующего Гаванской базы, трагически погибшего на борту крейсера

¹ Материалы личной переписки автора с Х.Л. Коэльо Лильо.

"Санчес-Баркастеги", столкнувшегося с пароходом "Конде де ла Мортера" в ночь на 18 сентября 1895 г. на рейде Гаваны.

Первым командиром "Дельгадо Парехо" стал лейтенант Педро Тинео и Родригес Трухильо (Pedro Tineo y Rodríguez Trujillo), назначенный в должность королевским декретом от 11 ноября. Специфичность ситуации заключалась в том, что он был приемным сыном Дельгадо Парехо и в момент назначения находился в Испании. Прибыть на Кубу он смог лишь в середине декабря, то есть спустя несколько недель после доставки на место самого "Дельгадо Парехо". Он вступил в должность "де факто" лишь некоторое время спустя, но вскоре был переведен в другое место, оказавшись командиром канонерки "Гавиота". С середины мая 1897 г. исполняющим обязанности командира числился бывший старпом мичман Альваро Гитиан (Alvaro Guitián), до этого отличившийся своим командованием десантных партий. "Estados General de Armada" за 1898 г. говорит о командире – лейтенанте Убальдо Серис (Ubaldo Seris), очевидно вступившего в должность в конце 1897 г. [3].

В соответствии со следующим королевским декретом от 18 ноября канонерке присвоили бортовой номер 69 и международный идентификатор GRBD. Ее зачислили в класс канонерских лодок 3 ранга, став, таким образом, самым крупным вымпелом этого класса. Впрочем, ее большие размеры приводили к тому, что в ряде документов она зачастую фигурировала как канонерская лодка 2 ранга.

Обычно корабли переводились на Кубу самостоятельно, но в случае с "Дельгадо Парехо", как и с другими канонерками 3 ранга было сделано исключение – их доставляли на борту разных пароходов. Контракт на доставку лодки достался фирме "Мансон" (Munson), вероятно, что эту миссию совершил пароход "Арданроус" (Ardanrose). Покинув Нью-Йорк в конце декабря, корабль достиг Гаваны 2 января следующего 1896 г., и в тот же день портовым краном она была спущена на воду [6, 3 de enero de 1896]. К сожалению, не понятно, сколько понадобилось времени, чтобы ввести корабль в строй, но судя по сообщению газеты "La Érosa" от 3 марта, на это время она уже находилась в составе флота [6, 3 de marzo de 1896].

А первая операция, в которой принял участие "Дельгадо Парехо", стал обстрел в районе Сургидеро де Батабано (Surgidero de Batabanó). Зайдя в этот кубинский порт с целью произвести небольшой ремонт, 26 марта, по просьбе армейского командования около семи часов канонерка приступила к обследованию района. Около восьми наблюдатели обнаружили подозрительное движение на берегу, и командир приказал открыть огонь. В 8-30 на лодке получили информацию, что большая группа инсургентов попыталась пересечь железную дорогу между Кинтана (Quintana) и Сургидеро (Surgidero) и огонь был перенесен в этот сектор. Менее чем за 10 минут комендоры выпустили 37 гранат, а спустя некоторое время еще пять по целям к северо-северо-востоку. Как сообщили потом местные жители, именно эти действия заставили противника воздержаться от нападения на город [2, 27 de marzo de 1896]. Интересно отметить, что этой операции "Дельгадо Парехо" ассистировала канонерская лодка "Диего де Веласкес", также впервые участвовавшая в бою. 14 июля вместе с транспортом "Легаспи" "Дельгадо Парехо" недалеко от Паредонес (Paredones) обстреляли лагерь противника, находившийся недалеко от побережья [2, 14 de julio de 1896].

В конце сентября "Дельгадо Парехо" принял участие в большой операции у Ганамона (Guanamón), проведенной вместе с армией и частями добровольцев. 25 сентября канонерская лодка вышла из Батабано, ведя на буксире шхуну, в которой разместились десантники. По прибытию в Ганамон корабли стали на якорь, при этом "Дельгадо Парехо" занял позицию, чтобы защитить подопечную ему шхуну от возможного нападения. Вскоре на берег отправилась десантная партия во главе со старпомом мичманом Гитианом. А спустя некоторое время она подверглись нападению противника и, потеряв двое убитыми (в том числе лейтенанта Лауреано Хентилья, Laureano Gentil), вынуждены были отступить.

Незамедлительно по сигналу с берега канонерская лодка открыла огонь по противнику. Это в корне изменило ситуацию на берегу, и противник поспешил бросил свои позиции. В руки десантников попали 10 лошадей со сбруей, несколько голов крупного рогатого скота, револьвер, 5 мачете, 50 гамаков, множество медикаментов и прочие трофеи, включая несколько важных документов. По окончанию операции десантники начали возвращаться на корабли, свозя туда свои трофеи и пленных для доставки их в Батабано. Воспользовавшись некоторым ослаблением внимания, противник снова обстрелял испанцев, но получил энергичный отпор в виде ружейного огня, поддержанного орудиями канонерки, после чего уже без всяких происшествий десантники возвратились в Батабано [2, 1 de octubre de 1896].

Окрыленные успехом, 1 октября испанцы предприняли еще одну операцию подобного рода. На этот раз "Дельгадо Парехо" вышел из Батабано, имея на буксире уже две баржи. Прибыв в Ганамон, на берег отправилась десантная партия под командованием мичмана Гитиана. На сей раз сил был достаточно, чтобы разделиться на две колонны. 5 октября десантники возвратились в Батабано, принеся известие, что в ходе двухдневного рейда удалось уничтожить несколько складов противника [2, 5 de octubre de 1896]. Все это время "Дельгадо Парехо" прикрывал десантников с моря. Так ночью 5 октября с его борта обнаружили подозрительные огни на берегу и на рассвете обстреляли шрапнелью предполагаемое место нахождения противника. Отправленная на берег десантная партия под руководством мичмана Гитиана показала, что огонь пришелся точно по неприятелю, который вынужден был отойти [2, 14 de octubre de 1896].

Вечером 24 октября канонерская лодка "Альседо" (лейтенант Брукетас, Bricuetas) заметила подозрительную активность в районе реки Сан-Хуан и вызвала "Дельгадо Парехо", чья осадка позволяла действовать в этом мелководном районе. В ходе последовавшей затем разведки в районе Галафре (Galafre) удалось обнаружить сосредоточение противника. На следующее утро оба корабля подошли к этому месту и в 6-15 открыли огонь по берегу. После этого на берег отправилась десантная партия в составе коннетабля и 17 матросов под командованием мичмана Гитиана. Десантники окончательно добили неприятеля, выволив 16 человек, в основном женщин и детей, которых на борту "Альседо" доставили в Батабано [2, 30 de octubre de 1896].

Поскольку корабль находился непрерывно в море с 22 октября, командир приказал вернуться в порт, но при следовании вдоль берега, в районе Кайягуатехе (Cayaguáteje), когда на берег отправилась партия во главе с мичманом Гитианом с целью разведать обстановку, ей пришлось снова вступить в бой. К счастью, противник, очевидно, сам не ожидал нападения, расположившись походным лагерем, и быстро ретировался, оставив в качестве трофеев четыре котелка, рассыпанные патроны и прочее имущество. Потери экипажа заключались в раненом механике и лоцмане и многочисленных пулевых пробоинах в бортах [2, 31 de octubre de 1896].

28 октября в своем рапорте военному министру губернатор из Гаваны докладывал следующей успешной операции канонерки: "Колонна 47-го батальона "Сан Квентин" (San Quintín) в районе Севало (Sevalo, провинция Пана дель Рио) завязала бой с полевым командиром Льоренте. После тяжелого боя, продолжавшегося с утра до вечера, при поддержке с моря канонерки "Дельгадо Парехо", противник был разбит и рассеян, оставив на поле боя 32 убитых врага. По нашим данным от 70 до 80 инсургентов получили ранения, брошены до сотни лошадей. Наши потери – ранены офицер и 11 солдат" [6, 29 de octubre de 1896].

13 ноября 1896 г. в газете "La Érosa" была опубликована телеграмма из гаванской военно-морской базы: "... канонерская лодка "Дельгадо Парехо" высадила десантную партию в районе Коломбо (Colomba), разогнав противника и вызвав у него тяжелые потери" [6, 13 de noviembre de 1896]. К сожалению, подробности этой операции авторам найти не удалось.

В начале января следующего 1897 года канонерская лодка снова провела в боях. 19 января "Дельгадо Парехо" совместно с сухопутными силами провела операцию в районе Салинаса (Salinas). Высадив в этом городке десантную партию, ей удалось совместными действиями с 47-м батальоном разбить крупную группировку инсургентов, потерявших до десятка человек убитыми и многих ранеными. Испанцы не только уничтожили укрепленный лагерь противника, но и потопили две их лодки. Трофеями победителей стали важные документы, боеприпасы и продовольствие брошенные боевиками, а также отбитое стадо крупного рогатого скота и лошадей. Контр-адмирал Наварро в своем рапорте рекомендовал отметить командира канонерки Тинео и старпома мичмана Гитиана, который три раза возглавлял десантные партии, а также проявил в ходе боев большую храбрость, уничтожив лично пять человек, в числе которых был лидер инсургентов некто "лейтенант Бланко". Шесть дней спустя десантная партия "Дельгадо Парехо" приняла участие в уничтожении еще одной группировки противника в районе Сургидеро (Surgidero de Batabanó). В этой высадке также отличились мичман Альдерегия (Aldereguia) и офицеры армии Молина (Molina), Прето (Prieto) и Хабан (Jaban). [5, 25 de enero de 1897].

14 апреля "Дельгадо Парехо" получил задание прикрыть десантную партию генерала Пратса (Prats), разместившуюся на борту парохода "Глория" (Gloria). Утром 16-го корабли подошли к месту назначения и канонерка, буксируя несколько шлюпок с парохода, вошла в устье близлежащей реки, где обнаружила лодку противника. Незамедлительно испанцы открыли огонь по противнику, которые, оказав чисто символичное сопротивление, начали прыгать в воду, в надежде найти спасение на берегу. Не отвлекаясь на эту незначительную стычку, канонерка продолжила буксировку шлюпок с войсками далее вглубь реки, проведя высадку в заданном квадрате. Данные разведки оказались точными, и десантники обнаружили неподалеку укрепленный лагерь противника, который и уничтожили. Затем десантники снова сели в свои шлюпки и всего в нескольких милях вверх по течению обнаружили еще один лагерь инсургентов. Здесь после разгрома противника испанцы смогли обнаружить ценные документы и захватили богатые трофеи. Итогом рейда стали захваченная лодка и две баржи, а также два десятка пленных инсургентов, переданных компетентным органам.

В мае вместе с канонерками "Гуантанамо" и "Дардо", "Дельгадо Парехо" предотвратил форсирование инсургентами реку Маябеки (Mayabeque), шедших на помощь своему отряду, окруженному генералом Марото (Maroto). Утром 21 мая когда "Дельгадо Парехо" стоял на якоре в заливе Кортес, он подвергся нападению инсургентов. Но, получив отпор, противник отступил к Халафре (Galafre). Высадившаяся десантная партия закончила дело, найдя на берегу два убитых инсургента.

Спустя всего пару дней, 23 мая "Дельгадо Парехо" вместе с канонеркой "Альмендарес" провели успешную операцию по ликвидации боевиков на берегу реки Кайягуатехе (Cayaguáteje). За два дня боев испанцам удалось уничтожить лагерь инсургентов, захватив многочисленные трофеи: оружие, боеприпасы, и, в общей сложности 11 небольших лодок, которые были уничтожены.

В июне "Дельгадо Парехо", вместе с "Гуантанамо" и "Дардо", снова пресек попытку инсургентов форсировать реку Маябеки, правда теперь в обратном направлении – под давлением сил генерала Марото боевики предприняли попытку вырваться из окружения.

Относительно дальнейших действий испанские рапорты не сообщают ничего важного о "Дельгадо Парехо". Это объясняется не только относительным затишьем, но и ремонтными работами на изрядно потрепанной в боях и походах канонерке. В частности, судя по накладным, в конце октября на "Дельгадо Парехо" осуществили замену котла, продолжавшуюся восемь дней и стоившую 350 серебряных песо.

Начало испано-американской войны застало "Дельгадо Парехо" в Мансанильо. Кроме нее там же базировались канонерки "Гуантанамо" и "Эстрелья", а также используемые как понтоны три бывших канонерки. "Гардиан", чья активная эксплуатация в операциях против инсургентов привела к полной негодности машины, так что теперь ее экипаж насчитывал всего четыре человека, обслуживавших 42-мм пушку. Кроме того в Мансанильо находились старая деревянная канонерка "Куба Эспаньола", для обслуживания 130-мм пушки Паррота на борту которой оставалось семь человек экипажа и старый парусный корабль "Мария".

30 июня около четырех утра американские вспомогательные канонерки "Хист" (бывший "Thespie", 472 т., 1 x 47, 4 x 37-мм орудия), "Хорнет" (бывший "Alicia", 425 т., 2 x 57, 1 x 47, 2 x 37-мм орудия), вооруженный буксир "Вомпатук" (бывший "Atlas", 462 т., 3 x 47-мм орудия) и шхуна появились в виду Мансанильо с намерением произвести его бомбардировку. Дежурившая у входа канонерка "Сентинелья" вступила в неравный бой, но, получив 25 попаданий, во избежание гибели была вынуждена выброситься на мелководье. Однако, услышав выстрелы, испанские силы в Мансанильо успели привести в состояние боевой готовности и когда американцы вошли в порт, их ждало организованное сопротивление. Именно "Дельгадо Парехо" посчастливилось первым открыть огонь по противнику. Сражение, продлившееся около часа, принесло, вероятно, самую значительную испанскую победу в испано-американской войне. Кроме срыва бомбардировки, повреждения получил "Хист", который пришлось взять на буксиром "Вомпатук". Всего испанцы в этом сражении добились 11 попаданий в "Хист", 6 в "Хорнет" и три в "Вомпатук".

Наиболее активную роль в сражении сыграл именно "Дельгадо Парехо", понесший самые тяжелые потери. Два человека из его экипажа были убиты (боцман и наводчик), еще двое имели легкие ранения, среди которых значился и командир Убальдо Серис, получивший пулевое ранение в ногу. До возвращения в строй командира, его временно заменил лейтенант Хоакин Монтагут (Joaquín Montagut). Наибольшее же количество попаданий, вероятно из-за своих размеров, получил понтон "Мария". Но его потери составили всего двое раненых и двое контуженных. Еще один контуженный имелся на канонерке "Гардиан".

1 июля американцы снова появились у Мансанильо в составе вспомогательного крейсера "Скорпион" (бывший "Sovereign", 850 т., 4 x 127, 6 x 57-мм орудия) и буксира "Оцеола" (бывший "Winthrop", 571 т., 2 x 57, 1 x 47-мм орудий). На сей раз неприятель близко не подходил, находясь на дистанции до 2500 м, используя свое преимущество в дальнобойной артиллерии. Снова больше всего досталось "Марии", где трое человек получили ранения, и несколько контузий. Весьма примечательно, что после сражения испанцы нашли 19 неразорвавшихся американских 127-мм снарядов. Ответный огонь испанцев также не дал должного результата, но по американским рапортам выходит, что одно орудие "Оцеолы" было выведено из строя, хотя американцы и не признали факт попадания в них. Гораздо более серьезно пострадал город, где снова имели место разрушения и жертвы среди мирного населения.

Сделав соответствующие выводы по результатам этих двух стычек, испанское командование предпочло отбуксировать свои понтоны под защиту береговых батарей. Бывшую канонерку "Гардиан", ввиду ее проблематичной ценности, разоружили, а боеприпасы передали на другие корабли, которые изрядно их поиздиряли.

На следующий день, 2 июля прорвав американскую блокаду, в Мансанильо возвратилась канонерка "Сентинелья", успешно стащенная с мели и чуть подремонтированная. Понимая, что американцы продолжат операции против Мансанильо, и, учитывая подходящий к концу боезапас который было невозможно пополнить, командир испанских сил капитан-лейтенант Хоакин Гомес Барреда (Joaquín Gómez de Barreda), ссылаясь на опыт прорыва "Сентинельи", предложил вышестоящему командованию всеми исправными единицами прорваться в какой-либо другой пункт кубинского побережья. Но в этом ему было отказано, что и предопределило судьбу нашего героя. После разгрома эскадры Серверы и капитуляции Сантьяго, американское командование смогло сосредоточить подавляющее превосходство перед Мансанильо, и вопрос о судьбе находящихся там испанских кораблей стал лишь вопросом времени. Кроме ранее участвовавших в боях с испанцами у Мансанильо кораблей, к американцам присоединились канонерские лодки специальной постройки "Хелена" и "Вилмингтон" (по 1400 т., 8 x 102-мм орудий).

18 июля в 7-45 американцы начали сражение. К этому времени из-за практически полного исчерпания боезапаса экипажи на испанских кораблях были сведены к минимуму. А после начала обстрела испанские моряки вообще покинули свои корабли и сосредоточились на позициях береговой обороны. Пушка "Дельгадо Парехо" также заняла свою позицию на берегу вместе с

экипажем. Бомбардировка в этот раз продолжилась более четырех часов, за которые американцы выпустили по городу свыше трех тысяч снарядов, не оставив никаких шансов испанским кораблям [7, 23 de julio de 1898].

Окончательную точку в судьбе испанских кораблей в Мансанильо поставил американский отряд, вошедший в порт 12 августа. Поскольку испанцы небезосновательно опасались, что это прибыла десантная партия, все уцелевшие в предыдущих битвах корабли были взорваны своими экипажами. Вместе с ними погиб и "Дельгадо Парехо".

Заключение. Канонерская лодка "Дельгадо Парехо" оказала заметное влияние на ход боевых действий на Кубе во время инсургентии 1895–98 гг. в первую очередь на юго-западном побережье острова. Во время испано-американской войны корабль оказался заблокирован в Мансанильо, где принял активное участие во всех происходивших там боевых действиях.

К сожалению, в карьере канонерской лодки осталось несколько белых пятен, которые, по-видимому, невозможно заполнить без привлечения американских архивов. В первую очередь, это история до покупки лодки, а во-вторых, история по окончании испано-американской войны. Вполне вероятно, что перед сдачей на слом корпус лодки мог быть использован для вспомогательных нужд.

Примечания:

1. Cañonero "Delgado Parejo" // Historia Naval de España y Países de habla española URL: <http://foro.todoavante.es/viewtopic.php?f=49&t=6177>.
2. Escuadra de operaciones de Cuba (extracto parte oficial) // Revista General de Marina. 1897. № 2. P. 231–259; № 3. P. 336–364; № 4. P. 506–517; № 5. P. 581–584; № 6. P. 794–797; № 8. P. 315–323; № 9. P. 456–460; № 10. P. 620–623; № 11. P. 805–806. № 12. P. 975–976.
3. Estado General de Armada para el año de 1898. Madrid: Impresa del Ministerio de Madrid, 1898. Tomo 1. 426 p.
4. Estados de Fuerza y Vida. // Archivo General de Marina "Álvaro de Bazán". Leg. 2235/12.
5. La Correspondencia de España. URL: <http://prensahistorica.mcu.es/es/consulta/registro.cmd?control=BVPH20080000738>
6. La Época. URL: <http://hemerotecadigital.bne.es/details.vm?q=id:ooooooooo021&lang=es>
7. La Vanguardia. URL: <http://www.lavanguardia.com/hemeroteca/index.html>
8. Mitiukov N. W., Anca Alamillo A. El historial de la lancha canonera Delgado Parejo // Revista general de marina. 2014. Vol. 266. № 1 (Enero-Febrero). P. 11–18.
9. Olander P. Wojna amerykańsko-hiszpańska na morzu 1898 r. Warszawa: Lampart, 1995. 216 p.
10. Rodríguez González A.R. Política naval de la restauración (1875–1898). Madrid: Editorial San Martín, 1988. 522 p.
11. Жилинский Я.Г. Испано-американская война. Отчет командированного по Высочайшему повелению к испанским войскам к испанским войскам на остров Куба. СПб.: Экономическая типолитография, 1899. 260 с.

References:

1. Cañonero "Delgado Parejo" // Historia Naval de España y Países de habla española URL: <http://foro.todoavante.es/viewtopic.php?f=49&t=6177>.
2. Escuadra de operaciones de Cuba (extracto parte oficial) // Revista General de Marina. 1897. № 2. P. 231–259; № 3. P. 336–364; № 4. P. 506–517; № 5. P. 581–584; № 6. P. 794–797; № 8. P. 315–323; № 9. P. 456–460; № 10. P. 620–623; № 11. P. 805–806. № 12. P. 975–976.
3. Estado General de Armada para el año de 1898. Madrid: Impresa del Ministerio de Madrid, 1898. Tomo 1. 426 p.
4. Estados de Fuerza y Vida. // Archivo General de Marina "Álvaro de Bazán". Leg. 2235/12.
5. La Correspondencia de España. URL: <http://prensahistorica.mcu.es/es/consulta/registro.cmd?control=BVPH20080000738>
6. La Época. URL: <http://hemerotecadigital.bne.es/details.vm?q=id:ooooooooo021&lang=es>
7. La Vanguardia. URL: <http://www.lavanguardia.com/hemeroteca/index.html>
8. Mitiukov N. W., Anca Alamillo A. El historial de la lancha canonera Delgado Parejo // Revista general de marina. 2014. Vol. 266. № 1 (Enero-Febrero). P. 11–18.
9. Olander P. Wojna amerykańsko-hiszpańska na morzu 1898 r. Warszawa: Lampart, 1995. 216 p.
10. Rodríguez González A.R. Política naval de la restauración (1875–1898). Madrid: Editorial San Martín, 1988. 522 p.
11. Zhilinsky Ya.G. Ispano-amerikanskaya voina. Otchet komandirovannogo po vysochaishemu poveleniyu k ispanskim voiskam na ostrov Kuba. St-Petersburg: Ekonomicheskaya tipolitografia, 1899. 260 c.

УДК 94(460).085

Канонерская лодка «Дельгадо Парехо»: создание и боевой путь

¹ Александро Анка Аламильо

² Николай Витальевич Митюков

¹ Институт морской культуры и истории, Испания

Член-корреспондент Королевской морской академии

д-р наук, профессор естествознания

E-mail: alejandro.anca@uria.com

² Ижевский государственный технический университет,

Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Российская Федерация

Член-корреспондент Королевской морской академии (Испания)

доктор технических наук, доцент

E-mail: nico02@mail.ru

Аннотация. На основе официальных сводок и архивных данных произведена реконструкция боевого пути испанской канонерской лодки 3 ранга "Дельгадо Парехо", бывшей яхте "Дарт", приобретенной в США в 1895 г. и погибшей в Мансанильо в 1898 г. Показано влияние канонерской лодки на ход событий на Кубе во время инсургентии и испано-американской войны.

Ключевые слова: Испания; история; военно-морская политика; Куба; инсургентия; испано-американская война.

UDC 94 (470.62)

The Marriage Politics of the Russian Authorities in the North Caucuses as one of the Aspects of the Russian- Mountainous Interaction during the War Time Period (first half of XIX century)

¹ Sergei L. Dudarev

² Olga V. Ktitorova

³ Anastasiya A. Tsybulnikova

¹ Armavir State Pedagogical Academy, Russian Federation

Dr. (History), Professor

E-mail: dudarev51@mail.ru

² Armavir State Pedagogical Academy, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

E-mail: olgakti1@rambler.ru

³ Armavir State Pedagogical Academy, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

E-mail: ana555000@yandex.ru

Abstract. The article features the development of State control over marriages between the Russian and mountainous population during the conquest of South Caucasus by the Russian Empire. The goals, objectives and peculiarities of marriage policy are analyzed. The marriage is regarded here as a tool of stabilization of interethnic relations in the Regions.

Keywords: North Caucasus; the Caucasus War; the interethnic marriages; marriage policy; prisoners of war.

Введение. Российско-горские браки, начавшие заключаться еще во времена Тмутараканского княжества, по мере входления территории Северного Кавказа в стратегическое, а позже и государственное поле Российской империи, из явления сугубо приватного и редкого постепенно превращались в широко распространенную практику. В условиях Кавказской войны наличие значительного количества пленных женщин и девочек ставило перед властями вопрос об административном урегулировании их статуса и жизненных перспектив. Долговременное присутствие в южнороссийском приграничье значительного числа военных (среди которых велико было количество относительно молодых холостых мужчин) ставило перед правительством задачу обеспечения их достойными женами, в том числе и за счет населения присоединяемых территорий. Кроме того, приходилось решать и проблему жизнеобеспечения девочек-сирот из военнопленных горцев.

Материалы и методы. При написании статьи автор опирался на широкий круг научной литературы, опубликованные и новые, только вводимые в научный оборот, источники, в том числе архивные документы, своды законов, мемуары, полевые материалы. Методологической основой исследования являются принцип историзма, а также хронологический, системный и сравнительный методы научного познания.

Обсуждение. Отдельные исторические источники указывают на то, что российско-кавказские брачные связи стали устанавливаться еще в Киевской Руси. Так, сын Владимира Мономаха Ярополк, посланный в 1116 году отцом на половецкую землю, привел с собой «ясы и жену полони себе ясыню» - Елену-девицу чрезвычайной красоты, дочь Ясского или Стенского князя Сварна. Всеволод Георгиевич, брат Андрея Боголюбского, имел жену ясыню Марию, сестра которой была с 1182 г. за Мстиславом сыном Святослава великого князя Киевского, Изяслав Мстиславович в 1154 году женился на царской дочери «из Обезь» [1]. Самым известным российско-кавказским брачным союзом, относящимся к середине XVI в., является женитьба Ивана Грозного на кабардинке Гошаней (в крещении Марии), дочери князя Большой Кабарды Темрюка.

С XVII века наиболее часто в брачные связи с горскими племенами стали вступать южнороссийские казаки. По сообщениям В.Д. Сухорукова, Н.М. Карамзина, П.А. Кулиша в XVII в. донцы «доставали себе жен, как вероятно, из земли черкесской и могли сими браками сообщить детям нечто азиатское в наружности» [2]. Впрочем, межэтнические браки характерны для всех групп казачества в силу специфики их военной деятельности – как пограничные подразделения казаки часто жили в иноэтнической среде и нуждались в свободных женщинах для создания семей. Например, в 1622 г. патриарх Филарет в своем письме архиепископу Киприану отмечал, что многие сибирские казаки «с татарскими и с остыцкими, и с вогулицкими... женами смешиваются... а иные живут с татарскими некрещеными, как есть с своими женами» [3]. К началу XVIII века среди жен уральских казаков встречались татарки, калмычки, казашки и даже персыянки.

Наиболее сблизились с кавказскими племенами гребенские и терские казаки, проживавшие на Северном Кавказе с XVII в. В результате многолетнего (преимущественно мирного) соседства с горцами среди замужних казачек было много женщин местного горского происхождения, особенно чеченок, кабардинок и ногаек [4]. Как отметил И.Д. Попко, «казаки скоро вошли в дружеские и даже родственные связи с горцами..., от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных» [5]. В таких случаях нередко казаками выплачивался положенный по горскому праву калым или кебин. Но так как такой брачный выкуп был зачастую не по карману рядовому казаку (как сообщил П.С. Паллас, в конце XVIII века он составлял «нередко свыше 1000 гульденов» [6]), то наиболее частым способом получения невесты все-таки стало широко распространенное на Кавказе (по тем же причинам) «умыкание», то есть похищение девушки. Как отметил Ф.А. Щербина, «русская казачья вольница на Тerekе... в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [7]. К примеру, гребенской казак Фролов был женат на дочери кабардинского князя Таймазовой, которую он в свое время похитил.

Войсковая администрация предпочитала в подобные ситуации не вмешиваться, стремясь хотя бы таким образом решить проблему демографического роста населения российских окраин. Церковные власти хоть и выступали против сожительства казаков с мусульманскими женщинами (в случае отказа горянки принять христианство и венчаться по православному канону), но в силу слабости самих церковных представительств на Северном Кавказе, да и при все том же попустительстве воинского начальства, никаких серьезных ограничительных мер не принимали. Впрочем, о чем можно говорить, когда даже сам «проконсул Кавказа» генерал А.П. Ермолов был трижды женат на мусульманках кебинным браком (т.е. был «невенчан» с точки зрения Церкви). При этом его четверо сыновей были признаны Александром II потомственными дворянами и законными детьми.

По рассказам одной из терских казачек (ст. Червленная), «когда казаки прибыли на Кавказ, они в большинстве прибыли без жен. Они здесь жен воровали. Эту женщину на жереб пускают, кому она достанется. В ст. Червленная живут и калмыки, и ногайцы, и чеченцы, и тавлины. У червленцев чисто русских нет. Я, например, кабардинка по матери. Родословная показывает, что муж по происхождению яицкий казак, и его предкам почти триста лет. Мой дед прекрасно говорил по-ногайск и по-чеченски. Бабушка обладала кумыкским языком, ездила в Аксай. Соседка, бабка Игнатьевна, очень долго жила, по происхождению кабардинка, и никогда не видела родных. Говорят, казаки поехали в Кабарду, женщину поймали и привезли, и назвали ее «манучки». И поймали деток целый хоровод, чеченок, и назвали «манучки». Чеченки пошли с кувшинами по воду ночью, и их поймали. Род Гулаевых от чечен. Ходили мы в кафтанах и штанах, как чеченки, только по-казачьи крутили платком вперед. Нас называли «Гунойский народ». У меня сын горбоносый, черный. Чеченец-старик подошел раз к нам и говорит на сына: «Откуда он?» Я сказал: «С Червленной». И чеченец-старик сказал: «А, гунойский народ». И больше он не стал спрашивать.»

Переняв у горцев обычай воровать жен терские казаки и сами своих девиц нередко теряли по той же причине. Одна из информаторов вспоминает такой случай: «...Про одну женщину говорили, она раньше была украдена в Чечню. Она там жила три года, и все плакала, плакала. И чечен взял вторую жену и ее пожалел: «Что, в Корчагкале хорошо?» Старый Щедрин называли Корчагкала. И чечен повез ее и отпустил ее на свободу, но сына оставил у себя. Это было во время войны с Шамилем. Прошло время, и сыну сказали, что его мать русская в Корчагкале. Он приезжал к ней, и приезжал до тех пор, пока она не умерла» [8].

На Кубани, также как и у терских казаков, причиной брака могло стать пленение горянки или договор с ее родителями (с выплатой достойного калыма). Здесь военная администрация также как правило подобным межэтническим бракам не препятствовала, а нередко даже способствовала. Ведь главной причиной подобных семейных союзов являлся недостаток женщин брачного возраста в кубанских станицах. Как отмечал Ф.А. Щербина, в первое время после переселения казаков на Кубань «...черкесы и черноморцы хотели родниться: черкешенки не прочь были выходить за русских, а казачьи старшины мечтали о женитьбе на черкесских княжнах» [9]. После выравнивания демографической ситуации (что совпало с окончанием военных действий на Северном Кавказе) браки с кавказскими женщинами в казачьей среде стали редкостью.

По данным фактам информатор из ст. Удоброй Андрей Гамиев рассказал следующее. «Во время Кавказской войны его прадед (казак ст. Удоброй по фамилии Прокопенко) женился на черкешенке, оставшейся в одиночестве с двумя детьми после ухода горцев. Одного ребенка взяли, по неизвестной причине, некие Романовы, а второй, Михаил, по-видимому и продолжил род Прокопенко. Как рассказывают старики, ходила «энта турка» по улицам в штанах и с черным покрывалом на глазах и похоже была из богатой семьи, возможно какого-то горского князька. Тем более, что после войны Прокопенко ездил куда-то на бричке со своей нерусской женой и вернулся со спрятанными черкесами сундуками». Она даже однажды спасла станицу от нападения черкесов, подслушав разговор своих соплеменников, которые под видом «мирных» приехали в станицу на базар. Женщина сообщила об услышанном атаману и казаки успели подготовиться к нападению, за что ее наградили медалью [10].

Военная администрация видела в российско-горских браках еще одну выгодную особенность. Межэтнические браки способствовали складыванию традиций куначества, которые в мирное время твердо поддерживались, а в момент обострения военной ситуации привлекались для освобождения из плена родственников или для разведки. У линейцев-пластунов существовала целая система укрывательства в семьях кунаков при разведке за Кубанью. Одна из современниц Кавказской войны вспоминает: «А чтобы ненависти, так у нас ее к горцам никакой не было... У всякого казака из них кунаки были... Что правда, то правда, воровали, обижали они нас частенько, да ведь и наши не давали им спуска... Сойдутся на сотовку, бывало, ровно друзья какие; твоя кунак, моя кунак – говорят право...» [11] По свидетельству информатора Е.И. Зыбина «были случаи, когда дети кунаков-горцев воспитывались в казачьих семьях» [12]. В период переселения в Турцию некоторые адыги прятали и оставляли в казачьих семьях своих детей, им давали казачьи фамилии и воспитывали как своих.

По мере учащения на Кубани военных столкновений с горцами (особенно после Адрианопольского мирного договора 1829 года) в станицы после взятия аулов стали попадать девочки-горянки. Довольно часто их усыновляли казачьи семьи. Например, по словам одной из жительниц хутора Карского Ульяны Талановской, в ст. Ильской у казака Дубовина воспитывалась девочка-черкешенка, которая впоследствии вышла замуж за Василия Семиниенко. По-русски ее называли Марией [13].

Если девочка-горянка была аристократического происхождения, то ее могла взять на воспитание и семья пленившего ее офицера-дворянина. Например, Рафаэль Скасси, путешествовавший по Кавказу в начале XIX века, упоминает о том, что жена генерала Бухгольца была «урожденной черкесской княжной: она была захвачена в плен при взятии Анапы графом Годовичем и была воспитана графом Коковским» [14]. По мнению Е.Д. Фелицина, во время пятилетнего владения крепостью Анапой, с 1807 по 1812 год, «русские успели завести дружественные и торговые сношения с туземцами, главным образом при усердном содействии жены анапского коменданта Екатерины Михайловны Бухгольц. Происходя от известной дворянской фамилии Эдиге, абадзехского племени, она 14 лет от роду вышла замуж за полковника Бухгольца, и потом уже всеми мерами старалась расположить своих соотечественников в пользу нашу. В этом отношении Екатерина Михайловна оказала своему мужу огромную помощь и пользовалась общим уважением среди горцев, имевших через посредство ее, сношения с русскими властями. Влияние ее на своих соотечественников было настолько велико, что услугами Екатерины Михайловны долго пользовались и после того, когда муж ее уже не имел никакого служебного положения в Анапе. Так, между прочим, в 1828 году эта почтенная особа принимала деятельное участие в склонении натухайского народа к мирным связям с нами. Ее полезная деятельность известна была и Императору, Николаю Павловичу, не раз удостоившего ее высочайших наград» [15]. Уже после смерти генерала она передала царскому правительству план укреплений Анапской крепости, что значительно облегчило ее завоевание впоследствии русскими войсками.

Для узаконения подобной усыновительной практики на пространстве всего Северного Кавказа в апреле 1833 г. был издан императорский указ «О признании малолетних дочерей горских жителей, достающихся в плен во время военных действий», в котором в частности говорилось, что надо пленных «дочерей горцев отдавать на воспитание желающим, с правом держать их у себя до 18-летнего возраста, а по достижении онного, предоставить им избирать род жизни, наблюдая при раздаче, дабы они внедряемы были семейственным людям, известным честною жизнью и хорошею нравственностью, с обязательством, что они обучат их грамоте, или приличным мастерствам и рукоделиям; а по достижении возраста, не допуская жить праздно, устроят участь их отдачею в замужество или доставлением других приличных способов к содержанию...» [16]

Понимая, что по мере активизации военных столкновений в регионе количество попадавших в плен не только девочек, но и взрослых женщин-горянок росло, правительство принимает следующее решение. В императорском указе от 5 мая 1842 года «О дозволении пленным черкешенкам вступать в законный брак с нижними чинами» говорится, что желающим будет дано «дозволение вступить, по принятии Св. Крещения, в законный брак с нижними чинами» и будет пожаловано «на каждое таковое семейство, для первоначального обзаведения, по сорока пяти рублей семидесяти пяти копеек серебром».

Интересно, что издавая этот указ Николай I предполагал следующий механизм его реализации: Командир Отдельного Кавказского корпуса и управляющий гражданской администрацией на Кавказе будет сам «входить с представлением о пособии подобным семействам», а император опять же лично будет давать свое согласие или несогласие. Но по мере приближения к концу военных действий в целом по Северному Кавказу количество российско-горских браков видимо настолько выросло, что в октябре 1857 г. уже новый российский император Александр II был вынужден издать указ, согласно которому предписывалось выдачу «пособия по сорока пяти рублей семидесяти пяти копеек серебром, из государственного казначейства, нижним чинам войск Кавказского Корпуса, вступившим в брак с черкешенками, принявшими православную веру, разрешать военному Министру, по представлению Главнокомандующего упомянутым Корпусом (выделено нами - А.П.)» [17].

Возвращаясь к указу от 5 мая 1842 г. надо отметить, что в нем определялась и судьба несовершеннолетних горянок. Там, в частности прописывалось, что «тех из них, кои дворянского

происхождения, и коих пожелают взять на воспитание женатые офицеры, отдавать им, а всех прочих за тем, отправлять, как было назначено и прежде, в Московский Воспитательный Дом» [18].

Для уточнения последнего распоряжения через две недели (22 мая 1842 г.) был опубликован еще один указ «О порядке отправления в Московский Воспитательный Дом женского пола детей пленных горцев», касающийся судьбы кавказских девочек аристократического происхождения. В нем в частности предписывалось следующее:

«1) Таковых детей отправлять из Новочеркаска в Московский Воспитательный Дом при уряднике или благонадежном казаке, с отпуском прогонных денег, как для сопровождающего, так и на каждой трех девочек на одну одноконную подводу.

2) Вменить в обязанность препровождающему уряднику или казаку сдавать сих детей в Воспитательный Дом по списку, в котором означать лета, имена и прозвания каждой девочки.

3) Для сокращения издержек, отправлять означенных детей в летнее время, и именно: в мае и августе месяцах; а до того содержать их в богоугодных заведениях, подведомственных Войсковому Приказу Общественного Призрения.

4) Малолетним девочкам и препровождающему их уряднику или казаку производить в сутки на продовольствие по пятнадцати копеек серебром на каждое лицо, и сверх того снабжать девочек одеждой по табели, для сиропитательного дома установленной, с тем, чтобы одежда эта, если она не нужна будет для них в Воспитательном Доме, поступала обратно в ведение Войскового приказа Общественного призрения, и

5) Всю издержку на этот предмет... отнести на счет казны» [19].

Указанные документы ярко показывают, что в отношении кавказского населения российские власти действовали по тем же законам, что применялись ко всем поданным империи, где-то проявляя внимательность к судьбам кавказских детей даже в большей степени, чем русских. Нередко горянки-воспитанницы принимали православие и позже выходили замуж за русских офицеров.

Восстановление в 1844 году кавказского наместничества позволило генерал-адъютанту, князю М.С. Воронцову, занявшему должность наместника, самостоятельно определять правила обращения с пленными в регионе на основе уже имевшегося российского законодательства. В рамках общих мер по борьбе с горским разбойничеством и военных кампаний по «усмирению» Северного Кавказа в 1847 г. им разрабатываются «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев...» [20] Особое внимание в документе уделяется судьбам женщин – членов семей и сирот.

В условиях Кавказской войны захват пленных был для российской стороны гарантом возвращения горцами русских пленников – чаще всего женщин и детей, ставших рабами. Система работорговли действовала в регионе задолго до вхождения в состав Российской империи, под нее была «заточена» набеговая практика, а также в целом система экономического функционирования значительной части северокавказского населения, и особенно его аристократической части. Понимая это, кавказский наместник юридически узаконивал 3-месячную отсрочку для захваченных в бою пленников. Так, согласно его Правилам «военнопленные, без различия пола и возраста, остаются в продолжение трех месяцев в ближайших крепостях или укреплениях для размена русских пленных, в горах находящихся».

При этом особое внимание кавказская администрация уделяла сохранению единства горских семей. В документе было предписано «взятых целыми семействами в плен разменивать не иначе как семействами же, допуская исключение в таком только случае, если родители сами пожелают отдать кого-либо из детей горцам на обмен наших пленных». В горах русские семьи, наоборот, при продаже в рабство разбивались горцами в произвольном порядке. Это затрудняло возврат, особенно маленьких детей.

Если горских пленников в течение трех месяцев не удавалось отдать по обмену, то их отправляли в Новочеркасск, где находился распределительный пункт. По воспоминаниям кубанского казака А. Шпаковского, служившего в 1840-х годах на Лабинской линии, те горцы, которых не смогли обменять «отправлялись в землю Войска Донского и там их водворяли в так называемых «черкесских станицах». Офицер указывает так же, что тем из горцев, кто соглашался принять христианство «давались и гражданские права, и полная свобода по достижении совершеннолетия» [21]. Но горцев, особо отличившихся набегами на Линии, судили как преступников и после распределения в Новочеркасске их ждали сибирская каторга или арестантские роты.

М.С. Воронцов в соответствии с предыдущими распоряжениями императора закрепил юридически правила «попечительства» над горскими пленницами. Так, «женщин и девиц пленных, взятых не в составе семейств, а отдельно, дозволяется не отправлять в Новочеркасск, если, при их согласии, кто из находящихся в наших гарнизонах женатых офицеров или чиновников, известных по надежной нравственности, пожелает взять их на свое попечение». Впрочем при желании родителей или родственников детей их могли взять на попечение независимо от семейного положения. В обязанности попечителей входили не только содержание и воспитание пленниц, но и их дальнейшее трудоустройство и выдача замуж. Возрастной порог опекунства определялся в 25 лет, после чего девушка могла сама определять свою судьбу. Во избежание злоупотреблений (были попытки некоторыми дворянами использовать юных пленниц в качестве наложниц) военное начальство оставляло за собой право лишить опекуна его прав на взятого ребенка. Также одним из главных предписаний являлось недопущение перевода пленниц в крепостническое состояние.

Военная администрация Кавказа способствовала увеличению российско-горских брачных союзов, основываясь на положениях ранее указанного императорского указа 1842 г. В Правилах кавказского наместника «нижним чинам сухопутных войск и флота, а равно и лицам гражданского ведомства не возбраняется вступать в законный брак с пленницами, если оне для замужества с христианами приняли св. крещение, достигли установленного возраста и изъявили согласие на таковой союз». Интересно, что в дополнение к этому пункту подробно разъясняется необходимость ненасильственной и осознанной смены конфессии. Сохранилась согласно Правилам и установленная ранее на государственном уровне выплата жениху «для первоначального обзаведения» в 45 руб. серебром.

Заключение. В рассматриваемый период практика заключения российско-горских браков использовалась властями для достижения ряда задач: стабилизации межэтнического взаимодействия в регионе; жизнеобеспечения кавказских пленниц-сирот; демографического прироста за счет создания семей российскими военнослужащими в регионе (в условиях недостатка русских женщин в зоне неспокойного приграничья). С момента выхода границы России на Северный Кавказ наибольший процент межэтнических браков пришелся в первую очередь на казачество. Причем до второй четверти XIX века среди казаков значительное количество российско-горских браков диктовалось не столько красотой и покорностью горянок, сколько банальным недостатком русских женщин в станицах. Именно выравниванием демографической ситуации объясняется сокращение межэтнических браков у кубанских казаков к середине XIX века. Но на Центральном и Северо-Восточном Кавказе всю первую половину XIX века наблюдалось, наоборот, увеличение смешанных браков, что с одной стороны объяснялось ростом количества пленниц в период усиления военных действий в 1840–1850-е гг., а с другой – увеличением количества холостых рекрутов и офицеров нижнего звена, остававшихся после демобилизации на постоянное жительство в регионе.

Благодарности. Работы выполнена в рамках исполнения государственного задания № 944 по теме: «Этнолокальные сообщества в поликультурном пространстве России: проблемы универсализма и идентичности».

Примечания:

1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 455.
2. Королев В.Н. Черкесский элемент в донском казачестве (XVI–XVII вв.) // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 26–27.
3. Миненко Н. «Жена мужа бьет – не на худо учит» // Родина. 2004. № 5. С. 117.
4. Кирюхин В.С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. Саратов, 2000. С. 194.
5. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. СПб., 1880. С. 24.
6. Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 214–224.
7. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: Репринтное воспроизведение в 2-х томах. Т.1. Краснодар, 1992. (Репр. воспр.: Екатеринодар, 1910–1913.). С. 337.
8. Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе (в записях 1972–1975 гг.) / Публ., вступ. статья и коммент. В.С. Кирюхина. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1980. С. 167.
9. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т.1. С. 611.
10. Полевые материалы автора: Гамиев Андрей Иванович, 1971 г.р., ст. Удобная.
11. Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. С. 60.
12. Полевые материалы автора: Зыбин Евгений Иванович, 1935 г.р., г. Армавир.
13. Харченко А. Между Илем и Шебшем: Очерки истории Северского района Краснодарского края. Краснодар, 1993. С. 20–21.
14. Цитата по: Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. С. 54.
15. Фелицин Е.Д. Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. Т.Х. Екатеринодар, 1904. С. 8–9.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т.8/1. СПб, 1830. № 6123.
17. Там же. Т.32. СПб., 1830. № 32315.
18. Там же. Т.17. СПб., 1830. № 15608.
19. Там же. Т.20. СПб., 1830. № 19022.
20. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 389. Оп. 1. Д. 39. Л. 50–51.
21. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. СПб., 1872. № 8. С. 352.

References:

1. Belokurov S.A. Snosheniya Rossii s Kavkazom. M., 1889. S. 455.

2. Korolev V.N. Cherkesskiy element v donskom kazachestve (XVI–XVII vv.) // Rossiya i Severnyy Kavkaz (problemy istoriko-kulturnogo yedinstva). Grozny, 1990. S. 26-27.
3. Minenko N. «Zhena muzha byet – ne na khudo uchit» // Rodina. 2004. №5. S. 117.
4. Kiryukhin V.S. Otrazheniye sovremennoy istorii, etnicheskikh svyazey i natsionalnykh otnosheniy v russkom folklore na Severnom Kavkaze, a takzhe na Donu, Prikaspii, Yaike vo vzaimodeystvii. Saratov, 2000. S. 194.
5. Popko I.D. Terskiye kazaki so starodavnikh vremen. Vyp. 1. SPb, 1880. S. 24.
6. Pallas P.S. Zametki o puteshestviyakh v yuzhnyye namestnichestva Rossiyskogo gosudar-stva v 1793 i 1794 gg. // Adygi, balkartsy i karachayevtsy v izvestiyakh yevropeyskikh avto-rov XIII–XIX vv. Nalchik, 1974. S. 214-224.
7. Shcherbina F.A. Iстория Kubanskogo kazachyego voyska: Reprintnoye vosproizvedeniye v 2-kh tomakh. T.1. Krasnodar, 1992. (Repr. vospr.: Yekaterinodar, 1910-1913.). S. 337.
8. Russkiy prozaicheskij folklor v Dagestane i na Severnom Kavkaze (v zapisyakh 1972-1975 gg.) / Publ., vstup. statya i komment. V.S. Kiryukhina. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatelstvo, 1980. S. 167.
9. Shcherbina F.A. Ukaz. soch. T.1. S. 611.
10. Polevyye materialy avtora: Gamiyev Andrey Ivanovich, 1971 g.r., st. Udobnaya.
11. Matveyev O.V. Vragi, soyuzniki, sosedи: etnicheskaya kartina mira v istoricheskikh predstavleniyakh kubanskikh kazakov. Krasnodar, 2002. S. 60.
12. Polevyye materialy avtora: Zybin Yevgeniy Ivanovich, 1935 g.r., g. Armavir.
13. Kharchenko A. Mezhdju Ilem i Shebshem: Ocherki istorii Severskogo rayona Krasno-darskogo kraja. Krasnodar, 1993. S. 20-21.
14. Tsitata po: Sukunov Kh.Kh., Sukunova I.Kh. Cherkeshenka. Maykop, 1992. S. 54.
15. Felitsin Ye.D. Knyaz Sefer-bey Zan. Politicheskiy deyatel i pobornik nezavisimosti cherkesskogo naroda // Kubanskiy sbornik. T.Kh. Yekaterinodar, 1904. S. 8-9.
16. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2. T.8/1. SPb, 1830. № 6123.
17. Tam zhe. T.32. SPb, 1830. № 32315.
18. Tam zhe. T.17. SPb, 1830. № 15608.
19. Tam zhe. T.20. SPb, 1830. № 19022.
20. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraja. F. 389. Op. 1. D. 39. L. 50-51.
21. Shpakovskiy A. Zapiski starogo kazaka // Voyennyy sbornik. SPb., 1872. № 8. S. 352.

УДК 94 (470.62)

Брачная политика российских властей на Северном Кавказе как один из аспектов российско-горского взаимодействия в военное время (первая половина XIX века)

¹Сергей Леонидович Дударев

²Ольга Васильевна Ктиторова

³Анастасия Александровна Цыбульникова

¹Армавирская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор

E-mail: dudarev51@mail.ru

²Армавирская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: olgakti1@rambler.ru

³Армавирская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: ana555000@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс складывания государственного контроля в сфере заключения браков между российским и горским населением в процессе вхождения территории Северного Кавказа в состав Российской империи. Анализируются цели, задачи и особенности брачной политики государства как инструмента стабилизации межэтнического взаимодействия в регионе.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Кавказская война; межэтнические браки; брачная политика; военнопленные.

UDC 74.03

The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century)

Nadezhda O. Bleikh

Hope Oskarovna Blejh North-Ossetian State University K.I. Khetagurov, Russian Federation
362043, North Ossetia, Vladikavkaz

Dr. (History), Professor

E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract. The article presents new little-known materials. The example of the most outstanding representatives of the scientific and creative Russian intellectuals analyzes some educational ideas, concerning cultural construction in the region. The paper proves that the works of innovator teachers present interesting and informative system of vision attitudes and mental assessments, expressed in the adaptation of the North Caucasus ethnic groups to the socio-cultural changes. This is the reason why their ideas are concentrated reflection of the historic experience and spiritual tradition of the mountain dwellers.

Keywords: Russian intellectuals; North Caucasus; cultural construction; education; public education; educational institutions.

Введение. Просвещение представляет собой тот фундамент, на котором зиждется культура и духовное богатство любого этнического формирования, представленное в ретроспекциях просветительских идей видных деятелей северокавказских народов. Поэтому выявление вклада российских деятелей науки и представителей горской просветительской мысли в развитие культуры и становление аксиологической парадигмы северокавказских народов является насущной потребностью социума.

Вхождение народов, проживающих на Северном Кавказе в состав Российской государства, являлось актом добной воли последних, а также прямым следствием политики русского правительства, имеющей целью установить своё влияние в крае. Оно сыграло весьма позитивную роль в экономико-социальной жизни народов этого региона, вызвало к ним живейший интерес всей передовой интеллигенции России, которая не осталась равнодушной к судьбам горских народов. Многие её представители выехали на Северный Кавказ, не побоявшись «немирных горцев», чтобы нести последним «свет знаний».

Материалы и методы. Источниковую базу данной статьи сформировали *законодательные и другие нормативные акты Российской империи* (Свод уставов учебных учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1878 г.); *материалы, извлеченные из архивных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)*, из Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А (НА СОИГСИ); *работы известных ученых, публицистов и просветителей второй половины XVIII – начала XX вв.* (А.П. Берже, Ш. Ганелина, И.А. Гюльденштедта, Л.Н. Модзалевского, Д.Д. Семенова, Я.М. Неверова, П.К. Услара и др.).

Методологическая база исследования была сформирована за счет сочетания общенаучных и специальных методов, таких как анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, системный и историко-сравнительный методы.

Обсуждение. На Кавказе российские ученые и педагоги часто являлись разработчиками письменности, программ и методических пособий для «туземцев», но также открывали в горских селениях школы (часто на свои средства) и сами работали в них. Ярким примером такого педагогического сподвижничества может служить деятельность **Петра Карловича Услара (1816–1875 гг.)** – автора и издателя фундаментальных работ, методических пособий, азбук и букварей по дагестанским языкам. Задача его была нелегкой: чтобы распространить новую азбуку, нужно было заинтересовать ею горцев, показать её преимущество перед арабским алфавитом, занимавшим здесь господствующее положение; местное население следовало также убедить в научной и практической несостоенности религиозных мусульманских школ, где обучение также велось на арабском языке [1]. Взявшись за эту тяжелую работу, П. Услар при помощи и участии самих образованных горцев, в 1865–1867 годах открыл в Хунзахе, Казикумухе и Гунибе новые школы. Вскоре эти учебные заведения стали завоевывать симпатии горцев вопреки сопротивлению и агитации магометанского духовенства.

Зная, какую великую миссию выполняют светские школы, П.К. Услар предлагал Кавказскому ведомству и свой план обучения подрастающих поколений. В статьях «О распространении грамотности между горцами», «Предложения об устройстве горских школ» и «О составлении азбук

кавказских языков» Петр Карлович изложил планы устройства светских школ для «инородцев» и свои педагогические воззрения. По его мнению, эти школы должны были быть общеобразовательные, элементарные. «Всякому специальному образованию должно предшествовать общее», – заключал он. Элементарное же воспитание должно было заключаться, «во-первых, в обучении чтению и письму, во-вторых, в пробуждении умственных способностей учащегося, в приучении его к самостоятельной умственной деятельности: дело не в том, чтобы ученик чему-либо научился на всю жизнь свою, а чтобы, так сказать, выучился он учиться», – справедливо полагал учёный [2].

В светской общеобразовательной школе П. Услар предлагал обучать горцев чтению, письму и арифметике. Изучение же классических языков (латинского и греческого) в горских школах, практиковавшихся повсеместно, по его мнению, могло быть заменено изучением русского языка. «Русский язык, сближение с русской жизнью, – подчеркивал просветитель, – бесконечно важны для будущности Кавказа» [3].

Научно-педагогическая деятельность П. Услара нашла своё продолжение в творчестве его учеников. Так, кабардинец Магомет Шарданов перевел с арабского языка на кабардинский «Правила мусульманской веры»; важность светского образования пропагандировал Алхаз Дамугоев, который в статье «Совет моим единоверцам» (изданной в Темир-Хан-Шуре) показал все преимущества обучения в такой школе. Ученый, в свою очередь, гордился творческими начинаниями своих учеников. С уважением и любовью он писал в своей статье «О распространении грамотности между горцами» о кабардинском просветителе, авторе «Истории адыгейского народа» Шоре Ногмове, отмечая его поразительную работоспособность (с. 20); об учителе Шамиля Лачинау, который заботился «о распространении письменности на аварском языке с помощью букв, которых начертания со многими добавлениями, заимствовал из арабского алфавита» (с. 38-40); о попытке другого талантливого аварца М. Хандиева составить азбуку родного языка (ст. 41) и др. [4]

Краткий обзор деятельности русского ученого барона П.К.Услара говорит о том, что он был выдающимся просветителем и учителем горских народов, и тем самым внес неоценимый вклад в сокровищницу кавказской культуры.

На Кубани практиковал педагогическую деятельность ближайший помощник и ученик К. Ушинского, **Д.Д. Семенов (1834–1902 гг.)**. Будучи директором Кубанской учительской семинарии Д. Семенов стал вводить в ней лучшие образцы преподавательского искусства русской народной школы. Он привлек для работы в данном учебном заведении опытных учителей. Сам же преподавал географию и педагогику, руководил практическими занятиями семинаристов. Основное внимание в семинарии уделялось физическому, эстетическому и трудовому воспитанию будущих учителей. Семинаристы приобретали здесь и навыки садоводства, учились столярному и переплетному делу. Таким образом, в процессе обучения будущие педагоги получали широкую общеобразовательную и педагогическую подготовку.

Большое значение придавал Д. Семенов организации жизни учащихся и соблюдению ими правил внутреннего распорядка. Вся их работа была организована с таким расчетом, чтобы разумно чередовать различные виды деятельности. По инициативе Дмитрия Дмитриевича при семинарии были организованы женские педагогические курсы, где преподавание велось бесплатно. На учебных занятиях главное внимание уделялось математике, истории, географии, литературе и русскому языку. «Педагогическое мастерство преподавателей, гуманное отношение к учащимся, разумная организация режима в семинарии – всё это способствовало воспитанию семинаристов в духе любви к избранному ими поприщу», – делает вывод исследователь Д.В. Осоков в своей работе «Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917 гг.)» (М., 1982) [5].

Стиль работы Д. Семенова, весь уклад жизни и деятельности педагогов воспитывали у семинаристов любовь к педагогической профессии, уважение к простому народу и одновременно – непримиримость к бюрократизму, формализму и другим отрицательным явлениям жизни.

В период пребывания в должности директора Кубанской семинарии, Д.Семенов является руководителем V съезда учителей Кубани и учительского съезда в Ростове-на-Дону. На эти съезды приглашались и преподаватели горских школ. Для оказания помощи учителям он предпринял попытку издавать при семинарии ежегодный педагогический журнал [6].

В результате активная общественно-научная деятельность Д. Семенова сделала Кубанскую семинарию в 70-х годах настоящим педагогическим центром Северного Кавказа. За короткое время семинария приобрела широкую известность: Кубанская и Терская область, Ставропольская губерния, земства южных губерний России и даже Харькова содержали в ней своих стипендиатов и просили присыпать для работы воспитанников Кубанской семинарии.

Педагог боролся за развитие народной школы, главными предметами которой считал родной язык, литературу, историю и географию. И в этом плане он не ограничивался только постановкой вопроса, а предпринял ряд практических шагов к созданию книг для первоначального обучения («Дар слова», «Уроки географии» и шеститомное пособие «Отечествоведение») [7].

Он внес большой вклад в разработку вопросов начального и педагогического образования, добивался открытия на Кубани и Закавказье женских учебных заведений. Благодаря его неустанным хлопотам в 1878 году в городе Гори была открыта женская гимназия.

Своими прогрессивными идеями и практической деятельностью Д.Д. Семенов оказал громадное влияние на развитие школы и педагогической мысли народов Северного Кавказа. Его идеи укрепления дружбы коренных народов с русскими путем распространения просвещения и гуманного отношения подрастающего поколения актуальны в наши дни – в начале XXI столетия.

В развитие кавказского просвещения и культуры в середине XIX века большой вклад внес другой русский ученый, просветитель **Лев Николаевич Модзалевский (1837–1896 гг.)**, один из основателей отечественной историко-педагогической науки, автор первого в России капитального труда – систематического пособия по истории зарубежной и отечественной педагогики.

В 1871–1872 году он являлся директором Тифлисской женской гимназии и одновременно преподавал курс педагогики. Здесь же просветитель создал школу, в которой ученицы специальных классов проходили педагогическую практику, и открыл пансион для горцев-гимназистов. Кроме того, благодаря его неустанным хлопотам перед кавказским наместником в Тифлисе открылась еще одна женская прогимназия. Просветитель был также составителем проекта-положения об учебной части на Кавказе 1871 года [8].

В 1877 году Лев Николаевич назначается на должность окружного инспектора Кавказского учебного округа. «При ревизиях разных учебных заведений обширного Кавказского края, – писал он, – я успел непосредственно ознакомиться с этим чудным и разнообразным краем и всей душой привязаться к нему. За этот период своего инспекторства я успел побывать в различных его частях, от Черного до Каспийского морей, и в горах Дагестана, и в степях Черноморья, и на развалинах только что взятых нами Уарса и Батума, где уже начинала загораться заря нового европейско-русского просвещения и предполагались к открытию учебные заведения... Я принимал живейшее участие во всех патриотических предприятиях на пользу воинов и их сирот» [9]. Подчеркивая широкомасштабный характер деятельности педагога-новатора на Кавказе, его друг Д.Д. Семенов писал, что она была очень «разнообразной, поучительной и плодотворной; где бы ни появлялся Л. Модзалевский, всюду он вносил живую педагогическую струю» [10]. Став окружным инспектором Кавказского учебного округа, просветитель развернул здесь активную деятельность по развитию школ. Он является автором многих программ по русскому языку и словесности, в которых, исходя из особенностей жизни кавказских народов, давал учителю практические советы, помогающие лучше осваивать учебный материал [11]. Это выражалось в его участии в деятельности различных просветительско-благотворительных обществ, созданных им же и имеющих на своем попечении значительное количество бесплатных начальных школ. Активно действовали Тифлисское благотворительное и Кавказское музыкальное общества, учредителем которых также был Л.Н. Модзалевский. Последнее имело свою музыкальную школу и содействовало развитию музыкальной культуры среди населения. Кроме того, Л.Н. Модзалевский возглавлял деятельность комиссии Кавказского учебного округа по развитию в крае профессиональных учебных заведений и Кавказского цензурного комитета.

На Кавказе педагог активно развернул и свою научно-публицистическую деятельность. Его статьи, очерки и рецензии печатались в таких журналах, как «Вестник воспитания», «Народная школа», «Семья и школа» и др. Другие статьи публиковались в русских кавказских и центральных газетах. Только в газете «Кавказ» Л. Модзалевский поместил более 150 статей, посвященных проблемам культуры, просвещения и школы Кавказа [18]. Свои выступления он подписывал под псевдонимом «Г», «Г-ий», «Л», «Гарский Л», «Л.», «М.», «Л.Р.С.», «М-ский», «Учитель», «Старый учитель», «Тифлисец», «Модзалевский Л.», «Д» [12].

На основе изучения школьной статистики и учебного дела на Кавказе Л. Модзалевским составлены две «Памятные книжки Кавказского учебного округа» (за 1879 и 1880 гг.), а в 1880 году издан его труд «Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год», содержащий ценный фактический материал по истории образования и воспитания на Северном Кавказе и Закавказье [13].

Л.Н. Модзалевский знакомил горцев с достижениями передовой педагогической мысли Запада и России и тем самым способствовал их культурному просвещению.

Другой ученик К. Ушинского **Январий Михайлович Неверов (1810–1893)**, будучи попечителем Кавказского учебного округа, тоже ратовал за развитие образования среди горцев. Он открыл учительский институт, две учительские семинарии, женские педагогические курсы и т.д. Также являлся первооткрывателем педагогических курсов при Ставропольской губернской гимназии, в которой в разные времена получили образование впоследствии хорошо известные на Северном Кавказе писатели, просветители, этнографы, публицисты и педагоги: Инал Тхостов, Батырбек Туганов, братья–просветители Джантемир и Ибрагим Шанаевы, Коста Хетагуров, Инал Кануков (Осетия); Кази Атажукин, Исхак Кармов, Батырбек Шарданов (Кабарда); М. Коченов, Султан-Бек Абаев (Балкария); Адил-Гирей Кешев (Адыгея), Чах и Садулла Ахриевы (Ингушетия) и др. [14]

Педагог во всех своих учебных заведениях умел создавать атмосферу творческой увлеченности и активного настроения гимназистов к учению. Среди воспитанников и педагогов царил дух творчества и свободомыслия [15]. В них работали не только замечательные учителя, но и большие друзья горцев. Они превосходно знали их историю и культуру, традиции и обычаи. Многие прекрасно владели черкесским языком и преподавали его. В каждом из учеников он искал природные дарования и содействовал всеми силами тому, чтобы они в них никогда не угасали.

Биограф Я.М. Неверова Л.Н. Бродский писал: «Это неустанное осмысление своей работы, глубоко сознательное отношение к своему делу, стремление сделать всё лучшее, совершенное, резко ощущаемое желание заставить понять всех, что дело воспитания – святое, великое дело, особенно важное в условиях русской жизни, выдвигает Я. Неверова в ряды редких педагогов не только допироговского периода» [16]. Этот замечательный ученый с большим уважением относился к тем людям, которые симпатизировали горцам, и позитивно относился к делу их просвещения. Он неоднократно высказывался в печати о необходимости открытия школ в различных районах Северного Кавказа. В 1859 году в газете «Кавказ» была опубликована статья Я. Неверова «Еще раз об образовании кавказских горцев», которая рассказывала о процессе формирования горской интеллигенции и содержала сведения об Адиль-Гирее Кешеве и Султан-Беке Абаеве – талантливых учениках Ставропольской гимназии [17].

Мы рассказали лишь о некоторых российских ученых, но сильна была духом и огромна по численности армия представителей передовой русской интеллигенции, вступивших в различных уголках обширного северокавказского края на благородное поприще народного просвещения. В учебных заведениях Владикавказа, Темир-Хан-Шуры, Нальчика, других городов и аулов Северного Кавказа работало немало талантливых, прогрессивно настроенных русских учителей. Истории сохранила имена лишь некоторых из них: А.Я. Дынник, А.М. Кудрявцев, В.Г. Шредерс, В.С. Станкевич, В.Г. Варлыгин, Л.И. Воробьева, В.И. Витковский, Н.Ф. Шеракова, Д.Т. Поликарпова, А.С. Петрова, М.Ф. Плющ и многие другие, сыгравшие большую роль в просвещении горцев.

Педагоги-новаторы в своей работе руководствовались идеями революционно-демократической педагогики: боролись против схоластицизма, формального обучения, метода зубрежки. В повседневной практической работе они стремились сделать обучение конкретным, содержательным и живым, удовлетворяющим любознательность учащихся.

Российских учёных-педагогов отличали гуманность, отсутствие националистических предрассудков. Лучшие учителя упорно работали над тем, чтобы привить горцам любовь к труду, направляли их на путь овладения богатствами передовой русской культуры.

Благодаря деятельности передовых российских учёных многие горцы осознали прогрессивную роль русской науки и культуры. Об этом свидетельствует рост числа желающих учиться в русской школе. «Это стремление, – говорится в отчете попечителя Кавказского учебного округа, – в настоящее время достигло такой степени, что некоторые из гимназий и прогимназий оказываются столь переполненными, что дальнейшее увеличение числа их оказывается не только педагогически, но физически невозможным. Вследствие такого положения заведений, они поставлены в необходимость отказывать часто в приеме новых учащихся, что нередко возбуждает ропот в обществе» [18].

Заключение. Таким образом можно заключить, что имперская политика правительства в области просвещения на окраинах часто тормозила работу учёных, просветителей и педагогов. Но главное им было уже заложено. Горцы начали говорить на русском языке, учиться в русских школах, перенимать у русских людей обычай, нравы и привычки. Основание русских школ имело далеко идущие последствия. Дети гор сами потянулись к образованию. У них появились новые духовные потребности.

Конечно, в одной статье невозможно воздать должное всем российским труженикам на ниве народного просвещения, помогавших горским народам «пойти по пути знаний», но многолетняя научно-просветительская и педагогическая деятельность вышеупомянутых русских учёных на Северном Кавказе оказалась весьма насыщенной и плодотворной. В истории науки, просвещения и культуры народов Северокавказского края они оставили неизгладимый след.

Примечания:

1. Каймаразов С.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 113.
2. Блейх Н.О. Специфика развития образования и просвещения на Северном Кавказе в первой половине XIX века //Академический журнал Западной Сибири. 2008. № 5. С. 3-4.
3. История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 356-357.
4. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами //Этнография Кавказа. Тифлис, 1887. Т.2. С. 15.
5. Осоков Д.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917 гг.). М., 1982. С. 62-63.
6. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.). М., 1976. С. 333.
7. Семенов Д.Д. Я.А.Коменский //Мир божий. 1892. № 2. С. 77.
8. Модзалевский Л.Н. Из педагогической автобиографии //Русская школа. 1897. № 3. С. 46-47.
9. Из педагогической автобиографии Льва Николаевича Модзалевского. СПб., 1899. С. 35-36
10. Семенов Д.Д. Влияние школы и среды на развитие природного таланта // Вестник воспитания. 1897. № 2. С. 2-3.
11. Модзалевский Л.Н. Программа русского языка и словесности гимназий и прогимназий Кавказского учебного округа. Тифлис, 1868, 1870, 1873.

-
12. Модзалевский Л.Н. Из педагогической автобиографии //Русская школа. 1897. № 3. С. 47-50.
 13. Модзалевский Л.Н. Педагогические произведения. М., 1997. С. 112.
 14. Бродский Н.Л. Я.М. Неверов и его автобиография //Вестник воспитания. 1915. № 6. С. 73-129.
 15. Хатаев Е.Е. Неверов и просвещение горцев //Северная Осетия. 1997. 18 июля.
 16. Бродский Л.Н. Я. М. Неверов и его автобиография //Вестник воспитания. 1915. № 6. С. 75.
 17. Неверов Я.М. Еще раз об образовании кавказских горцев //Кавказ, 1859. № 39.
 18. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1878 г. Тифлис, 1879. С. 27.

References:

1. Kaimarazov S.Sh. Ocherki istorii kul'tury narodov Dagestana. M., 1971. S. 113.
2. Bleikh N.O. Spetsifika razvitiya obrazovaniya i prosveshcheniya na Severnom Kavkaze v pervoi polovine XIX veka //Akademicheskii zhurnal Zapadnoi Sibiri. 2008. № 5. S. 3-4.
3. Iстория Dagestana. Т. 2. М., 1968. S. 356-357.
4. Uslar P.K. O rasprostranenii gramotnosti mezhdu gortsami //Etnografiya Kavkaza. Tiflis, 1887. Т.2. S. 15.
5. Ososkov D.V. Nachal'noe obrazovanie v dorevoljutsionnoi Rossii (1861–1917 gg.). M., 1982. S. 62-63.
6. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR (vtoraya polovina XIX v.). M., 1976. S. 333.
7. Semenov D.D. Ya.A.Komenskii //Mir bozhii. 1892. № 2. S. 77.
8. Modzalevskii L.N. Iz pedagogicheskoi avtobiografii //Russkaya shkola. 1897. № 3. S. 46-47.
9. Iz pedagogicheskoi avtobiografii L'va Nikolaevicha Modzalevskogo. SPb., 1899. S. 35-36
10. Semenov D.D. Vliyanie shkoly i sredy na razvitiye prirodnogo talanta //Vestnik vospitaniya. 1897. № 2. S. 2-3.
11. Modzalevskii L.N. Programma russkogo yazyka i slovesnosti gimnazii i progimnazii Kavkazskogo uchebnogo okruga. Tiflis, 1868, 1870, 1873.
12. Modzalevskii L.N. Iz pedagogicheskoi avtobiografii //Russkaya shkola. 1897. № 3. S. 47-50.
13. Modzalevskii L.N. Pedagogicheskie proizvedeniya. M., 1997. S. 112.
14. Brodskii N.L. Ya.M. Neverov i ego avtobiografiya //Vestnik vospitaniya. 1915. № 6. S. 73-129.
15. Khataev E.E. Neverov i prosveshchenie gortsev //Severnaya Osetiya. 1997. 18 iyulya.
16. Brodskii L.N. Ya. M. Neverov i ego avtobiografiya //Vestnik vospitaniya. 1915. № 6. S. 75.
17. Neverov Ya.M. Eshche raz ob obrazovanii kavkazskikh gortsev //Kavkaz, 1859. № 39.
18. Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1878 g. Tiflis, 1879. S. 27.

УДК 74.03

Влияние российских педагогов-новаторов на развитие просвещения горских народов (XIX в.)

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, Российская Федерация
362043, РСО-А, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

Доктор исторических наук, профессор
E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. В статье представлены новые малоизвестные материалы. На примере наиболее видных представителей научной и творческой российской интеллигенции проанализированы некоторые просветительские взгляды по вопросам культурного строительства в регионе. Доказано, что труды педагогов-новаторов являются собой интересную и содержательную систему мировоззренческих установок и ментальных оценок, выразившихся в выработке адаптации северокавказских этносов к происходящим социокультурным изменениям, а потому их идеи являются концентрированным отображением исторического опыта и духовной традиции горских народов.

Ключевые слова: российская интеллигенция; Северокавказский регион; культурное строительство; просветительство; народное образование; учебные заведения.

UDC 908

The Role of Merchants in the Life of the Russian Society: Oral Tradition Case Study

¹ Svetlana I. Grahova

² Almaz R. Gapsalamov

¹ Elabuga Institute of Kazan Federal University, Russian Federation
423600, Republic Tatarstan, Yelabuga city, street Kazan, 89
E-mail: SG2223@yandex.ru

² Elabuga Institute of Kazan Federal University, Russian Federation
423600, Republic Tatarstan, Yelabuga city, street Kazan, 89
E-mail: gapsalamov@yandex.ru

Abstract. The paper considers modern oral stories about the merchants, existing in Elabuzhsky District of the Republic of Tatarstan, determines their genre features, offers thematic classification, detects style peculiarities. These stories are valued due to the significant potential in the historic reconstruction of the personalities and events of this region. They also contain the general trend of the domestic literature, which is to overcome the one-sided view of the past, perceive and estimate everything from the positions of truth, welfare and beauty.

Keywords: folk genre; oral stories; classification; typology; action situation; oral story composition.

Введение. Изучение вопросов истории быта русского народа в прошлом, специфики его культуры, фольклора, сегодня вызывает повышенный интерес. Это не случайно. События и потрясения XX века, дополненные смутным временем 1990 – начала 2000-х годов, кардинально изменили облик русского человека, его образ жизни, мотивы поведения. Все это привело к тому, что в последние десятилетия наблюдался процесс падения нравственности и культуры, и, как следствие, моральная, психологическая и физиологическая деградация всего общества. К счастью, сегодня страна изменила вектор своего развития в сторону духовного возрождения, приобщения к прошлому мировой культуры, и культуры своего государства. Это обуславливает значительный интерес историков, филологов, экономистов к вопросам прошлого российского государства, быта и культуре своего народа.

В этой связи предметом нашего исследования стали устные рассказы о купцах Вятской губернии (Российская империя), как выразителях культуры русского народа, в контексте общегосударственных процессов социально-демографического развития второй половины XIX – начала XX века. Исследовательские проблемы, связанные с бытованием русского фольклора на территории современной Елабуги и Елабужского района Республики Татарстан, не случайно оказались в центре нашего внимания. Последние годы отмечены всплеском интереса к устному народному творчеству на региональном уровне.

Материалы и методы. Основными источниками для написания данной статьи стали устные народные повествования о купцах. Методология исследования была построена на принципах, подходах и методах научного познания. Авторы в своей работе опирались на идею диалектического развития, которая является основой для таких принципов исторического исследования, как историзм, объективность и системность.

Обсуждение. Перед тем, как мы приступим к анализу фольклора, повествующего о жизни и быте купеческого сословия, необходимо дать краткий экскурс о процессах и событиях, которые характеризовали демографические процессы и социальное развитие Российской империи во второй половине XIX – начале XX века.

В целом рассматриваемый период характеризуется исследователями как время наивысшего подъема российского самодержавного государства, складыванием многоукладной экономики. Численность населения страны неуклонно увеличивалась. Надо отметить, что перепись населения в Российской империи была проведена только в 1897 г., в последующий период власти лишь вели учет рождаемости и смертности, что может говорить об определенной доли погрешности. В указанный период в Российской империи проживало 125,6 млн. человек [1]. К 1913 г. численность еще больше выросла и по разным оценкам составляла от 159,2 млн. человек (к 1917 г. – 163,0 млн. человек) [2, с. 7] до 174,1 млн. человек (без включения населения Финляндии – 170,903 млн. человек, без населения Польши – 161,708 млн. человек) [3, с. 12].

Основу организации общества составляли сословия (Social class, as in a class society, is a set of concepts in the social sciences and political theory centered on models of social stratification in which people are grouped into a set of hierarchical social categories, the most common being the upper, middle, and lower classes [4]). Значительную массу населения составляли крестьяне. Всего из 100% только 18% населения проживало в городах [2, с.7]. В тоже время возросло и городское население, увеличившееся

к началу ХХ века на 70%, и представленное ремесленниками, рабочими и служащими. Важная роль отводилась дворянам. Правда, к рассматриваемому периоду оно уже не имело крупных имений и состояний, и находилось на гражданской (военной) службе.

Были и другие категории граждан, но нас интересует одно сословие – это купечество. Купечество являлось полупривилегированным сословием России, так называемым «третьим сословием» (после дворянства и духовенства). К началу ХХ века сословные границы купечества потеряли четкость, многие богатые представители купечества получили дворянские титулы и, наоборот, его ряды пополнила часть мещанства и крестьянства. Купечество стало основой формирующейся торговой, финансовой и промышленной буржуазии [5], и смогло охватить своим влиянием все сферы общественной и культурной жизни страны. Так, по Городовому положению 1892 года представительство купечества увеличивалось с 54,6% до 56,2% [6, с. 35]. На материалах Вятской губернии мы видим аналогичные процессы. За период 1880–1893 годов удельный вес купцов возрос с 60,4% до 65,5% [7, с. 31]. Активно купечество занималось благотворительностью и меценатством.

В целом, что касается роли купечества в жизни страны и губерний говорят не только официальные документы, но и передающиеся из поколения в поколение «устные рассказы». Под ними мы сегодня понимаем прозаические произведения фольклора, повествующие о действительных (или принимаемых за таковые) событиях и делах людей, современником или непосредственным участником которых были рассказчик или близкие, знакомые ему люди.

Устные народные повествования о купцах относятся к группе рассказов, классифицируемых на мемораты и хроникальные сообщения, – «рассказы людей о событиях из их жизни» и «всевозможные припоминания, изложенные в форме утверждения» [8, с. 183]. В них изображаются купцы, обычаи и нравы которых находились в тесной близости и даже единстве с бытовым укладом простого люда и во многом отражали народное понимание добра и зла. Центральный герой рассказов, как правило, становится желаемым олицетворением русского национального характера, цельного, полного чести и достоинства. Это человек правды, прочных и справедливых морально-бытовых правил, почитающий святость православной веры и народных обычаяев, исконные традиции семейных и сословных отношений.

В повествованиях наглядно и живо изображаются не только купцы, но и психология самих рассказчиков, их мировоззрение. Народные сказители выделяют в образе человека из торгового сословия, представленного земляками, такие черты, какие видятся им наиболее ценными и важными: подчеркивается простота, открытость в общении, уважительное и внимательное отношение к людям. В них чувствуется деловая жилка, надежность, сила. Купечество в исследуемых рассказах предстает как крепкое сословие, твердыня, на которой прочно стояла Русь. Такое изображение торгового люда, купцов, в елабужских повествованиях отличается от традиционно сатирических образов представителей «третьего сословия», характерных для авантюристо-бытовых сказок, анекдотов и ряда других жанров устного народного творчества, а также от типа литературного (самодура, невежды, сребролюбца), сложившегося ещё в XVIII столетии. Принципиальные подвижки в восприятии образа главного героя изучаемых фольклорных текстов произошло под влиянием новых установок познавательно-информационного и эстетического характера: значительно изменилась оценка купечества от резко отрицательного до отчетливо положительного и даже восхищенного.

Устные рассказы о купцах – это повествование о конкретных лицах и реально-исторических фактах (либо принимаемых за таковые). Герои преимущественно проходят под своими именами (Стахеев, Ушков, Щербаков, Петр Сергеевич и пр.), правда, иногда могут называться по социальной принадлежности или роду деятельности (купец, крестьянин и пр.). Достоверность обеспечивается и точностью указания места (Елабуга, Бондюга, Москва, Мамадыш, Максимково; реки Тойма, Кама и пр.), даже времени действия. Тем не менее, исследуемые фольклорные тексты не являются историческими документами. Они представляются как творчески переосмысливающие события прошлых лет повествования, на создание которых повлияли личные жизненные наблюдения и общая эрудиция современного рассказчика. Элементы художественного вымысла сочетаются в повествованиях о купцах с общеисторическими или частными фактами, взволновавшими рассказчика. Мы можем даже говорить о психологической обрисовке изображаемых ситуаций, о стремлении автора передать свое личное отношение к героям, описываемым событиям и их последствиям либо подвести слушателей к определенному выводу.

Центральный мотив, вокруг которого группируются почти все известные елабужские рассказы о людях торгового сословия, – это мотив «купеческих благодеяний». В нем воплощено народное представление о человеке, способном на бескорыстную помощь, поддержку, отзывчивость. Вот один из таких примеров:

«Моя бабушка рассказывала, что еще ее дед работал у одного елабужского купца. И вот история, которая с ним произошла.

Её деда звали Петр Сергеевич. Он тогда работал управляющим. Честно выполнял обязанности, верой и правдой служил. У него семья была: жена и два сына. По весне заболел младший, да так сильно, что доктора разводили руками. Совсем приуныл Петр Сергеевич, никак не мог сосредоточиться на работе. Заметил это купец. Вызвал его к себе в контору и потребовал объяснений.

А Петр только с ноги на ногу переминается и молчит. Ну, рыба-рыбой! Купцу это не понравилось, однако почувствовал он неладное, ведь не может же хороший работник вот так, запросто, обо всём забыть и дела запустить. Отпустил Петра, потребовав сосредоточиться, взяться за дело покрепче.

Вечером того же дня неожиданно, без предупреждения явился купец в дом к Петру Сергеевичу. Своими глазами увидел его беду. Обругал работника за молчание. Выяснил тогда еще, что у мальчишеской теплой одежды не было. Ушёл купец, а через час приехал хороший доктор, осмотрел больного парнишку, выписал лекарства.

Наутро пришел купец в лавку. Петр уже там был, принимал товар. Купец расспросил работника о состоянии ребенка, а потом сам отмерил отличного сукна и разных тканей на одежду сыновьям, дал денег на лекарства и обувь...

Бабушка говорила, что купец даже денег не потребовал, только проверил, в точности ли исполнена была его просьба...» (Балобанова Н., 1949 г.р. Запись: Елабуга, РТ, 2001) [9].

Популярными в Елабуге являются рассказы о том, как Стахеев возвратил баржи с хлебом, ранее отправленные за границу, чтобы передать зерно в помощь голодющим крестьянам Поволжья; как при помощи купцов были восстановлены дома елабужан после большого пожара 1850-го года. У всех на устах рассказы о строительстве Епархиального женского училища; с особенным трепетом передаётся тот факт, что возводила здание Глафира Федоровна Стахеева в память об умершем муже Василии Григорьевиче. Рассказывают елабужане и о строительстве купцами водопровода, электрификации города в начале XX века. Данные рассказы вошли в народный репертуар из СМИ, научно-популярной литературы, немалую роль сыграли музеи города, общегородские мероприятия. Одним из примеров может служить история В.С. Недышиловой об И.В. Шишкine: «Мне соседка рассказывала. Она в газете читала, что наше городище Шишкин спас, только не тот, что художник, а отец его. Он, говорит, тогда городом управлял. Больно уж за старину болел. Вот сам денег пожертвовал на восстановление башни, других купцов убедил принять участие в благом деле... Люди-то раньше отзывчивые были. Послушали его, собрали деньги, башню починили. До сих пор вот стоит. Символ города...» (Недышилова В. С., 1946 г.р. Запись: Елабуга, РТ, 2009) [9].

Одна из особенностей устных рассказов о купцах – притчевая интонация, заложенная, как правило, в центральной ситуации повествования, которую мы можем обозначить как «ситуация поступка». Под ситуацией понимается некое «положение, обстановка, обстоятельство» [10].

Благой поступок купца – это типологическая особенность рассказа: ключевой эпизод, сюжетообразующий элемент, смысловой центр современных текстов данного фольклорного жанра. Это своеобразный «архетип», наполненный разным, но типологически близким содержанием, структурно постоянный. Так, «ситуация поступка» имеет триединую структуру: вход, пребывание в ситуации и выход; состоит из субъекта (активного деятеля), предиката (действия-поступка), объекта (лица, на которое направлено действие-поступок; оно частично направлено и на исполнителя: устный рассказ включает его в «объект») и обстоятельств действия (разные условия).

Например, в ситуации поступка из рассказа Н. Балобановой (приведен выше) купец помогает Петру Сергеевичу выйти из трудного положения и вылечить сына. Сначала купец замечает изменения в поведении работника. Это одна из существенных подробностей истории, простейший начальный элемент, который в соединении с другими образует сюжет. Купец озабочен. Этим мотивом обозначается вход в ситуацию. В качестве активного деятеля предстает именно купец, ратующий за дело. Заметив, что управляющий не может «сосредоточиться на работе», находится в подавленном состоянии, решает разобраться в сложившихся обстоятельствах. Страдающим персонажем выступает Петр Сергеевич: на него и его семью будет направлено благодеяние купца. Пребывание в ситуации обозначено несколькими микроэлементами: купец неожиданно, без предупреждения навещает подчиненного; выясняет подробности проблемы: тяжелая болезнь младшего сына; вызывает хорошего доктора в дом Петра Сергеевича; оплачивает лекарства, преподносит дары.

Для полноты представления о микроэлементах ситуации следует обратить внимание на сопутствующие действиям купца обстоятельства. Обстоятельства времени («По весне»; «вечером того же дня»; «через час приехал хороший доктор»; «наутро пришел купец»). Обстоятельства образа действия (работник не сразу говорит купцу о болезни сына и нехватке денег на лекарства и доктора и пр.). Обстоятельства места («вызвал...в контору»; «явился...в дом»; «пришел в лавку»). Названные обстоятельства позволяют оценить важность моментов, которые сопутствуют поступкам (действиям) купца. Кстати, о некоторых обстоятельствах сказано прямо, а некоторые подразумеваются (слушатель догадывается о них сам).

Выход из ситуации лаконичен: «...купец даже денег не потребовал, только проверил, в точности ли исполнена была его просьба...».

В композиции устного рассказа ситуация поступка обрамляется своеобразной «рамкой» – эпизодами из бытовой жизни людей (участников или свидетелей события). Завершается сюжетная линия оценкой поступка героя рассказчиком. Иногда выводы из истории предоставляется сделать слушателям, в таком случае рассказ приближается к притче, тяготеющей к глубинной «премудрости» моралистического порядка.

Многогранный по тематике и содержанию репертуар устных рассказов можно классифицировать по группам.

• Бытовые, с новеллистическими стileвыми признаками, устные рассказы о купцах – самая большая группа по количеству текстов – представлены повествованиями юмористического, дидактического, чисто бытового характера. В них, как правило, представлен конкретный купец, который оставил заметный след в истории города или в памяти рассказчика. Сюда же мы включаем истории об исключительных случаях.

Пример: «Заметил как-то Щербаков, что строевой лес пропадать начал, поехал с приказчиком, сели в засаду, смотрят: пришли два мужика, свалили здоровую ёлку, выпилили сажени три, ну, это где-то больше шести метров, взяли на плечо и понесли в сторону Яковлева. До края леса следовал за ними купец – версты две прошли, отдохнуть даже не присели. Восхитился Щербаков такой силой и дал бесплатно лесу на все надворные постройки...» (Мухина А.Н., 1929 г.р. Запись: с. Костенеево, Елабужский район, РТ, 2005) [9].

Другим примером может служить рассказ, которым поделился с нами А.А. Черкасов, доктор исторических наук, профессор Сочинского государственного университета. Это история «Про купца Савина», которая является ярким дополнением нашим материалам: «Ну, вот, жил-был купец Савин. Но вот он здесь жил, как простой миряин. Не так богато. Со временем стали они заниматься торговлей. И вот у них уже было так от дедушки. Дети, сыновья подросли. Осталось их три брата и один умер, другой задавился, остался один. У этого уже сын стал говорить дедушку своему.

- Вот что, дедушка, – говорит – мне уже стало порядочно лет и тебе трудно капитал наживать. Давай я женюсь и буду тебе помощником. Возьму я бедненькую. – Указал также название. Дедушке не понравилось:

- Ты – говорит – меня не считаешь дедушком.

И вот он, значит, с внуком поделился и дал ему один магазин, домишко и один пароход маленькой. Да, дедушко не послушался, женился на этой на бедной.

Да, и вот ему пришлось ехать уже в Архангельск, как имел маленькую торговлю, надо было делать большой оборот. Да, приехал туда в Архангельск – у нас тогда железной дороги не было, приходилось на судах, на пароходах ходить – приехал в Архангельск, там, значит, увидел дедушка своего. Дедушка ездил оттуда в Норвегию закупать треску, да там барахла разного – мелочи.

- Вот что, дедушка, я так думаю: у меня есть дом, пароход и магазин один. Я полагаю залог, значит. Пароход маленький, название «Контент» и магазин, и дом. И вот кто использует, у меня дома осталась жена – получает это все.

И вот написал по городу, по Архангельску афишу.

Едет полковник. И вот читает эту афишу. «В селе в Керети есть гражданин Савина и кто использует в трехдневный срок – получает магазин, пароход и дом». Да и вот эту афишу он прочитал и, значит, едет в такой-то номер, такой-то улицу, как было указано в афише и, значит, разыскал этого самого Савина и говорит:

- Я согласен на такие условия со сроком в трои суток.

И, значит, он тоже дает залог: один дом, один магазин и один пароход. Стало уже два дома, два парохода и два магазина. Хто выиграет.

Ну, дал сюда извещение по начальству: «Еду в Кереть», чтобы стречали, в такой то час будет. Вот прибыл, значит, в Кереть. В прежнее время ведь перед таким начальником все на цыпочках ходили. Да, и вот приехал под таким предлогом, как будто пристава проверить и в земскую управу прошел – как там дела делаются. Да, проверил это все, дал им на чай, что молодцы, хорошо ведут. Да, был пристав Пушкин, злой такой для населения, и на своих на урядников. И вот полковник стал говорить:

- Вот я приехал на три дня, мне надо поработать и надо квартеру.

Вот спросили этта квартеру у Сергеева Ивана Ивановича (это мой сусед, у него отводная была).

Вот привели, показали квартеру, зашел полковник и говорит:

- Квартера плохая, запах пахнет.

Указали ему на Савину, а ему того и надо. И спросили у ней. Она разрешила.

- Пожаласта, можно.

И вот, когда зашел.

- Вы – говорит – с дороги желаете попить-поесть.

- Если можно – пожаласта.

И вот была прислуга у них.

- Согрей – говорит – самоварчик, приготовь закусочки и все, что надо.

Ну, вот самоварчик согрелся. Принесла прислуга и ушла. Но они там вдвоем. Но вот, пошел у них разговор на эту тему, как бы использовать ей.

- Ну, отчего, – говорит – можно.

Так чайку не попил. Она предложила ему:

- Говорит – ложитесь вот тут на кровать.

Так повалился он первым. Она стала, когда он лежит, возьмет повернет там такой винтик, он и провалится в подвал. Да, и провалился он в этот подвал. Она открыла крышку и спрашиват:

- Но, как, хорошо – говорит – там?

- Не очень хорошо – говорит – ись охота, я ведь не поел ничего. Вы так сделали. Дайте мне поесь.

- Тогда я вам ись дам, когда вы у меня поработаете.

Позвала прислугу Нюру и говорит.

- Возьми этот чемодан денег еговых и спрятай, подними в кладовку и принеси веретено и кудели.

Принесла прислуга это все. Этта, значит, Савина возьмет спустит туда в подвал и говорит:

- Напряди мне ниток, тогда я тебе поись дам.

- Я – говорит – не умею.

- Вот, научись, как люди работают.

Но, тот постарался, до пота наработал, но она дала ему туда еды. Проходит три дня. Пароход ушел и не знают этот уехал полковник или куда делся. Так и не знают, этот залог остался уже у купца. Этот Савин опять вторично стал афишу писать, в двойном размере, и денег десять тыщ. Да, опять таким же путем едет полковник. Эту афишу прочитал и, как первый, заехал к Савину и говорит:

- Я согласен на таки условия, значит, два парохода, два магазина, два дома и десять тыщ денег.

И опять таким же манером приезжает в Кереть и попадает в этот подвал. И стало у его уже четыре дому, четыре парохода, четыре магазина и куча денег. И опять написал афишу. А дедко и говорит:

- Ну, молодец, я не ожидал от тебя этой штуки. – И дает ему от себя еще пять тыщ денег и пароход, чтобы было больше богатства. И теперь двадцать пять тыщ денег пять пароходов стало у него. Написал опять афишу: двадцать пять тыщ денег, пять пароходов, четыре дому и четыре магазина. Едет генерал, соскакивает с лошади. Читает афишу. Да, просит. Приехал к этому Савину. Договорились и поставили на рейду десять пароходов, пятьдесят тыщ, восемь домов и восемь магазинов. И опять таким же манером тот приезжает в Кереть и попадает в подвал, а в Керети все удивляются, что начальство к нам ездит? И опять значит, попал в погреб. А когда поехал, дак все из банки деньги взял, целый сундук, печатну сажень. Четверо несли. Заносят все на квартеру Савина, но, чай опять согрели. Опять стал на эту тему говорить и попал в погреб. Там уже оказалось трое. Подполковник, полковник и генерал. Ну, вот веретном работал – работали до поту и тогда она им есть давала. Это все богатство выиграл Савин. Так на этом и кончилось. И этот Савин стал иметь большое богатство и стал торговлю расширять» (Черкасов Иван Иванович, 31 год. Запись: д.Кереть, Лоухотский район. АКССР, 1933) [11].

• Исторические устные рассказы о купцах представляют запоминающиеся сюжеты об известных реальных фактах из жизни купеческого сословия и самой Елабуги.

Пример: «Я особо о купцах не знаю историй. Раньше-то все помалкивали о них... Вот, правда, одну историю мне дед рассказывал. Говорил, что в Елабуге купцы жили, Стакеевы. Торговали они разным товаром. Большая торговля у них была хлебом. Они его даже за границу баржами отправляли. Уж, какой год – не помню – но год был неурожайным на хлеб. Мало было у нас на Каме, а на Волге-то вообще голод наступил. В тот год Стакееву удалось скупить зерно, правда, меньше, чем в прошлые годы, но, видимо, достаточно, чтобы торговаться. Ну, словом, отправил он баржи с хлебом за границу. А тут весть о том, что в Поволжье голод, люди умирают. Тут, купец в ущерб себе, приказал догнать баржи и вернуть обратно в Елабугу. Часть зерна велел раздать самим многодетным местным крестьянским семьям, часть отправил в Поволжье. Приказчикам дал указ следить, чтобы хлеб отдали нуждающимся крестьянам. Не продали, а отдали... Третью часть сохранил до следующей весны, чтобы было что сеять...

Дед говорил, что тогда большой убыток был у Стакеева, а ему ни почем. Он еще заграничным торговцам деньги заплатил, что товар-то не дошел до них. В тот год он еще многих деньгами поддерживал, что-то вроде столовых открывал для бедных» (Тунгускова Т. М., 1923 г.р. Запись: г.Елабуга, 1997) [9].

• Автобиографические устные рассказы о купцах представляют отдельную и самую незначительную по количеству текстов группу. Объясняется это тем, что людей, которые могли лично знать человека из купеческого сословия, осталось очень мало. В основном это воспоминания из детства (кстати, после 1996 года подобные рассказы уже не записывались). Поэтому в эту группу мы относим тексты, в которых переданы воспоминания родственников.

Пример: «Я тогда совсем маленькая была. Жили мы в Максимково. Помню, пришел отец домой и говорит нам, детям-то, что, мол, вы дома-то сидите, все уже за окопицу давно убежали, Стакеев должен мимо проезжать. Ух, мои братья и сестры тут взвились! Меня, малую, в охапку – и вон из дома. Отец вслед только хохочет.

Прибежали до дороги, что мимо деревни идет. Там уж все деревенские дети собрались. Скачут, галдят, в игры играются. Не знаю, сколько пробыли там, но помню, что кто-то вдруг закричал: «Едет!» Все – к дороге. Я одна у куста сидеть осталась.

Подкатила коляска. В ней мужчина сидит. Мне тогда он каким-то волшебным, что ли, показался: улыбался он так широко, усы топорщатся, как у кота, глаза щурит. «Вот пострелят! Откуда только знают, что еду?!», – а сам хохочет...

Он, как я потом узнала, всегда с собой в поездку брал подарочки для детей: копеечки, ленты, сладости. Проезжая мимо деревни, всегда останавливался и одаривал детвору. Вот и нас тогда угостил пряниками, леденцами. Девочкам ленты подарил... А я-то маленькая была. Стою, значит, у куста, подойти стесняюсь. Он меня заприметил, сощурился так: «Это кто там прячется?» Меня брат подхватил, к нему поднес: «Анютка, сестренка наша!». А Стакеев мне ленту подает и леденец, ну, раньше такие были петушки на палочке. Вот... Больше-то о нем я не знаю, только об этой встрече и помню» (Кузнецова А.А., 1912 г.р. Запись: Елабуга, 1995) [9].

Несмотря на неоценимую роль, которое оказывало купечество для экономики страны, всего общества, последующие события резко изменили отношение масс к этому сословию. Пришедшие в ходе революционных событий большевики, сделали из человека-мецената, пользующегося почитанием окружающих, образ скандырника (скряги). Да и в целом сама политика новой власти шла вразрез интересам купечества. В первые же годы советская власть начала осуществлять политику национализации [12], имевшей целью отъема частной собственности. Данные процессы напрямую коснулись и купечества.

Заключение. Завершая исследование, хочется отметить, что купечество играло значительную роль в общественной жизни России. На примере официальной статистики мы видим возрастание его удельного веса и значения; но еще большую роль этого сословия нам передают устные рассказы. Они позволяют нам раскрыть сущность купеческого сословия не только как людей, зарабатывающих деньги любыми способами и средствами, но и людей, человечных, стремящихся помочь всем нуждающимся. И это тем более важно в наш век – век наживы и стяжательства.

Примечания:

1. Wikipedia. Russian Empire [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%F1%EB%EE%E2%E8%E5> (дата обращения 04.01.2014).
2. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. 803 с.
3. Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. 111 с.
4. Grant, J. Andrew (2001). Class, definition of. In Jones, R.J. Barry. Routledge Encyclopedia of International Political Economy: Entries A-F. Taylor & Francis. 161 р.
5. Википедия. Купечество [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C%A%F3%EF%E5%F7%E5%F1%F2%E2%EE> (дата обращения 03.01.2014).
6. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в конце XIX - начале XX века. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
7. Галлямова З.В. Городское самоуправление второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам г.Вятки). Монография. Елабуга, 2006. 164 с.
8. Азбелев А.Н. Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. Вып. 10. М.-Л., 1966. С. 176-195.
9. Грахова С.И. Личный архив собирателя (1995–2013).
10. Grahova S.I., Ismailova N.I. Mythological Stories about House-Spirit: Themes, Structure, Psychological Particularities // Middle-East Journal of Scientific Research. № 18 (1). IDOSI Publications, 2013. P. 13-17.
11. Архив карельского фольклора. Коллекция 25,1. Л. 1-5. Шифр: Ук. 882 В.
12. Gapsalamov A.R. Regional Industry in the Period of: Based on the Materials of Tatarstan Republic (Russia) // Middle-East Journal of Scientific Research 15 (11): 1487-1495, 2013. <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr15%2811%2913> (дата обращения: 7.09.2013).

References:

1. Wikipedia. Russian Empire [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%F1%EB%EE%E2%E8%E5> (data obrashcheniya 04.01.2014).
2. Narodnoe khozyaistvo SSSR za 60 let. Yubileinyi statisticheskii ezhegodnik. M., 1977. 803 s.
3. Markovich A., Kharrison M. Pervaya mirovaya voina, Grazhdanskaya voina i vosstanovlenie: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg. M., 2013. 111 s.
4. Grant, J. Andrew (2001). Slass, definition of. In Jones, R.J. Barry. Routledge Encyclopedia of International Political Economy: Entries A-F. Taylor & Francis. 161 r.
5. Vikipediya. Kupechestvo [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%F3%EF%E5%F7%E5%F1%F2%E2%EE> (data obrashcheniya 03.01. 2014).
6. Nardova V.A. Samoderzhavie i gorodskie dumy v kontse XIX - nachale XX veka. SPb.: Nauka, 1994. 157 s.
7. Gallyamova Z.V. Gorodskoe samoupravlenie vtoroi poloviny XIX – nachala KhKh vv. (po materialam g.Vyatki). Monografiya. Elabuga, 2006. 164 s.
8. Azbelev A.N. Problemy mezhdunarodnoi sistematizatsii predanii i legend // Russkii fol'klor. Vyp. 10. M.-L., 1966. S. 176-195.
9. Grakhova S.I. Lichnyi arkiv sobiratelya (1995–2013).

10. Grahova S.I., Ismailova N.I. Mythological Stories about House-Spirit: Themes, Structure, Psychological Particularities // Middle-East Journal of Scientific Research. № 18 (1). IDOSI Publications, 2013. R. 13-17.
11. Arkhiv karel'skogo fol'klora. Kolleksiya 25,1. L. 1-5. Shifr: Uk. 882 V.
12. Gapsalamov A.R. Regional Industry in the Period of: Based on the Materials of Tatarstan Republic (Russia) // Middle-East Journal of Scientific Research 15 (11): 1487-1495, 2013. <http://www.idosi.org/mejsr/mejsr15%2811%2913> (data obrashcheniya: 7.09.2013).

УДК 908

Роль купечества в жизни российского общества: по материалам устных преданий

¹ Светлана Ивановна Грахова

² Алмаз Рафисович Гапсаламов

¹ Елабужский институт Казанского федерального университета, Российская Федерация
423600 Республика Татарстан, город Елабуга, улица Казанская, 89
кандидат филологических наук, доцент

E-mail: SG2223@yandex.ru

² Елабужский институт Казанского федерального университета, Российская Федерация
423600 Республика Татарстан, город Елабуга, улица Казанская, 89
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: gapsalamov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные устные рассказы о купцах, бытующие в Елабужском районе Республики Татарстан. Выявляется их жанровая специфика, предлагается тематическая классификация, определяются стилевые особенности. Эти рассказы цепны значительным потенциалом в исторической реконструкции лиц и событий данного края. Также в них отразились общие тенденции отечественной словесности – уйти от одностороннего взгляда на прошлое, все воспринимать и оценивать с позиций правды, добра и красоты.

Ключевые слова: фольклорный жанр; устные рассказы; классификация; типология; ситуация поступка; композиция устного рассказа.

UDC 94

The Caucasian War within the Covers of Voennyi Sbornik (Military Journal)

¹ Aleksandr A. Cherkasov

² Vyacheslav I. Menkovsky

³ Vladimir G. Ivantsov

⁴ Aleksandr A. Ryabtsev

⁵ Violetta S. Molchanova

⁶ Olga V. Natolochnaya

^{1, 3, 4, 5} Sochi State University, Russian Federation

¹ Dr. (History), Professor

² Belarus State University, Belarus

Dr. (History), Professor

³ PhD (History), Assistant Professor

⁴ PhD (Economy), Assistant Professor

⁵ Postgraduate Student

⁶ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

PhD (History)

Abstract. The article, using the publications of Voennyi Sbornik (Military Journal) considers the Caucasian War. The first article on this theme was published in 1859. The inner criticism of the historic source is conducted. The major rubrications of the journal are detected. Four major genres of publications, concerning the Caucasian War are singled out: 1. Recollections by the combatants; 2. Scenes from the battle and official information; 3. Military and historic research; 4. Biographies of the combatants.

Keywords: Voennyi Sbornik (Military Journal); the Caucasian War; war events; toponyms.

Введение. В 2014 году исполнилось 150 лет с окончания Кавказской войны. В истории России Кавказская война стала самой длительной (1817–1864 гг.). Помимо этого, противостояние привело к масштабным политическим и демографическим последствиям, к махаджирству (переселению горских народов за пределы Российской империи), к колоссальным сдвигам в судьбах многих народов как Кавказа, так и Российской империи.

Современная историография свидетельствует, что и спустя 150 лет события и последствия Кавказской войны не утратили научного и общественного интереса. Это обуславливается тем, что проблемы понимания и отношения людей к своему прошлому сегодня приобретают особую актуальность. Согласно данным социологических опросов, в понимании обывателя современные проблемы не только связаны с прошлым, а они напрямую связаны с выстраиванием стратегий будущего.

Материалы. Журнал «Военный сборник» как ежемесячное издание выходил в свет в 1858–1917 гг. в Санкт-Петербурге (с 1914 года в Петрограде). С 1862 года являлся официальным органом Военного министерства и предназначался для офицеров. Подписка на «Военный сборник» была обязательна для всех воинских частей империи. Вместе с тем, журнал пользовался популярностью и в обществе [1].

После революции и гражданской войны журнал был возрожден обществом ревнителей военной истории в Белграде. Здесь журнал издавался в период с 1922 по 1930-й годы с периодичностью 1 раз в год.

С 2013 года журнал вновь возрожден и начал издаваться ежеквартально Научным издательским домом «Исследователь» в городе Сочи.

В начальный период рубрикация журнала выглядела следующим образом:

1. Официальный раздел, содержавший извлечения из Высочайших приказов, приказы военного министра, прочие официальные документы;
2. Раздел военные науки, освещавший вопросы тактики, фортификации, артиллерии и прочее;
3. Литературный раздел, изобиловавший рассказами из военного быта, мемуарами, биографиями;
4. Разное.

В начале 1860-х гг. в журнале были выделены две основные рубрики: официальная и неофициальная. В середине 1860-х гг. появилась рубрика – современное военное обозрение, которая состояла из библиографии, Русского военного обозрения и Иностранного военного обозрения. Данная рубрикация оставалась неизменной вплоть до 1917 года.

Рис. 1. Титульные листы журнала «Военный сборник» в дореволюционный период

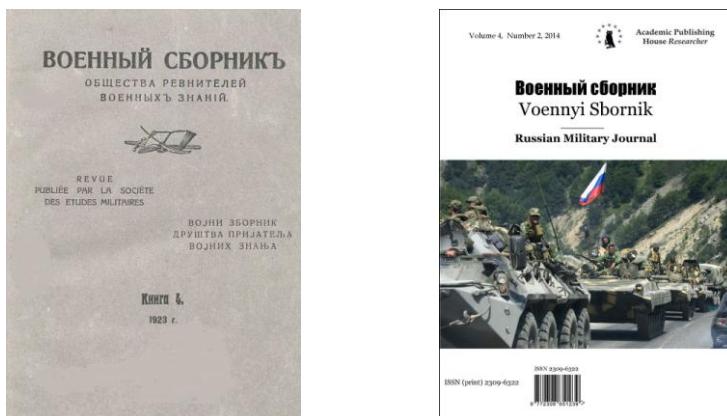

Рис. 2. Титульный лист «Военного сборника» в 1920-е гг. и обложка журнала в современное время

В журнале за время существования до настоящего времени было опубликовано около 10 тыс. статей. Для удобства работы с журналом выпускались систематические указатели. Всего было выпущено три указателя: первый с 1858 по 1890 гг., т.е. за первые 33 года; второй – за 1891–1897 гг., т.е. за последующие 7 лет; третий – за 1898–1907 гг., т.е. за последующие 10 лет. После этого систематических указателей не издавалось.

Тираж журнала в момент основания превышал 5 тыс. экземпляров. К Первой мировой войне тираж сократился почти в два раза. Сокращение тиража было связано с повышением стоимости годовой подписки. Тем не менее подписчиками журнала были все полковые, а иногда и батальонные библиотеки.

Результаты. В публикациях «Военного сборника», посвященных Кавказской войне, можно обнаружить четыре основных жанра:

1. Воспоминания участников;
2. Зарисовки боевых действий и официальная информация;
3. Военно-исторические исследования;
4. Биографии активных участников боевых действий.

При этом в публикациях четко просматривается эволюция жанров от воспоминаний участников боевых действий и официальной информации о войне к военно-историческим исследованиям и биографиям активных участников.

Тема Кавказской войны весьма активно рассматривалась на страницах журнала в 1860–1870-е гг. Позднее интерес к теме пошел на убыль. Разумеется, это не было связано с тем, что тема себя исчерпала. Дело в том, что история России во второй половине XIX в. и начале XX в. была обильна на военные события. Достаточно отметить события связанные с завоеванием Средней Азии,

русско-турецкую войну 1877–1878 гг., реформы армии, ее перевооружение, а затем русско-японскую и Первую мировую войны. Такое нагромождение событий, на наш взгляд, и стало причиной визуализации Кавказской войны. Несмотря на смещение акцентов отдельные публикации о Кавказской войне в журнале встречаются вплоть до 2014 г.

Всего в «Военном сборнике» обнародовано около 100 статей, которые имели непосредственное отношение к Кавказской войне. Нашей задачей не является рассмотрение или перечисление всех этих трудов, обратимся лишь к основным жанрам этих публикаций.

Воспоминания участников

В своем большинстве авторами воспоминаний являлись офицеры Русской императорской армии, среди которых были пехотинцы, казаки, драгуны и артиллеристы. Материалы, которые ими публиковались имели отношения к знаковым событиям Кавказской войны, будь то штурм крепости или встречная стычка с неприятелем. Так, например, Павел Пржецлавский уделил внимание блокаде города Дербента в 1831 году [2], а Николай Дельвиг изложил свои мысли о военной экспедиции в Дарго [3]. Печатались материалы и о других не менее знаковых боевых делах Кавказской войны [4–10].

Публиковались в «Военном сборнике» и воспоминания о жизни и быте боевых отрядов Русской армии периода Кавказской войны. Так, например, о жизни в верхнебадзехском отряде оставил воспоминания Гомборский [11]. В тоже время С. Смоленский описал деятельность Бзыбского отряда в 1861 году [12].

Публикация воспоминаний участников боевых действий была частью редакционной политики журнала, выполнявшего установки Военного министерства.

Зарисовки боевых действий и официальная информация

Этот журнальный жанр включал в себя дневники боевых действий, которые предоставляли офицеры, как правило, с картами и схемами, а также официальную информацию из Действующей армии. Среди дневниковых записей встречались дневники отрядов и отдельных батальонов. Например, 2-го батальона Ширванского полка под Гунибом [13] или Даховского отряда на южном склоне Западного Кавказа в 1864 году [14].

Уделялось внимание боевым столкновениям, которые в то время назывались делами. Например, имело место дело на Гоцатлинских высотах 21-го сентября 1843 года [15] и Шенширецкое дело близ селения Оглы в Северном Дагестане с 29-го на 30-е июля 1857 г. [16].

Официальная информация обычно представлялась обзорами последних событий на Кавказе [17], перечнем последних военных событий в Дагестане [18–19], описанием войны на западном Кавказе [20] и т.д.

Публикация такого рода источников позволяла взглянуть на Кавказскую войну глазами штабов отдельных частей Русской армии.

Военно-исторические исследования

Важное значение в журнале уделялось аналитическим трудам, военным и военно-историческим исследованиям. Исследования проводились в области сближения горцев с русскими на Кавказе, при этом нередко печатались и рассуждения читателей о конкретной статье. Так, например, такой диалог [21] произошел вокруг опубликованной в 1859 году статьи С. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе» [22].

Делаются попытки обобщения многолетней истории крепостей, укрепрайонов, линий. Так, например, Е. Васильев описал историю Черноморской береговой линии с 1833 года по 1855 год [23]. В то же время Пономарев опубликовал материалы по истории Терского казачьего войска в период с 1558 по 1880 год [24].

Точкой бифуркации Кавказской войны стало пленение имама Шамиля в августе 1859 года при взятии Гуниба. Авторы журнала неоднократно обращались к этим событиям. Так им посвящены статьи А.Г. фон-Гольдман [25] и В. Филипова [26].

Обращались авторы и к теме послевоенного будущего Кавказа. Этой теме посвятили свои труды сохранивший инкогнито В.К. [27], а также инженер-полковник Посыпкин [28].

Уже в современное время к теме Кавказской войны на страницах «Военного сборника» обращались А.Т. Урушадзе [29] и А.А. Черкасов с авторским коллективом [30].

Биографии активных участников боевых действий

Еще одним жанром, который активно использовался на страницах «Военного сборника» были биографии участников боевых действий. Под участниками боевых действий мы понимаем как лиц, непосредственно воюющих с оружием в руках, так и тех, кто оказывал идеологическое и иное воздействие по обеим сторонам фронта.

Первые биографические публикации начали появляться в «Военном сборнике» в 1870-е гг. Так, В. Потто опубликовал работу, посвященную аварскому вождю, наибу имама Шамиля Гаджи-Мурату Хунзахскому [31]. Позднее появилась в свет и работа о родоначальнике мюридизма и газавата имаме Кази-мулле [32].

Однако большее распространение получили биографии русских военноначальников, таких как: генерал Тормасов [33], генерал Паулуччи [34] и генерал Ермолов [35], в том числе по его последним дням на Кавказе [36].

Заключение. Завершая, хочется отметить, что публикации о Кавказской войне в журнале «Военный сборник» оказали важное значение в понимании природы противостояния на Кавказе. Помимо этого журнал сыграл просветительскую роль в изучении оборонительных и наступательных операций, тактики партизанской войны и много другого.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках фундаментальной темы НИР «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)». Сочи, 2014.

Примечания:

1. Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. 5. М., 2006. С. 556.
2. Пржецлавский П. Воспоминание о блокаде города Дербента в 1831 году. (Из воспоминаний очевидца) // Военный сборник. 1864. №1.
3. Дельвиг Н. Воспоминание об экспедиции в Дарго. //Военный сборник. 1864. №7.
4. Генерал-адъютант барон Николай. Эпизод из Кавказской войны. //Военный сборник. 1865. №7;
5. К.Д. Дело под Ачхоем и Акиортом. //Военный сборник. 1865. №1;
6. Шабанов И. Воспоминание о зимней экспедиции 1859 года в Чечне. //Военный сборник. 1866. №10;
7. Симонов А. Нападение горцев на станицу Нижне-Баканскую Адагумского казачьего полка в 1862 г. (Эпизод из Кавказской войны). //Военный сборник. 1867. №11.
8. Прудков Е. Штурм горцами укрепления Хамекты 14-го июня 1862 года. (Посвящается моим сослуживцам и семейству покойного В.С. Гоца). //Военный сборник. 1868. №11.
9. Смоленский С. Воспоминания кавказца. Десантное дело у Псахе 19-го июля 1862 г. (Из походного дневника). //Военный сборник. 1875. №10.
10. Смоленский С. Воспоминания кавказца. Экспедиция в Даль. (Из походного дневника). //Военный сборник. 1875. №№ 11, 12.
11. Гомборский. Воспоминания о верхне-абадзехском отряде с 1-го сентября 1861 г. по март 1862 г. //Военный сборник. 1866. №9.
12. Смоленский С. Воспоминания кавказца. Бзыбский отряд в 1861 году. (Из походного дневника). //Военный сборник. 1874. №8.
13. Штанге (бывший командир 2-го батальона Ширванского полка). Действия 2-го батальона Ширванского полка под Гунибом. //Военный сборник. 1864. №9.
14. Духовской С. Материалы для описания войны на западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне в 1864 году. (С картой). //Военный сборник. 1864. №№11, 12.
15. Шиманский. Дело на Гоцатлинских высотах 21-го сентября 1843 года. //Военный сборник. 1869. №7.
16. Ловенецкий. Шенширское дело близ селения Оглы в Северном Дагестане с 29-го на 30-е июля 1857 г. //Военный сборник. 1871. №9.
17. А.Д.Г. Обзор последних событий на Кавказе (С картой Нагорного Дагестана и планом Гуниба-дага). //Военный сборник. 1859. №10.
18. Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год). //Военный сборник. 1859. №№1, 2, 3, 4, 6;
19. А.Д.Г. Поход 1845 года в Дарго. //Военный сборник. 1859. №5.
20. Шиманский. Дело 2-го марта 1862 г. на реке Белой. //Военный сборник. 1869. №11.
21. Августинович И. По поводу статьи г. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе», помещенной в 6-й книжке «Военного Сборника» //Военный сборник. 1859. №7.
22. Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе. //Военный сборник. 1859. №6.
23. Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834-1855 годов. //Военный сборник. 1874. №9.
24. Пономарев. Материалы для истории терского казачьего войска с 1558 по 1880 год. //Военный сборник. 1880. №№ 10, 12., 1881. №4.
25. А.Г. фон-Гольдман. Под Гунибом. //Военный сборник. 1864. №1.
26. Филиппов В. Несколько слов о взятии Гуниба и пленении Шамиля (составлено по запискам и со слов генерала Лазарева). //Военный сборник. 1866. №5.
27. В.К. Несколько слов о будущей деятельности нашей на Кавказе. //Военный сборник. 1860. №7.
28. Инженер-полковник Посыпкин. Последствия окончания войны на западном Кавказе. //Военный сборник. 1865. №4.
29. Urushadze A.T. The Caucasian War in the Writings of D.A. Milyutin // Военный сборник. 2013. № 2. С. 163-168.
30. Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. The Russian Fort (First Half of the 19th Century): Internal Organization // Военный сборник. 2014. № 1. С. 4-13.
31. Потто В. Гаджи-Мурат. //Военный сборник. 1870. №11.

32. Дубровин Н. Из истории войны и владычества на Кавказе. (Кази-мулла, как родоначальник мюридизма и газавата). //Военный сборник. 1890. №10.
33. Дубровин Н. Деятельность Тормасова на Кавказе. //Военный сборник. 1877. №№9, 10, 11, 12., 1878. №№ 1, 2, 3.
34. Дубровин Н. Маркиз Паулуччи в Закавказье. (Материалы для истории войны и владычества русских на Кавказе). //Военный сборник. 1879. №№4, 5.
35. Дубровин Н. Алексей Петрович Ермолов на Кавказе. //Военный сборник. 1882. №№2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10., 1884. №№ 1, 2., 1886. №№ 3, 4.
36. Дубровин Н. Последние дни пребывания Ермолова на Кавказе. //Военный сборник. 1888. №№ 1, 2, 3, 7, 8.

References:

1. Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya: V 30 t. T. 5. M., 2006. S. 556.
2. Przhetslavskii P. Vospominanie o blokade goroda Derbenta v 1831 godu. (Iz vospominanii ochevidtsa) // Voennyi sbornik. 1864. №1.
3. Del'vig N. Vospominanie ob ekspeditsii v Dargo. //Voennyi sbornik. 1864. №7.
4. General-ad"yutant baron Nikolai. Epizod iz Kavkazskoi voiny. //Voennyi sbornik. 1865. №7.
5. K.D. Delo pod Achkhoem i Akiyurtom. //Voennyi sbornik. 1865. №1.
6. Shabanov I. Vospominanie o zimnei ekspeditsii 1859 goda v Chechne. //Voennyi sbornik. 1866. №10.
7. Simonov A. Napadenie gortsev na stanitsu Nizhne-Bakanskuyu Adagumskogo kazach'ego polka v 1862 g. (Epizod iz Kavkazskoi voiny). //Voennyi sbornik. 1867. №11.
8. Prudkov E. Shturm gortsami ukrepleniya Khamekty 14-go iyunya 1862 goda. (Posvyashchaetsya moim sosluzhivtsam i semeistvu pokoinogo V.S. Gotsa). //Voennyi sbornik. 1868. №11.
9. Smolenskii S. Vospominaniya kavkaztsa. Desantnoe delo u Psakhe 19-go iyulya 1862 g. (Iz pokhodnogo dnevnika). //Voennyi sbornik. 1875. №10.
10. Smolenskii S. Vospominaniya kavkaztsa. Ekspeditsiya v Dal'. (Iz pokhodnogo dnevnika). //Voennyi sbornik. 1875. №№ 11, 12.
11. Gomborskii. Vospominaniya o verkhne-abadzehskom otryade s 1-go sentyabrya 1861 g. po mart 1862 g. //Voennyi sbornik. 1866. №9.
12. Smolenskii S. Vospominaniya kavkaztsa. Bzybskii otryad v 1861 godu. (Iz pokhodnogo dnevnika). //Voennyi sbornik. 1874. №8.
13. Shtange (byvshii komandir 2-go batal'ona Shirvanskogo polka). Deistviya 2-go batal'ona Shirvanskogo polka pod Gunibom. //Voennyi sbornik. 1864. №9.
14. Dukhovskoi S. Materialy dlya opisaniya voiny na zapadnom Kavkaze. Dakhovskii otryad na yuzhnom sklone v 1864 godu. (S kartoi). //Voennyi sbornik. 1864. №№ 11, 12.
15. Shimanskii. Delo na Gotsatlinskikh vysotakh 21-go sentyabrya 1843 goda. //Voennyi sbornik. 1869. №7.
16. Lovenetskii. Shenshirekskoe delo bliz seleniya Ogly v Severnom Dagestane s 29-go na 30-e iyulya 1857 g. //Voennyi sbornik. 1871. №9.
17. A.D.G. Obzor poslednikh sobyti na Kavkaze (S kartoi Nagornogo Dagestana i planom Gunibadaga). //Voennyi sbornik. 1859. №10.
18. Okol'nichii. Perechen' poslednikh voennykh sobyti v Dagestane (1843 god). //Voennyi sbornik. 1859. №№1, 2, 3, 4, 6;
19. A.D.G. Pokhod 1845 goda v Dargo. //Voennyi sbornik. 1859. №5.
20. Shimanskii. Delo 2-go marta 1862 g. na reke Beloi. //Voennyi sbornik. 1869. №11.
21. Avgustinovich I. Po povodu stat'i g. Ivanova «O sblizhenii gortsev s russkimi na Kavkaze», pomeshchennoi v 6-i knizhke «Voennogo Sbornika» //Voennyi sbornik. 1859. №7.
22. Ivanov S. O sblizhenii gortsev s russkimi na Kavkaze. //Voennyi sbornik. 1859. №6.
23. Vasil'ev E. Chernomorskaya beregovaya liniya 1834-1855 godov. //Voennyi sbornik. 1874. №9.
24. Ponomarev. Materialy dlya istorii terskogo kazach'ego voiska s 1558 po 1880 god. //Voennyi sbornik. 1880. №№ 10, 12., 1881. №4.
25. A.G. fon-Gol'dman. Pod Gunibom. //Voennyi sbornik. 1864. №1.
26. Filipov V. Neskol'ko slov o vzyatii Guniba i plenenii Shamilya (sostavлено по запискам и со слов генерала Lazareva). //Voennyi sbornik. 1866. №5.
27. V.K. Neskol'ko slov o budushchei deyatel'nosti nashei na Kavkaze. //Voennyi sbornik. 1860. №7.
28. Inzhener-polkovnik Posypkin. Posledstviya okonchaniya voiny na zapadnom Kavkaze. //Voennyi sbornik. 1865. №4.
29. Urushadze A.T. The Caucasian War in the Writings of D.A. Milyutin // Voennyi sbornik. 2013. № 2. S. 163-168.
30. Cherkasov A.A., Šmigel' M., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S. The Russian Fort (First Half of the 19th Century): Internal Organization // Voennyi sbornik. 2014. № 1. S. 4-13.
31. Potto V. Gadzhi-Murat. //Voennyi sbornik. 1870. №11.

-
32. Dubrovin N. Iz istorii voiny i vladychestva na Kavkaze. (Kazi-mulla, kak rodonachal'nik myuridizma i gazavata). //Voennyi sbornik. 1890. №10.
33. Dubrovin N. Deyatel'nost' Tormasova na Kavkaze. //Voennyi sbornik. 1877. №№9, 10, 11, 12., 1878. №№ 1, 2, 3.
34. Dubrovin N. Markiz Pauluchchi v Zakavkaz'e. (Materialy dlya istorii voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze). //Voennyi sbornik. 1879. №№4, 5.
35. Dubrovin N. Aleksei Petrovich Ermolov na Kavkaze. //Voennyi sbornik. 1882. №№2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10., 1884. №№ 1, 2., 1886. №№ 3, 4.
36. Dubrovin N. Poslednie dni prebyvaniya Ermolova na Kavkaze. //Voennyi sbornik. 1888. №№ 1, 2, 3, 7, 8.

УДК 94

Кавказская война на страницах журнала «Военный сборник»

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Вячеслав Иванович Меньковский

³ Владимир Гаврилович Иванцов

⁴ Александр Александрович Рябцев

⁵ Виолетта Сергеевна Молчанова

⁶ Ольга Васильевна Натолочная

^{1, 3, 4, 5} Сочинский государственный университет, Российская Федерация

¹ Доктор исторических наук, профессор

² Белорусский государственный университет, Беларусь

Доктор исторических наук, профессор

³ Кандидат исторических наук, доцент

⁴ Кандидат экономических наук, доцент

⁵ Аспирант

⁶ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат исторических наук

Аннотация. В статье на основе публикаций журнала «Военный сборник» рассматривается Кавказская война, первая статья о которой появилась в 1859 году. Проведена внутренняя критика исторического источника. Определены основные рубрикации журнала. Выявлены четыре основных жанра публикаций посвященных Кавказской войне: 1. Воспоминания участников; 2. Зарисовки боевых действий и официальная информация; 3. Военно-исторические исследования; 4. Биографии активных участников боевых действий.

Ключевые слова: журнал «Военный сборник»; Кавказская война; военные события; топонимы.

UDC 93/94

The History of the World Justice Development in Russia as One of the Results of the Judicial Reform of 1864

¹ Tatyana K. Ryabinina
² Helen A. Grokhotova

¹ South West State University, Russian Federation

50 years of October, 94 Kursk city, Kursk region

PhD (Law), Professor

² South West State University, Russian Federation

50 years of October, 94 Kursk city, Kursk region

Lecturer

Abstract. The article considers the prerequisites for the establishment of the world court in Russia, which is one of the results of the judicial reform of 1864, held by Alexander II. The periodization of the establishment and formation processes of this institute is presented. The analysis of the requirements to the potential justices of peace is made. It should be noted that justices of peace were formed as a state structure, related to the common population.

Keywords: Judicial reform of 1864; Alexander II; world court; justice of peace; stages of development; age requirement; education requirement; property requirement; moral requirement; elective source.

Введение. В истории любой страны во все времена стоит основной вопрос: как и по какому пути ей развиваться. Очевидно, что в условиях постоянно изменяющегося мира этот вопрос был актуальным всегда. Как и в любой другой стране, эта проблема стояла и стоит в России. Важной вехой в становлении российского государства стали реформы Александра II 1864 года.

Для поддержания порядка в государстве требуется сильная судебная власть. Но недостаточно просто обладать властью, необходимо доверие и уважение к этой власти со стороны населения. Институтом, позволяющим говорить о достижении этого результата, должен быть стать мировой суд.

Материалы и методы. Источниками для написания данной статьи стали научные труды авторов дореволюционной и современной литературы по вопросу зарождения мирового суда по итогам, проводимой Александром II реформы 1864 года. В работе используется исторический метод, благодаря которому достигается углубленное понимание сути возникновения мирового суда в России. Методы описания и обобщения, используемые для анализа требований, предъявляемых к кандидату в мировые судьи, способствуют ответу на вопрос о том, каким должен быть субъект, который представляет собой не только государственный орган, но и доверительный орган для простого народа.

Введение института мировых судей является составной частью процесса формирования реальной и эффективной судебной власти. В этой связи особую актуальность приобретает обращение к опыту прошлого, воссоздание целостной картины исторической эволюции мировой юстиции в России. Такое исследование позволяет найти те отправные точки, с которых начинается построение научной теории мирового суда, а также конструирование его как современного, эффективно функционирующего государственного института. Кроме того, это расширяет наши знания об общей истории отечественного государства и права, позволяет установить преемственность в процессах развития тысячелетней российской государственности [1].

Целью нашего исследования поставлено изучить процесс формирования института мировых судей в России.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, важно рассмотреть предпосылки зарождения института мировых судей в России. Во-вторых, исследовать требования, предъявляемые к кандидатам на должность мирового судьи.

Обсуждение. Как отмечает С.В. Лонская, в научной литературе существуют различные мнения о первом упоминании в России «мирных судей», «мировых судей». Например, русский историк Г.А. Джаншиев и А. Танкова относят первое упоминание о «мирных судьях» к 1826 г. [2], Н.Н. Полянский, ссылаясь на записку министра внутренних дел графа В.П. Кочубея к императору Александру I, называет 1814 г.[3] Однако в современном смысле мировая юстиция в России впервые была создана в ходе проведения судебно-правовой реформы в соответствии с Уставами 1864 г. [4]

Результаты. Предшественником мирового суда в России были земские суды, однако в сугубо дворянском, сословно ограниченном виде. Их главными функциями стали административно-полицейские: охрана общественного порядка (земская полиция, или благочиние), приведение и исполнение законов и повелений Губернского правления. Как отмечает И.Г. Шаркова, производство в

таких судах представляло собой крайне медлительную процедуру, основными чертами которой являлось взяточничество и вседозволенность чинов полиции[5].

Столь негативное состояние правосудия, а также готовящееся освобождение крестьян поставили вопрос о необходимости формирования доступной, всесословной судебной системы, отделение суда от следствия и администрации, упрощение судопроизводства.

В одной из записок 1859 г., касающихся дел о преобразовании судебной части, Д.Н. Блудов отмечал: «Основанием предложений об учреждении судей мировых были два важные обстоятельства: уничтожение крепостного состояния и решительное отделение власти судебной от административной»[6].

Мировой суд как институт был элементом судебной реформы 1864 года, которая в совокупности с предшествующей ей отменой крепостного права представляла собой наиболее исторически значимый рывок в процессе модернизации государственного устройства России. Поэтому среди основных предпосылок создания мировой юстиции выделяют также необходимость сделать обращение в суд более простым и доступным для населения, а также в значительной мере сократить срок разрешения дела в суде[7].

Анализ литературы по вопросу становления в России института мировых судей позволяет сказать, что авторами выделяются несколько этапов истории развития, организации и деятельности мирового суда в России. Выглядят они следующим образом.

Так, С.В. Лонская проводит периодизацию истории формирования института мирового суда в России, действовавшего до революции 1917 г., как исторического явления, проходящего в своем развитии закономерные этапы.

Первый этап характеризуется учреждением и деятельностью аналогов классической модели мировой юстиции, обсуждением проектов судебной реформы (XII в. – начало 1860-х гг.).

Второй этап – это учреждение и деятельность института мировых посредников по классическому образцу, но со специальными функциями, связанными с переходным периодом в освобождении крестьянства (1861–1874 гг.), причем последние 10 лет – параллельно с мировыми судьями.

Третий этап представляет собой учреждение и деятельность института мировых судей (1864–1917 гг.), в эволюции которых также можно выделить два периода: 1) период становления (1864–1881 гг.) и 2) период ревизии Судебных уставов (1881–1917 гг.). [8]

Однако В.В. Дорошков отмечает, что в настоящий момент следует дополнить эту классификацию развития института мировых судей в России как единого исторического процесса четвертым этапом, который начался в 1998 г. принятием Закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и продолжается до сих пор. Этот этап характеризуется созданием мирового судьи, признаваемого судьей субъекта Федерации, но одновременно включенного в единую судебную систему Российской Федерации. Основными задачами, которые возлагаются на данного субъекта уголовного процесса, являются обеспечение, охрана и защита прав, свобод и интересов физических и юридических лиц по делам и спорам, не представляющим большой общественной опасности [9].

Подробный вариант периодизации приводит Н.А. Колоколов. По его мнению, можно рассматривать четыре этапа в периодизации:

Первый этап (XII в. – начало 1860-х гг.) - учреждение и деятельность местных судов, их эволюция от общественных форм правосудия до государственно-правового оформления их полномочий, формирование идеи их построения из недр самоуправляющихся территориальных единиц государственного местного суда.

Второй этап (1864–1917 гг.) - становление и ликвидация института мировых судей, в котором отчетливо выделяются два периода:

- 1) период становления (1864–1881 гг.);
- 2) период контрреформ Судебных уставов (1881–1917 гг.).

Третий этап (1917–1991 гг.) – существование института народных заседателей, товарищеских судов, которые, несмотря на жесткий партийно-государственный контроль, являлись достаточно эффективным инструментом местного народовластия в судебной сфере, важным звеном советской модели демократии.

Четвертый этап (1991 г. – по настоящее время) характеризуется формированием политических предпосылок для возрождения российской мировой юстиции, законодательным закреплением ее места и роли в отечественной судебной системе и дальнейшем ее развитии [10].

Для нашего исследования важно определиться со статусом и функциями мирового судьи в тот исторический период, когда он только появился в России. Укрепление авторитета судебной власти связано с профессионализмом судей, их беспристрастностью, объективностью и нравственностью. Именно поэтому особое внимание следует обратить на требования, которые предъявлялись к кандидатам в мировые судьи.

В соответствии со ст. 19 Учреждения судебных установлений претендовать на должность мирового судьи могли лишь местные жители, которые удовлетворяли требованиям, содержащимся в законе. Исходя из норм закона, данные требования можно определить как цензы:

- 1) возрастной (не менее 25 лет от роду);

2) служебно-образовательный (получение образования в высших или средних учебных заведениях или выдержка соответствующего испытания или служба не менее трех лет в таких должностях, при занятии которых возможно приобрести практические сведения в производстве судебных дел);

3) имущественный (они сами или их родители, или жены должны были владеть, хотя бы в разных местах, землей вдвое больше, чем требовалось для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания, или другой недвижимостью на сумму не менее 15 тыс. рублей, а в городах – недвижимой собственностью, оцененной для взимания налога (в столицах не менее 6 тыс. рублей, а в прочих городах – не менее 3 тыс. рублей) [11]. Рассмотрим подробнее требования, которые предъявлялись к мировому судье.

Как правило, лица, достигшие 25 лет, имели в обществе определенный авторитет, были достаточно трудоспособными и зрелыми. Возрастной ценз для занятия должности мирового судьи обеспечивал приток кадров, имеющих определенный жизненный опыт, необходимый для осуществления правосудия и придания большего авторитета и доверия решениям мировых судей [12]. Однако признание данного возрастного барьера подходящим подвергалось критике [13]. Вполне справедливо наличие вопросов к возрастному цензу. По нашему мнению, 25-летнего возраста совершенно недостаточно для занятия такой серьезной должности. В таком возрасте лицо не обладает ни достаточным жизненным опытом, ни практикой применения знаний, полученных в университете.

Сущность всей проблемы состояла в нехватке квалифицированных кадров, что заставило законодателя установить такой ценз. Данная проблема породила критику и к следующему цензу – образовательному. Получение юридического образования для избрания гражданина мировым судьей не требовалось, достаточно было иметь высшее образование. Поэтому российского мирового судью в XIX в. можно охарактеризовать как полупрофессионального.

Официальная точка зрения Государственного совета на эту проблему была выражена следующим образом: «Мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев» [14]. По мнению К. Анциферова, для занятия должности мирового судьи достаточно среднего образования, а господствующими признаками признавалось доверие населения, житейская опытность, знание местных условий [15]. Категорично была высказана позиция редакцией журнала «Юридический вестник» о том, что не поможет молодому мировому судье специальное образование без жизненного опыта и чувства справедливости [16].

Все же позиция большинства авторов сводилась к необходимости высшего юридического образования [17]. Хотя было отмечено мнение, согласно которому для мирового судьи не столько важно высшее юридическое образование, сколько вообще высшее образование [18]. В противоположность данным высказываниям, хотелось бы рассмотреть позицию Н.Н. Полянского, который справедливо замечал: «...первое, что должно требоваться от кандидата в судью, это – юридическое образование. От лица, призванного охранять и применять закон, конечно, необходимо требовать, чтобы оно само знало закон и умело, в случае надобности, истолковать его, а при большой сложности современного законодательства это посильно только судье-юристу» [19]. Кроме того, по его мнению, недостаток юридического образования негативно отражался и на работе мирового судьи, поскольку часто приводил к привлечению мировых судей к судебной и административной ответственности за принятые ими, действия и решения [20].

Несомненно, для занятия должности мирового судьи было необходимо высшее юридическое образование, поскольку только лишь знание местных обычаев не могло обеспечить правильное применение закона и доверие. Ведь доверие могло быть утрачено принятием необоснованного решения.

Для кандидатов на должность в мировые судьи авторы законопроектов установили довольно высокий по тем временам имущественный и социальный ценз [21]. Хотелось бы отметить, что сама идея предпочтения на должность мирового судьи привилегированных сословий принадлежит Англии. Как замечено Н. Гартунгом, учреждение мирных судей имело необыкновенно важное значение для Англии, поскольку усиливало правительственную власть, так как должности мирных судей были раздаваемы только знатнейшим землевладельцам [22]. В Англии на должность мирных судей короля назначала людей зажиточных и уважаемых. Это условие являлось важным, поскольку мирный судья не получал никакого жалования, но обязанности его сложны и разнообразны и влекли столько расходов, что только знатные и богатые могли их выполнить [23].

Цель введения имущественного ценза авторами рассматривалась с разных позиций. Так, Н.Н. Полянский в своей работе писал, что составители судебных уставов руководствовались соображениями, что мировому судье, которому по роду его занятий приходится быть в непрестанных отношениях с множеством лиц, было бы трудно устоять от разного рода влияний и искушений, если бы он не был достаточно обеспечен в материальном отношении [24]. К. Анциферов же утверждал, что в имущественном цензе выражается сама сущность идеи мирового института [25].

Со временем требование имущественного ценза отпало само по себе. Вводя этот критерий, законодатель старался обеспечить независимость и беспристрастность действующего суда, однако на

деле вышло, что он стал препятствием для многих достойных граждан занять должность мирового судьи. Вызывает недоумение тот факт, что нехватка квалифицированных мировых судей позволила снизить возрастной и образовательный ценз, однако имущественный ценз был достаточно высок. Таким образом, прослеживается желание подчинить уголовный процесс исполнительным органам, предоставляя возможность только обеспеченным гражданам стать мировым судьей.

Необходимо отметить наличие нравственного ценза для кандидата на должность мирового судьи. Реализация требований данного ценза отражалась в нескольких аспектах.

Во-первых, данный ценз выражался через требования, запрещающие избрание на должность мирового судьи определенных категорий граждан. Согласно ст. 21 Учреждения судебных установлений 1864 года мировыми судьями не могли быть: 1) состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, подвергшиеся по судебным приговорам за противозаконные действия заключению в тюрьме или иному более строгому наказанию, а также те, которые были под судом за преступления или проступки, влекущие за собой такие наказания, и не оправданные судебными приговорами; 2) исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки, или из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат; 3) объявленные несостоятельными должниками; 4) состоящие под опекой за расточительность. Положение ст. 22 Учреждения судебных установлений распространяет данные требования и на священно- и церковнослужителей [26].

Во-вторых, нравственный критерий подразумевал доступность правосудия простому населению. Для того чтобы мировой судья выглядел максимально доступным для широких народных масс, законодатель предусмотрел упрощенный характер процедуры рассмотрения уголовных и гражданских дел у мирового судьи, где все формальности были сведены до минимума. При таком судопроизводстве в упрощенных формах исключалось нарушение основных прав и свобод человека [27].

Мировой судья был организован как суд выборный. В уездах выбирали мировых судей уездные земские собрания, в городах – городские думы. В юридической литературе послереформенного периода нет однозначного мнения относительно выборного начала. Одни авторы, поддерживающие избирательное начало, отмечали, что выборность суда необходима для сохранения связи местного населения с мировым судьей [28].

Другие авторы, опровергая такую позицию, приводили доводы, что поскольку избирательные коллегии состояли из дум и земских собраний, подчиненных местным властям, поэтому они становились своеобразным орудием для нужного выбора. Соответственно интерес местного населения не учитывался, хотя напомним, одной из причин создания мировой юстиции было организовать доступ и близость мировых судей к простому населению. Таким образом, на деле выборного начала не существовало [29]. Наличие же выборного начала имело большое значение для мировой юстиции. Если мировой судья – орган государства, доступный для народа, знающий население и способствующий примирению при возникновении уголовных конфликтов, то именно этот народ и должен был выбирать, кому их судить.

Отсутствие возможности выбирать народу мирового судью породило новую проблему – неопределенности субъекта обращения с жалобой, граждане не хотели идти в суд и приходили с жалобами в прокуратуру или в полицию. Пока материалы доходили до суда, стороны уже мирились, и их зря вызывали в суд, что доставляло им лишнее раздражение [30], что привело к утрате заработанного мировым судьей доверия и уважения.

Мировой судья в России осуществлял лишь функцию правосудия, не выполняя функций исполнительной власти. При учреждении новой системы местных судов в России творцы судебной реформы 1864 г. руководствовались, прежде всего, необходимостью ухода от полицейской и административной юстиции, создания независимой судебной власти, что было достигнуто путем введения института мировых судей. Несомненно, судебная власть должна быть отделена от любых других ветвей власти, поскольку иное порождает огромное количество проблем, связанных с возложением на мирового судью не свойственных суду функций; ущемлением возможности надлежащим образом осуществлять правосудие; поднадзорность органам, не имеющим отношения к судебной деятельности и не сведущим в том, как она реализуется на практике.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что судебная реформа 1864 г. внесла коренные изменения в становлении российской государственности. Во-первых, судебная власть была выделена как самостоятельная ветвь власти, осуществляющая функции правосудия, что было так необходимо. Во-вторых, мировой суд стал органом государства, которому доверял простой народ, что было обусловлено самими требованиями, предъявляемыми к кандидату в мировые судьи.

Таким образом, введение мирового суда можно назвать важной вехой в истории России.

Примечания:

1. Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Монография. Калининград, 2000. 215 с.
2. Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Монография. Калининград, 2000. 215 с.
3. Полянский Н. Мировой суд. Судебная реформа. М., 1917. 380 с.

4. Мировая юстиция учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011. 345 с.
5. Шаркова И.Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 9. С. 79-85.
6. Дорошков В.В. Мировой судья: исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. 131 с.
7. Михайловская И. Возрождение мировой юстиции в России: «Будущее в прошлом» // <http://edu.ru>doc/document.asp...> (дата обращения 12.03.2013); Щербатых Е.Г. Мировой судья: организационно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж, 2006. 234 с.
8. Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Монография. Калининград, 2000. 215 с.
9. Дорошков В.В. Мировой судья: исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. 131 с.
10. Мировая юстиция учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011. 345 с.
11. Российское законодательство X-XX вв. В 9 томах. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1991. 712 с.
12. Дорошков В.В. Мировой судья: исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. 131 с.
13. Закревский И. О желательных изменениях в Судебных Уставах // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Т. 2. С. 17-57; Тютрюмов И. К реформе мирового суда // Юридический вестник. 1886. Т. XXI. Кн. 1. С. 3-60; Обнинский П. Еще о мировом институте // Юридический вестник. 1888. Т. XXVIII. Кн. 1. С. 107-112; Духовской М.В. Из лекций по уголовному процессу. М., 1985. 218 с.
14. Дорошков В.В. Мировой судья: исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. 131 с.
15. Анциферов К. К вопросу о реформе нашего мирового суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Т. 2. С. 1-51.
16. От редакций // Юридический вестник. 1888. Т. XXVII. Кн. 3.
17. Обнинский П. О мировом суде // Журнал гражданского и уголовного права. 1888. Т. 7. Раздел VI. 125-134; Обнинский П. Еще о мировом институте // Юридический вестник. 1888. Т. XXVIII. Кн. 1. С. 107-112; Закревский И. О желательных изменениях в Судебных Уставах // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Т. 2. Раздел V. С. 17-57; Брун М. Мировой суд по Уставам Императора Александра II // Выборный мировой суд. Сборник статей. СПб. 1898. С. 5-21; Настольная книга мирового судьи. Научно-методические материалы / Отв. ред. А.Ф. Ефимов. М. 2012. 320 с.
18. Введение // Выборный мировой суд. Сборник статей. СПб. 1898. С. IV; Замечание Санкт-Петербургского столичного мирового съезда по вопросу о выборности мирового суда // Выборный мировой суд. Сборник статей. СПб. 1898.
19. Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность. М., 1911. 203 с.
20. Полянский Н. Мировой суд. Судебная реформа. М., 1917. 380 с.
21. Уголовный процесс: алгоритм действий мирового судьи. Научно-практическое пособие / Под ред. Н.А. Колоколова. М. 2010.
22. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб. 1868; Закревский И. О желательных изменениях в Судебных Уставах // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Т. 2. С. 17-57.
23. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб., 1868.
24. Полянский Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность. М., 1911. 203 с.
25. Анциферов К. К вопросу о реформе нашего мирового суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Т. 2. С. 1-51.
26. Российское законодательство X-XX вв. В 9 томах. Т. 8. Судебная реформа / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1991.
27. Макаров Ю.Я. Частное обвинение: теория, судебная практика, документы. М. 2013. 213 с.; Дорошков В.В. Мировой судья: исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. 131 с.
28. Тютрюмов И. К реформе мирового суда // Юридический вестник. 1886. Т. XXI. Кн. 1. С. 3-60.
29. Обнинский П.Н. Мировой институт (судебно-бытовой очерк) // Юридический вестник. 1888. Т. XXVII. Кн. 3. С. 404; Обнинский П. О мировом суде // Журнал гражданского и уголовного права. 1888. Т. 7. Раздел VI. С. 125-134.
30. Анциферов К. Наблюдение над практикой нашей провинциальной мировой юстиции // Юридический вестник. 1883. Т. XII. Кн. 1. С. 111-144; Логвинов А. Примирительное разбирательство мировыми судьями дел, подлежащих, по существу, ведомству окружных судов // Журнал

гражданского и уголовного права. 1883. Т. 2 Раздел V. С. 1-46; Обнинский П.Н. Мировой институт (судебно-бытовой очерк) // Юридический вестник. 1888. Т. XXVII. Кн. 3.

References:

1. Lonskaya S.V. Mirovaya yustitsiya v Rossii: Monografiya. Kaliningrad, 2000. 215 s.
2. Lonskaya S.V. Mirovaya yustitsiya v Rossii: Monografiya. Kaliningrad, 2000. 215 s.
3. Polyanskii N. Mirovoi sud. Sudebnaya reforma. M., 1917. 380 s.
4. Mirovaya yustitsiya uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya» / pod red. N.A. Kolokolova. M., 2011. 345 s.
5. Sharkova I.G. Mirovoi sud'ya v dorevolyutsionnoi Rossii // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 9. S. 79-85.
6. Doroshkov V.V. Mirovoi sud'ya: istoricheskie, organizatsionnye i protsessual'nye aspekty deyatel'nosti. M.: Norma, 2004. 131 s.
7. Mikhailovskaya I. Vozrozhdenie mirovoi yustitsii v Rossii: «Budushchee v proshlom» // <http://edu.ru>doc/document.asp...> (data obrashcheniya 12.03.2013); Shcherbatykh E.G. Mirovoi sud'ya: organizatsionno-pravovye i ugolovno-protsessual'nye aspekty deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Voronezh, 2006. 234 s.
8. Lonskaya S.V. Mirovaya yustitsiya v Rossii: Monografiya. Kaliningrad, 2000. 215 s.
9. Doroshkov V.V. Mirovoi sud'ya: istoricheskie, organizatsionnye i protsessual'nye aspekty deyatel'nosti. M.: Norma, 2004. 131 s.
10. Mirovaya yustitsiya uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya» / pod red. N.A. Kolokolova. M., 2011. 345 s.
11. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vv. V 9 tomakh. T. 8. Sudebnaya reforma / Pod red. O.I. Chistyakova. M., 1991. 712 s.
12. Doroshkov V.V. Mirovoi sud'ya: istoricheskie, organizatsionnye i protsessual'nye aspekty deyatel'nosti. M.: Norma, 2004. 131 s.
13. Zakrevskii I. O zhelatel'nykh izmeneniyakh v Sudebnykh Ustavakh // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1882. Т. 2. С. 17-57; Tyutryumov I. K reforme mirovogo suda // Yuridicheskii vestnik. 1886. Т. XXI. Кн. 1. С. 3-60; Obninskii P. Eshche o mirovom institute // Yuridicheskii vestnik. 1888. Т. XXVIII. Кн. 1. С. 107-112; Dukhovskoi M.V. Iz lektsii po ugolovnomu protsessu. M., 1985. 218 s.
14. Doroshkov V.V. Mirovoi sud'ya: istoricheskie, organizatsionnye i protsessual'nye aspekty deyatel'nosti. M.: Norma, 2004. 131 s.
15. Antsiferov K. K voprosu o reforme nashego mirovogo suda // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1885. Т. 2. С. 1-51.
16. Ot redaktsii // Yuridicheskii vestnik. 1888. Т. XXVII. Кн. 3.
17. Obninskii P. O mirovom sude // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1888. Т. 7. Razdel VI. 125-134; Obninskii P. Eshche o mirovom institute // Yuridicheskii vestnik. 1888. Т. XXVIII. Кн. 1. С. 107-112; Zakrevskii I. O zhelatel'nykh izmeneniyakh v Sudebnykh Ustavakh // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1882. Т. 2. Razdel V. С. 17-57; Brun M. Mirovoi sud po Ustavam Imperatora Aleksandra II // Vybornyi mirovoi sud. Sbornik statei. SPb. 1898. С. 5-21; Nastol'naya kniga mirovogo sud'i. Nauchno-metodicheskie materialy / Otv. red. A.F. Efimov. M. 2012. 320 s.
18. Vvedenie // Vybornyi mirovoi sud. Sbornik statei. SPb. 1898. С. IV; Zamechanie Sankt-Peterburgskogo stolichnogo mirovogo s"ezda po voprosu o vybornosti mirovogo suda // Vybornyi mirovoi sud. Sbornik statei. SPb. 1898.
19. Polyanskii N.N. Ugolovnyi protsess. Ugolovnyi sud, ego ustroistvo i deyatel'nost'. M. 1911. 203 s.
20. Polyanskii N. Mirovoi sud. Sudebnaya reforma. M., 1917. 380 s.
21. Ugolovnyi protsess: algoritm deistvii mirovogo sud'i. Nauchno-prakticheskoe posobie / Pod red. N.A. Kolokolova. M. 2010.
22. Gartung N. Istorya ugolovnogo sudoproizvodstva i sudoustroistva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii. SPb. 1868; Zakrevskii I. O zhelatel'nykh izmeneniyakh v Sudebnykh Ustavakh // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1882. Т. 2. С. 17-57.
23. Gartung N. Istorya ugolovnogo sudoproizvodstva i sudoustroistva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii. SPb., 1868.
24. Polyanskii N.N. Ugolovnyi protsess. Ugolovnyi sud, ego ustroistvo i deyatel'nost'. M., 1911. 203 s.
25. Antsiferov K. K voprosu o reforme nashego mirovogo suda // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1885. Т. 2. С. 1-51.
26. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vv. V 9 tomakh. T. 8. Sudebnaya reforma / Pod red. O.I. Chistyakova. M., 1991.
27. Makarov Yu.Ya. Chastnoe obvinenie: teoriya, sudebnaya praktika, dokumenty. M. 2013. 213 s.; Doroshkov V.V. Mirovoi sud'ya: istoricheskie, organizatsionnye i protsessual'nye aspekty deyatel'nosti. M.: Norma, 2004. 131 s.
28. Tyutryumov I. K reforme mirovogo suda // Yuridicheskii vestnik. 1886. Т. XXI. Кн. 1. С. 3-60.

29. Obrninskii P.N. Mirovoi institut (sudebno-bytovoi ocherk) // Juridicheskii vestnik. 1888. T. XXVII. Kn. 3. S. 404; Obrninskii P. O mirovom sude // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1888. T. 7. Razdel VI. C. 125-134.

30. Antsiferov K. Nablyudenie nad praktikoi nashei provintsial'noi mirovoi yustitsii // Juridicheskii vestnik. 1883. T. XII. Kn. 1. S. 111-144; Logvinov A. Primiritel'noe razbiratel'stvo mirovymi sud'yami del, podlezhashchikh, po sushchestvu, vedomstvu okruzhnykh sudov // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1883. T. 2 Razdel V. S. 1-46; Obrninskii P.N. Mirovoi institut (sudebno-bytovoi ocherk) // Juridicheskii vestnik. 1888. T. XXVII. Kn. 3.

УДК 93/94

История становления мировой юстиции в России: как один из итогов судебной реформы 1864 года

¹Татьяна Кимовна Рябинина

²Елена Александровна Грохотова

¹Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Кандидат юридических наук, профессор

²Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Преподаватель

E-mail: jusprofi@mail.ru

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются предпосылки возникновения мирового суда в России, который стал одним из итогов судебной реформы 1864 года, проводимой Александром II. Приводится периодизация процесса зарождения и формирования данного института. Подвергаются анализу требования, предъявляемые к кандидатам в мировые судьи. Важно отметить, что мировые судьи формировались как государственный орган, приближенный к простому населению.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 года; Александр II; мировой суд; мировой судья; этапы развития; возрастной ценз; образовательный ценз; имущественный ценз; нравственный ценз; выборное начало.

UDC 94:378(571)"18/19"

Institutionalization of the Historic Knowledge within Asian Russia in Pre-Soviet Period

¹ Dmitry V. Khaminov

² Sergei A. Nekrylov

³ Sergey F. Fominykh

¹ National Research Tomsk State University, Russian Federation

Ph.D. in History, doctoral candidate of TSU.

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: khaminov@mail.ru

² National Research Tomsk State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: san_hist@sibmail.com

³ National Research Tomsk State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: fsf@mail2000.ru

Abstract. The paper considers the process of the development of scientific and educational facilities in the context of historic knowledge institutionalization in Asian Russia of pre-Soviet period for the first time in the domestic historiography. The article attempts to give integrated assessment and detect the ratio of the state and public initiative in the processes of historic knowledge institutionalization within the framework of the historic education and science development, determine their role and place in this sphere.

Keywords: historic research; historic education; local history; scientific society; university; institute; Siberia; Far East; Central Asia.

Введение. В последнее время исследователи все больше внимания уделяют разработке одного из актуальных направлений научного знания – истории высшего образования и науки, – как в целом в стране, так и в отдельных ее регионах. В рамках этого направления разрабатываются вопросы, связанные со становлением и развитием отраслей научного знания и их влияния на основные сферы жизни государства и общества.

Система исторического знания (высшее историческое образование и наука), в контексте заявленной проблемы, является одним из самых ярких проявлений данного феномена. Оно выступает специфической областью общественных отношений и государственной политики, благодаря которой осуществляется преемственность поколений, формируется сознание личности, ее гражданская и политическая идентичность, мировоззренческие установки, нравственные ценности и чувство патриотизма. Историческое знание в различных его проявлениях и во все времена было одним из главных мировоззренческих и культурных ретрансляторов в российском обществе, которое обеспечивало связь времен и преемственность поколений во всех «бифуркационных точках» развития российского общества (прежде всего, после революционных событий и социальных потрясений 1917 и 1991 гг.).

Сегодня, когда система высшего образования и науки России перестала быть единообразной, унифицированной, и становится все более многомерным, многоукладным комплексом разнообразных систем, в число новых разрабатываемых направлений входит изучение регионализации научно-образовательного пространства. В связи с этим актуальным становится изучение опыта институционализации исторического знания в рамках макро-региональных научно-образовательных комплексов на разных этапах их развития и выявления их роли и влияния на последующие периоды и современность. К числу особых макро-регионов России относятся Сибирь и Дальний Восток, объединенных общим определением «Азиатской России» (они отличаются специфическими научно-образовательными комплексами и уникальным социально-политическим, экономическим и культурным характером развития). В ретроспективном контексте термин «Азиатская Россия», применительно к досоветскому периоду истории страны (как классического периода развития высшего исторического образования и исторических исследований), рассматривается в более широком его толковании, чем сегодня, и включает в себя территорию Сибири, Дальнего Востока и части современной Средней Азии.

В современной отечественной историографии отсутствуют комплексные работы, посвященные теме институционализации, то есть становления и развития исторического знания в российских макро-регионах в досоветский период. Существуют лишь работы по общей проблеме, связанной с историей исторического образования и науки в дореволюционной России [1]. Обозначенная в

настоящем исследовании проблема, в качестве составного сюжета, прослеживается в работах, посвященных истории научно-образовательных учреждений или отдельных отраслей научного знания Сибири и Дальнего Востока [2]. Но до сих пор в отечественной историографии так и не была актуализирована проблема изучения становления и развития исторического знания на территории Азиатской России в досоветский период в контексте его влияния на основные сферы жизни общества и государства, в его социо-культурном и политическом аспектах. Также остается без должного освещения вопрос о соотношении влияния и роли государства и общественной инициативы на институционализацию исторического знания.

Материалы и методы. В ходе исследовательской работы были использованы правительственные документы и иные нормативно-правовые акты общероссийского (законы и подзаконные акты) и регионального уровня, регламентировавшие направления развития высшего образования и организации научной деятельности в России и в азиатской ее части. Авторами были исследованы локальные и делопроизводственные документы научных и образовательных учреждений, которые впервые вводятся в научный оборот.

Методологической основой исследования для всестороннего изучения его предмета выступает синтез традиционных подходов – формационного и цивилизационного. Принципиальной методологической новизной работы является синтез трех исследовательских стратегий: теории модернизации, концепции «центр-периферийных отношений» и концепции «внутренней колонизации» Азиатской России.

Обсуждение. Зачатки первых институций, формировавших историческое знание в Азиатской части Российской империи появляются в перв. пол. XIX в. по инициативе сибирской просвещенной общественности – интеллигенции, служащих военных ведомств, чиновников, разночинцев, православного духовенства и просто людей интересовавшихся локальной историей и краеведением (не малую часть среди них составляли ссылочные – декабристы, участники польских восстаний и др.). При учебных заведениях, музеях (губернских, краеведческих, епархиальных и проч.), государственных учреждениях, религиозных общинах и культурно-просветительских организациях создавались кружки и научно-культурные общества любителей старины и краеведов. Однако исследования этих институций носили локальный и не систематический характер. Они ограничивались зачастую лишь воспроизведением полученных знаний внутри данных структур и на страницах местной печати в виде заметок и статей [3]. В них отсутствовала систематическая связь исследователей и краеведов с центральными обществами и научно-исследовательскими и образовательными учреждениями. Это обуславливало локальный, провинциальный характер исследований.

Азиатская Россия нуждалась в едином, мощном центре (или нескольких центрах), который смог бы организовать исследовательские силы, скоординировать деятельность местных исследователей и вывести их на принципиально новый научный уровень. Во второй половине XIX в. такими комплексными исследовательскими центрами, в которых происходила институционализация и развитие исторического знания (истории, археологии, этнографии, антропологии), стали сибирские отделы Императорского русского географического общества (ИРГО), а также Императорский Томский университет (ИТУ). Все они имели связь со столичными городами и центрами европейской науки, с ведущими исследователями и представителями научного сообщества, финансовую и организационную поддержку центральных и региональных властей, что выгодно отличало их исследовательский уровень от стихийных научно-культурных и просветительских обществ Азиатской России.

В перв. пол. XIX в. в зарубежной и отечественной научной парадигме наметилась тенденция, согласно которой география стала выходить за рамки традиционного узкого понимания своего предмета исследования. Она теперь становилась комплексной дисциплиной и определялась как «наука о земле, о ее движении <...> и о населяющей ее органической жизни» [4]. Поэтому учредители ИРГО отмечали, что «...без сомнения, венцом для полного **ведения** нашей планеты остается все-таки ее **властитель – человек**» [5. С. XX]. В итоге, одной из главных своих задач, организаторы ИРГО видели в изучении человека с точки зрения его исторического развития.

6 (18) августа 1845 г. по повелению Николая I [6] было образовано Русское географическое общество и утвержден его временный устав (временный устав вводился на 4 года, постоянный был утвержден 28 декабря (9 января 1850 г. по н.ст.) 1849 г. [7]). В § 1 устава этнографическая составляющая цели общества ставилась на второе место: «Цель общества есть собрание и распространение в России географических, этнографических и статистических сведений вообще, и в особенности о России, равно как распространение достоверных сведений о нашем отечестве в других землях» [6. С. 586].

В 1850 г. у членов общества возникла мысль об учреждении в разных частях России отделов ИРГО. В 1851 г. открываются два первых региональных отдела – 10(22) марта учреждается Кавказский отдел (в Тифлисе) [8], а 6(18) июня 1851 г. в Иркутске был открыт Сибирский отдел. Инициатива учреждения Сибирского отдела принадлежала вице-председателю общества М.Н. Муравьеву (братью ген.-туб. Восточной Сибири Н.Н. Муравьева). Николай I подписал указ о создании Сибирского отдела ИРГО (СОИРГО) с назначением отделу ежегодной субсидии в 2.000 рублей [9] (такая сумма была впоследствии

назначаема для каждого вновь учреждаемого азиатского отдела ИРГО). В Положении говорилось, что СОИРГО, «под ближайшим руководством генерал-губернатора Восточной Сибири занимается преимущественно изучением вообще Сибири во всех тех отношениях, которые составляют предмет занятий Общества, а именно: в отношениях собственно, географическом, этнографическом и статистическом» [9. С. 387].

Несмотря на то, что отдел должен был охватывать ареал всей Сибири (в т.ч. Дальний Восток и Среднюю Азию), он все же по географическому положению, и в силу иных обстоятельств, был ориентирован больше на территорию Восточной Сибири. Это объяснялось и интересами самого генерал-губернатора, и обширностью территории, и ограниченностью средств, и т.п. Все эти обстоятельства стали причиной разделения СОИРГО и создания в 1877 г. Западно-Сибирского отдела, а впоследствии и других отделов. С учреждением в 1877 г. в Омске Западно-Сибирского отдела ИРГО (ЗСОИРГО), СОИРГО был переименован в Восточно-Сибирский отдел ИРГО (ВСОИРГО). В 1901 г. был организован Красноярский подотдел ВСОИРГО.

Генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков (сам бывший профессор Военной академии, сыгравший существенную роль в деле развития в Западной Сибири образования, в т.ч. высшего) в марте 1876 г. выступил с инициативой и ходатайством перед ИРГО об открытии в Омске собственного отдела, которое позже было получено. 10(22) мая **1877 г. последовало одобрение императором Александра II мнения Госсовета о его открытии [10]**. Предшественником ЗСОИРГО было Общество исследователей Западной Сибири (1868 г.), уставной целью которого был сбор, обработка и распространение географических, статистических, этнографических, исторических и естественно-исторических сведений о Западной Сибири. В числе его учредителей были преподаватели Омского кадетского корпуса. Оно не оставило после себя существенных результатов деятельности и печатных трудов. С образованием ЗСОИРГО, оно полностью вошло в состав последнего.

В 1902 г. в Барнауле был открыт Алтайский подотдел ЗСОИРГО посредством организационной перестройки существовавшего здесь с 1891 г. Общества любителей исследования Алтая. В том же году был основан Семипалатинский подотдел ЗСОИРГО, который стал приемником Семипалатинского областного статистического комитета и кружка краеведов.

В конце 90-х гг. XIX в. в Азиатской России открылись еще два новых отдела ИРГО. Ходатайство Приамурского ген.-губ. С.М. Духовского об учреждении в Хабаровске Приамурского отдела было обращено на имя вице-председателя ИРГО в 1893 г. 2(14) мая 1894 г. было получено одобрение императора Александра III об открытии Приамурского отдела. Общество изучения Амурского края, существовавшее во Владивостоке (первая научная организация на Дальнем Востоке, учрежденная в 1884 г.) преобразовывалось в его филиальное отделение [11]. Приамурский отдел со временем открыл свои отделения в Чите и Троицкосавске. В качестве филиальных были учреждены Троицкосавско-Кяхтинское и Южно-Уссурийское отделения. В 1913 г. было открыто самостоятельное Якутское отделение (отдел) ИРГО.

В 1895 г. Туркестанский ген.-губ. барон А.Б. Вревский выступил с ходатайством об открытии отдела ИРГО в Ташкенте. Совет ИРГО обратился к председателю, прося его разрешить учреждение отдела и «принять на себя необходимый по этому делу сношения, на что Велики Князь Николай Михайлович согласился» [12. С. 1006]. Отдел был открыт в 1896 г.

Таким образом, с образованием в 1882 г. Степного ген.-губ. и с отделением в 1884 г. Приамурского ген.-губ. от Восточной Сибири, вся Азиатская Россия была разделена на четыре обширных и четко географически очерченных территории, которые имели свои собственные отделы ИРГО с разветвленной филиальной сетью. Именно они и стали центрами по координации исследовательской работы по самому широкому кругу знаний, в том числе и исторического. Отделы ИРГО стали форпостами Российской империи по изучению природы, природных ресурсов, истории и населения Азиатской части страны и смежных с ней территорий. Их деятельность способствовала и обеспечению геополитических интересов российского правительства в малоизученных, недавно присоединенных или только присоединяемых территориях. Изучение автохтонных народов, их происхождения, истории, уклада, культуры и др. аспектов давало правительству и региональным властям понимание ситуации на местах и позволяло находить решения сложившихся или потенциальных конфликтов на данных территориях. Не случайно, что первые отделы были учреждены именно в Иркутске и Омске – двух центрах крупнейших российских генерал-губернаторств, которые занимали приграничное положение и имели важное геополитическое и военное значение для России, а затем в Приамурье и Туркестанском крае – территориях близко прилегающих к странам Центральной Азии и Дальнего Востока.

Российская общественность на рубеже XIX-XX вв. была озабочена вопросами сохранения ценных исторических материалов. Одной из форм решения сложившейся проблемы было создание добровольных исторических обществ на местах (в губернских городах), которые позже получили название губернских ученых архивных комиссий. В Азиатской России первая комиссия появилась в Иркутской губернии в 1911 г. Вслед за Иркутской, в конце 1912 г. была образована Областная Якутская комиссия. В 1915 г. были учреждены архивные ученые комиссии в Тобольске и Томске [13].

Наличие колоссального накопленного за многие десятилетия теоретического и эмпирического материала в области исторического знания, требовало дальнейшего развития исторических институтов в форме специализированных государственных учебных и научных учреждений, которые, с одной стороны, могли бы стать центрами по организации и координации научных

исследований на территории Азиатской России, с другой стороны, стали бы центрами, готовившими профессиональных историков. Такими учреждениями вскоре стали Томский и Иркутский университеты, Восточный институт (Владивосток) и Институт исследования Сибири (Томск).

После многолетней борьбы сибирской общественности за открытие первого университета в Азиатской России, 16(28) мая 1878 г. император Александр II своим указом разрешил его открытие в Томске [14]. 25 мая (5 июня) 1888 г. последовало высочайшее повеление императора Александра III, согласно которому с 1888/89 уч. г. Императорский Томский университет начинал свою работу в составе одного медицинского факультета [15], по причине наибольшей нужды Сибири именно в этих специалистах.

В Томском университете, еще до появления историко-филологического факультета, стали проводиться исторические исследования, чему способствовал ряд факторов. Прежде всего, это наличие значительных книжных и архивных фондов в университетской библиотеке, собранные богатейшие исторические коллекции в Археологическом музее, а также возможность для профессоров и преподавателей ежегодно пользоваться научными командировками, в том числе за рубеж. Обращение в те годы медиков и юристов к разработке исторической проблематики может быть объяснено следующими обстоятельствами. Во-первых, междисциплинарным характером предметов, преподавание которых предполагало владение не только специальными, но и историческими познаниями. К числу таких дисциплин относятся антропология, энциклопедия права, политэкономия, история русского и зарубежного государства и права и др. Во-вторых, дореволюционный период был временем многочисленных социально-экономических и политических кризисов не только в Российской империи, но и во всем мире, что актуализировало обществоведческую, в том числе и историческую проблематику. В-третьих, это объяснялось и естественным интересом ученых к прошлому страны, тем более, что в то время остро ощущалась необходимость во всестороннем изучении Азиатской России.

В 1889 г. при ИТУ было образовано Общество естествоиспытателей и врачей. Его работа не сводилась только к вопросам, связанным с медицинскими или естественно-научными вопросами. Устав общества ставил перед ним задачу изучения Сибири и прилегающих к ней стран и территорий «в естественно-историческом и медицинском отношении, изучение населяющих Сибирь племен, преимущественно инородцев, в антропологическом отношении, а также антропологическое изучение по археологическим памятникам живших здесь доисторических племен» [16]. В 1899 г., с открытием юридического факультета, было организовано Юридическое общество. На его заседания выносились доклады не только по узкоспециальной юридической тематике, но и по историко-правовым вопросам.

В 1907-1909 гг. неудачей обернулась попытка томской общественности организовать Высшие частные историко-философские курсы [17].

Вопрос об открытии недостающего историко-филологического факультета в Томском университете обсуждался и на заседаниях Государственной думы III и IV созывов [18]. При каждом удобном случае его инициировали депутаты-сибиряки (прежде всего, В.Н. Пепеляев), ратовавшие за развитие высшего образования и науки в Сибири, но «пожелания эти обычно предавались забвению со стороны Министерства народного просвещения» [19. С. 78].

В результате многолетних усилий сибирской общественности и университетского руководства, постановлением Временного правительства от 1(14) июля 1917 г. в составе университета были учреждены физико-математический и историко-филологический (с историческим отделением) факультеты [20]. В начале 1918 г. было создано Общество этнографии, истории и археологии, которое стало первым сибирским объединением профессиональных историков. Начав свою работу в тяжелейших условиях Гражданской войны, сам факультет просуществовал не долго. В апреле 1921 г. он был закрыт [21. Л. 294] и вошел в качестве этнолого-лингвистического отделения в состав факультета общественных наук (который сам был упразднен уже в 1922 г.), не успев произвести ни одного выпуска историков.

Схожей была судьба становления и развития исторического образования и науки в Иркутском университете. 13 августа 1918 г. на заседании Иркутской городской думы было официально объявлено об открытии университета, а министром народного просвещения Временного Сибирского правительства проф. В.В. Сапожниковым было подписано Положение об учреждении Иркутского университета [22]. Сразу же начался и набор абитуриентов в новый университет [23. Л. 311]. Он начал свою работу в составе двух факультетов – историко-филологического и юридического. Историко-филологический факультет состоял из исторического отделения и славяно-русского (словесного) отделения, а в 1919 г. к ним добавилось третье – восточное отделение для «для всестороннего изучения языка, быта и экономических отношений Сибири и Дальнего Востока» [23. Л. 23]. Иркутский университет также не успел в досоветский период подготовить историков. В январе 1920 г. на территории Восточной Сибири восстановилась Советская власть и факультет был закрыт. Как и в Томском университете, появился факультет общественных наук.

Дальний Восток для российского правительства на рубеже XIX-XX вв. представлял собой важный стратегический в геополитическом отношении регион. Помимо чисто военно-административных мероприятий, правительству необходимо было расширять в нем сферу своего

присутствия. Для этого понадобилась и подготовка востоковедов, обладавших необходимым объемом знаний в восточных языках, государственно-политическом устройстве, культуре, истории и иных сферах. 24 мая (5 июня) 1899 г. во Владивостоке указом Николая II был учрежден Восточный институт и утверждено положение о нем [24]. При обучении востоковедов, помимо серьезной языковой, правовой, географической и политологической подготовки, важное значение придавалось и истории стран Востока, в первую очередь Китая и Японии. Помимо преподавательской деятельности, сотрудниками института велась серьезная научная работа по изучению истории восточных государств и культур. В 1920 г. Восточный институт в качестве Восточного факультета вошел в состав созданного в том же году Дальневосточного университета.

Отрезанность Сибири в годы Гражданской войны от Европейской России, находившейся под властью большевиков, сказалась на положении гуманитарных исследований в Сибири. На время были прерваны и без того не слишком активные профессиональные контакты с научными и образовательными учреждениями центральной России и стран Западной Европы. Вместе с тем нельзя не отметить и то, что в Сибири (в Омске, Томске, Иркутске), в силу обстоятельств военного времени, оказалась большая группа ученых из вузов и научных центров Европейской России (Казань, Пермь, Петроград, Москва и др.), которые заметно усилили научный потенциал региона. В Томск, например, была эвакуирована часть преподавателей и сотрудников Казанского (1918) и Пермского (1919) университетов. В январе 1919 г. на съезде по организации Института исследования Сибири было создано уникальное для того времени научное учреждение – Институт исследования Сибири, которое современники назвали Сибирской Академией Наук [25]. На самом съезде, проходившем в Томске (15-26 янв. 1919 г.) была организована секция истории, археологии и этнографии Сибири, в составе которой был известный историк, профессор-методолог М.М. Хвостов [26 С. 82-108].

В июле 1919 г. Совет министров Всероссийского правительства принял положение об институте. Он работал в составе двух отделений – Среднесибирского (в Иркутске) и Дальневосточного (во Владивостоке) – и шести отделов (в том числе историко-этнографического). Состав сотрудников института формировался в основном из профессоров и преподавателей вузов Томска. Среди членов института были представители научных сил и из других городов (Иркутск, Красноярск, Барнаул, Омск, Владивосток и др.). 7 августа 1919 г. в институте было принято постановление об «использовании для нужд исследования Сибири ученых сил из среды лиц, бежавших из эвакуированных городов Поволжья и Урала» [27. Л. 120].

Сам институт просуществовал недолго, чуть более года, и в июне 1920 г. был закрыт. Однако историко-этнологическому отделу под руководством проф. П.Г. Любомирова, несмотря на кратковременный период существования и скудость финансирования, все же удалось достигнуть некоторых результатов и внести вклад в развитие сибирской исторической науки: организовать несколько экспедиций на территории Западной Сибири, начать работы по составлению карты племенного состава населения Сибири (проф. С.И. Руденко) и по составлению археологической карты Сибири (В.Ф. Смолин).

Заключение. В процессе институционализации на территории Азиатской России науки и высшего образования в целом, и исторического знания, в частности, на досоветском этапе явно прослеживается синтез двух основных тенденций – общественной инициативы и государственно-политической воли. Изначальным посыпом, инициатором развития научно-просветительских и образовательных учреждений всегда выступала общественность. При этом государство время от времени поддерживало большую часть этих начинаний, видя в развитии сети учреждений высшего образования и науки стратегический ресурс, с точки зрения geopolитических интересов, в процессе изучения и хозяйственного освоения Азиатской территории России. Интерес государства в данном случае проявлялся на разных уровнях – на центральном (правительственном) и региональном (в данном случае субъектами выступали губернаторы и генерал-губернаторы).

К сожалению, заданный в досоветский период на территории Азиатской части России импульс институционализации исторического знания позднее, в первые годы советской власти, был сведен на «нет». В 1920-е гг., с изменением государственно-идеологической политики, историческая наука и образование как таковые претерпели существенные изменения. В эти годы были закрыты исторические факультеты в вузах, т.е. пресеклась традиция классического исторического образования, которое теперь было подменено обществоведческой подготовкой. Историческая наука была в значительной степени извращена методологическими экспериментами и новыми концепциями, а в лучшем случае, была заменена краеведением. Лишь в 1930-е гг. партийное руководство, осознав пагубность такого положения дел в историческом знании, приняло комплекс мер по восстановлению системы исторического образования и науки в вузах и научных учреждениях страны.

Благодарности. Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1. Напр. см.: Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества, 1845–1895 гг. В 3-х частях. СПб, 1896; Преподавание отечественной

истории в университетах России: Прошлое и настоящее. М. – Уфа, 1999; Перковская Г.А. Развитие исторического образования в университетах России во втор. пол. XVIII – нач. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2005. 258 с. и др.

2. Напр. см.: Скалабан И.А. Зап.-Сиб. отдел Императорского русского географического общества в посл. четв. XIX – нач. XX вв., 1877-1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 1994. 283 с.; Пименова И.А. Организация и деятельность Вост.-Сиб. отдела Русского географического общества: 1851-1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2009. 197 с.; Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (сер. 1870-х гг. – 1919 г.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.10. Томск, 2009. 1112 с.; Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в кон. XIX – нач. XXI в. Томск, 2011. 270 с.; Китова Л.Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири кон. XIX – сер. XX в.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Кемерово, 2011. 352 с.; Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А., Литвинов А.В. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919-1920 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 365. С. 77-81; Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск, 2013. 258 с. и др.

3. Штергер М.В. Провинц. историческая мысль посл. тр. XIX – нач. XX вв. (По матер. Тобольска и Омска): дис. ... канд. ист. н.: 07.00.09: Омск, 2003. 289 с.

4. См.: География // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона / В современной орфографии. СПб, 1907-1909.

5. Семенов П.П. История полувековой деятельности Императ. русск. геогр. общества, 1845-1895 гг. Ч. 1. / Предисловие. СПб, 1896. С. XVII-XXX.

6. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XX. Отд. 1. СПб, 1846. № 19259. Стр. 586-590.

7. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIV. Отд. 2. СПб, 1850. № 23778. Стр. 347-356.

8. Записки Кавказского отдела ИРГО. Тифлис, 1852. Кн. I. С. 180-184.

9. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVI. Отд. 1. СПб, 1852. № 25278. Стр. 386-388.

10. ПСЗРИ. Собр. 2. Том LII. Отд. 1. СПб, 1879. № 57311. Стр. 459.

11. ПСЗРИ. Собр. 3. Том XIV. СПб, 1898. № 10564. Стр. 220.

12. Семенов П.П. История полувековой деятельности Императ. русск. геогр. общества, 1845-1895 гг. Ч. 3. Отдел 5. СПб, 1896.

13. Сиб. советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Ст. 142-143.

14. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. LIII. Отд. 1. СПб, 1880. № 58527. Стр. 352-353.

15. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. VIII. СПб, 1890. № 5231. Стр. 239-241.

16. Известия ИТУ. Томск, 1889. Кн. 1. С. 3.

17. Подр. см.: Дмитриенко Н.М. Томские высшие историко-философские курсы (1906-1909) // Жизнь в истории. Томск, 2006. С. 101-107.

18. См.: Стенографические отчеты Государственной Думы III созыва // Научная библиотека Томского государственного университета.

19. Журнал Министерства народного просвещения. Пг., 1917. № 6.

20. Постановление Временного правительства от 1 июля 1917 г. // Вестн. Временного правительства. Пг., 1917. № 112.

21. Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 43.

22. Дело (Иркутск), 1918. 16 авг.

23. Государственный архив Иркутской обл. (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1.

24. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIX. Отд. 1. СПб, 1902. № 16940. Стр. 518-523.

25. Народная газета (Томск). 1919. 17 февр.

26. Труды съезда по орг-ции Инст. исследования Сибири. Томск, 1919. Ч.1.

27. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 24.

References:

1. Napr. sm.: Semenov P.P. Istorija poluvekovoj dejatel'nosti Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva, 1845-1895 gg. V 3-h chastjah. SPb, 1896; Prepodavanie otechestvennoj istorii v universitetah Rossii: Proshloe i nastojaschee. M. – Ufa, 1999; Perkovskaja G.A. Razvitiye istoricheskogo obrazovaniya v universitetah Rossii vo vtor. pol. XVIII – nach. XX v.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Stavropol', 2005. 258 s. i dr.

2. Napr. sm.: Skalaban I.A. Zap.-Sib. otdel Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva v posl. chetv. XIX – nach. XX vv., 1877-1919 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Novosibirsk, 1994. 283 s.; Pimenova I.A. Organizacija i dejatel'nost' Vost.-Sib. otdela Russkogo geograficheskogo obshhestva: 1851-1918 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Irkutsk, 2009. 197 s.; Nekrylov S.A. Tomskij universitet – pervyj nauchnyj centr v Aziatskoj chasti Rossii (ser. 1870-h gg. – 1919 g.): dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.10. Tomsk, 2009. 1112 s.; Khaminov D.V. Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kon. XIX – nach. XXI v. Tomsk, 2011. 270 s.; Kitova L.Ju. Koncepcii i napravlenija arheologicheskikh issledovanij v Sibiri kon. XIX – ser. XX v.: dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.06. Kemerovo, 2011. 352 s.; Nekrylov S.A., Fominykh S.F., Merkulov S.A., Litvinov A.V. Institut issledovanija Sibiri i izuchenie istorii, arheologii i etnografii regiona

- (1919-1920 gg.) // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2012. № 365. S. 77-81; Nekrylov S.A. Nauchnye obshhestva v Tomskom universitete v dorevolucionnyj period. Tomsk, 2013. 258 s. i dr.
3. Shterger M.V. Provinc. istoricheskaja mysl' posl. tr. XIX – nach. XX vv. (Po mater. Tobol'ska i Omska): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09: Omsk, 2003. 289 c.
 4. Sm.: Geografija // Malyj enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona / V sovremennoj orfografii. SPb, 1907-1909.
 5. Semenov P.P. Istorija poluvekovoj dejatel'nosti Imperat. russk. geogr. obshhestva, 1845-1895 gg. Chast' 1. / Predislovie. SPb, 1896. S. XVII-XXX.
 6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZRI). Sobl. 2. T. XX. Otd. 1. SPb, 1846. № 19259. Str. 586-590.
 7. PSZRI. Sobl. 2. T. XXIV. Otd. 2. SPb, 1850. № 23778. Str. 347-356.
 8. Zapiski Kavkazskogo otdela IRGO. Tiflis, 1852. Kn. I. S. 180-184.
 9. PSZRI. Sobl. 2. T. XXVI. Otd. 1. SPb, 1852. № 25278. Str. 386-388.
 10. PSZRI. Sobl. 2. Tom LII. Otd. 1. SPb, 1879. № 57311. Str. 459.
 11. PSZRI. Sobl. 3. Tom XIV. SPb, 1898. № 10564. Str. 220.
 12. Semenov P.P. Istorija poluvekovoj dejatel'nosti Imperat. russk. geogr. obshhestva, 1845-1895 gg. Chast' 3. Otdel 5. SPb, 1896.
 13. Sib. sovetskaja enciklopedija. Novosibirsk, 1929. T. 1. St. 142-143.
 14. PSZRI. Sobl. 2. T. LIII. Otd. 1. SPb, 1880. № 58527. Str. 352-353.
 15. PSZRI. Sobl. 3. T. VIII. SPb, 1890. № 5231. Str. 239-241.
 16. Izvestija ITU. Tomsk, 1889. Kn. 1. S. 3.
 17. Podr. sm.: Dmitrienko N.M. Tomskie vysshie istoriko-filosofskie kursy (1906-1909) // Zhizn' v istorii. Tomsk, 2006. S. 101-107.
 18. Sm.: Stenograficheskie otchety Gosudarstvennoj Dumy III sozyva // Nauchnaja biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
 19. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. Pg., 1917. № 6.
 20. Postanovlenie Vremennogo pravitel'stva ot 1 iulja 1917 g. // Vestn. Vremennogo pravitel'stva. Pg., 1917. № 112.
 21. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoy obl. (GATO). F. R-815. Op. 1. D. 43.
 22. Delo (Irkutsk), 1918. 16 avg.
 23. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj obl. (GAIO). F. R-71. Op. 1. D. 1.
 24. PSZRI. Sobl. 3. T. XIX. Otd. 1. SPb, 1902. № 16940. Str. 518-523.
 25. Narodnaja gazeta (Tomsk). 1919. 17 fevr.
 26. Trudy sezda po organizacii Instituta issledovaniya Sibiri. Tomsk, 1919. Ch. 1.
 27. GATO. F. R-26. Op. 1. D. 24.

УДК 94:378(571)"18/19"

Институционализация исторического знания на территории Азиатской России в досоветский период

¹ Дмитрий Викторович Хаминов

² Сергей Александрович Некрылов

³ Сергей Федорович Фоминых

¹⁻³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36

¹ Кандидат исторических наук, докторант ТГУ

E-mail: khaminov@mail.ru

² Доктор исторических наук, профессор

E-mail: san_hist@sibmail.com

³ Доктор исторических наук, профессор

E-mail: fsf@mail2000.ru

Аннотация. В представленной работе впервые в отечественной историографии был рассмотрен процесс развития научно-образовательных комплексов в контексте институционализации исторического знания в Азиатской России на досоветском периоде. В статье была предпринята попытка дать комплексную оценку и выявить соотношения в процессах институционализации исторического знания между государственной и общественной инициативой в рамках развития исторического образования и науки, определить их роль и место в этой сфере.

Ключевые слова: исторические исследования; историческое образование; краеведение; научное общество; университет; институт; Сибирь; Дальний Восток; Средняя Азия.

UDC 9; 93/94:930.2

Legal Regulations of Activities of Vladikavkaz High Court Division VTSIK during the Transition of Extreme-Decretive to Codified Law (1921–1923)

Tatyana G. Sudakova

Financial university under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz filial branch
Vladikavkaz, Russian Federation
7, Molodezhnaya st., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362021
PhD (History)
E-mail: tatyushka.s@mail.ru

Abstract. The article deals with legal foundations of extreme justice system since 1917 to 1923 and the issues related to organization of Vladikavkaz High Court Division VTSIK. The research states, that after adoption and introduction of the PC and CPC in the judicial practice in 1922, the centralized control over high courts was enhanced.

Keywords: High Court Division; Mountainous Republic; cassation, supervision; jurisdiction; the judicial system.

Введение. Изучение истории становления судебной системы и той роли, которую сыграли в этом становлении революционные трибуналы в первые годы советской власти, представляет определенный интерес, давая, во-первых, знания для понимания историко-правовых процессов, имевших место в первые годы нэпа, и, во-вторых, помогая осознанию современного состояния социально-государственных отношений и перспектив эволюции судебных органов РФ. Актуальность настоящего исследования определяется также тем, что тема организации и деятельности региональных структур в системе революционных трибуналов оказалась практически неизученной. В этой связи представляет интерес изучение процесса судебных реформ в первые годы советской власти в провинции, в том числе в одном из наиболее неспокойных в политическом отношении регионов – Горской АССР.

Материалы и методы. Специальных исследований, посвященных данной проблеме нет, и представлена она в историографии в лучшем случае небольшими абзацами в монографиях или статьях, суть которых сводится к хронологическому перечислению событий процесса формирования и трансформаций этих структур. Еще хуже разработана тема формирования и функционирования региональных отделений Единого Верховного трибунала при ВЦИК. Данная проблема не исследована вовсе.

Историографию данной проблематики можно представить тремя периодами: 1) декабрь 1917 года – середина 1950-х годов; 2) середина 1950-х – середина 1980-х годов; 3) середина 1980 – нач. XXI в.

Публикации первого периода появились сразу после начала гражданской войны. Авторами этих работ, рассматривавших вопросы формирования первых революционных трибуналов, как правило, были руководители создаваемой трибунальской системы: Н. Крыленко, Д. Курский, Я. Берман, Е. Тарновский, Д. Родин, М. Рейснер и др. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Со второй половины 50-х годов начинается второй этап в изучении системы революционных трибуналов, продолжавшийся вплоть до конца 80-х годов и характеризующийся выходом большого числа работ, авторы которых (П. Мишулин, А. Горман, Ю. Токарев, Н. Калашникова, Л. Маковская, М. Кожевников, В. Портнов, М. Славин, Ю. Титов и др.) также использовали классическую схему интерпретации советской судебной системы как набора инструментов для классовой борьбы с представителями контрреволюционных сил [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17].

С середины 1980-х гг. начинается новый этап в отечественной историографии, характеризующийся изменением отношения к Советскому государству с однозначно позитивного на негативное, и вся его история начинает рассматриваться исходя из положений этой тенденции. Особенно она проявилась в работах, анализирующих деятельность партийных, советских и судебных органов, которая, по мнению ряда авторов (В. Булдакова, Е. Гимпельсона, М. Геллера, Ю. Дьякова, В. Измозик, Г. Ивановой, М. Капустина и др.), была подчинена исключительно задачам формирования тоталитарного государства [18, 19, 20, 21, 22, 23, 24].

Деятельность революционных трибуналов конкретного региона впервые исследована в работе О.А. Пьяновой [25]. Также исследованиям организации и функционирования региональных трибуналов посвящена работа В. В. Абрамова [26].

Говоря о вопросах изучения организации советского судоустройства в республиках Северного Кавказа, следует отметить работы Ю. Кониева, А. Цалиева и В. Маргиева [27, 28, 29]. Анализ и

статистика дел по крестьянским волнениям в Осетии, рассматривавшимся Владикавказским трибуналом, представлена в работах С. Хубуловой [30].

Методологической основой работы явились принципы историзма, научной объективности и принцип системного подхода, применявшиеся к исследованию архивных материалов Владикавказского Отделения ВТ ВЦИК, публикующихся впервые.

Обсуждение. Первоначально подсудность дел ревтрибуналов, виды применявшихся наказаний и порядок кассационного обжалования их приговоров определялись инструкцией Наркомата юстиции «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 г. Согласно этой инструкции, трибуналы могли рассматривать дела об организаторах восстаний против советского правительства, а также о лицах, активно противодействовавших советскому правительству или ему не подчинявшихся. Кроме того, к подсудности ревтрибуналов относились дела: о саботаже, сокрытии или уничтожении документов или имущества, о действиях по прекращению или сокращению производства предметов массового потребления, о преступлениях, связанных со стремлением вызвать недостаток продуктов на рынке или повышением цен на них, а также дела о злоупотреблениях служебным положением и дела о преступлениях путем использования печати. В качестве наказаний данная инструкция предусматривала: денежный штраф, лишение свободы, удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской республики, общественное порицание, объявление врагом народа, лишение всех или некоторых политических прав, сектвестр или конфискацию (частную или общую) имущества, обязательные общественные работы. Смертная казнь в инструкции не предусматривалась. Наказание в виде лишения свободы назначалось на срок не свыше 10 лет, пожизненное заключение не применялось [16, с. 57].

В отличие от М.В. Кожевникова [14], В.П. Портнов и М.М. Славин полагают, что инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. существенно ограничивала возможность обжалования приговоров революционных трибуналов. Декрет о суде № 1 считал приговоры трибуналов окончательными без права сторон на кассационное обжалование. Однако, при обжаловании нарушения форм судопроизводства, а также в случае явной несправедливости приговора, Наркомат юстиции мог «войти во ВЦИК с предложением об отмене приговора и... вторичного рассмотрения уголовного дела» [16, с. 58]. Это давало возможность НКЮ, являвшемуся органом исполнительной власти, вмешиваться в судебную практику ревтрибуналов, хотя окончательно эти вопросы решал ВЦИК. Если учесть, что несправедливость приговора чаще всего определялась слишком мягким наказанием, вмешательство НКЮ и ВЦИК в «существо приговоров» вне судебного заседания лишало возможности обвиняемого влиять на суть приговора, используя свое право на участие в процессе и защиту.

После окончательного ухода левых эсеров из состава НКЮ 16 июня 1918 г. им было принято постановление, предоставившее трибуналам возможность неограниченного применения любой меры наказания. С этого момента расстрел, как высшая мера наказания, входит в практику ревтрибуналов [16, с. 73].

В постановлении ВЦИК от 12 апреля 1919 г. ни слова не говорилось о том, что результатом рассмотрения кассационной жалобы или протеста не могло быть ужесточение приговора осужденного, в силу этого допускалась возможность усиления наказания, чем нарушалось право обвиняемого на защиту. Получалось, что ВЦИК мог повысить меру наказания, не дав возможности подсудимому защищаться от более тяжкого обвинения.

Таким образом, можно утверждать, что кассационное рассмотрение дел, подсудных ревтрибуналам, в отличие от порядка пересмотра дел в народных судах, осуществлялось в централизованном порядке. В наиболее острые моменты гражданской войны приговоры ревтрибуналов вступали в силу немедленно после их постановления и без права кассационного обжалования [16, с. 88].

Начиная с 1920 г., при рассмотрении дел по кассационным жалобам обвиняемых соответствующие структуры руководствовались «Основным положением ВЦИК о революционных трибуналах» от 18 марта 1920 г., в соответствие со статьей 33 которого, поводами для кассации приговоров трибунала могли явиться существенные нарушения трибуналом, вынесшим приговор, форм и порядка рассмотрения дел, установленных данным положением и определение меры репрессии, явно не соответствующей деянию осужденного. До принятия УК виды наказаний, применявшимися трибуналами, кроме соответствующих постановлений ВЦИК, СНК или Верховного трибунала, определялись участниками судебного заседания трибунала на основании статьи 24 данного положения, предполагавшей, что «трибунал выносит приговоры, руководствуясь исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции» [31, с. 361-362]. Тезис данного положения об «интересах пролетарской революции» давал возможность сотрудникам трибунала руководствоваться зачастую даже не нормативными актами советского правительства, а революционным правосознанием как непосредственным источником права. Некоторыми исследователями такой источник права понимался не как «произвольное усмотрение» отдельными лицами правовых норм «с точки зрения целесообразности» в их личном понимании, а как применение тех же норм, уже сложившихся в судебной практике, но еще не сформулированных в

законе [16, с. 152]. Однако, даже такая трактовка не может исключать создание широких возможностей для осуществления репрессий не по признакам вины, а по политico-идеологическим или социальным основаниям в практике применения такого права [32, с. 16].

Кроме того, до введения в действие УК и УПК порядок прекращения дел ревтрибуналами регламентировался циркуляром № 21 Верховного трибунала ВЦИК от 24 февраля 1921 г. Этот циркуляр предусматривал возможность прекращения дел в случаях: отсутствия состава преступления, недоказанности события преступления, необнаружения виновных, недостаточности улик, смерти обвиняемого или по амнистии. В соответствие с этим циркуляром, определение распорядительного заседания трибунала могло быть обжаловано в Верховном трибунале ВЦИК [33. Д. 7. Л. 16].

В начале 20-х годов обилие различных директив, регламентировавших деятельность советских учреждений и отсутствие постоянного взаимодействия между центральными и местными органами власти создавало проблемы для нормального функционирования государственного аппарата. Одной из причин, создававших диссонанс в действиях органов власти различного уровня, было отсутствие на местах копий разного рода декретов, постановлений, распоряжений и пр., принимаемых центральными органами власти, количества которых было огромно. Не была здесь исключением и судебная система. Так, 10 июня 1921 г. председатель ЦИК ГАССР Эльдарханов отправил письмо в московское юридическое книгоиздательство. В этом письме, говоря о том, что «ЦИК ГССР поставлен в невозможное положение за неимением под рукой систематических сборников Декретов и постановлений за 1917–1921 гг.», он просил руководство издательства сделать «экстренное распоряжение... о непосредственной высылке... всех сборников и постановлений», поскольку «Владикавказский отдел Госиздата и Роста» был не в состоянии снабжать учреждения власти ГАССР нормативными документами, необходимыми для их работы [34. Д. 6. Л. 1-1 об.].

Введение в судебную практику кодифицированных норм судопроизводства и наказания должно было положить конец применению чрезвычайно-декретного права и права, основанного на революционном правосознании. Уголовно-процессуальный кодекс, введенный на территории РСФСР 1-го июля 1922 г., предполагал (ст. 353), что кассационные жалобы на приговоры суда могли быть принесены любой из сторон «исключительно лишь по поводу формального нарушения» их прав и интересов при производстве по тому или иному делу, но ни в коем случае не могли касаться существа приговора. Основаниями к отмене приговоров в кассационном порядке (ст. 359) могли являться: «недостаточность и неправильность проведенного следствия», «существенное нарушение форм судопроизводства», «нарушение или неправильное применение закона» и «явная несправедливость приговора». Срок кассационного обжалования приговора революционного трибунала для подсудимого определялся 48 часами с момента вручения ему копии прокурора, а для кассационного протеста прокурора – 48 часами с момента оглашения приговора. Копия приговора вручалась подсудимому в течение 24 часов с момента его оглашения (ст. 443). В случае признания явного несоответствия назначенного наказания деянию осужденного, кассационная коллегия принимала решение либо об отмене приговора и передаче дела для нового рассмотрения в другой революционный трибунал или в тот же революционный трибунал в другом составе судей, либо изменяла приговор, смягчая наказание по своему усмотрению в пределах, установленных соответствующей статьей Уголовного кодекса. Если коллегией признавалось необходимым смягчение наказания в размере, не предусмотренном соответствующей статьей Уголовного кодекса, то она должна была подать соответствующее представление в Президиум ВЦИК (ст. 445). Независимо от своего решения по тому или иному, делу кассационная коллегия была вправе включить в свое определение указания на допущенные революционным трибуналом нарушения, исправления которых являлось для трибунала обязательными (ст. 447) [35].

Кассационные, надзорные и следственные дела, поступавшие в Отделение Верховного трибунала ВЦИК во Владикавказе, согласно его внутренней инструкции по движению дел от 15 сентября 1922 г., передавались управляющим делами в кассационный или следственный отделы соответственно. В следственном отделе дела передавались старшим следователям, которые выносили постановление о принятии дела к производству или передаче его по подсудности, передавая это постановление на утверждение прокурору. В случае утверждения постановления прокурором, следователь мог самостоятельно выносить решения о подсудности и движении дела, не проводя их через заседания президиума Отделения. Составив заключительное постановление, следователь передавал его вместе с делом прокурору. Кассационные и надзорные дела распределялись старшим следователем и после составления заключения по жалобе, протесту на приговор или по самому приговору передавались далее прокурору [36. Д. 1. Л. 30 об.].

Частью проводимой в 1922 г. судебной реформы в РСФСР было учреждение института прокуратуры, который должен был осуществлять функции контроля над органами судебной системы, устранять выявлявшиеся нарушения закона, связанные с неправильным применением статей УК и УПК, вводившихся в соответствие с той же реформой [37, 38, 39]. В структуре Владикавказского Отделения Верховного трибунала ВЦИК также была учреждена должность прокурора Отделения, в обязанности которого входило осуществление общего надзора за соблюдением законности в его деятельности.

В связи учреждением института прокуратуры подвергался реорганизации и следственный аппарат Отделения. К обязанностям следователя относились теперь все функции по производству предварительных следствий, а также производство дополнительных отдельных следственных действий в пределах точно установленных соответствующими статьями Уголовно-процессуального кодекса (ст. 111, 112, 418 и 422). Докладчиком по законченным делам в распорядительных заседаниях судебной коллегии Отделения являлся назначаемый председателем член коллегии. Наблюдение за следственным производством возлагалось на прокурора. Следователи могли самостоятельно выписывать «постановления об арестах, обысках, выемках, освобождении арестованных, применении и изменении мер пресечения и привлечении новых лиц в качестве обвиняемых (ст. УПК 131, 146, 164, 178 – 191, др.)», всякий раз уведомляя об этом прокурора Отделения. Заключительное постановление следователя по тому или иному делу направлялось на утверждение прокурору. В случае своего несогласия с постановлением следователя, прокурор мог возвратить его следователю «для исправления и изменения». В случае несогласия следователя с решением прокурора, дело передавалось на рассмотрение президиума Отделения. Для руководства и распределения дел между следователями и для технического наблюдения за работой следственного и кассационного отделов президиумом Отделения в каждый из них назначался старший следователь [36. Д 1. Л. 30 – 30 об].

Отчетность Отделения, отправлявшаяся в верховный трибунал ВЦИК, составлялась в соответствие с приложением к Инструкции Верховного трибунала ВЦИК по составлению отчетности для губернских революционных трибуналов от 7 сентября 1921 г. Данное приложение представляет номенклатуру преступлений, в соответствие с которой трибуналом предоставлялись «сведения о личном составе осужденных и о наложенных на них репрессиях» [33. Д.7, Л.50-54]. Как следует из данного приложения, все преступления, рассматриваемые трибуналами, разделялись на преступления против государственного строя РСФСР, преступления против установленного порядка управления, военные преступления, должностные преступления и общеуголовные преступления [33. Д.7, Л. 54 - 57 об.].

Кассационной коллегией Отделения всего было рассмотрено 79 дел по кассационным жалобам обвиняемых на приговоры Горского, Кабардинского, Терского и Карабаевского трибуналов. Кассационные жалобы на приговоры Дагестанского трибунала в архиве отсутствуют. Обвиняемыми по этим делам проходили 165 человек (не считая жителей станиц Наурской и Микенской, обвиненных Терским трибуналом в сокрытии посевных площадей и неуплате продналога), из которых 137 обжаловали свои приговоры. В архивных материалах все дела представлены определениями кассационной коллегии, заключениями следователя или прокурора коллегии и кассационными жалобами самих обвиняемых, сохранившихся в очень небольшом количестве.

Рассмотрение всех дел Отделением по кассационным жалобам обвиняемых приходится на период с 24 июля 1922 г. по 28 марта 1923 г. Официально Отделение с января 1923 г. было расформировано, однако, в марте – январе 1923 г. оно заканчивало рассмотрение трех дел о должностных преступлениях и двух дел о преступлениях против государственного строя (контрреволюции) [40, с. 197]. Всего за этот период по кассационным жалобам Отделением было рассмотрено 22 дела Терского революционного трибунала (45 обвиняемых), 28 дел Горского революционного трибунала (51 обвиняемый), 19 дел Кабардинского революционного трибунала (49 обвиняемых) и 10 дел Карабаевского революционного трибунала (20 обвиняемых).

Видами наказаний, применявшимися трибуналами наиболее часто, были лишение свободы и принудительные работы. Следует иметь в виду, что принудительные работы должны были осуществляться осужденными путем выполнения работ «неквалифицированного физического труда», но судебные органы, в том числе и революционные трибуналы, приговаривая обвиняемых к принудительным работам, в большинстве случаев назначали это наказание в виде работ по специальности обвиняемого. Это было настолько частым явлением, что НКЮ РСФСР 8 февраля 1923 г. вынужден был разослать в губернские трибуналы циркуляр, обязывающий ревтрибуналы, назначая наказание в виде принудительных работ, указывать в приговоре, что эти работы должны происходить «в виде работ неквалифицированного физического труда», а работы по специальности могли бы назначаться лишь в исключительных случаях, «когда необходимость такого... использования рабочей силы осужденного вызывается общественной потребностью». Кроме того, применение такого рода наказания ставило обвиняемого в более благоприятное положение сравнительно с безработными, т.к. органы Наркомтруда должны были предоставлять лицам, осужденным к принудительным работам, службу или работу в первую очередь сравнительно с остальными лицами, стоящими на учете биржи труда [33. Д. 2. Л. 57]. Здесь следует иметь в виду, что в 1922 г. только во Владикавказе насчитывалось 1308 безработных [41, с. 6].

Результаты. Проведенное исследование историографического материала и архивных источников позволило установить регламентационную базу деятельности Владикавказского Отделения ВТ ВЦИК в период с 1921 по 1923 гг.

Заключение. Можно констатировать, что вся деятельность (судебная, следственная и кассационная) революционных трибуналов на местах первоначально регламентировались постановлениями центральной исполнительной власти (ВЦИК и НКЮ). Подобного рода регламентация была необходима в первую очередь для формирования жесткого централизованного

контроля над деятельностью местных органов чрезвычайной судебной системы. Собственно, сам порядок работы всей этой системы регламентировался не столько юридическими правилами, сколько идеологическими установками классовой борьбы. Впоследствии, после принятия и введения в судебную практику трибуналов УК (с 1 июня 1922 г.) и УПК (с 1 июля 1922 г.), централизованный контроль над их деятельностью на местах был усилен. Однако слабая юридическая подготовка сотрудников революционных трибуналов [42, с.178], а также сохранявшаяся политическая ангажированность всей системы советских судебных органов явились причинами сосуществования в организации деятельности этих органов чрезвычайной юстиции норм директивного и кодифицированного права.

Примечания:

1. Крыленко Н.В. Революционные трибуналы // Вестник жизни. 1918. № 1. С. 81-87.
2. Крыленко Н.В. Реформа судоустройства // Еженедельник советской юстиции. № 37/38. 1922. С. 19–20.
3. Крыленко Н.В. Судоустройство РСФСР. Лекции по теории и истории судоустройства. М.: Юридическое издательство НКЮ, 1924. 408 с.
4. Курский Д. Народный суд // Вестник жизни. № 2. 1918. С. 73–77.
5. Берман Я.Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР. М.: Юридическое издательство НКЮ, 1924. 72 с.
6. Тарновский Е. Движение преступности в пределах РСФСР по сведениям местных судов за 1919–1920 гг. // Пролетарская революция и право. №15. 1921. С. 3–13.
7. Тарновский Е. Личный состав и репрессии ревтрибуналов // Еженедельник советской юстиции. №11. 1922. С. 6–7.
8. Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Л.: Госиздат, 1925. 275 с.
9. Мишулин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права. 1917–1918 гг. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. 232 с.
10. Горман А. Советское государство и право в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М.: ВЮЗИ, 1955. 108 с.
11. Токарев Ю.С. К истории народного правотворчества в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – февраль 1918 гг.) // Исторические записки. № 52. 1955. С. 49 – 79.
12. Калашникова Н.Я. История кассации по уголовным делам. М.: Госюриздан, 1959. 123 с.
13. Маковская Л.П. Великая Октябрьская социалистическая революция и основные принципы судоустройства // Государство, право, законность развитого социализма. Пермь: Б/и, 1977. С. 70–79.
14. Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 гг. М.: Госюриздан, 1957. 383 с.
15. Портнов В. Революционные трибуналы в первые годы Советской власти (1917–1920) // Советская юстиция. № 22. 1966. С. 18–19.
16. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М.: Наука, 1990. 168 с.
17. Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов как органов борьбы с наиболее опасными преступлениями // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. М.: ВЮЗИ, 1986. С. 74–146.
18. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
19. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы 1917–1923 гг. М.: Наука, 1995. 235 с.
20. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия власти. М.: «МИК», 2000. 856 с.
21. Дьяков Ю.Л. Идеология большевизма и реалии советской действительности (опыт историко-политического анализа). М.: РАН Институт российской истории, 1997. 369 с.
22. Измозик В.С. Политический контроль в Советской России 1918–1928 гг. // Вопросы истории. №7. 1997. С. 32–53.
23. Иванова Г.М. Репрессивная система и карательная политика государства // Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940-е гг.). М.: РАИ - ИРИ, 1999. С. 165–192.
24. Капустин М.Л. Конец утопии. М.: Новости, 1990. 594 с.
25. Пьянова О.А. Революционные трибуналы Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2002. 256 с.
26. Абрамов В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918-1922): По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2004. 283 с.
27. Кониев Ю.И. Автономия народов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1973. 252 с.
28. Цалиев А.М. Судоустройство и судопроизводство в республиках Северного Кавказа в период становления основ советской судебной власти (1917–1957 гг.) // Дарьял. № 4. 2003. С. 207–241.
29. Маргияев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп: издательство «Меоты», 1997. 208 с.

30. Хубурова С.А. «Неудобный класс»: некоторые проблемы социально-экономического и этнодемографического развития доколхозного северо-кавказского крестьянства. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2003. 144 с.
31. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1974. Т. 7. 676 с.
32. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.
33. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 160. Оп.1.
34. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 41. Оп.1.
35. УПК РСФСР 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381074> (дата обращения: 11.02.2014).
36. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 322. Оп 2.
37. Халыгов Н.Г. Историко-правовой анализ становления советской прокуратуры // История государства и права. 2008. № 9. С. 23–24.
38. Ванькаев А.Н. Прокуратура России: исторический опыт и перспективы // История государства и права. 2007. № 15. С. 16–19.
39. Шобухин В.Ю. Организационно-правовое регулирование деятельности прокуратуры в Советской России // История государства и права. 2009. № 4. С. 32–33.
40. Судакова Т.Г. Формирование Владикавказского Отделения Верховного трибунала ВЦИК и его место в системе органов чрезвычайной судебной власти Горской республики (июнь 1921 – апрель 1923 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота». 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 195–198.
41. Марзоев М.Е. Партийная организация Северной Осетии в восстановительный период (1921–1925 гг.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963. 68 с.
42. Судакова Т.Г. Структура и кадровый состав Отделения Верховного трибунала ВЦИК во Владикавказе (1921–1923 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/4. С. 178–181.

References:

1. Krylenko N.V. Revolyutsionnye tribunaly // Vestnik zhizni. 1918. № 1. S. 81–87.
2. Krylenko N.V. Reforma sudoustroistva // Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii. № 37/38. 1922. S. 19–20.
3. Krylenko N.V. Sudoustroistvo RSFSR. Lektsii po teorii i istorii sudoustroistva. M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu, 1924. 408 s.
4. Kurskii D. Narodnyi sud // Vestnik zhizni. № 2. 1918. S. 73–77.
5. Berman Ya.L. Ocherki po istorii sudoustroistva RSFSR. M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu, 1924. 72 s.
6. Tarnovskii E. Dvizhenie prestupnosti v predelakh RSFSR po svedeniyam mestnykh sudov za 1919–1920 gg. // Proletarskaya revolyutsiya i pravo. №15. 1921. S. 3–13.
7. Tarnovskii E. Lichnyi sostav i repressii revtribunalov // Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii. №11. 1922. S. 6–7.
8. Reisner M. Pravo. Nashe pravo. Chuzhoe pravo. L.: Gosizdat, 1925. 275 s.
9. Mishulin P.G. Ocherki po istorii sovetskogo ugovolnogo prava. 1917–1918 gg. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1954. 232 s.
10. Gorman A. Sovetskoe gosudarstvo i pravo v period inostrannoи voennoi interentsii i grazhdanskoi voiny (1918–1920 gg.). M.: VYuZI, 1955. 108 s.
11. Tokarev Yu.S. K istorii narodnogo pravotvorchestva v period podgotovki i provedeniya Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii (mart 1917 – fevral' 1918 gg.) // Istoricheskie zapiski. № 52. 1955. S. 49 – 79.
12. Kalashnikova N.Ya. Istoryya kassatsii po ugovolnym delam. M.: Gosyurizdat, 1959. 123 s.
13. Makovskaya L.P. Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i osnovnye printsyipy sudoustroistva // Gosudarstvo, pravo, zakonnost' razvitoego sotsializma. Perm': B/i, 1977. S. 70–79.
14. Kozhevnikov M.V. Istoryya sovetskogo suda. 1917–1956 gg. M.: Gosyurizdat, 1957. 383 s.
15. Portnov V. Revolyutsionnye tribunaly v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1920) // Sovetskaya yustitsiya. № 22. 1966. S. 18–19.
16. Portnov V.P., Slavin M.M. Stanovlenie pravosudiya Sovetskoi Rossii (1917–1922 gg.). M.: Nauka, 1990. 168 s.
17. Titov Yu.P. Razvitie sistemy sovetskikh revolyutsionnykh tribunalov kak organov bor'by s naibolee opasnymi prestupleniyami // Voprosy istorii ugovolnogo prava i ugovolnoi politiki. M.: VYuZI, 1986. S. 74–146.
18. Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. M.: ROSSPEN, 1997. 376 s.
19. Gimpel'son E.G. Formirovaniye sovetskoi politicheskoi sistemy 1917–1923 gg. M.: Nauka, 1995. 235 s.
20. Geller M.Ya., Nekrich A.M. Utopiya vlasti. M.: «MIK», 2000. 856 s.
21. D'yakov Yu.L. Ideologiya bol'shevizma i realii sovetskoi deistvitel'nosti (opyt istoriko-politicheskogo analiza). M.: RAN Institut rossiiskoi istorii, 1997. 369 s.

-
22. Izmozik V.S. Politicheskii kontrol' v Sovetskoi Rossii 1918–1928 gg. // Voprosy istorii. №7. 1997. S. 32–53.
23. Ivanova G.M. Repressivnaya sistema i karatel'naya politika gosudarstva // Vlast' i obshchestvo v SSSR: politika repressii (1920–1940-e gg.). M.: RAI - IRI, 1999. S. 165–192.
24. Kapustin M.L. Konets utopii. M.: Novosti, 1990. 594 s.
25. P'yanova O.A. Revolyutsionnye tribunaly Zapadnoi Sibiri: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Omsk, 2002. 256 s.
26. Abramov V.V. Sozdanie i deyatel'nost' mestnykh revolyutsionnykh tribunalov (1918-1922): Po materialam Penzenskoi gubernii: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Penza, 2004. 283 s.
27. Koniev Yu.I. Avtonomiya narodov Severnogo Kavkaza. Ordzhonikidze: Ir, 1973. 252 s.
28. Tsaliev A.M. Sudoustroistvo i sudoproizvodstvo v respublikakh Severnogo Kavkaza v period stanovleniya osnov sovetskoi sudebnoi vlasti (1917–1957 gg.) // Dar'yal. № 4. 2003. S. 207–241.
29. Margiev V.I. Iстория гоударства и права Осетии. Maikop: izdatel'stvo «Meoty», 1997. 208 s.
30. Khubulova S.A. «Neudobnyi klass»: nekotorye problemy sotsial'no-ekonomiceskogo i etnodemograficheskogo razvitiya dokolkhoznogo severo-kavkazskogo krest'yanstva. Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOGU, 2003. 144 s.
31. Dekrety Sovetskoi vlasti. M.: Politizdat, 1974. T. 7. 676 s.
32. Kudryavtsev V., Trusov A. Politicheskaya yustitsiya v SSSR. M.: Nauka, 2000. 365 s.
33. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya. F. 160. Op.1.
34. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya. F. 41. Op.1.
35. UPK RSFSR 1921 g. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381074> (data obrashcheniya: 11.02.2014).
36. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya. F. 322. Op 2.
37. Khalygov N.G. Istoriko-pravovoi analiz stanovleniya sovetskoi prokuratury // Iстория гоударства i права. 2008. № 9. S. 23–24.
38. Van'kaev A.N. Prokuratura Rossii: istoricheskii opty i perspektivy // Iстория гоударства i права. 2007. № 15. S. 16–19.
39. Shobukhin V.Yu. Organizatsionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti prokuratury v Sovetskoi Rossii // Iстория гоударства i права. 2009. № 4. S. 32–33.
40. Sudakova T.G. Formirovaniye Vladikavkazskogo Otdeleniya Verkhovnogo tribunalala VTsIK i ego mesto v sisteme organov chrezvychainoi sudebnoi vlasti Gorskoj respubliki (iyun' 1921 – aprel' 1923 gg.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: «Gramota». 2013. № 7 (33): v 2-kh ch. Ch. I. S. 195–198.
41. Marzoev M.E. Partiinaya organizatsiya Severnoi Osetii v vosstanovitel'nyi period (1921–1925 gg.). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 68 s.
42. Sudakova T.G. Struktura i kadrovyi sostav Otdeleniya Verkhovnogo tribunalala VTsIK vo Vladikavkaze (1921–1923 gg.) // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. №4/4. S. 178–181.

УДК 9; 93/94:930.2

Нормативно-правовая регламентация деятельности Владикавказского Отделения Верховного трибунала ВЦИК в период перехода от чрезвычайно-декретного к кодифицированному праву (1921–1923 гг.)

Татьяна Григорьевна Судакова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Владикавказский филиал, Российской Федерации
Кандидат исторических наук
362021, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Молодежная, 7
E-mail: tatyushka.s@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается нормативно-правовая база чрезвычайной судебной системы в период с 1917 по 1923 гг., а также исследуются вопросы непосредственной организации на ее основе деятельности Отделения Верховного трибунала ВЦИК во Владикавказе. Установлено, что после принятия и введения УК и УПК в судебную практику в 1922 г., централизованный контроль над трибуналами на местах был усилен, а сами они в своей деятельности руководствовались как нормами декретного, так и нормами кодифицированного права.

Ключевые слова: Отделение Верховного трибунала; Горская республика; кассация; надзор; подсудность; судебная система.

UDC 93/94

Financing of New Industrial Cities of Western Siberia in the First Five-year Plan

Sergey S. Dukhanov

Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts, Russian Federation
38, Krasny Prospekt, Novosibirsk city, 630099
PhD (Architecture)
E-mail: ssd613@ngs.ru

Abstract. The paper studies the financing of new cities in Western Siberia in the initial stage of industrialization (1928-1932), using archive materials. The principles of the investment in urban construction and its influence on the development of new cities are analyzed. The conclusion that the crisis in town building was primarily caused by the lack of integrated financing is made. New cities of Western Siberia were constructed in accordance with modern development plans («socialistic city»); regional Executive Committee set up a special department in charge of their construction. Independent regional communal bank provided loans for the implementation of projects.

Keywords: industrialization; socialistic city; municipal credit; history of Soviet town building.

Введение. В первой пятилетке Западная Сибирь была одним из наиболее восточных районов СССР, охваченных индустриализацией. Успехам в промышленном строительстве сопутствовали такие характерные черты советских новостроек, как громадный дефицит жилья, культурно-бытовых учреждений, отсутствие коммунальных сооружений, благоустройства и озеленения. В Западной Сибири это усугублялось суровыми природно-климатическими условиями и географической удаленностью края от европейской части страны.

Фактическая ответственность «за провал программы капитального жилищного строительства в новых промышленных городах» СССР была возложена на германского архитектора Э. Мая, который был приглашен Центральным коммунальным банком (Цекомбанком) для создания образцовых проектов «городов нового типа» («социалистических городов») и составил проекты для большинства новых советских городов первой пятилетки [1]. Специально исследовавшие этот вопрос Е.В. Конышева, М.Г. Меерович и Т. Флирль, показали несостоятельность этой официальной точки зрения, сформировавшейся в 1930-е гг. Большинство примененных Маев установок полностью соответствовало задачам, поставленным перед ним советским руководством. Проекты новых городов были комплексными и предусматривали экономичное скоростное строительство по типовым проектам. Применение последних, как и стандартных схем планировок поселений, как раз и было связано с технологиями индустриального домостроения, позволявшими снизить стоимость материалов и вести ускоренное строительство зданий [2]. Май всегда начинал проектировку с осмотра местности, для чего формировались выездные бригады. Именно так были составлены в начале 1931 г. проекты соцгородов для Западной Сибири: Новокузнецка, Щегловска (Кемерово), Тыргана (Прокопьевска), Ленинска-Кузнецкого и Левобережного Новосибирска [1; 3, с. 202-204; 4]. Таким образом, кризисные явления и растянувшееся на десятилетия создание полноценных городов не могут быть связаны с градостроительными идеями и приемами проектирования Э. Мая.

Как на один из факторов, мешавших реализации проектов, исследователи указывают на политику строительных управлений Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР, являвшихся основными застройщиками в районах новостроек. Их финансовые вложения в гражданское строительство были минимальными, составляя всего несколько процентов от капиталовложений в строительство предприятий [5]; на нужды последнего постоянно изымались материалы, предназначенные для жилья [6]. Отсутствие коммунально-бытовых условий вело к повышенной текучести рабочей силы, не позволяя планомерно повышать ее квалификацию и вести качественное строительство [4]. Ю.Л. Косенкова отмечает, что доминирование интересов промышленных ведомств в районах новостроек было обусловлено отсутствием в течение 1920-х – 1930-х гг. как правового поля отношений в области градостроительства, так и эффективных процедур согласования интересов различных ведомств [7, с. 335; 8, с. 76]. При этом система градоведческих знаний даже в профессиональной среде архитекторов была изначально неразвита и в течение 1930-х гг. нарастала тенденция отказа от изучения закономерностей развития города и его экономики, и применения этих знаний в официальной градостроительной политике [9, с. 16-17].

В настоящей статье предполагается рассмотреть влияние на ход застройки новых промышленных городов Западной Сибири первой пятилетки такого малоизученного фактора, как организация их финансирования.

Материалы и методы. Источником исследования послужили хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области документы фондов Западносибирской краевой плановой комиссии (Ф. Р-12), Отдела коммунального хозяйства Сибкрайисполкома (Ф. Р-917), Новосибирской окружной плановой комиссии (Ф. Р-1980) и Новосибирского окружного исполнительного комитета (Ф. Р-1228), позволяющие рассмотреть проблемы нового городского строительства с точки зрения местных властей. В работе использован историко-сравнительный метод: сопоставляются свидетельства о роли основных участников градостроительного процесса – местных властей, стройуправлений предприятий, центральных органов – в финансировании строительства новых городов Западной Сибири.

Обсуждение. К середине 1929 г. централизованная планировка новых городов не рассматривалась в союзных ведомствах как государственная проблема [10, с. 7]. Заинтересованным застройщикам Западной Сибири (Новосибирскстрою, Кузнецкстрою, Кузбассстрою, рудоуправлениям «шахт-гигантов» и др.) пришлось в 1929–1930 гг. самостоятельно решать вопросы получения проектов планировок для своих городов. В результате, как отмечалось в одном из отчетов Новосибирскстроя за февраль 1931 г., «разработанные сейчас эскизы планировки Щегловска, Тыргана, Н. Кузнецка, Белово отличаются большой пестротой», так как выполнялись в различных проектных организациях [11, л. 109, 110об., 111]. В таких условиях стандартизованные проекты Э. Мая были значительным шагом вперед. Но командировка Цекомбанком его выездной бригады в Сибирь в марте 1931 г. безнадежно запоздала. К этому времени новые города оказались уже застроены неблагоустроенным жильем, а разработанные для них проекты планировки, одобрены в январе 1931 г. Краевой плановой комиссией и отправлены для окончательного утверждения в Москву [11, л. 110об.]. Если централизованное проектирование новых городов, пусть с опозданием, во многом обесценившим его результаты, все же было организовано по заданию правительства Цекомбанком, то проблема создания городских строительных организаций для новых городов на государственном уровне так и не была решена.

Западносибирский Крайисполком был вынужден на свои средства 27 мая 1930 г. организовать Краевое управление по проектированию и строительству Левобережного Новосибирска – Новосибирскстрой. Последний прежде всего занялся проектом планировки своего соцгорода, который сумел получить через Гипророг к началу октября того же года. После этого Новосибирскстрой заключил договоры с Гипророгом, Коммунстроем, Всенарпитом и др. на составление проектов коммунальных (водопровода, канализации, пищекомбината) и культурно-бытовых сооружений, а затем приступил к их строительству, заключив договоры с двумя строительными организациями-подрядчиками [11, л. 248об.-249, 251-251об., 252, 256]. Строительство коммунально-бытовых объектов выгодно отличало Левобережный Новосибирск от городов Кузбасса, где управления по постройке городов отсутствовали. Опираясь на положительный опыт Новосибирскстроя, Крайисполком в конце 1930 г., организовал на его основе краевое Управление по строительству новых городов Западной Сибири – Запсибгортсстрой. Он был предназначен для планового объединения всех работ по строительству новых городов и рабочих поселков в крае. Но если Новосибирскстрой добился в проектировании и строительстве Левобережного Новосибирска определенных успехов, то Запсибгортсстрой даже не смог развернуть подготовку к строительному сезону 1931 года. Как свидетельствуют архивные документы, связанные с обоими краевыми управлениями, главной и не решаемой на краевом уровне проблемой, для них стало финансирование [11, л. 255, 253].

В конце 1928 – начале 1929 гг. Сибкрайкомхоз организовал обследование населенных пунктов Кузбасса, на основе которого 20 мая 1929 г. представил в Сибирскую плановую комиссию «Пятилетний план коммунального строительства городов и рабочих поселков Кузнецкого округа», отправленный затем в Госплан РСФСР [12, л. 3]. В ходе обследования выяснилось, что во всех поселениях отсутствовали коммунальные сооружения (водопровод, канализация, электрификация и т.д.), благоустройство, культурно-бытовые сооружения, а жилищная норма, постоянно понижаясь, достигла крайне низкого показателя. Сибкрайкомхоз делал важный вывод о том, что «в данных районах развития промышленности требуется постройка почти новых городов. Вопросы же стройки новых городов являются сами по себе огромной проблемой, для разрешения которой требуются крупные затраты» [12, л. 10об.]. План Сибкрайкомхоза требовал капиталовложений на 80 134 тыс. руб., причем его составители подчеркивали, что «эти капиталовложения смогут в самых минимальных размерах удовлетворить бытовые потребности будущего рабочего населения промышленных центров Кузнецкого округа». Напротив, объем всех городских и поселковых бюджетов Кузнецкого округа за 1928-29 г. составил всего 868 тыс. руб., то есть был почти в десять раз меньше. Важнейшей причиной, по которой «городские и поселковые советы имеют тощие бюджеты», называлось отсутствие приносящего доход развитого жилищно-коммунального фонда. [12, л. 10об., 11]. То есть, с одной стороны в районах промышленных новостроек требовалось создание целых городов, а с другой их отсутствие не позволяло местным советам финансировать городское строительство.

Анализ переписки Сибкрайкомхоза с Сибкомбайнстроем, Кузнецкстроем и другими промышленными стройуправлениями показывает, что планировавшееся теми гражданское

строительство строго определялось сметами, утвержденными соответствующими промышленными объединениями. В этих сметах отсутствовали сами термины «город» или «поселок», а непромышленное строительство обозначалось как «жилстроительство». Так, Кузнецстрой, ссылаясь на свою смету, «основным вопросом» считал для себя только «жилищное строительство Заводского и рудниковых поселков», не причисляя к нему их коммунальное и культурно-бытовое обслуживание [12, л. 75об.]. В смете новосибирского завода Сибкомбайн, опубликованной Крайсовнархозом, (раздел «стоимость постройки завода») непромышленное строительство обозначалось пунктом «Стоимость ФЗУ и жилстроит.», и шло как антагонист графы «Итого стоим. завода». Состав непромышленного строительства, разобранный в тексте брошюры, показывает, что это был именно не город, а ряд отдельных зданий – жилых и заводского училища. Напротив, стоимость постройки завода была детально расписана: подготовительные работы (проектировка, планировка и ограждение участка); производственные сооружения, оборудование, различные склады (заготовительные цеха, сборочно-механические, вспомогательные), а также обслуживающие завод сооружения: силовая станция, газогенераторная, промышленные водопровод и канализация, транспортные сооружения, железные дороги, мостовые, межщелевой транспорт, автотранспорт, здание завоуправления и т.д. [13, с. 67] В связи с этим Культурно-бытовая секция Новосибирской окружной плановой комиссии обращала внимание Крайплана в конце мая 1929 г. на то, что для новых городов, вроде Левобережного Новосибирска, «нельзя исключать из расчетов стоимости культурно-бытовых мероприятий, как это сделано в той же брошюре Крайсовнархоза, хотя последний будет прав, если исходить из строительства старого города» [14, л. 46].

То есть сметы предприятий охватывали не все городское строительство, а только жилье. Однако включенное в сметы жилье не являлось всем жилым фондом рабочих поселков, поскольку, как выясняется, предприятия были обязаны обеспечивать жильем только часть своих рабочих. Так, сопоставив присланный ему план жилищно-коммунального строительства в городе будущего металлургического комбината со своим, Кузнецстрой 8 июля 1929 г. направил Сибрайкомхозу свое заключение, где указывал, что между обоими планами обнаружились «значительные расхождения» [12, л. 75об.]. Согласно смете своего строительства Кузнецстрой был обязан обеспечить жильем только часть своих эксплуатационных рабочих: из 17,5 тыс. чел. списочного состава жилье получали 12,3 тыс. (76%) по норме 9 кв. м на человека и без членов семей. Кузнецстрой настаивал: «что касается общей потребной жилищной площади, как для рабочего населения необеспеченного Заводской жилплощадью, так и для всего прочего населения, то по этим вопросам мы здесь исчислений не проводим», потому что они «не имеют отношения к н/строительству». [12, л. 76, 76б.] Напротив, Сибрайкомхоз рассчитал, что рабочее население поселка Кузнецстроя составит 50 тыс. чел., из которых 75% должны обеспечиваться жильем за счет завода. Он руководствовался результатами проведенного в 1928–1929 гг. обследования реальных городов Кузбасса. Тогда обнаружилось, что списочное число так называемых эксплуатационных рабочих, являвшихся мерилом производства и даваемых в исчислениях по пятилетнему плану промышленности, было в среднем в 1,5 раза меньше общей численности рабочих и служащих, которые фактически трудились на предприятиях [12, л. 25]. Например, к марта 1931 г. только в угледобываче Кузбасса вместо 25 тыс. числившихся в центральных инстанциях, реально трудилось свыше 50 тыс. рабочих [11, л. 8]. Кроме того, средний коэффициент семейности в промышленных пунктах Кузнецкого округа оказался выше среднего по Сибири (4,0 против 3,5) и выше принятого для новых городов в центральных ведомствах (2,0). В результате переводной коэффициент из списочного состава рабочих на общую численность населения составлял 11,1 [12, л. 25, 25об.]. Все это неучтенное в планах промышленности население нуждалось в жилье.

Вопросы финансирования новых городов оказались в центре внимания на совещании, созванном по инициативе Крайисполкома 23 декабря 1929 г. и посвященном предстоящему строительству соцгорода в Левобережном Новосибирске. Председатель Краевой плановой комиссии С.М. Богуславский был уверен, что строительство новых промышленных городов будет целиком изъято из ведения НКВД и «будет передано в ВСНХ», промышленным объединениям последнего, а правительство не только вынесет постановление, но и выделит соответствующие ассигнования [15, л. 38]. Дезин из Городской плановой комиссии, указывая на опыт финансирования прошлых лет, возражал: «нельзя рассчитывать на то, что все жилстроительство будет покрыто [только] за счет промышленности [и] за счет Горсовета. Промышленность 30% дает, Горсовет 40% дает, индивидуальное строительство [–] остальное. В том числе и на левом берегу. [...] Вы думаете, что это только в Н.Сибирске, и в Москве то же самое». Он выразил сомнение, что за два-три месяца правительство сможет серьезно изменить сложившуюся систему финансирования жилищного строительства [15, л. 26]. Зампред Крайисполкома И.Г. Зайцев также указывал, что по опыту строительства жилых кварталов для рабочих в Правобережном Новосибирске, промышленность строит только жилье, «не вкладывая туда социалистических элементов» [15, л. 41].

Дело было не только в том, что вложения промышленности не охватывали городского строительства целиком. Сам принцип формирования этих вложений, как доли от нового промышленного строительства, не позволял осуществить на эти средства комплексное строительство города, так как стоимость строительства городов была выше стоимости их градообразующих

предприятий. Так, архитектор Б.А. Коршунов, работавший в проектных организациях НКВД, выступая 29 декабря 1926 г. с докладом на общегородском собрании инженеров в Новосибирске, озвучил точку зрения Наркомата внутренних дел в вопросах градостроительства: «вложения в городское строительство [...] составляют в общем и целом ценности более высокие, чем вложения в ж.-д., транспорт и промышленность вместе взятое» [16, л. 1]. Это положение подтверждает пример Сталинска (до 1932 г. – Новокузнецка). Согласно данным Э. Гольденберга по Кузнецкому металлургическому заводу, за четыре с половиной года (1929–1933 гг.) «строительство комбината поглотило около 600 миллионов рублей, основная масса которых 68,5% пошла на промышленное строительство и 10,9% на гражданское строительство». Оставшиеся 20,6% средств ушли на подсобные предприятия, временные сооружения и прочие затраты. [17, с. 143]. Что касается стоимости возникшего при комбинате города, то как указывается в одном из докладов Крайплана о строительстве Южного Кузбасса, после составления в 1934 г. проекта генерального плана Сталинска «стоимость города определена в сумме выше одного миллиарда рублей», при том, что к 1936 г. будет «проведена только десятая часть необходимых работ» [18, л. 101]. То есть все колоссальные усилия, которыми характеризуется строительство Кузнецкстроя, все перевезенные ресурсы – все это обеспечило строительство только комбината, но не города.

Средства горсоветов и промышленности на рубеже 1920–1930-х гг. были не единственными потенциальными источниками финансирования городского строительства. В 1928–1929 гг. в журнале «Коммунальное дело», печатном органе Главного управления коммунального хозяйства НКВД, был опубликован цикл полемических статей Я. Либермана, посвященных вопросам местного коммунального кредита в СССР. Особое внимание он уделил готовившейся реорганизации системы коммунального кредита. Инициатором этого вопроса выступил Наркомат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. По результатам проведенного им обследования кредитной системы он признал целесообразным учреждение областных коммунальных банков, «работающих при мощной поддержке областных (краевых) исполнкомов» и под их контролем. Эта точка зрения была поддержана Наркоматом внутренних дел, Наркоматом финансов и Госпланом РСФСР. Сторонники реорганизации системы коммунального кредита предлагали увязать форму строительства коммунальных банков с районированием и заменить систему окружных коммунальных банков краевыми. Особенно важной Либерман считал такую реорганизацию для неосвоенных районов нового крупного строительства, которые не имели достаточной экономической базы для финансирования коммунального строительства [19, с. 8–9]. Это мнение подтверждают приведенные выше материалы обследования городских бюджетов Кузбасса. Организация краевых коммунальных банков позволяла привлечь в их акционерный капитал средства исполнкомов и горсоветов, не состоящих акционерами окружных банков, средства областного местного бюджета, а также «все специальные средства долгосрочного и краткосрочного целевого кредитования местного хозяйства, до настоящего времени еще не вовлеченных в систему коммунального кредита именно вследствие слабости окружных комбанков и узкого района их деятельности» [19, с. 9]. За право распоряжаться этими «не вовлеченными средствами» развернулась ожесточенная борьба. Реорганизация системы коммунального кредита «встретила единодушный протест» союзных финансовых ведомств – Наркомата финансов Союза, Цекомбанка и Госбанка. Союзные банки не собирались терять финансовый поток и поэтому добивались сохранения сети мелких окружных банков. Это позволяло им «подчинить своему регулятивному воздействию» систему коммунального кредита и вело к «отрыву ее от планового воздействия местных областных органов управления, в том числе и краевых управлений коммунального хозяйства» [19, с. 9]. Когда же краевые коммунальные банки были все-таки созданы, Госбанк и Цекомбанк сумели, по свидетельству Либермана, низвести их до положения городских банков, сохранив за собой право распоряжаться соответствующими краевыми средствами и отказывать в предоставлении кредитов. Закономерно, что в начале 1930-х гг. мы встречаем Сибирский коммунальный банк (Сибкомбанк) только в Левобережном Новосибирске, тогда как его название, по определению, предполагало сферой деятельности весь край.

В 1930 г., в связи с нарастанием кризисных явлений в жилищном строительстве, правительство поручило Цекомбанку осуществлять операции по долгосрочному кредитованию строительства рабочих поселений при промышленных предприятиях. При Цекомбанке был сформирован Фонд финансирования строительства социалистических городов, а для проектного обеспечения строительных программ создано Проектно-планировочное бюро, куда был приглашен германский архитектор Э. Май с набранным по его усмотрению коллективом проектировщиков [4; 20, с. 151, 152].

О последствиях политики центральных финансовых учреждений для городского строительства Западной Сибири красноречиво свидетельствуют материалы заседания Урало-Кузнецкой комиссии «по вопросу о жилищном строительстве и снабжении рабочих Кузбасса», созванном Госпланом РСФСР 10 марта 1931 г. по инициативе Западносибирского Крайисполкома [11, л. 1]. В заседании активно участвовали инженеры Запсибгосстроя – Сумин, Пономарев и др. По словам Пономарева «строительство новых городов в Кузбассе поставлено в самые тяжелые условия. Нет денег, нет стройматериалов, нет проектов. Я считаю, что [...] необходимо немедленно доложить обо всем этом Правительству» [11, л. 17]. Инженер Сумин спрашивал: «мы ждем ответа от центральных организаций, какие мероприятия приняты на 1931 г. в отношении городов и раб. поселков Кузбасса и

когда эти мероприятия начнут финансироваться и обеспечиваться стройматериалами» [11, л. 15]. Он же назвал цель, к которой стремилось его управление: «Почти год мы пытаемся добиться комплексного планирования и комплексного строительства по городам Кузбасса» [11, л. 15].

Однако, в зачитанном представителем Цекомбанка общем плане финансирования строительства новых городов СССР, комплексное планирование в отношении Кузбасса отсутствовало. Его города проходили там как некое собирательное понятие, под наименованием «Кузбасс». Напротив, Магнитогорск, Новый и Нижний Тагил, Хибины, Бобрики, Автострой и другие фигурировали под своими собственными именами, как отдельные города. Присутствовавшие на совещании были возмущены: «да Вы ни одного города в Кузбассе не упоминали!» [11, л. 11].

Представитель Цекомбанка Позднеев заявил: «я должен сказать, что Цекомбанк сейчас является Банком, который пропускает все вложения на жилищное строительство и коммунальное строительство [...] все те средства, которые назывались промышленностью, все то, что дают исполнкомы, дает кооперация и транспорт – все это проходит через нас». Согласно его данным, по Кузбассу общая цифра всех этих вложений кругло составляла 50 млн. руб., из них 47 млн. руб. были средствами промышленности и около 3 млн. – средствами непромышленных организаций [11, л. 10-11]. То есть в 1930–1931 гг. Цекомбанк не пропускал для Западной Сибири средства для городского строительства, о борьбе за которые писал в 1929 г. Я. Либерман. А средства промышленности не охватывали городского строительства целиком. Неудивительно, что такой подход серьезно обеспокоил сибиряков. Глава Московского представительства крайисполкома С. Гофман недоумевал: «в Сталинграде, который по количеству рабочих в 5 раз меньше чем все города Кузнецкого бассейна, вкладывается средств больше, чем во все города Кузбасса. Совершенно нелепые цифры» [11, л. 2]. По его словам, «у нас выясняется явный недостаток ассигнований на 31 год, как по линии жилищного строительства, так и коммунального хозяйства» [11, л. 2].

Прежде всего, такое финансирование означало дальнейшее обострение жилищного кризиса, поскольку, как уже отмечалось выше, финансируемое промышленностью жилье могло охватить только часть рабочих предприятия. Все остальное городское население оставалось без жилищ. По заявлению инженера Сумина, в 1930 г. «мы имеем в основных пунктах Кузбасса гробовую норму. Ошибка товарищей из Госплана и ВСНХ Союза и РСФСР заключается в том, что жилую норму по Кузбассу они считают равной 4 кв. метр. Это грубейшая ошибка. Мы говорим Вам еще раз, что 4 кв. метр. никогда в Кузбассе не было. Если бы мы имели такую благополучную норму, как 4 кв. метр., о которой сейчас говорят здесь, то мы о жилищном строительстве Кузбасса не говорили бы так здесь. [...] Жилая норма в городах Кузбасса на человека равна всего лишь 2,7 кв. метр., в отдельных [пунктах] она понижается даже до 1,7–1,4 кв. метр.» [11, л. 15]. Между тем, в суровых климатических условиях Сибири, все рабочие и члены их семей, прибывавшие на пустые места будущих городов, нуждались в немедленном обеспечении жильем. Жилищный кризис усугублялся тем, что сметы предприятий предусматривали жилищное строительство только для новых рабочих, по принципу: новые промышленные мощности – новые рабочие – новое жилье. Гофман риторически спрашивал у работников Госплана: «а «коренное» население, как мы выведем его из землянок? На те ассигнования, которые нам отпускаются, конечно, о реальном поднятии жилой площади говорить не приходится» [11, л. 19].

Без ассигнований осталось и коммунальное строительство Кузбасса, «поэтому в 1931 г. нет возможности даже построить простейшей бани в Анжерке и прачечных в Анжерке, Щегловске и Ленинске» [11, л. 2]. На канализацию всех городов Кузбасса отводилось лишь 200 тыс. руб., тогда как канализация каждого города была многомиллионным по стоимости сооружением [11, л. 15об.]. Неудивительно, что во всем Кузбассе к марта 1931 г. имелось лишь две коммунальные бани, а «о таких вещах как тротуары, зелень, уличное освещение – только приходится мечтать» [11, л. 10б.-2]. Не был решен вопрос и с финансированием культурно-бытового строительства. Представитель банка вынужден был признать, что «финансирование культурного строительства находится в ужасном виде, настолько ужасном, что когда этот вопрос разбирался в комиссии Криницкого и хотя Совнаркомом было дано поручение проработать этот вопрос, Криницкий отказался делать доклад, потому что в отношении культурного строительства полная неразбериха» [11, л. 12].

Разработанные в Проектном бюро Цекомбанка проекты планировок городов для Западной Сибири предполагали застройку по принципам сборного домостроения, что требовало создания развитой строительной инфраструктуры, прежде всего предприятий стройиндустрии. Однако из материалов совещания следует, что их финансирование даже не планировалось. По словам С. Гофмана, проходящие через Цекомбанк «ассигнования к нам поступают микроскопическими дозами», и на эти суммы даже «к строительному сезону подготовиться невозможно» [11, л. 2]. Представитель Цекомбанка утверждал, что сокращение объемов финансирования Кузбасса связано с тем, что «проблема жилищного строительства решается не путем увеличения ассигнований, а путем применения более удашевленных материалов» [11, л. 12]. В связи с этим Цекомбанк считал необходимым «резко повысить строительство из местных материалов», а также призывал сибиряков использовать опыт строительства деревянных сборных жилых домов в Новом Сормово под Москвой [11, л. 11]. Инженер Запсибгороцстроя Сумин возражал: стройиндустрия для производства стандартных домов находится в Европейской части страны, а не в Сибири, а «в отношении новых

строительных материалов, которые могут производиться непосредственно в Сибири, ничего не делается». Он приводил пример завода торфяных плит на 1 млн. кв. метров, о строительстве которого ходатайствовали сибиряки. Союзторф согласился на его создание, но начал строить его в Архангельске. Сумин был возмущен: «Ведь нельзя же так. Хлопочешь о заводе в Кузбассе, а строят его в Архангельске» [11, л. 15-150б.]. Отказ от создания местной городской строительной базы имел целый ряд негативных последствий.

Городское строительство теперь могло рассчитывать только на стройматериалы из так называемых централизованных фондов, объем которых был ограничен и из которых снабжались промышленные стройки. Последние, в отличие от городов были причислены к «ударному строительству» и имели первую категорию снабжения. В результате средств для создания централизованного фонда стройматериалов для фабрик-кухонь, лечебных учреждений, школ и т.д. просто не было и «мероприятия, финансируемые Наркомпросом, Наркомздравом и Центросоюзом совершенно необеспечены стройматериалами». К тому же, как сообщил инженер Пономарев, «добрая половина строительных материалов, предназначенная для жилищного строительства идет по линии всесоюзных объединений и служит в последних резервом для промышленного строительства. Это очень плохо для городского строительства» [11, л. 15-16, 17].

Централизованные фонды находились в европейской части Союза. В докладной записке председателя Западносибирского крайисполкома Р.И. Эйхе в центральные органы, составленной в 1931 г., указывалось на две проблемы, связанные с таким «строительством по Транссибу». Речь шла о Кузбассе и Новосибирске. Во-первых, «в области снабжения основными стройматериалами по централизованным фондам, строительство в Сибирском крае испытывает вообще большое затруднение в сравнении с другими районами, так как значительная часть этих материалов идет из центральных промышленных районов, находящихся на большом расстоянии от строительства» [21, л. 10]. Во-вторых, «это положение усугубляется тем, что фонды на стройматериалы выделяются поквартально в одно и то же время для всех районов», чем игнорируется региональная специфика Сибири. Например, «Вольский цемент, идущий водой до линии железной дороги, а затем по линии железной дороги до места стр-ва, доходит до места назначения в лучшем случае через 50 дней, т.е. к концу запроектированного квартала» [21, л. 10-11]. Если промышленность до известной степени смогла обойти это неудобство, добившись у ВСНХ права вести строительство и зимой, в отапливаемых тепляках (с соответствующими вложениями и снабжением из централизованных фондов), то гражданское строительство оказалось в безвыходной ситуации. По заявлению инженера Сумина, программа городского строительства по Кузбассу и в прошлые годы выполнялась только на 50% «по той простой причине, что мы имеем такое положение, когда получаем кредиты, материалы, проекты только в июле. Вы знаете, что такое Сибирь? В октябре уже приходится свертывать работы из-за холодов. У нас самые лучшие месяцы пропадают здесь в Москве на хождение по мукам; при других условиях мы могли бы начать работы уже с апреля» [11, л. 15]. Неудивительно, что участники совещания без энтузиазма приняли заключительное заявление Позднеева: «Мы ставим себе задачей, что все финансирование непромышленного строительства должно производиться в Цекомбанке», так как было очевидно, что средства для городов Кузбасса отпускались Цекомбанком далеко не «в общекомплексном порядке», как о том говорил его представитель [11, л. 12]. Кроме того, отпуск средств из центра даже усугублял ситуацию, так как они поступали к концу строительных сезонов, и даже при небольшом объеме, их невозможно было использовать целиком.

Озвученная на заседании Урало-Кузнецкой комиссии структура финансирования, когда в города вкладывались только средства промышленности, вполне соответствовала характеру гражданского строительства, которое осуществлялось в это время в новых промышленных городах Западной Сибири.

В феврале 1931 г. группа сотрудников Запсибгортсстроя провела обследование городов Кузбасса. Материалы их доклада свидетельствуют о последствиях, к которым привело строительство городов силами исключительно промышленных структур. На заседании говорилось, что промышленные объединения «не могут охватить всего городского строительства. Заботятся только о жилье, совершенно забывая культурно-бытовое строительство» [11, л. 17]. Обследование подтверждало, что вследствие узковедомственного подхода, «каждая организация конечной задачей берет только себя, наличие своих рабочих» [11, л. 108]. Из-за отсутствия городских строительных и коммунальных предприятий, городских дорог и транспорта, которыми ни горсоветы, ни промышленность не занимались из-за отсутствия необходимых средств, промышленности приходилось возводить жилье вблизи своих заводов и шахт. Жилье строилось из материалов, производившихся строительными цехами промпредприятий, и подключались к их сетям [11, л. 108об, 109об., 111об., 113об.]. Размещение жилья «по принципу отдельных колоний», с целью «иметь жилье возле предприятия или шахты», игнорировало интересы горсоветов и не позволяло в будущем объединить постройки в единый город [11, л. 112-112об., 120об.].

Несколько иначе складывалась ситуация в Левобережном Новосибирске, строительство которого вело специальное строй управление, опиравшееся на поддержку краевых властей и стройиндустрию Правобережного Новосибирска. В 1930–1931 гг. средства на гражданское строительство были отпущены Союзсельмашем. Как и следовало ожидать из сметы,

«Сибкомбайнстрой, занятый постройкой завода комбайнов, свою работу по постройке города ограничил только заботами по постройке жилищ» [11, л. 246об.]. Средства на подготовку к строительному сезону 1931 г. составлялись из сумм Сибкрайисполкома и Сибкомбанка. Благодаря им, Новосибирскстрой сумел получить проект планировки города, проекты водоснабжения, канализации и ряда культурно-бытовых объектов и приступить к их строительству. Что касается Цекомбанка, то он, согласившись вначале на предоставление кредита, вскоре его закрыл, что поставило дальнейшее строительство Левобережного Новосибирска в крайне тяжелые условия [11, л. 246].

Заключение. Накануне индустриализации правительством не был решен вопрос не только с централизованным проектированием и строительством новых городов, но и с организацией финансирования их комплексного строительства. Отсутствие такого комплексного финансирования стало одним из важных факторов, обусловившим провал программы нового городского строительства в Западной Сибири первой пятилетки. В местах нового освоения требовалось построить буквально новые города. Горсоветы не могли финансировать такое строительство. Вложения промышленности охватывали только незначительную часть (около трети) городского жилого фонда. В ходе борьбы союзных и республиканских ведомств, Крайисполком не получил доступа к основному объему краевых коммунальных средств, проходивших через союзные банки. В результате такие важные составные части городов, как коммунальные сооружения, культурно-бытовые учреждения, транспортная инфраструктура, составлявшие примерно половину стоимости городов, а также городские стройиндустрия и строительные организации остались без финансирования. Созданное Крайисполкомом Краевое управление по строительству новых городов не смогло провести подготовку к строительному сезону 1931 г. Население собственными силами могло возводить только неблагоустроенное жилье вроде землянок. В этих условиях единственным организованным застройщиком новых городов стали стройуправления предприятий. Таким образом, создание «некомплектных» городов во многом определялось тем, что без организации финансирования, целый ряд сторон, заинтересованных в городском строительстве, по существу оказался отстранен от этого процесса, а в города вкладывались только средства промышленности, позволявшие осуществлять лишь фрагменты городской застройки.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки России в рамках научно-исследовательского проекта по программе «Формирование государственного задания высшим учебным заведениям в части проведения научно-исследовательских работ». Задание №2014/137.

Примечания:

1. Конышева Е.В., Меерович М.Г., Флирль Т. Критика деятельности Эрнста Мая в СССР [Электронный ресурс] / Е.В. Конышева, М.Г. Меерович, Т. Флирль // Архитектон: известия вузов. 2012. № 1 (37). Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_1/12 (дата обращения: 03.07.2014).
2. Меерович М.Г. Эрнст Май: «рациональное» жилье для России [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. 2011. № 36. Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_4/14 (дата обращения: 03.07.2014).
3. Конышева Е.В., Меерович М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 224 с.: ил.
4. Конышева Е.В. Европейские архитекторы на стройках первых пятилеток (в аспекте повседневности) [Электронный ресурс] / Е.В. Конышева // Архитектон: известия вузов. 2010. № 32. Режим доступа: http://archvuz.ru/2010_4/9 (дата обращения: 03.07.2014).
5. Конышева Е.В., Меерович М.Г. «Берег левый, берег правый» Эрнст Май и открытые вопросы истории советской архитектуры (на примере проектирования соцгорода Магнитогорска) [Электронный ресурс] / Е.В. Конышева, М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. 2010. № 30. Режим доступа: http://archvuz.ru/2010_2/13 (дата обращения: 03.07.2014).
6. Меерович М.Г. На острие схватки титанов [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов. 2011. № 1 (33). Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_1/9 (дата обращения: 03.07.2014).
7. Косенкова Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. Сб. науч. трудов НИИТИАГ РААСН. М.: УРСС, 2010. С. 335–351.
8. Косенкова Ю.Л. Проблемы становления районной планировки в СССР. 1920–1930-е годы. // Academia. Архитектура и строительство. 2011. № 2. С. 68–77.
9. Косенкова Ю.Л. Советская архитектура в поисках средств создания благоприятной среды. // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 5. С. 15–19.
10. Веселовский Б. Индустриальные центры и планирование их благоустройства // Коммунальное дело. 1929. № 5. С. 3–8.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091.
12. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50.
13. Новый завод сложных и уборочных сельскохозяйственных машин в Сибирском крае. Экономическая записка к заданию для проектировки завода. Новосибирск, 1929. 82 с.

14. ГАНО Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 309.
15. ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 691.
16. ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 27.
17. Кузнецкий металлургический комбинат им. тов. И.В. Сталина. От XVI к XVII съезду ВКП(б) / Отв. ред. Э. Гольденберг. Л.: Ленгорлит; Типография АН СССР, 1934. 211 с.: ил.
18. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1339.
19. Либерман Я. Организационные проблемы местного коммунального кредита // Коммунальное дело. 1929. № 5. С. 8-13.
20. Казус И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 464 с.: ил.
21. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2149.

References:

1. Konyshova Ye.V., Meyerovich M.G., Flirl' T. Kritika deyatel'nosti Ernsta Maya v SSSR [Elektronnyy resurs] / Ye.V. Konyshova, M.G. Meyerovich, T. Flirl' // Arkhitekton: izvestiya vuzov. 2012. № 1 (37). Rezhim dostupa: http://archvuz.ru/2012_1/12 (data obrashcheniya: 03.07.2014).
2. Meyerovich M.G. Ernst May: «ratsional'noye» zhil'ye dlya Rossii [Elektronnyy resurs] / M.G. Meyerovich // Arkhitekton: izvestiya vuzov. 2011. № 36. Rezhim dostupa: http://archvuz.ru/2011_4/14 (data obrashcheniya: 03.07.2014).
3. Konyshova E.V., Meerovich M.G. Ernst Mai i proektirovanie sotsgorodov v gody pervykh pyatiletok (na primere Magnitogorska). M.: LENAND, 2012. 224 s.: il.
4. Konyshova Ye.V. Yevropeyskiye arkhitektory na stroykakh pervykh pyatiletok (v aspekte povsednevnosti) [Elektronnyy resurs] / Ye.V. Konyshova // Arkhitekton: izvestiya vuzov. 2010. № 32. Rezhim dostupa: http://archvuz.ru/2010_4/9 (data obrashcheniya: 03.07.2014).
5. Konyshova Ye.V., Meyerovich M.G. «Bereg levyy, bereg pravyy» Ernst May i otkrytyye voprosy istorii sovetskoy arkhitektury (na primere proektirovaniya sotsgoroda Magnitogorska) [Elektronnyy resurs] / Ye.V. Konyshova, M.G. Meyerovich // Arkhitekton: izvestiya vuzov. 2010. № 30. Rezhim dostupa: http://archvuz.ru/2010_2/13 (data obrashcheniya: 03.07.2014).
6. Meyerovich M.G. Na ostriye skhvatki titanov [Elektronnyy resurs] / M.G. Meyerovich // Arkhitekton: izvestiya vuzov. 2011. № 1(33). Rezhim dostupa: http://archvuz.ru/2011_1/9 (data obrashcheniya: 03.07.2014).
7. Kosenkova Yu.L. Opyt formirovaniya pravovoy osnovy sovetskogo gradostroitel'stva. 1920–1930-ye gg. // Gradostroitel'noye iskusstvo. Novyye materialy i issledovaniya. Sb. nauch. trudov NIITIAG RAASN. M.: URSS, 2010. S. 335-351.
8. Kosenkova Yu.L. Problemy stanovleniya rayonnoy planirovki v SSSR. 1920-1930-ye gody. // Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo. 2011. № 2. S. 68-77.
9. Kosenkova Yu.L. Sovetskaya arkhitektura v poiskakh sredstv sozdaniya blagopriyatnoy sredy. // Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo. 2009. № 5. S. 15-19.
10. Veselovskiy B. Industrial'nyye tsentry i planirovaniye ikh blagoustroystva // Kommunal'noye delo. 1929. № 5. S. 3-8.
11. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO). F. R-12. Op. 1. D. 2091.
12. GANO. F. R-917. Op. 1. D. 50.
13. Novyy zavod slozhnykh i uborochnykh sel'skokhozyaystvennykh mashin v Sibirskom kraye. Ekonomicheskaya zapiska k zadaniyu dlya proektirovki zavoda. Novosibirsk, 1929. 82 s.
14. GANO F. R-1980. Op. 1. D. 309.
15. GANO. F. R-1228. Op. 1. D. 691.
16. GANO. F. R-531. Op. 1. D. 27.
17. Kuznetskiy metallurgicheskiy kombinat im. tov. I.V. Stalina. Ot XVI k XVII s"yezdu VKP(b) / Otv. red. E. Gol'denberg. L.: Lengorlit; Tipografiya AN SSSR, 1934. 211 s.: il.
18. GANO. F. R-12. Op. 3. D. 1339.
19. Liberman Ya. Organizatsionnyye problemy mestnogo kommunal'nogo kredita // Kommunal'noye delo. 1929. № 5.
20. Kazus' I.A. Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proektirovaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2009. 464 s.: il.
21. GANO. F. R-12. Op. 1. D. 2149.

УДК 93/94

**Финансирование новых промышленных городов Западной Сибири
в годы первой пятилетки**

Сергей Сергеевич Духанов

Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, Российская Федерация
630099, г. Новосибирск, Красный проспект, 38

кандидат архитектуры

E-mail: ssd613@ngs.ru

Аннотация. На основе архивных материалов рассматривается финансирование новых городов Западной Сибири на начальном этапе индустриализации (1928–1932 гг.). Анализируются принципы формирования капиталовложений в новое городское строительство и их влияние на ход застройки городов. Делается вывод о том, что кризисные явления в градостроительстве были, прежде всего, вызваны отсутствием организации комплексного финансирования. Новые города Западной Сибири получили современные проекты планировки («социалистический город»), а крайисполком организовал специальное управление для их строительства. Но без независимого краевого коммунального банка оно не смогло получить кредиты для реализации проектов.

Ключевые слова: индустриализация; социалистический город; коммунальный кредит; история советского градостроительства.

UDC 94

Commissariat of Internal Affairs' Bodies and Development of Guerilla Struggle on the Territory of Central Black Earth Region in 1941

Vladimir Korovin

South-Western State University, Russian Federation

305040, Kursk, st. 50 October, 94

Dr. (History), Professor

E-mail: vlavikor@yandex.ru

Abstract. On the basis of archive documents circulated in RF Federal Security Service, the article reveals different aspects of NKVD's participation in formation of guerrilla armed groups and networks of commando-type reconnaissance activities on the temporally occupied areas of Central Black Earth Region in 1941. The published material improves our knowledge of State Political Bodies of USSR during the Great Patriotic War.

Keywords: guerrilla; NKVD (Commissariat of Internal Affairs' Bodies); occupation; resistance; the Central Black Earth Region; Kursk; Voronezh; struggle; saboteur; opponent.

Введение. Участие органов НКВД и их особых структур в развитии сопротивления немецко-фашистским оккупантам в годы Великой Отечественной войны длительное время отечественными исследователями освещалось достаточно односторонне, что объясняется не только отсутствием доступа большинства историков к документам ведомственных архивов НКВД – КГБ – ФСБ. В силу утвердившихся идеологических канонов конца 60-х – начала 90-х гг. XX века партизанская и подпольная борьба в тылу войск противника рассматривалась исключительно как патриотическая инициатива народных масс, возглавляемая руководящими органами коммунистической партии.

В последнее время появился ряд научных работ А.Ю. Попова, С.В. Чертопрудова, А.К. Никифорова, М.В. Шетухина и других исследователей, отражающих действительную роль органов НКВД по созданию и руководству антифашистскими добровольческими формированиями. Но в этих трудах зачастую не уделяется должного внимания проблеме взаимодействия структур НКВД с партийными органами и военным командованием, не раскрывается противоречивый характер их взаимоотношений. Анализ мероприятий, проведенных органами НКВД в областях Центрального Черноземья по формированию и управлению боевой деятельностью партизанских отрядов и созданию разведывательно-диверсионной сети на оккупированных территориях, на наш взгляд, позволяет комплексно обозначить проблему.

Материалы и методы. Основными источниками для подготовки данной публикации стали материалы, выявленные автором в фондах архивов региональных управлений ФСБ РФ по Курской, Воронежской и Тамбовской областям, Государственного архива Брянской области, Государственного архива общественно-политической истории Курской области. Дополнительная информация об описываемых событиях получена из материалов, опубликованных в документальных сборниках «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне».

Автором использовались проблемно-хронологический метод, позволивший изучить проблему исследования в последовательном развитии, и структурно-функциональный метод, способствовавший определению основных направлений работы органов государственной безопасности и военно-политического управления и характер их влияния на ход изучаемых событий.

Обсуждение. На основании директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., речи И.В. Сталина 3 июля 1941 г., в которых говорилось о создании невыносимых условий в тылу войск противника, органы НКВД СССР развернули работу по организации сопротивления оккупантам. Как следует из докладной записки Управления НКГБ по Тамбовской области от 14 июля 1941 г. о мероприятиях, проводимых в связи с объявлением войны: «выполнение пп. 1, 2, 4, 8 директивы № 136 НКГБ СССР (об эвакуации, переводе и направлении агентуры в тыл противника) из обстановки в Тамбовской области не вытекает»[1]. В западных областях Центрального Черноземья эта работа стала проводиться уже в начале июля 1941 года.

Управлением НКГБ по Курской области 5 июля 1941 г. был подготовлен план агентурно-оперативных мероприятий на случай вторжения немецко-фашистских войск на ее территорию, в соответствии с которым развернулась работа по организации 20 диверсионно-террористических и разведывательных агентур на ряде предприятий области[2, л. 14]. 7 июля 1941 г. начальник УНКГБ по Курской области капитан госбезопасности П.М. Аксенов утвердил инструкцию по организации диверсионно-террористических и разведывательных резидентур. Эти документы были ориентированы на организацию кратковременного, но эффективного сопротивления оккупантам. В тот период руководители органов госбезопасности характер оккупационного режима представить не могли. Не было возможности оценить масштабы борьбы, которую предстояло развернуть в тылу войск противника.

Из инструкции от 7 июля 1941 г. по организации диверсионно-террористических и разведывательных резидентур следовало, что они должны максимально активно действовать на оккупированной территории, разрушая пути сообщений и транспортные объекты вражеской армии. Уничтожение живой и тягловой силы противника, исходя из специфики диверсионно-террористических операций, предполагалось осуществлять методом отравления «всеми доступными и возможными средствами вплоть до применения угарного газа и некоторых химикатов, имеющихся в колхозах и предназначенных для борьбы с сельхозвредителями». Для того чтобы лишить оккупантов продовольствия, диверсанты обязывались «сжигать хлеб на корню, на токах, сжигать зерно и другие продукты в складских помещениях» [2, л. 5].

Не допуская возможности длительной оккупации, в инструкции содержалось требование во время отступления противника уничтожать возведенные им переправы. Из мест большого скопления воинских соединений, авиационных, бронетанковых и автотехнических баз врага, резиденты и агенты, используя патриотически настроенных местных жителей, должны были подавать световые сигналы, способные служить ориентирами для РККА и партизанских отрядов.

Из приведенного документа следует, что диверсионно-террористические группы и разведывательные резидентуры создавались в областном и районных центрах Курской области, на промышленных объектах, железнодорожном транспорте, в крупных колхозах, совхозах, других учреждениях и предприятиях. В качестве кадрового резерва организуемых резидентур рассматривались беспартийные рабочие, колхозники, сельская и городская интеллигенция, молодежь.

К совершению диверсий и массового террора на территории, занятой противником, предполагалось привлечь завербованную ранее агентурно-осведомительную сеть, законспирированную и положительно проявившую себя на оперативной работе. При выполнении индивидуальных заданий на оккупированной территории планировалось использовать агентов и осведомителей, завербованных из социально-враждебной среды. Так называемую «противодиверсионную» агентурно-осведомительную сеть, оставшуюся на оккупированной территории, предстояло перепрофилировать и привлечь к проведению диверсионно-террористической деятельности в тылу врага.

Особые требования руководством УНКГБ по Курской области предъявлялись к порядку вербовки резидентов и агентуры. Осуществлять ее необходимо было после всесторонней проверки, в том числе и путем обязательного личного знакомства с вербуемым. В ходе вербовки перед кандидатом предстояло прямо ставить вопросы, о его способности оставаться на оккупированной территории для уничтожения врага путем террора и разрушительных диверсий. Завербованные лица давали специальную подпись, после чего их объединяли в резидентуру.

При объявлении области прифронтовой, с резидентами проводился повторный инструктаж, им выдавались оружие, взрывчатые материалы и отравляющие препараты. Резиденты получали пароль для связи и фиктивные документы. Завербованные резиденты с момента передачи им агентуры, должны держать с ней непрерывную связь, а после занятия территории противником разрабатывать и давать своей агентуре диверсионно-террористические задания, контролируя их выполнение.

Особое внимание уделялось оказанию созданными резидентурами максимальной помощи партизанским отрядам. Эта поддержка выражалась в разведывании расположения отдельных частей противника, которые могут быть уничтожены партизанами. Авторы инструкции слишком упрощенно представляли возможность организации связи с партизанскими отрядами: «Связь с руководителями партизанских отрядов осуществляется любым способом, лично через доверенных лиц, через патриотов и т.д., в каждом отдельном случае следует исходить из конкретной обстановки» [2, л. 10]. Такая позиция в вопросах обеспечения связи с партизанами впоследствии негативно скажется на системе управления партизанскими силами, особенно в первый период их деятельности (осень 1941 – весна 1942 гг.).

В дооккупационный период сотрудниками УНКВД по Курской области была создана 501 резидентура, объединившая 1576 человек, подобрано 979 агентов-одиночек, завербовано 39 связных, 72 содержателя явочных и конспиративных квартир. До 30% резидентур были снабжены вооружением, необходимым для проведения диверсионно-террористической деятельности. Для руководства агентурой в тылу противника было переведено на нелегальное положение 18 оперативных работников из областного управления НКВД. Их устроили на рядовую работу в различных организациях областного и районных центров. Несмотря на меры, принимаемые к сохранению спецагентуры, ряд резидентур распался. К моменту вторжения немецко-фашистских войск в пределы Курской области до 30% ее состава было призвано в Красную Армию, мобилизовано на оборонительные работы или эвакуировано с государственным имуществом в глубь страны [3]. Основной причиной сложившейся ситуации стала несогласованность действий местных органов власти и НКВД в вопросах организационно-мобилизационной работы.

Проведенная после освобождения территории Курской области от немецко-фашистских захватчиков проверка результатов деятельности разведывательно-диверсионных резидентур (весна 1943 г.) установила, что значительная часть завербованной агентуры в период оккупации бездействовала или перешла на службу к противнику. Для примера приведем данные о результатах проверки резидентуры в Ленинском (сельском) районе. «Резидент Рудаков Т.И. порученное задание не выполнил. Осведомитель Тарасов Д.М. добровольно поступил на должность заместителя начальника районной полиции, активно сотрудничал с оккупантами. Осведомитель Плохих И.М. бездействовал. Осведомитель

Тарасов Е.Л. задание не выполнил. Осведомитель Конорев Е.М. поступил на службу к оккупантам на должность полицейского. Осведомитель Семенихин К.И. задание не выполнил. Резидент Морозов И.У. занимал должность начальника районной полиции»[4].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что при вербовке агентуры работниками районных отделов НКВД были допущены серьезные просчеты. Складывавшаяся на фронте обстановка требовала более глубокого изучения морально-волевых качеств лиц, которым поручалось выполнение ответственных заданий в тылу противника. В то же время, только условия оккупации смогли по-настоящему определить гражданскую позицию каждого местного жителя, отобранного для подпольной и партизанской борьбы.

С целью организации сопротивления в тылу вражеских войск, приказом НКВД СССР № 001151 от 25 августа 1941 г. оперативные группы НКВД-УНКВД республик, областей и краев по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе реорганизовывались в 4-е отделы НКВД-УНКВД [5]. На создаваемые структурные подразделения возлагались важнейшие организационные задачи и оперативные функции, к числу которых были отнесены: организация агентурной разведки районов вероятных действий партизанских отрядов, подготовка и засылка разведчиков на территорию противника, руководство истребительными батальонами, партизанскими отрядами и разведывательно-диверсионными группами УНКВД, а также обеспечение связи с резидентурами районных аппаратов госбезопасности.

В Курском областном управлении НКВД 4-й отдел был организован 31 августа [6], в Воронежском – 15 сентября 1941 года. Придавая исключительную важность вновь создаваемым структурам, они формировались из числа наиболее опытных сотрудников. Во главе их были поставлены заместители начальников областных управлений НКВД: Курского – В.Т. Аленцев и Воронежского – В.С. Соболев. Так, в штате 4-го отдела УНКВД по Курской области насчитывалось 28 сотрудников, в задачи которых входили координация действий районных органов власти по формированию партизанских отрядов, подготовке мест их базирования, а также вербовке агентурно-разведывательной сети для работы в тылу противника [7]. В 4-м отделе Воронежского УНКВД состояло 16 сотрудников, занимавшихся активной подготовкой будущих партизан и подпольщиков [8].

Как свидетельствуют архивные документы, на территории западных районов Курской области сотрудники НКВД приступили к созданию партизанских отрядов в августе – начале сентября 1941 года. Органы НКВД в качестве важнейшего резерва для комплектования партизанских формирований рассматривали истребительные батальоны, создаваемые в СССР в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 года. Совместным постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) и облисполкома от 26 июня 1941 г. ответственность за формирование истребительных батальонов была возложена на оперативную группу УНКВД, возглавляемую майором милиции А.Г. Климиным [9]. К 11 августа 1941 г. истребительные батальоны действовали в 68 районах Курской области (из них – в 66-ти сельских) и насчитывали 10650 бойцов и командиров (из них – 6039 (62%) – члены ВКП(б) и ВЛКСМ) [10]. В шести северо-западных и западных районах области, где закладывалась основная база партизанского движения (Хомутовском, Дмитриевском, Крупецком, Рыльском, Михайловском) в истребительных батальонах насчитывалось 1768 бойцов [11] (16,6% от общего количества истребителей области).

В соответствии с планом, разработанным областным УНКВД, в августе 1941 г. на базе существующих истребительных батальонов Курской области предполагалось организовать партизанские отряды в районах, прилегающих к Брянской, Орловской, Сумской областям РСФСР и УССР. К зоне превоочередного создания партизанских формирований были отнесены 13 западных и северо-западных районов, в зону второй очереди вошли 12 юго-западных и южных районов [12, л. 23].

В 10 районах Курской области (Дмитровском, Дмитриевском, Михайловском, Конышевском, Льговском и др.) формирование отрядов завершилось к 27 августа 1941 года. Их командно-политический состав был подобран сотрудниками НКВД совместно с секретарями районных комитетов ВКП(б). В структурном отношении партизанские формирования выглядели следующим образом: командир, комиссар, начальник штаба, начальник боепитания, начальник снабжения, начальник управления, группа санитарного поста. Отряд делился на две роты, взводы и отделения, представляя, таким образом, добровольческое военизированное формирование. К указанному сроку были намечены места организации продовольственных баз и конспиративных квартир, дан подробный инструктаж о порядке их создания.

Проводимая работа выявила и серьезные недостатки, например, в состоянии оружия, находящегося на хранении в районных отделах НКВД. Так, в Кореневском районе Курской области все оружие и боеприпасы хранились в неприспособленном подсобном помещении (отчего винтовки начали ржаветь). В Конышевском районе оружие не охранялось, винтовки вообще не чистились. Еще одной проблемой являлась начальная боевая подготовка партизан. «В большинстве районов с командным составом истребительных батальонов занятия проведены плохо, особенно плохо командиры батальонов владеют автоматическим оружием и гранатами. Обучение бойцов поставлено плохо. Командный состав и командиров батальонов в большинстве районов секретари РК ВКП(б) посыпают в командировку на длительные сроки. Этим прикрываются командиры батальонов, слагая

с себя всякую ответственность за руководство личным составом», – сообщалось в докладной записке областного управления НКВД [12, л. 26-26-об.].

Для проверки создаваемых партизанских отрядов и проведения организационных мероприятий, в западные и северо-западные районы Курской области были направлены оперативные работники 4-го отдела УНКВД. Командированным совместно с сотрудниками районных отделов НКВД предстояло составить списки партизанских отрядов и организовать военную подготовку их командного состава.

В ходе проверки обеспеченности партизан оружием, продовольствием, медикаментами, одеждой требовалось установить потребность и на месте изыскать все необходимое. В случае невозможности решить проблему на местном уровне, заявка на снабжение представлялась в областное управление НКВД. Одновременно определялись места для закладки базы боеприпасов и продовольствия.

Одновременно сотрудниками УНКВД осуществлялся подбор кадров для выполнения специальных заданий. В частности, проводилась вербовка бойцов диверсионных групп при партизанских отрядах. Отобранным предстояло пройти соответствующую подготовку по изучению взрывного дела в специальной школе НКВД. В каждом партизанском отряде создавались резидентуры в составе резидента и 5–7 осведомителей, которым давались задания по разведке среди населения, а также оперативному освещению личного состава партизанского отряда.

В зоне будущего действия партизан вербовались доверенные лица. В их обязанности вменялось остаться на территории противника для получения сведений и установления связи с отрядами через них. Из наиболее подготовленных лиц, бывших разведчиков, хорошо знавших местность, старожилов, подбирались ходоки для обеспечения связи партизанских отрядов с частями Красной Армии и УНКВД [12, л. 23-25].

Информация о ходе организации с участием органов НКВД партизанских формирований в отдельных районах содержится и в воспоминаниях ветеранов. Так, бывший начальник штаба Троснянского отряда Д.Г. Новиков указывал, что 20 августа 1941 г. в здании районного отдела НКВД работала комиссия по отбору в партизанский отряд. Всего было записано 56 человек. 16 сентября в Фонзиновском лесу (на юго-западной окраине района) была заложена продовольственная база отряда. 29 сентября начальник райотдела НКВД выдал партизанам 56 английских винтовок и 4000 патронов к ним, 4 автомата Симонова. Отряд возглавили председатель районного совета ОСОАВИАХИМа В.А. Кавардаев (командир) и пропагандист РК ВКП(б) В.П. Трофименко (комиссар) [13].

Одним из существенных недостатков организационной работы в период формирования партизанских отрядов стал формальный подход к комплектованию их личного состава. Во многих районах сотрудники НКВД записывали в отряды до 100 и более человек. Об этом свидетельствуют клятвы партизан, датированные августом-сентябрем 1941 года. Вскоре значительная часть бойцов, занесенных в первоначальные списки отрядов, была мобилизована в РККА, эвакуирована вглубь страны или выполняла боевые задачи в составе истребительных батальонов. В результате, при отмобилизации партизанских отрядов к местам постоянной дислокации, их состав сократился на 50–70 %.

До конца не был отработан механизм управления партизанскими отрядами Курской области в зоне их предполагаемой деятельности. Так, в сентябре 1941 г. уполномоченный УНКВД при штабе партизанских отрядов Дмитриевского куста лейтенант Колозин в докладной на имя начальника Управления П.М. Аксенова сообщал, что «несмотря на пребывание штаба в районах и знакомство с ситуацией, конкретных функций штаб не знает и задачи, поставленные перед ним УНКВД не ясны, в связи с чем, возникают вопросы: будет ли организованный штаб находиться при одном из партизанских отрядов или из всех отрядов будет сформирована спецгруппа при штабе, имеющая при себе связных и через них передающая распоряжения отдельным командирам партизанских отрядов в зависимости от обстановки. Штабу не известны места расположения материальных баз и степень обеспеченности отрядов, формы связи с ними, а также место пребывания штаба в период занятия территории противником» [14]. Лейтенант Колозин привел случаи недооценки ситуации на местах отдельными должностными лицами. Так, в Крупецком районе партизаны не выполнили распоряжение командования и покинули территорию района, начальник Льговского РО НКВД на предложение собрать партизан и организовать их подготовку, заявил, что передаст личный состав отряда командиру, только когда враг будет в километре от райцентра. В Льговском и Дмитриевском отрядах не были укомплектованы должности радиостанций, из-за чего радиосвязь действовать не могла.

Необходимо отметить, что Дмитриевский штаб как орган, призванный координировать деятельность партизанских отрядов, так и не начал функционировать в первые месяцы оккупации. Эти факты, также имевшие место и в других районах Курской области, в дальнейшем, негативно сказались на боеспособности партизанских отрядов.

Первые результаты работы по организации партизанского движения в Курской области были изложены в докладе 4-го отдела УНКВД, направленном в 4-е Управление НКВД СССР. В нем сообщалось: «К моменту оставления г. Курска (2 ноября 1941 г.) на оккупированной немцами территории западных и юго-западных районов Курской области было создано 32 партизанских отряда. Из них 3 партизанских отряда (Ракитянский, Красно-Яружский, Больше-Солдатский) вскоре были разбиты немцами, а 5 партизанских отрядов (Иванинский, Прохоровский, Бесединский,

Томаровский, Ленинский) распались. Активность остальных партизанских отрядов первое время была низкая. Многие отряды находились на своих базах и выжидали, причем в ряде случаев из-за бездействия и прямой трусости командования отрядов» [15].

Осенью 1941 года только часть партизанских отрядов вела борьбу с врагом. Разведсводка, направленная на имя наркома НКВД СССР комиссара госбезопасности I ранга Л.П. Берия 14 ноября 1941 г. содержит информацию о том, что после установления связи с партизанскими отрядами, действующими в тылу противника, получены данные о боевой, диверсионной и разведывательной деятельности только Дмитриевского, Белгородского, Глушковского, Крупецкого отрядов [16].

Выполняя постановление бюро Курского обкома ВКП(б) от 16 ноября 1941 г., в котором деятельность областного УНКВД подверглась резкой критике, 4-м отделом был разработан план мероприятий по активизации партизанской борьбы и диверсионно-террористической деятельности в тылу противника. В нем содержались три основные задачи: 1) организация систематической связи с партизанским отрядами и диверсионными резидентурами; 2) максимальное направление в тыл врага диверсантов; 3) постоянное руководство их боевой деятельностью [14, л. 1-2].

Для их решения при втором отделении 4-го отдела УНКВД [17] было решено создать группу оперативных работников (32 человека). За каждым закреплялся определенный отряд. Они должны были сформировать группы связных (3 чел.) из числа агентуры. Решено было, что последние будут систематически курсировать между партизанскими отрядами и 4-м отделом УНКВД. Наряду с этим, от каждого оперработника требовалось организовать связь по цепочке. Для этого по выработанному маршруту необходимо было насаждать спецагентуру, через которую эстафетным порядком поддерживать связь с отрядом (используя конспиративные квартиры, «почтовые ящики»).

С целью усиления партизанского движения в тылу, 4-й отдел готовил заброску за линию фронта 32 организаторов для создания партизанских групп в населенных пунктах оккупированных районов. Сотрудники УНКВД приступали к немедленному формированию партизанских отрядов в девяти районах, не занятых врагом.

Чтобы максимально активизировать диверсионно-террористическую деятельность в тылу противника, областное управление НКВД намеревалось ускорить комплектование спецшколы диверсантов, в трехдневный срок провести обучение 100 курсантов, и обученные группы немедленно направить в тыл, в места скопления противника; еще 300 молодых людей (в основном девушек) должно было отправиться для совершения диверсий и терактов одиночками [4, л. 3-4].

К декабрю 1941 г. появились первые положительные результаты проделанной работы. О них 4-й отдел управления НКВД по Курской области информировал докладной запиской вышестоящие партийные органы. Для связи с партизанскими отрядами было выделено 14 оперативных работников УНКВД. В целях быстрой переотправки и приема связных были организованы 5 пунктов (в Ястребовском, Мантуровском, Корочанском, Скороднянском и Шебекинском районах) [14, л. 18].

Получаемая от связных и агентов разведывательная информация незамедлительно обрабатывалась оперативными работниками 4-го отдела УНКВД. Подготовленные разведсводки через офицеров связи направлялись командованию 2-й гвардейской и 160-й стрелковых дивизий, а также в разведотделы Брянского и Юго-Западного фронтов. От последних курские чекисты получали задания, которые выполнялись агентурно-диверсионной сетью УНКВД [18].

С 20 ноября по 10 декабря 1941 г. 4-й отдел Курского УНКВД направил в 28 находящихся в тылу партизанских отрядов 104 связных. За этот же период прибыли связные из 11 отрядов. В тыл было переброшено 27 партизанских групп и 43 диверсионные группы (176 чел.), направлены для проведения разведывательно-диверсионной работы парами 51 девушка-комсомолка (отмечался большой отсев при отборе в спецшколу и отказ их идти в тыл одиночками) [14, л. 21-22].

Проведенные мероприятия, на наш взгляд, не могли полностью обеспечить оперативность управления находящимися в тылу противника партизанскими отрядами и ускорить обмен поступающей информацией. Активизировать сопротивление оккупантам числом участников, а не качеством их боевой подготовки и решением вопросов материально-технического обеспечения, было также весьма проблематично.

Тем не менее, по данным, полученным областным управлением НКВД на 10 декабря 1941 г., деятельность курских партизан характеризовалась следующими показателями: убито 292 немецких солдата и офицера, уничтожено 3 бронемашины и 10 грузовых автомобилей с боеприпасами, взорвано 3 моста. Диверсионными группами было уничтожено 77 вражеских солдат и офицеров, 13 танков и бронемашин, 17 грузовых автомобилей, 4 мотоцикла и велосипеда, 2 подводы с продовольствием, взорвано 8 мостов. Кроме этого партизаны и диверсанты разрывали телефонную связь, подрывали железнодорожное полотно, вели активную разведку, которой установлены 2 аэродрома и 2 бронепоезда противника, уничтожали предателей [14, л. 20].

Следует отметить, что подобная информация не всегда могла быть проверена. Ее источниками, как правило, становились вернувшиеся с оккупированной территории связные или бойцы разведывательно-диверсионных групп. Если последние отчитывались о проделанной ими работе, за что несли персональную ответственность, то связные могли воспользоваться и рассказами местных жителей, не позволяющими установить точные результаты и конкретных исполнителей диверсий. Учитывая относительность количественных показателей промежуточных итогов вооруженной

борьбы в тылу войск противника, можно утверждать, что осенью-зимой 1941 г. на территории Курской области осуществлялось посильное сопротивление оккупантам, а Управление НКВД накапливало необходимый опыт в его организации.

В отличие от курских чекистов, сотрудникам 4-го отдела УНКВД по Воронежской области в 1941 г. не пришлось заниматься организацией боевой деятельности партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп на собственной территории. Обстановка на фронте предоставила воронежцам больший временной промежуток для формирования и обучения будущих участников сопротивления.

В результате организационно-мобилизационной работы, проведенной сотрудниками НКВД, к 19 ноября 1941 г. в районах Воронежской области было создано 149 партизанских отрядов общей численностью 4287 чел., подготовлено 267 диверсионных групп с количеством бойцов в них 988 чел., завербовано 129 диверсантов-одиночек. Для участия в сопротивлении оккупантам было привлечено 446 жителей областного центра, объединенных в 8 партизанских отрядов и 42 диверсионные группы.

Занимаясь организацией сопротивления оккупантам, сотрудники Воронежского УНКВД выполняли решения не только партийных органов, но и военного командования. Пребывание штаба Юго-Западного направления в Воронеже осенью – зимой 1941 г., позволило установить тесный контакт руководства областного УНКВД с войсковыми структурами. Так, на основании указаний Военного Совета Юго-Западного направления о разукрупнении партизанских отрядов и соединения с ними диверсионных групп, сотрудниками УНКВД к концу ноября 1941 г. в 32-х районах области и районах города Воронежа заново было сформировано 264 партизанских отряда численностью 1738 человек, завербовано 186 диверсантов, создано 34 диверсионно-маршрутные группы, в которые в основном вошли работники НКВД, милиции и пожарных команд [19, л. 42]. Указанная работа проводилась, в первую очередь, в прифронтовых районах области, ближе всех отстоящих от линии фронта.

Вторым важным направлением работы 4-го отдела УНКВД по Воронежской области зимой 1941 г. стала организация обучения контингента, отобранного для боевой деятельности в тылу противника. На организованных в Воронеже, Липецке, Россоши и Острогожске специальных курсах были подготовлены 63 связиста, 54 диверсанта, 143 командира партизанских отрядов и 1849 партизан. К 10 декабря 1941 г. планировалось обучить на курсах основам разведывательно-диверсионной деятельности на оккупированной территории 3171 человек [19, л. 50]. Но плановый показатель не выполнялся из-за халатного отношения районного руководства к направлению партизан на учебу.

В целом, на протяжении осени – зимы 1941 г., сотрудники УНКВД по Воронежской области провели значительную работу по подготовке к развертыванию партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск. Но позиция партийного руководства области, не обеспокоенного обстановкой на Юго-Западном фронте, оказывала сдерживающее влияние на проведение комплекса мероприятий по мобилизации материальных и людских ресурсов и выполнению специальных заданий на оккупированных территориях близ лежащих областей.

Заключение. Таким образом, важнейшую роль в деле подбора и подготовки кадров для борьбы с оккупантами, проведении оперативных мероприятий по управлению партизанскими силами, выполняли 4-е отделы областных управлений НКВД. Специфика контрразведывательной и противодиверсионной деятельности органов государственной безопасности, способствовала успешному проведению специальных операций в тылу противника. Курским чекистам пришлось заниматься не только вопросами формирования и обучения личного состава партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп, но и организации связи с ними, постановки задач и контроля за выполнением боевых заданий. Организационная работа их воронежских и тамбовских коллег ограничилась, главным образом, проведением комплекса подготовительных мероприятий по развертыванию партизанского движения. Сотрудники НКВД, находясь в составе оперативных групп на оккупированной территории, оказывали помощь партизанам в обеспечении внутренней безопасности, ограждая их от шпионов и предателей, и способствуя поддержанию воинской дисциплины в подразделениях.

Примечания:

1. Архив Управления ФСБ РФ по Тамбовской области (АУ ФСБ ТО). ОФДМ. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.
2. Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (АУ ФСБ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 45.
3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 19-19-об.
4. АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 190. Т. 2. Л. 17-19.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Том второй. Кн. I. НАЧАЛО. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 518.
6. Изученные автором документы указывают на то, что 4-й отдел при УНКВД по Курской области начал функционировать ранее его нормативного оформления приказом начальника управления. (АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 25. Л. 23-25.)
7. Архив Управления внутренних дел Курской области (АУВД КО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 317.
8. Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области (АУ ФСБ ВО). Ф. 9. Оп. 10. Д. 55. Т. 2. Л. 17.
9. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2609. Л. 59-60.

10. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2616. Л. 57-61.
11. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2773. Л. 11-12.
12. АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 25.
13. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 49. Л. 190.
14. АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 54.
15. АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 64. Л. 31-об.
16. АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 131. Л. 50-51.
17. В указанный период Управление НКВД и другие органы власти Курской области находились в г. Старом Осколе.
18. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Том третий. Кн. I. КРУШЕНИЕ «БЛИЦКРИГА». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 82.
19. АУФСБ ВО. Ф. 9. Оп. 8. Д. 2.

References:

1. Arkhiv Upravleniya FSB RF po Tambovskoi oblasti (AU FSB TO). OFDM. Op. 1. D. 20. L. 22.
2. Arkhiv Upravleniya FSB RF po Kurskoi oblasti (AU FSB KO). F. 4-go otd. UNKVD. D. 45.
3. Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Kurskoi oblasti (GAOPIKO). F. 2. Op. 1. D. 26. L. 19-19-ob.
4. AUFSB KO. F. 4-go otd. UNKVD. D. 190. T. 2. L. 17-19.
5. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: Sb. dokumentov. Tom vtoroi. Kn. I. NACHALO. 22 iyunya – 31 avgusta 1941 goda. M., 2000. S. 518.
6. Izuchennye avtorem dokumenty ukazyvayut na to, chto 4-i otdel pri UNKVD po Kurskoi oblasti nachal funktsionirovat' ranee ego normativnogo oformleniya prikazom nachal'nika upravleniya. (AU FSB KO. F. 4-go otd. UNKVD. D. 25. L. 23-25.)
7. Arkhiv Upravleniya vnutrennikh del Kurskoi oblasti (AUVD KO). F. 5. Op. 1. D. 12. L. 317.
8. Arkhiv Upravleniya FSB RF po Voronezhskoi oblasti (AU FSB VO). F. 9. Op. 10. D. 55. T. 2. L. 17.
9. GAOPIKO. F. 1. Op. 1. D. 2609. L. 59-60.
10. GAOPIKO. F. 1. Op. 1. D. 2616. L. 57-61.
11. GAOPIKO. F. 1. Op. 1. D. 2773. L. 11-12.
12. AU FSB KO. F. 4-go otd. UNKVD. D. 25.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti (GABO). F. P-1650. Op. 1. D. 49. L. 190.
14. AUFSB KO. F. 4-go otd. UNKVD. D. 54.
15. AUFSB KO. F. 4-go otd. UNKVD. D. 64. L. 31-ob.
16. AUFSB KO. F. 4-go otd. UNKVD. D. 131. L. 50-51.
17. V ukazannyi period Upravlenie NKVD i drugie organy vlasti Kurskoi oblasti nakhodilis' v g. Starom Oskole.
18. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: Sb. dokumentov. Tom tretii. Kn. I. KRUSHENIE «BLITsKRIGA». 1 yanvarya – 30 iyunya 1942 goda. M., 2003. S. 82.
19. AUFSB VO. F. 9. Op. 8. D. 2.

УДК 94

Органы НКВД и организации партизанской борьбы на территории Центрального Черноземья в 1941 году

Владимир Викторович Коровин

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: vlavikor@yandex.ru

Аннотация. На основе вводимых в научный оборот документов, выявленных в архивах региональных управлений ФСБ РФ, в статье раскрываются различные аспекты участия органов НКВД в формировании партизанских отрядов и разведывательно-диверсионной сети для борьбы в тылу войск противника на территории временно оккупированных районов Центрального Черноземья в 1941 году. Приведенный в публикации материал позволяет расширить представление о деятельности государственно-политических структур СССР в период Великой Отечественной войны. Представленные в статье факты способствуют выработке объективной оценки роли органов государственной безопасности в военной истории Отечества, а также выявлению специфики организации партизанских действий с учетом современной геополитической ситуации.

Ключевые слова: партизан; НКВД; оккупация; сопротивление; Центральное Черноземье; Курск; Воронеж; борьба; диверсант; противник.

UDC 94/99

**Contribution and the Meaning of Destructive Battalions of People's
Commissariat of Internal Affairs at the Final Stage of the World War 2.
According to the archives of Kurskaya Oblast 1944–1945**

Georgiy D. Pilishvili

Kursk State University, Russian Federation
305000, Kursk City, 33, Radisheva Street
PhD (History), Associate Professor
E-mail: pilishvili.georg@yandex.ru

Abstract. By using wide archive materials taken from local and centralized courses, this article features an attempt on analysis and interpretation of facts linked to military operations by destructive battalions in cooperation with police department, that were previously a part of People's Commissariat of Internal Affairs in Kurskaya Oblast at the Final Stage of the World War 2 in 1944–1945. The participation of destructive battalions in maintainace of public order and common property protection coincided with their main objective – struggle against enemy saboteurs. With the public support, destructive battalions together with police department waged a strong fight against crime, which under the World War 2 conditions, has undergone significant changes. The destructive battalions fought: embezzlement of public properties, looting, thefts of ration cards, falsifications, spreading false rumors and banditry. This is non-exhaustive list of crimes the destructive battalions had to fight with and prove their efficiency. As a result a part of the DB was preserved after the end of the War.

Keywords: the Great Patriotic War; destructive battalions; the Red Army; People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD); party bodies; crime; police department: 1944–1945.

Введение. Устойчивая работа тыла на завершающем этапе войны в 1944–1945 гг. требовала, как и раньше, высокой организованности и дисциплины советских людей, строгого соблюдения законов военного времени. Необходимым компонентом в решении этой чрезвычайно сложной задачи была деятельность органов Советской власти по поддержанию в стране твердого общественного порядка, решительной борьбе с дезорганизаторами тыла. Прежде всего, с дезертирами, мародерами, распространителями ложных, провокационных слухов, расхитителями социалистической собственности, спекулянтами и иными преступными элементами, чьи действия наносили ущерб оборонной мощи Советского государства. Большая роль в поддержании общественного порядка вместе с правоохранительными органами принадлежала истребительным батальонам и полкам, которые в тесном взаимодействии укрепляли тыл на протяжении 1944–1945 годов.

Участие истребительных батальонов в охране общественного порядка и защите народного достояния сочеталось с решением их основной задачи – борьбы с вражескими диверсантами. Это достигалось тем, что истребительные батальоны подчинялись непосредственно районным отделам НКВД и в своей деятельности постоянно взаимодействовали с подразделениями милиции [1]. Они осуществляли патрулирование в городах и селах, проверяли документы у граждан, находившихся в общественных местах и на железнодорожном транспорте, участвовали в облавах на дезертиров и прочих мероприятиях по обеспечению правопорядка.

В годы войны число опасных преступлений возросло. В предвоенные годы преступность имела тенденцию к сокращению. Например, в 1940 г. по сравнению с 1939 г. число вооруженных ограблений сократилось на 3%, невооруженных – почти на 30%, дерзких форм хулиганства – на 27% [2]. Одной из особенностей, влиявших на состояние преступности, была сравнительно легкая доступность оружия в прифронтовых районах, а также в местностях, недавно освобожденных от фашистской оккупации. Наличие оружия у преступного элемента, особенно у дезертиров, вело к организации вооруженных грабительских групп, а порой и банд, борьба с которыми требовала большого мужества и мастерства от работников милиции и бойцов истребительных батальонов, принимавших участие в проведении операций по изъятию уголовного преступного элемента во время облав и проверок документов. Также бойцы и командиры истребительных батальонов, как и работники милиции, воины внутренних войск НКВД были мобилизованы на протяжении всей войны на охрану особо важных объектов промышленности и железнодорожного транспорта, банков, складов, сопровождали эшелоны с грузами, следующие на фронт и т.д.

Трудности военного времени со снабжением населения продовольствием и товарами первой необходимости пытались использовать в преступных целях расхитители и спекулянты, различного рода жулики. Нужно сказать, что в предвоенные годы заметно расширились обязанности

органов милиции по предупреждению хищений социалистического имущества. В марте 1937 г. в составе Главного управления НКВД СССР был организован Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС).

В утвержденном положении об этом отделе подчеркивалось, что он создается для обеспечения борьбы с хищениями социалистической собственности в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промысловый и инвалидной кооперации, в заготовительных органах и сберкассах, а также для борьбы со спекуляцией. Отдел руководил работой республиканских, краевых, областных управлений, где имелись аппараты БХСС. В тех городских и районных отделах милиции, где эти аппараты не создавались, борьба с хищениями социалистической собственности возлагалась на милицию в целом и уголовный розыск [3].

Если до войны основным объектом хищений были деньги, то в войну – промышленные товары, продовольствие, предметы первой необходимости (соль, спички, керосин, табак и др.). Вырученные деньги преступники пытались обменять на золото, иностранную валюту, золотые изделия и драгоценности. Многочисленные хищения нормированных товаров отмечались в магазинах, столовых, на базах, пищевых предприятиях. Перед органами милиции и их аппаратами БХСС была поставлена задача решительно пресекать деятельность расхитителей народного достояния, вести беспощадную борьбу со спекулянтами, которые были тесно связаны с расхитителями и другими жуликами и мошенниками. В этом большую помошь органами милиции оказывали бойцы истребительных батальонов, члены групп содействия милиции, охраны общественного порядка и сельские исполнители.

Научное изучение обозначенной темы статьи в общеисторическом плане позволяет глубже раскрыть проблемы функционирования и боевой деятельности истребительных батальонов совместно с милицией и органами НКВД в годы Великой Отечественной войны. Этот вопрос, с нашей точки зрения, еще не в полной мере исследован, как на федеральном, так и особенно на региональном уровне. В данной работе мы стремимся объективно показать вклад бойцов-истребителей в охрану Советского тыла на территории Курской области в 1944–195 гг.

Материалы и методы. Основными источниками для написания данной статьи стали фонды как центрального архива Российской Федерации – Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), так и фонды региональных архивов – Государственного архива общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО), Государственного архива Курской области (ГАКО), Архива Исследовательского центра Управления МВД Курской области (ИЦ УМВД КО). Многие документы, выявленные в выше названных архивах вводятся в научный оборот впервые и освещают ранее не известные факты комплектования, обучения, боевого и оперативного применения частей истребительных батальонов совместно с органами милиции при охране общественного порядка, а также те трудности и недостатки с которыми пришлось столкнуться партийным органам и органам НКВД при оперативном руководстве истребительными батальонами.

В основу исследования нами был положен принцип историзма, помогающий установить причинно-следственные связи с учетом конкретных фактов и явлений в их движении и взаимосвязи. Базовым методологическим принципом стала научная объективность, дающая возможность отойти от конъюнктурно-политических оценок событий прошлого и осуществить беспристрастный анализ собранной информации. В процессе исследования были также использованы системный, ретроспективный, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический методы исследования.

Обсуждение. Истребительные батальоны были организованы 25 июня 1941 г. в прифронтовых областях по постановлению Наркомата внутренних [4]. Они создавались главным образом из партийного и советского актива, из добровольцев, физически крепких и подготовленных в военном отношении, но не подлежащих призыву в действующую армию. Для руководства истребительными батальонами в отделах и управлениях Наркомата внутренних дел районов, областей, краев республик были созданы специальные штабы. Общее руководство деятельностью истребительных батальонов было возложено на Центральный штаб, образованный при НКВД СССР во главе с генерал-майором Г.А. Петровым [5]. В своей деятельности штабы истребительных батальонов опирались не только на приказы НКВД, но и на постановления Государственного Комитета Обороны [6].

Среди преступлений, совершившихся в годы войны, особую опасность представляло дезертирство из Красной Армии и с предприятий оборонной промышленности. Органам милиции и истребительным батальонам вменялось в обязанности не менее двух раз в декаду проводить в городах и селах массовые облавы по проверке документов у граждан, а также прочесывание местности, где могут укрываться дезертиры, привлекая в помошь партийный, советский и комсомольский актив [7].

Большое значение для укрепления охраны социалистической собственности имело постановление Государственного Комитета Обороны от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с хищениями и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров», в котором были намечены дополнительные меры по мобилизации партийных, советских, комсомольских организаций, правоохранительных органов на решительную борьбу с бесхозяйственностью,

хищениями и спекуляцией. Бойцы истребительных батальонов, участвуя вместе с работниками милиции в мероприятиях по охране общественного порядка, патрулировании, облавах, других операциях по изъятию преступного элемента, задерживали воров, спекулянтов на рынках, в поездах, других местах [8].

Что касается борьбы истребительных батальонов со шпионами и диверсантами в 1944–1945 гг., то после разгрома фашистских войск под Курском, Орлом и Белгородом, когда линия фронта ушла далеко на Запад, разведка противника стала придерживаться оборонительной стратегии. Ее подрывная деятельность в советском тылу стала значительно слабее. В конце 1943 – начале 1944 г. резко сократилась заброска агентов в советский тыл [9].

По мнению В.В. Коровина, основной причиной, побудившей немецко-фашистскую разведку сократить заброску шпионов и диверсантов в советский тыл, явились провалы и ненадежность завербованных агентов. Ставка на советских военнопленных не оправдала себя [10].

На завершающем этапе войны, в 1944–1945 гг., на территории Центрально-Черноземного региона продолжали функционировать истребительные батальоны только Курской области. Дело в том, что в соответствии с приказом НКВД СССР № 0044 от 12 января 1944 г. истребительные батальоны Воронежской и Тамбовской областей, в силу изменившейся военной обстановки, были расформированы [11]. Курская область, находившаяся на важнейших путях движения на фронт резервов Красной Армии, вооружения, продолжала привлекать внимание немецкой разведки; не был еще искоренен бандитизм. Поэтому для работы истребительных батальонов оставалось большое поле деятельности. Истребительные батальоны находились во всех 66 районах области, и 2 батальона – в Курске. При дислоцировании подразделений батальонов учитывалась оперативная обстановка и особенности местности района. Поэтому, как правило, основное ядро силою до взвода – 30–60 бойцов имелось при райцентре и 3–4 отделения в отдельных батальонах и взводах силою 12–25 человек, созданных на периферии при важнейших промышленных и сельскохозяйственных объектах. Брались под контроль шоссейные и железнодорожные пути, где было более вероятно движение и оседание враждебно-преступного элемента. По состоянию на 1 июля 1944 г. в батальонах области состояло 4073 человека личного состава, из них: членов и кандидатов ВКП(б) – 1 028, или 25%; членов ВЛКСМ – 585, или 15%; совпартактив – 1428 – около 35%; допризывников – 1679 – около 41% [12].

На вооружении батальонов 1 июля 1944 г. имелось: винтовок – 2866 шт.; пистолетов-пулеметов – 248 шт.; ручных пулеметов – 58 шт. (итого – 3172 шт. боевых стволов). Это оружие составляло 78% от общего числа личного состава бойцов истребительных батальонов. Оружие использовалось, в основном, подобранные в поле и изъятое у населения [13].

В этот период времени бойцы истребительных батальонов совместно с группами содействия были широко задействованы в оперативно-служебной деятельности. Они выставляли посты воздушного наблюдения, конвоировали задержанных противников, охраняли объекты, несли внутренние наряды. Помимо прочего занимались патрулированием территории, проводили облавы в населенных пунктах, прочесывали леса, участвовали в операциях по задержанию, проводимых органами НКВД. За период 1944 г. при непосредственном участии бойцов истребительных батальонов и групп содействия, было задержано: бандитов и их пособников – 59 чел.; ставленников врага – 56 чел.; дезертиров из Красной Армии, уклонившихся от призыва – 1654 чел. За этот же период истребительными батальонами и группами содействия было собрано на полях и изъято у населения оружия – 6974 ствола, винтовочных патронов – 86763 штуки [14]. Можно привести лишь несколько из множества примеров оперативно-служебной деятельности истребительных батальонов и групп содействия. В январе 1944 г. командир Волоконовского истребительного батальона младший лейтенант милиции Песчинский с бойцами Лавриненко и Логосла преследовал сбежавшего из КПЗ РО НКВД активного бандита и в прошлом убийцу Лазаренко. Благодаря проявленной настойчивости указанная группа задержала бандита лишь в соседнем Б.-Троицком районе, ведя непрерывное преследование около 50 км.

В феврале командир Прохоровского истребительного батальона старший лейтенант милиции Ковалев с командиром отделения батальона Левиным, по имевшимся агентурным данным находились в засаде для задержания немецкого ставленника Крюкова и бывшего полицейского Косухина. В результате правильных действий засады немецкий ставленник Крюков был убит, а Косухин захвачен живым [15].

В Крупецком районе в феврале 1944 г. при облавах населенных пунктов Михайловского и Б.-Гнеушевского сельсоветов, при участии 17 бойцов истребительного батальона и 6 членов групп содействия были задержаны немецкие пособники – бывшие староста и голова района, скрывавшиеся в течение шести месяцев, а также 3 дезертира из Красной Армии. В Ракитянском районе в мае того же года при участии бойцов истребительного батальона и членов групп содействия во время прочесывания лесов в районе Шкурино-Дакново и Марко-Церковного при проверке блиндажей и ям было задержано 12 дезертиров из Красной Армии и один уклонившийся от призыва [16].

Также бойцам истребительных батальонов часто приходилось действовать и в нештатной обстановке. На территории Свободинского района Курской области в конце мая 1944 г. было зарегистрировано два случая бешенства животных. 25 мая в Гремяченском сельсовете этого района

появились две бешеные лисы, которые напали на коров колхозников и покусали их. В результате коровы заразились бешенством и впоследствии пали. Лисы, искусавшие коров, были убиты: одна колхозниками, а вторая – коровой. 28 мая в селе Долгое этого же района появилась третья бешеная лиса, которая была убита бойцами истребительного батальона [17].

Согласно указанию председателя Курского исполнительного комитета Облсовета депутатов трудящихся Волчкова от 31 июля 1944 г., по 12 районам области были созданы группы для облав на волков из охотников и бойцов истребительных батальонов, общим количеством 276 человек. За прошедший период времени по этим районам было проведено 14 облав, в результате которых было убито 5 волков (в Щигровском – 1, в Пристенском – 2, в Кривцовском – 2) [18].

1 декабря 1944 г. был издан приказ НКВД СССР № 001447, по которому штаб истребительных батальонов НКВД СССР был расформирован, а выполняемые штабом функции переданы в Главное Управление НКВД СССР по борьбе с бандитизмом. Были даны указания о слиянии на местах управлений и отделов по борьбе с бандитизмом и штабов истребительных батальонов [19]. Штаб истребительных батальонов Курской области вошел оперативно 1 декабря 1944 г. в группу при Управлении НКВД Курской области и активно продолжал свою работу на протяжении 1945 г. при отделе ББ [20].

Продолжали активную деятельность истребительные батальоны и группы содействия в 1945 г. Количество особо опасных бандгрупп, бандитов-одиночек значительно уменьшилось. Этому способствовала деятельность бойцов-истребителей и их помощников, которые не жалея сил и порой не щадя своей жизни вели непримиримую борьбу с теми, кто мешал местным жителям работать и восстанавливать разрушенное хозяйство. По состоянию на 1 января 1945 г. в батальонах области состояло личного состава – 2631 чел. Из них: совпартактива – 835 чел.; допризывников – 932 чел. Остальной состав – имевшие отсрочку и броню, бойцы старшего возраста и женщины. По партийности: членов и командиров ВКП(б) – 686 чел.; членов ВЛКСМ – 336 чел. [21] На вооружении истребительных батальонов области состояло: винтовок – 2 866 шт.; пистолетов-пулеметов – 248 шт.; ручных пулеметов – 58 шт. (итого – 3 172 боевых стволов) [22].

За первый квартал 1945 г. бойцами истребительных батальонов Курской области было проведено 294 задержания, из них дезертиров из Красной Армии – 30; дезертиров с трудового фронта – 59; нарушителей режима военного времени – 52; уголовных элементов – 13; спекулянтов – 47; без документов и подозрительных – 93 [23].

Завершение войны с Германией в начале мая 1945 г. потребовало внести корректировки и в деятельность истребительных батальонов, что и было сделано в мае 1945 г. В связи с тем, что еще не сложилась обстановка для принятия общего решения о расформировании истребительных батальонов как вооруженной силы органов НКВД, используемой в борьбе с бандитизмом, дезертирством и другими преступными элементами, в некоторых районах области, где база для возникновения и роста бандитизма была разгромлена, изъятие отдельных банд, одиночек и дезертиров могли выполнять РО НКВД силами своего аппарата и актива из местного населения, батальоны распускались в 23 районах области. Расформирование батальонов и сдача оружия на склад ХОЗО должны были быть закончены до 18 июня 1945 г. В остальных районах батальоны были реорганизованы в истребительные взводы численностью 20–30 человек [24].

Заключение. Следует подвести итоги и сделать определенные выводы. Итак, на завершающем этапе войны, в 1944–1945 гг., на территории Центрально-Черноземного района продолжали функционировать истребительные батальоны только Курской области. В это время на территории Курской области еще оставались скрывающиеся в лесах дезертиры и немецкие пособники, которые группами или в одиночку занимались грабежами близлежащих населенных пунктов и отравляли жизнь людям. Всего в первом полугодии 1944 г. курскими бойцами-истребителями было обезврежено 27 бандитов и их пособников. К началу 1945 г. когда база для возникновения и роста бандитизма была разгромлена и борьбу с ними могли выполнить РО НКВД силами своего аппарата, приказом начальника УНКВД от 28 мая 1945 г. истребительные батальоны в 23 районах области и 2 районах г. Курска были расформированы, а в 31 районе – реорганизованы в отдельные истребительные взводы.

Тот факт, что истребительные батальоны существовали до конца мая 1945 года, свидетельствует о важности и результативности данных формирований в системе органов НКВД на территории Курской области.

Примечания:

1. Биленко С.В. На бессменном посту. М., 1969. С.30.
2. Биленко С.В. На охране тыла страны: Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1988. С. 103.
3. Биленко С.В. На охране тыла страны: Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1988. С. 107.
4. Шамаев В.Г. Партийное руководство военно-патриотическим воспитанием населения Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1988. С. 96.

5. Верютин Д.В. Деятельность органов НКВД на территории Центрального Черноземья накануне и в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2002. С. 77–78.
6. Данилов В.Н. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 1996. С. 464–465.
7. Биленко С.В. На охране тыла страны: Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1988. С. 104.
8. Российский государственный архив общественно-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–8.
9. Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 1998. С. 19–20.
10. Бондарева А.В. Органы государственной безопасности советской провинции в годы Великой Отечественной войны (на примере Курской области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2004. С. 80.
11. Яценко К.В. Фронтовой регион: Центральное Черноземье России в системе военно-организаторской деятельности местных властных структур в годы Великой Отечественной войны. Курск, 2006. С. 200.
12. Информационный центр УВД Курской области (ИЦ УВД КО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 15. Л. 165.
13. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 15. Л. 166.
14. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 15. Л. 167.
15. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 15. Л. 165 об.
16. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 15. Л. 168.
17. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3464. Л. 286.
18. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 48. Л. 98.
19. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 78. Л. 12.
20. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 15. Л. 69.
21. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 80. Л. 5.
22. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.
23. ИЦ УВД КО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 79. Л. 4.
24. ИЦ УВД КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 25. Л. 30.

References:

1. Bilenko S.V. Na bessmennom postu. M., 1969. S.30.
2. Bilenko S.V. Na okhrane tyla strany: Istrebitel'nye batal'ony v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. M., 1988. S. 103.
3. Bilenko S.V. Na okhrane tyla strany: Istrebitel'nye batal'ony v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. M., 1988. S. 107.
4. Shamaev V.G. Partiinoe rukovodstvo voenno-patrioticheskim vospitaniem naseleniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Voronezh, 1988. S. 96.
5. Veryutin D.V. Deyatel'nost' organov NKVD na territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 2002. S. 77–78.
6. Danilov V.N. Chrezvychainye organy vlasti regionov Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02. Saratov, 1996. S. 464–465.
7. Bilenko S.V. Na okhrane tyla strany: Istrebitel'nye batal'ony v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. M., 1988. S. 104.
8. Rossiiskii gosudarstvennyi arkiv obshchestvenno-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 84. L. 2–8.
9. Korovin V.V. Sovetskaya razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M., 1998. S. 19–20.
10. Bondareva A.V. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti sovetskoi provintsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Kurskoi oblasti): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 2004. S. 80.
11. Yatsenko K.V. Frontovoi region: Tsentral'noe Chernozem'e Rossii v sisteme voenno-organizatorskoi deyatel'nosti mestnykh vlastnykh struktur v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Kursk, 2006. S. 200.
12. Informatsionnyi tsentr UVD Kurskoi oblasti (ITs UVD KO). F. 38. Op. 1. D. 15. L. 165.
13. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D. 15. L. 166.
14. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D. 15. L. 167.
15. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D. 15. L. 165 ob.
16. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D. 15. L. 168.
17. Gosudarstvennyi arkiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Kurskoi oblasti (GAOPI KO). F. 1. Op. 1. D. 3464. L. 286.
18. Gosudarstvennyi arkiv Kurskoi oblasti (GAKO). F. R-3322. Op. 10. D. 48. L. 98.
19. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D. 78. L. 12.
20. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D. 15. L. 69.
21. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D. 80. L. 5.
22. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D. 15. L. 6.

23. ITs UVD KO. F. 38. Op. 1. D.79. L.4.
24. ITs UVD KO. F. 5. Op. 1. D. 25. L. 30.

УДК 94/99

**Вклад и значение истребительных батальонов
Народного комиссариата внутренних дел в борьбу с преступным элементом
на завершающем этапе Великой Отечественной войны
по материалам архивов Курской области 1944–1945 гг.**

Георгий Джунглович Пилишвили

Курский государственный университет, Российская Федерация
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: pilishvili.georg@yandex.ru

Аннотация. В статье с привлечением обширного архивного материала впервые вводимого в научные оборот как из центрального, так и из местных архивов, статистических данных, законодательных актов сделана попытка объективно подойти к анализу и интерпретации фактов по осуществлению боевой и оперативной деятельности частей истребительных батальонов совместно с милицией входивших в состав органов Народного комиссариата внутренних дел по Курской области по осуществлению охраны правопорядка в тылу на завершающем этапе Великой Отечественной войны – в 1944–1945 гг. Участие истребительных батальонов в охране общественного порядка и защите народного достояния сочеталось с решением их основной задачи – борьбы с вражескими диверсантами. Опираясь на помочь общественности, истребительные батальоны, органы милиции вели решительную борьбу с преступностью, характер которой в условиях войны, естественно, претерпел существенные изменения. Воровство на государственных объектах и в жилых домах после эвакуации хозяев, дезертирство, кражи продовольственных карточек и подделка их, распространение ложных слухов, нарушение правил светомаскировки, бандитизм – таков неполный перечень наиболее характерных преступлений во время войны с которыми пришлось оперативно бороться истребительным батальонам и на деле доказать свою эффективность, подтверждение чего является тот факт, что часть батальонов была сохранена и после окончания Великой Отечественной войны в мае 1945 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; истребительные батальоны; Красная Армия; Народный комиссариат внутренних дел (НКВД); партийные органы; преступность; милиция; 1944–1945 годы.

UDC 321

The Political System of Russia in the Program of National Union of New Generation

Luydmila V. Klimovich

Ulyanovsk State University, Russian Federation
432063, Ulyanovsk, Karla Libknehta str., 6-19
PhD, Assistant Professor
E-mail: Lusek84@yandex.ru

Abstract. Russian emigration developed a complex of ideological and political concepts on changing system in Soviet Russia. The focus of the article is on the political program of the National Union of the New Generation. The union was formed in 1930 in Yugoslavia and had offices in many countries. It proclaimed the overthrow of the Bolshevik government. On the base of the involvement of archive documents of the People Labor Union of Russian Solidarists (Frankfurt am Main), the author concludes that this organization does not define the future of political structure of Russia, adopted the position called "nepredreshenchestvo". The analysis shows that the program of this organization was perceived ambiguously.

Keywords: emigration; National Union of the New Generation; political program; Soviet Russia; novopoklonenci; nepredreshenie; unity state; Russian émigré community abroad.

Введение. После революции 1917 года в России, в вынужденной эмиграции оказалось более 2-х миллионов человек. Люди уезжали семьями, увозили с собой детей. Дети в эмиграции взрослели и сами пытались найти ответы на вопросы как жить дальше? Какими методами бороться с большевистской властью? Они жили в ожидании возвращения на Родину, и естественно их мысли были направлены на решение вопросов: как долго продержится большевистская власть? Что последует за ней? Какова будет роль российской эмиграции в процессе становления новой России?

Разногласия в среде эмигрантов касались главного, какой именно строй должен сменить большевистский режим. В эмиграции появилась масса программ будущего устройства России. Самым дискуссионным в среде эмиграции был вопрос о политическом строе и государственном устройстве России: монархия или республика?

Молодое поколение эмиграции не осталось в стороне и включилось в политические споры. Очень скоро молодежь стала объединяться в различные кружки и союзы.

Материалы и методы. Исследование основано на материалах периодической печати эмигрантских организаций, трудах и мемуарах видных деятелей эмиграции. Анализу подверглась политическая программа Национального Союза Нового Поколения. Выводы исследования базируются на анализе материалов архива Народно-трудового Союза Российской Солидаристов во Франкфурте-на-Майне [1].

Ведущим принципом исследования является принцип рассмотрения тех или иных событий прошлого в связи с конкретно-исторической обстановкой. Использование сравнительного метода дало возможность выделить особенности политических установок НСНП. Метод системного анализа способствовал определению места организации в политическом спектре эмиграции.

Обсуждение. В последнее двадцатилетие тема российской эмиграции приобрела особую актуальность. Эмигрантские движения, их политические программы стали предметом изучения многих ученых. Специальных работ, посвященных деятельности НСНП в предвоенный период нет. Но отдельные аспекты их деятельности были рассмотрены в работах как российских, так и зарубежных исследователей.

В контексте отношения русской эмиграции к фашизму НСНП рассмотрены в книге А. В. Окорокова [2]. В докторской диссертации П. Н. Базанова [3], дается материал по издательской деятельности НСНП. С точки зрения молодежного активизма деятельность новопоколенцев рассматривается в диссертации С. Н. Пучкова [4]. Совместный труд членов НТС Л. А. Рара и В. А. Оболенского [5] рассматривает условия, в которых начиналась работа НСНП, взаимоотношения его с другими организациями Русского Зарубежья. В книге члена НТС М. Славинского «Парижские зарисовки» [6] о деятельности Управления Зарубежной Организации НТС периоду становления НСНП посвящено несколько страниц. В монографии профессора Европейского университета Виадрина во Франкфурте-на-Одере Карла Шлётгеля [7] деятельность НСНП рассмотрена только на примере Германии. Книга американского журналиста Гордона Янга [8], построена в форме интервью, которые он брал у членов НСНП, довоенный период деятельности НСНП был описан в книге поверхностно, с указанием лишь общезвестных фактов.

В представленной историографии Национальный Союз Нового Поколения рассматривался с точки зрения организационной деятельности молодежи. Практически неизученным остался вопрос содержания их политических и экономических программ.

НСНП ведет свою историю с 1930-х годов. В декабре 1931 года группы национально-мыслящей молодежи за рубежом объединились, и стали именовать себя Национальный Союз Нового Поколения (далее – НСНП), председателем которого был избран герцог Сергей Лейхтенбергский, а председателем исполнительного бюро – Виктор Байдалаков. С 1936 года организация стала называться Национально-Трудовым Союзом Нового Поколения. В эмигрантских кругах членов НСНП называли «новопоколенцами» или «нацмальчиками».

Главную роль в борьбе с большевизмом НСНП отводил пропаганде идей, но одновременно его члены считали неизбежным применения техники конспирации. В ранние годы становления организации были слышны голоса не исключающие террористической борьбы, заявляя, что «в борьбе с большевиками цель оправдывает средства» [9]. В качестве конкретных антисоветских акций использовалась, в частности, отправка добровольцев в Советский Союз, а для их подготовки издавался специальный журнал «Инструктор». О конспиративной деятельности НСНП (НТС) известно немного – за исключением того, что его посланцы неоднократно погибали при переходе границы или арестовывались уже в СССР [10].

НСНП имел свои представительства в Китае, Польше, странах Прибалтики, Болгарии, Франции. С началом Второй мировой войны многие его члены выступили в поддержку «третьей силы» – за создание в России с помощью НТС независимого национального движения. Что касается участия членов Союза в Русской Освободительной Армии, то эта тема до сих пор вызывает острые споры [11].

Политическая программа НСНП окончательно оформилась на III Съезде в апреле 1934 года и её идеологические основы были опубликованы в сборнике «Национальный Союз Нового Поколения» в 1935 году [12].

Новопоколенцы не предрещали будущий политический строй России, считали это непринципиальным.

Они отказывались от предрещения формы правления, так как были убеждены, что только сам народ может определить форму правления, а «чаяния зарубежья, даже если бы оно все сговорилось на определенной форме правления, не будет истинно русским, ибо нас здесь полтора миллиона, – там 160 млн. И значит наше решение в данном случае просто недостаточно для определения той или другой формы правления» [13]. Не определяя форму правления, они представляли ее в виде синтеза порядков дореволюционной и большевистской России: «Россия будущая идет – нравится это кому или нет – новая, не большевистская, но и не дореволюционная. И эта Новая Россия будет иметь в себе следы обоих режимов» [14].

Не предрещая характер политического строя России, новопоколенцы проработали вопрос участия народа в управлении страной через систему ответственных представителей. Ответственные представители, по их замыслу, должны были избираться из «бытовых, территориальных, социально-экономических организаций». Избранные представители обязаны были доносить мнение народа до властных структур и оказывать на них влияние, и в то же время нести ответственность перед избравшими их людьми. «Власть должна иметь живую и действительную связь с населением. Эта связь практически может осуществляться через представительство отдельных бытовых, территориальных и социально-экономических организаций. Причем представители только тогда будут действительной связью власти с населением, если их слова и действия обязывают пославшие их организации, а сами представители отвечают перед этими организациями. Такое представительство НТСНП называет ответственным представительством» [15].

Члены НСНП выступали против парламентаризма, так как парламентарии представляют интересы своей партии, фракции, а не народа: «Совершенно иначе обстоит дело, когда представителями являются делегаты деловых организаций. Этим к участию в государственном строительстве приходят те, кто уже сумел себя проявить как организатор в меньшем масштабе. Таким образом, выдвижение в государственные деятели в значительной мере освобождается от демагогии и происходит наиболее естественным путем, чем обеспечивается приток свежих творческих сил к власти» [16]. Новопоколенцы полагали, что представители деловых организаций будут ближе к народу и, таким образом, обеспечится прозрачность действий властных структур.

Планируя введение института ответственных представителей, новопоколенцы предлагали сохранить государственный аппарат, который должен существовать параллельно с ответственным представительством: «Мы считаем также важным и то, что организации ответственного представительства существуют и действуют параллельно и одновременно с государственно-бюрократическим аппаратом. Проистекающее отсюда соревнование полезно для обеих сторон: в конечном счете, существование обоих аппаратов наилучшим образом обеспечивает более полное удовлетворение нужд населения» [17].

В то же время существование двух структур исполнительной власти опасно для государства, встает под сомнение их соревновательный характер. На практике это может привести к срастанию структур, дублированию их друг другом, и, как результат, – некачественная реализации решений «Москвы» на местах. Остается открытым вопрос, кто на местах будет нести ответственность за

исполнение того или иного решения: ответственные представители или государственные чиновники? В программных документах НСНП читаем: «Оставляя бюрократии только то, что ей принадлежит по существу, аппарат ответственного представительства сам выполняет через всевозможные организации решения центральных представительных учреждений, сильно разгружая, таким образом, государственную власть» [18]. Аппарат чиновников существует для того, чтобы выполнять решения органов верховной власти, а если его функции переходят к другому органу, в чем остается смысл его существования? На эти вопросы ответов в программных документах НСНП мы не находим, они так и остались открытыми.

В тексте резолюции НТСНП о трудовых сословиях, принятой в 1937 году, ответственные представители рассматривались как органы законодательной власти: «Все органы управления Государством, начиная от сельских и городских самоуправлений, вплоть до Областных управлений и Государственных законодательных палат образуются из ответственных представителей соответствующих органов Трудовых Сословий» [19]. По смыслу этой резолюции, должно существовать разделение властей на законодательную и исполнительную, но в выше приведённой трактовке становится неуместным утверждение о соревновательном характере аппарата чиновников и ответственных представителей. Ведь если это разные ветви власти, то сферы деятельности у них не должны пересекаться.

Сkeptической оценке в кругах русской эмиграции подвергалась программа новопоколенцев; она была воспринята как продукт кабинетного творчества: «Авторы ее взяли из дореволюционных программ все «права и свободы» и дополнили их самыми модными моделями <...> Программа Народного Фронта, которая разорила богатейшую Францию, самым серьезным образом рекомендуется нищей России сейчас же после свержения Советской власти» [20].

Петру Струве симпатизировала идея непредрешенчества, он даже выделял в своей газете «Россия и славянство» полосу для статей новопоколенцев. За непредрешенчество новопоколенцев в эмиграции они встречали как поддержку, так и неприязнь. На нападки они отвечали однозначно: «В свое время мы решим и последний вопрос – монархия или республика – когда придет его время» [21].

Важное место в программе НСНП занимал вопрос будущего административно-территориального устройства России. Новопоколенцы выступали за единую Россию и не поддерживали идею федерации: «Федерация неизбежно приведет к сепаратизму (под влиянием мелких демагогов-честолюбцев), а сепаратизм означает распад России» [22]. По их мнению, только едина Россия могла стать гарантом безопасности и обеспечивать мирный труд, а также сохранить самобытность народов. Наряду с идеей унитарного государства, они выдвигали идею регионализма, то есть широкого самоуправления областей, созданных по культурно-бытовым, территориально-географическим и экономическим признакам [23]. Новопоколенцы отдельно выделяли национальные особенности областей, учитывали, что Россия многонациональное государство.

Основная идея института ответственных представителей заключалась в стремлении обеспечить участие народа в управлении страной. Они отказывались от парламентского принципа формирования органов народного представительства, так как считали, что парламентарии проводят в жизнь интересы партии, а не народа. Эта позиция была близка к позиции другой молодежной организации «Союза Младороссов», с которой они находились в идейной конфронтации [24].

Современный исследователь М. Йованович полагает, что «Независимая идеино-политическая концепция второго поколения эмиграции получила полное развитие лишь в рамках Национального союза нового поколения» [25]. По его мнению, новопоколенцы внесли большой вклад в идейное развитие русской эмиграции.

Видный исследователь Русского Зарубежья С. В. Онегина считает, что «сущность «непредрешенчества» заключалась в непредрешении образа правления в «национальной России», который должен быть выбран самим русским народом. Однако, помимо формы правления, «непредрешенчество» оставляло скрытым и целый ряд других, не менее важных вопросов: социальный строй, национальное устройство, земельные отношения и др.» [26]. Если рассматривать непредрешенчество с этой точки зрения, то новопоколенцев нельзя в полной мере отнести к данному спектру, так как земельный и социальные вопросы были проработаны в их программе. Сами новопоколенцы не относили себя к лагерю непредрешенцев, а называли себя «национальное надпартийное движение» [27].

М. Назаров отзыается о непредрешенчестве неоднозначно: «Сначала непредрешенчество было не чем иным, как тактическим стремлением к объединению сил на чисто отрицательной платформе: против большевиков, независимо от предпочтения монархии или республики. В этом можно видеть элемент скромности, отказ от навязывания народу своей воли из заграницы. Тем более такая позиция была оправдана в армии, в которой не место политическим разделениям. Но с исчезновением надежд на «весенний поход» и с постепенным размыванием военных структур РОВСа (Российского общевоинского союза – прим. Л.К.), минусы непредрешенчества стали преобладать над плюсами» [28]. По мнению Назарова, непредрешенчество не та позиция, на которой должна была стоять активная часть эмиграции.

Сложно определить, к какому политическому спектру относится рассматриваемая организация. А. Варакса считает: «В политическом плане “новопоколенцы” были близки к радикальным фашистским организациям, возникшим в Русском Зарубежье» [29].

Заключение. Новопоколенцы тяготели к правому лагерю эмиграции, либеральные и социалистические концепции в их программах отразились в меньшей степени. Позиция новопоколенцев не предрешавшая будущий строй России, не помешала им обозначить контуры будущего государственного устройства, которое должно было опираться на принцип «народовластия».

Программные предложения новопоколенцев в области решения вопроса о политическом строе России явились попыткой соединить русские традиции и западные идеи с советской действительностью. В основу решения вопроса административно-территориального устройства новопоколенцы закладывали национальные интересы народов, населявших Россию. Их теоретические разработки так и не были применены на практике, вследствие этого многие пункты программ были противоречивы и даже спорны как тогда, так и сейчас.

Примечания:

1. Национальный союз Нового Поколения (НСНП) неоднократно менял названия: Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). В тексте все эти названия будут применяться как равнозначные.

В настоящее время основной массив документов по истории НТС храниться в их частном архиве во Франкфурте-на-Майне.

Подробнее: Климович Л.В. Документы по истории Народно-трудового Союза российских солидаристов в архиве НТС во Франкфурте-на-Майне /Л.В.Климович // Историографический сборник: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2010. С. 133–141.

2. Окороков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1925–1945 гг.) /А. В. Окороков. М.: Русаки, 2001. 593 с.

3. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции: 1918 – 1988. Дис... докт. ист. наук. СПб., 2005. 645 с.

4. Пучков С. Н. Политический активизм молодежной среды российской эмиграции в 1920–1930-е гг.: институционализация и идеология. Дис... канд. ист. наук, М., 2004. 225 с.

5. Пар Л. А. Ранние годы. Очерк истории Национально-Трудового Союза (1924–1948) / Л. А. Пар, В. А. Оболенский. М.: «Посев», 2003. 192 с.

6. Славинский М. В. Парижские зарисовки (из жизни Управления Зарубежной Организации НТС) / М. В. Славинский. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1-е изд. 2006. 164 с., 2-е изд. 2009. 170 с.

7. Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал: русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). /К. Шлегель / Пер. с нем. Лисюткиной Л. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 632 с.

8. Gordon Young George. The house of secrets: Russian Resistance to the Soviet regime today /Y. G.Gordon. N.Y.: Duell. Sloan and Pearce, 1951. 179 р.

9. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. /В.С.Варшавский/ М.: ИНЭКС, 1992 (репринтное издание, Нью-Йорк, 1956), С. 88.

10. Циркуляр № 20 Председателя Центрального Правления НТСНП В. Д. Поремского от 24 ноября 1935. // Архив НТС. Ф. 1. П. 22. Д. 20. Л. 1

11. Климович Л. Народно-трудовой союз российских солидаристов: ранние страницы истории /Л.Климович // Неприкосновенный запас. 2013. №5. С. 139-156.

12. См.: Национальный Союз Нового Поколения (Национально-трудовой союз). Белград. Издание Исполнительного Бюро Совета Союза. 1935. // Архив Народно-трудового союза во Франкфурте-на-Майне, Германия (далее Архив НТС). Ф. 1. П. 11. Д. 31.

13. «Предрешение и непредрешение». (Доклад Ф. А. Мельникова на открытом заседании Н.С.Н.П. 29.06.1932 г.) // За Россию. Июнь. 1932. № 4. С. 1.

14. А. Р. Революция // За Новую Россию. Ноябрь. 1935. № 43/8. С. 1.

15. Национально-трудовой солидаризм. Доклад, прочитанный в Парижском Отделении НТСНП Н. А. Марковым. // Архив НТС. Ф. 1. П. 14. Д. 24. Л. 5.

16. Национальный Союз Нового Поколения. Белград, 1935 // Архив НТС. Ф. 1. П. 11. Д. 31. С. 35–36.

17. Там же. С. 37.

18. Там же. С. 36 – 37.

19. Резолюция, уточняющая наше отношение к трудовым сословиям (на печатной машинке). 1937. // Архив НТС. Ф. 1. П. 11. Д. 13. Л. 1.

20. Левицкий В. М. Что же нам делать? / В.М.Левицкий // Международное положение, современная Россия и жизнь эмиграции. Обзоры под редакцией В. М. Левицкого. // Архив НТС. Ф. 2. П. 1. С. 13.

21. Георгиевский М. А. Вопросы программы // За Россию. Июнь. 1933. № 16. С. 1.

22. Национальный Союз Нового Поколения. // Архив НТС. Ф. 1. П. 11. Д. 31. С. 34.

23. См.: Резолюции съезда. // За Россию. Май. 1934. № 27. С. 4.

24. Подробнее о политической программе Союза Младороссов см.: Климович Л. В. «Царь и Советы»: концепция неомонархизма младороссов / Л.В.Климович // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 22. 232-235. История младороссов подробно описана в книге Косик В.И. «Молодая Россия». Вариации на тему патриотизма в маршах эпохи /В.И.Косик. М.: Пробел-2000, 2013. 205 с.
25. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920 – 1940. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», Русский Путь, 2005. С. 59.
26. Онегина С. В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции в 1920–1930 годы / С.В. Онегина // Отечественная история. 1998. № 4. С. 91.
27. Предрешение и непредрешение // За Россию. Июнь. 1933. № 4. С. 3.
28. Назаров М. Миссия русской эмиграции /М.Назаров. М.: Родник, 1994. С. 242.
29. Варакса А. Н. «Революционно-консервативная» идея и русская послеоктябрьская эмиграция 20–30-х гг. / А.Н.Варакса // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб.статей. Выпуск 1. / СПб.: Из-во СПбГУ, 2004. С. 30. //URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/varaksa/consery-02.html>.

References:

1. Nacjonalnyy Souz Novogo Pokoleniya (NSNP) neodnokratno menyal nazvaniya: Nacionalno-trudovoy souz novogo pokoleniya (NTSNP), Narodno-trudovoy souz rossiyskih solidaristov (NTS). V tekste vse eti nazvaniya budut primenyatsya kak ravnoznachnye.
V nastoyaschee vremya osnovnoy massiv dokumentov po istorii NTS hranitsya v ih chastnom arhive vo Frankfurte-na-Maine.
Podrobnee: Klimovich L.V. Dokumenty po istorii Narodno-trudovogo Souza rossiyskih solidaristov v arhive NTS vo Frankfurte-na-Maine /L.V.Klimovich // Istorograficheskiy sbornik: mezhvuzovskiy sbornik nauchnyh trudov. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 2010. S. 133–141.
2. Okorokov A. V. Fashizm i russkaya emigratsiya (1925–1945 gg.) /A. V. Okorokov. M.: Rusaki, 2001. 593 s.
3. Bazanov P. N. Izdatelskaya deyatelnost politicheskikh organizatsy russkoy emigratsii: 1918–1988. Dis... dokt. ist. nauk. SPb., 2005. 645 s.
4. Puchkov S. N. Politichesky aktivizm molodezhnay sredy rossyskoy emigratsii v 1920–1930-e gg.: institutsionalizatsiya i ideologiya. Dis... kand. ist. nauk, M., 2004. 225 s.
5. Rar L. A. Ranniye gody. Ocherk istorii Natsionalno-Trudovogo Soyuza (1924–1948) / L. A. Rar, V. A. Obolensky. M.: «Posev», 2003. 192 s.
6. Slavinsky M. V. Parizhskiye zarisovki (iz zhizni Upravleniya Zarubezhnoy Organizatsii NTS) / M.V. Slavinsky. Frankfurt-na-Mayne: Posev, 1-e izd. 2006. 164 s., 2-e izd. 2009. 170 s.
7. Shlegel K. Berlin, Vostochny vokzal: russkaya emigratsiya v Germanii mezhdu dvumya voynami (1918 – 1945). /K. Shlegel / Per. s nem. Lisyutkinoy L. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2004. 632 s.
8. Gordon Young George. The house of secrets: Russian Resistance to the Soviet regime today /Y. G.Gordon. N.Y.: Duell. Sloan and Pearce, 1951. 179 p.
9. Varshavskiy V.C. Nezamechennoe pokolenie. /V.S.Varshavskiy/ M.: INEKS, 1992 (reprintnoe izdanie, Nyu-York, 1956), S. 88.
10. Tsirkulyar № 20 Predsedatelya Tsentral'nogo Pravleniya NTSNP V. D. Poremskogo ot 24 noyabrya 1935. // Arhiv NTS. F. 1. P. 22. D. 20. L. 1
11. Klimovich L. Narodno-trudovoy souz rossiyskih solidaristov: rannie stranicy istorii /L.Klimovich // Neprikosnovenny zapas. 2013. №5. S. 139–156.
12. Sm.: Nacjonalnyy Souz Novogo Pokoleniya (Nacionalno-trudovoy souz). Belgrad. Izdanie Ispolnitelnogo Buro Soveta Souza. 1935.
13. «Predreshenie i nepredreshenie». (Doklad F.A. Melnikova na otkrytom zasedanii N.S.N.P. 29.06.1932 g.) // Za Rossiu. Iuyn. 1932. № 4. S. 1.
14. A. R. Revoluciya // Za Novuu Rossiu. Noyabr. 1935. № 43/8. S. 1.
15. Nacionalno-trudovoy solidarizm. Doklad, prochitannyy v Parizhskom Otdelenii NTSNP N.A. Markovym. // Arhiv Narodno-trudovogo souza vo Frankfurte-na-mayne (dalee Arhiv NTS). F. 1. P. 14. D. 24. L. 5.
16. Nacionalnyy Souz Novogo Pokoleniya. Belgrad, 1935 // Arhiv NTS. F. 1. P. 11. D. 31. S. 35–36.
17. Tam zhe. S. 37.
18. Tam zhe. S. 36–37.
19. Rezoluciya, utochnyayushchaya nashe otnoshenie k trudovym sosloviyam (na pechatnoy mashinke). 1937. // Arhiv NTS. F. 1. P. 11. D. 13. L. 1.
20. Levitckiy V. M. Chto zhe nam delat? / V.M.Levitckiy // Mezhdunarodnoe polozhenie, sovremennaya Rossiya i zhizn emigracii. Obzory pod redakciei V. M. Levitckogo. // Arhiv NTS. F. 2. P. 1. S. 13.
21. Georgievskiy M. A. Voprosy programmy / M.A.Georgievskiy // Za Rossiu. Iuyn. 1933. № 16. S. 1.
22. Nacionalnyy Souz Novogo Pokoleniya. // Arhiv NTS. F. 1. P. 11. D. 31. S. 34.
23. Sm.: Rezolutciya sezda. // Za Rossiu. May. 1934. № 27. S. 4.

-
24. Podrobnee o politicheskoy programme Souza Mladorossov sm.: Klimovich L. V. «Tsar i Sovety»: kontseptciya neomonarhizma mladorossov / L.V.Klimovich // Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya). 2013. № 22. 232-235. Istoryya mladarossov podrobno opisana v knige Kosik V.I. «Molodaya Rossiya». Variacii na temu patriotizma v marshah epohi /V.I.Kosik. M.: Probel-2000, 2013. 205 s.
25. Yovanovich M. Russkaya emigraciya na Balkanah: 1920 – 1940. M.: Biblioteka-fond «Russkoe zarubezhe», Russkiy Put, 2005. S. 59.
26. Onegina S. V. Porevolucionnye politicheskie dvizheniya rossiyskoy emigracii v 20-30 gody / S.V. Onegina // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 4. S. 91.
27. Predreshenie i nepredreshenie // Za Rossiu. Iuyn. 1933. № 4. S. 3.
28. Nazarov M. Missiya russkoy emigracii /M.Nazarov. M.: Rodnik, 1994. S. 242.
29. Varaksa A. N. «Revolucionno-konservativnaya» ideya i russkaya posleoktyabrskaya emigraciya 20 – 30-h gg. / A.N.Varaksa // Filosofiya i socialno-politicheskie tcenosti konservativizma v obschestvennom soznanii Rossii (ot istokov k sovremennosti): Sb.statey. Vypusk 1. /SPb.: Iz-vo SPbGU, 2004. S. 30. //URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/varaksa/consery-02.html>.

УДК 321

**Политическое устройство России
в программе Национального Союза Нового Поколения**

Людмила Валерьевна Климович

Ульяновский государственный университет, Российская Федерация
432063, Ульяновск, ул. Карла Либкнехта, 6-19
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: Lusek84@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа документов архива Народно-трудового Союза Российских солидаристов во Франкфурте-на-Майне, автор приходит к выводу, что НСНП не определял политическое устройство будущей России, стоял на позиции «непредрешенчества», Россию видел унитарным государством, с институтом ответственных представителей. Анализ эмигрантской прессы показал, что программа НСПН была неоднозначно воспринята в эмигрантских кругах.

Ключевые слова: эмиграция; Национальный Союз Нового Поколения; политическая программа; Советская Россия; новопоколенцы; непредрешение; унитарное государство; Русское Зарубежье.

UDC 061.62 (571.16)

The History of Social and Public Forms of Science Management in the USSR (Tomsk Interuniversity Scientific Council in 1963–1972)

¹ Sergey F. Fominykh

² Alexander N. Sorokin

³ Sergei A. Nekrylov

¹ Tomsk State University, Russian Federation

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

Dr. (History), Professor

E-mail: fsf@mail2000.ru

² Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University, Russian Federation

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

PhD (History), Professor

E-mail: salexhist@mail2000.ru

³ Tomsk State University, Russian Federation

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

Dr. (History), Professor

E-mail: san_hist@sibmail.com

Abstract. The article studies the example of the Interuniversity Scientific Council, later called Tomsk Interuniversity Coordination Council, analyzes social and public forms of science management and the development of scientific research in the USSR in 1963–1972. The council was the first organization of this kind in the USSR, engaged in the coordination of scientific and research, academic, economic, cultural and health-improving activities of Tomsk higher educational institutions. Interuniversity Scientific Council took up the objective to combine the efforts of Tomsk scientists, direct them to the development of fundamental and applied research in the prospective science and technology, render scientific and technological assistance to the industrial enterprises of Siberia. The important factor of its progressive activity is the close cooperation with state, party and labor organizations of the country, region, city, which enabled to reduce the deadlines of the scientific developments. The article is devoted to the enthusiasts of history of the higher schools and science of Russia and the Soviet period of our history.

Keywords: Interuniversity Scientific Council; Interuniversity Coordination Council; science; education; USSR; Tomsk.

Введение. В 2013 г. Совету ректоров вузов Томской области исполнилось 50 лет. Определенный опыт создания подобного рода координирующих органов в Томске имелся. В первые дни Великой Отечественной войны в Томске по инициативе группы ученых во главе с директором Сибирского физико-технического института при Томском государственном университете В.Д. Кузнецовым был создан первый в стране Комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время. Его возглавил профессор Томского университета Б.П. Токин. Комитет, действовавший на всем протяжении войны, сыграл большую роль в координации усилий ученых, направленных на помощь фронту [1]. Об их вкладе в общее дело Победы говорит тот факт, что 13 ученых были удостоены Сталинской премии, а 30 награждены орденами и медалями. Опыт военных лет использовался и Межвузовским научным советом, который также стал первым подобного рода в системе высшего образования России.

Истории организации и развития российской науки и высшего образования в XX – начале XXI вв. посвящено много исследовательской литературы. В этом плане особо следует выделить работы Л. Грэхэма и И.Г. Дежиной, в которых характеризуются основы организации научной деятельности в СССР, анализируются проблема российской науки в 1990-е гг. и в настоящее время [2], [3]. Значительная группа работ фокусируется на изучении проблемы организации и развития исследований в СССР в конкретных научных сферах [4], [5]. Ретроспективно изучена проблема влияния власти и официальной идеологии на развитие научных исследований в СССР [6], [7], [8]. В меньшей степени изучена проблема общественно-государственных форм организации науки в СССР.

Материалы и методы. Основным источником для написания статьи послужили материалы фондов Ф. Р-816 «Томский политехнический институт», хранящийся в Государственном архиве Томской области (ГАТО). Это протоколы заседаний Научного совета и Межвузовского координационного совета г. Томска (1963–1972 гг.). История советов в документах и материалах нашла отражение в посвященном 50-летнему юбилею Совета ректоров вузов Томской области издании «Совет ректоров вузов Томской области (1963–2013 гг.): история в документах / под ред. Г.В. Майера, П.С. Чубика. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета,

2013. 336 с.». Отдельные аспекты, характеризующие деятельность Научного совета и Межвузовского координационного совета г. Томска в 1963–1972 гг., отражены на страницах газет «Правда».

В работе использован сравнительно-исторический метод, дающий возможность вскрыть сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени. Данный метод позволил выявить общее и особенное в государственной политике в области высшего образования и науки в разные исторические периоды. При определении различных количественных и качественных характеристик организаций науки широко использовались статистический метод, историко-социологический анализ. Биографический метод

Обсуждение. 6 июня 1963 г. министр высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетов в ответ на инициативу ректоров томских вузов подписал приказ № 394 «О создании в Томске Межвузовского научного совета». Стимулом для инициативы томских ученых послужила передовая статья в газете «Правда» за 31 марта 1963 г., в которой, в частности, отмечалось: «...вузы должны более решительно переходить к объединению усилий родственных кафедр не только одного, но и нескольких вузов для решения проблем по единому координационному плану» [9]. Министр незадолго до подписания приказа принял участие в работе Первой научной сессии вузов и научно-исследовательских учреждений Томска и мог лично убедиться в высоком уровне научных исследований томских ученых.

Основной функцией Межвузовского научного совета была координация научной, учебной и хозяйственной деятельности 6 вузов города: политехнического университета, инженерно-строительного, медицинского, педагогического институтов и института радиоэлектроники и электронной техники. Совет возглавил ректор Томского политехнического института профессор, доктор физико-математических наук А.А. Воробьев. Численность Совета первоначально составила 20 человек: ректоры и проректоры по научной работе томских вузов, независимо от ведомственной принадлежности, а также руководители научно-исследовательских институтов, представители областных, городских, профсоюзных и партийных организаций. Вскоре, когда в компетенцию Совета вошли вопросы, связанные с учебной и учебно-методической работой, в его состав были включены проректоры по учебной работе. Заместителями А.А. Воробьева стали ректор Томского государственного университета профессор А.И. Данилов (в 1967 г. он был назначен министром народного просвещения РСФСР, а вместо него ректором и заместителем председателя Совета стал профессор А.П. Бычков) и доцент Томского политехнического института В.М. Новицкий. С ноября 1970 г. председателем Совета был назначен сменивший А.А. Воробьева на посту ректора Томского политехнического института профессор И.И. Каляцкий. Обязанности ученого секретаря Совета исполнял инженер ТПИ А.А. Будников, которого в феврале 1964 г. сменил его коллега по институту М.И. Зиньковский, с 1967 г. секретарем Совета стала М.В. Самойлова, а со второй половины 1971 г. – В.Д. Алимова (сотрудники ТПИ). Все члены Совета работали на общественных началах [10, с. 5-6].

В качестве основных задач Совета в приказе министра министр высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетова были обозначены:

- объединение сил ученых для выполнения комплексных научных проблем, совместно разрабатываемых в вузах города;
- разработка перспектив развития томских вузов (новые специальности, научные учреждения, укрепление учебной, производственной и научной материальной базы, культурно-бытовое и жилищное строительство и пр.);
- разработка предложений по координации и планированию подготовки научных кадров;
- разработка предложений по объединению научно-производственных учреждений и предприятий вузов, имеющих общевузовское значение [11. Д. 2834].

В первую очередь Совет занялся координацией исследований в рамках крупных комплексных научно-исследовательских программ по наиболее актуальным на то время научным направлениям, особенно в области геологии, химии, физики твердого тела и полупроводников.

Так, например, уже в декабре 1963 г. Советом рассматривался вопрос о координации геологических исследований, которыми в то время занимались ученые геолого-географического факультета Томского государственного университета и геологоразведочного факультета Томского политехнического института. На этих факультетах работали 11 профессоров, докторов наук, 46 доцентов и кандидатов наук, свыше 100 преподавателей и научных сотрудников, обучались более 100 аспирантов. Однако в организации научно-исследовательской работы имела место разобщенность. Недостаточное внимание уделялось исследованиям в нефтегазоносных районах Западной Сибири. Межвузовский научный совет принял решение объединить усилия ученых обоих вузов, сконцентрировав их на решении таких проблем, как палеонтология и стратиграфия Западно-Сибирского края (руководитель – профессор В.А. Хахлов, ТГУ); геологическое строение отдельных восточных районов СССР и закономерности размещения в них полезных ископаемых (руководитель – профессор А.М. Кузьмин, ТПИ); геология Западно-Сибирской низменности и ее нефтегазоносность (руководитель – профессор И.В. Лебедев, ТПИ); инженерная геология и гидрогеология (руководитель – кандидат геолого-минералогических наук Ф.П. Нифонтова) [11. Д. 3116. Л. 2-3]. Для координации научно-исследовательских работ была образована межвузовская геологическая комиссия, в состав

которой вошли ведущие ученые. В 1966–1969 гг. в Томске были проведены 4 межвузовские научные конференции по вопросам методики инженерно-геологических исследований, проблемам золотоносности, нефте- и газоносности Сибири.

Межвузовский научный совет занимался координацией научно-исследовательской работы в области физики полупроводников, которая проводилась в трех томских вузах: университете, политехническом институте и институте радиоэлектроники и электронной техники. В исследованиях было занято 4 доктора наук, профессора, 25 кандидатов наук, около 100 научных сотрудников, ассистентов, инженеров, свыше 300 аспирантов [11. Д. 3116. Л. 4]. По инициативе Совета была разработана единая программа «Комплексное исследование атомно-валентных полупроводников», в рамках выполнения которой наметились следующие основные научные направления: разработка теоретических основ и методов синтеза, кристаллизации и анализа полупроводниковых веществ с ковалентными и иноковалентными связями (руководители: профессор А.Г. Стромберг, ТПИ; доцент Г.А. Катаев, ТГУ); изучение физических и контактных явлений, разработка теории явлений в атомно-валентных полупроводниках (руководители: кандидат физико-математических наук А.П. Вяткин, СФТИ; доцент М.А. Кривов, СФТИ); исследование физических основ создания пленочных приборов, методов расчета и конструирования пленочных и твердых схем (руководители: профессор В.А. Преснов, ТГУ; кандидат технических наук А.М. Трубицын, ТИРиЭТ); разработка физических основ, методов исследования и конструирования электронных излучающих систем (руководители: профессора Г.А. Воробьев и В.А. Соколов, ТПИ; кандидат физико-математических наук П.Е. Рамазанов, СФТИ) [11. Д. 3116. Л. 4].

В результате предпринятых усилий были получены существенные результаты в области физики полупроводников. Так, коллективом ученых под руководством профессора В.А. Преснова (ТГУ) и доцента А.М. Трубицына (ТИРиЭТ) были разработаны новые микропленочные генераторы и триггеры, созданы установки для реактивного и микропленочного напыления. Коллективы, возглавляемые профессорами Г.А. Воробьевым и В.А. Соколовым, доцентом П.Е. Рамазановым, занимались исследованиями в области электролюминесценции и кандолюминесценции. Под руководством профессора Г.А. Воробьева впервые удалось получить свечение каменной соли под воздействием сильного электрического поля [11. Д. 3116. Л. 4-5].

С целью улучшения координации научно-исследовательской деятельности вузов г. Томска Межвузовским научным советом были организованы постоянно действующий научно-технический совет и межвузовские научные семинары по отдельным проблемам. Так, систематически проводились совместные научные семинары ученых-геологов ТПИ и ТГУ по проблемам палеонтологии и исторической геологии, петрографии, минералогии, гидрологии и инженерной геологии, издавались сборники трудов [11. Д. 3116. Л. 4-5].

Значительное внимание Совет уделял координации научных исследований в области химии и биологических наук, инженерной геологии и гидрогеологии. Благодаря действиям Совета значительно укрепились связи кафедр и лабораторий томских вузов, занимавшихся исследованиями не только в перечисленных выше областях науки, но также и в радиационной физике и биологии, информационно-измерительной технике, кибернетике, в области оптимальных и адаптивных систем управления и радиотехники [10, с. 8].

Межвузовский координационный совет совместно с Советом по развитию производительных сил области при Томском обкоме КПСС принимал активное участие в организации и проведении научно-практических конференций, создавал жюри конкурсов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и организовывал ряд других мероприятий, направленных на развитие производительных сил области. Ученые томских вузов активно участвовали в разработке АСУ Томской области.

В центре внимания Совета была и научно-исследовательская работа студенческой молодежи. Областной совет молодых ученых возглавил научный сотрудник Томского политехнического института, будущий вице-президент РАН Г.А. Месяц. Совет выступил инициатором проведения в Томске двух Всесоюзных конференций по организации научно-исследовательской работы студентов (1967, 1972 гг.), Межвузовского совещания по использованию ЭВМ для обучения студентов (1969 г.) и ряда региональных и городских конференций. Ежегодно стали проводиться выставки студенческих научно-исследовательских работ, конкурсы на лучшую студенческую работу, лучшую кафедру по руководству студенческой научной работой [10, с. 8-9].

Второй важной проблемой, находившейся в центре внимания Межвузовского совета, была учебно-методической работы. По инициативе Совета в ноябре 1963 г. были созданы 16 учебно-методических межвузовских объединений по ряду общетеоретических и общеобразовательных дисциплин. К 1970 г. Их число выросло до 18. В их компетенцию входила координация деятельности однородных кафедр томских вузов: истории КПСС, высшей математики, общей химии, политэкономии, физвоспитания и спорта и т.д. Во главе каждого методического совета стояла наиболее сильная кафедра одного из вузов. Среди председателей методобъединений были профессор ТГУ М.А. Большанина (физика), доцент ТГУ М.Р. Куваев (математика) и др. Функции методобъединений были многочисленными: проведение постоянно действующих методических семинаров; организация межвузовских методических кабинетов; создание авторских коллективов

для написания учебников и учебных пособий; проведение межвузовских методических конференций; переработка учебных программ; обсуждение методики преподавания и обмен опытом [11. Д. 2834].

Опыт работы методических объединений показал, что они играли весьма полезную роль в распространении наиболее эффективных методов обучения и оказывали большую помощь преподавателям. Контроль над работой методических объединений осуществлял Совет совместно с обкомом профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. На заседаниях президиума обкома профсоюзов систематически обсуждались отчеты председателей методических объединений об их работе. В те годы стало традицией организовывать выставки методических работ, учебных пособий, учебно-наглядного оборудования, созданных в вузах города. Периодически проводились общественные смотры лучших работ, внедренных в учебный процесс. Были организованы клуб молодых ученых и лекторий для повышения квалификации молодых преподавателей [11. Д. 3116. Л. 5-6].

Под руководством Совета в Томске регулярно организовывались методические конференции, в работе которых принимали участие преподаватели вузов Сибири и Урала. На них обсуждались вопросы методики преподавания физики, иностранных языков, физического воспитания и спорта. Так, по инициативе Межвузовского совета в Томске в 1964 г. была проведена методическая конференция по физике, в которой приняли участие научно-педагогические работники вузов Сибири и Урала [10, с. 10]. В поле зрения Совета было и повышение педагогического мастерства молодых вузовских преподавателей [11. Д. 3116. Л. 6-7].

Важное место в работе Совета отводилось ежегодной организации набора студентов. В составе Совета была создана специальная комиссия, которую вначале возглавил ректор Томского института радиоэлектроники и электронной техники Г.С. Зубарев, а затем профессор ТПИ И.И. Каляцкий. По предложению комиссии вся территория Сибири к востоку от Урала Советом была «распределена» между томскими вузами. Это позволило охватить подготовительными курсами большее число городов и населенных пунктов, общее число слушателей достигало 10–12 тыс. человек [11. Д. 3257. Л. 10-11]. Соответствующим образом стала координироваться и работа по приему вступительных экзаменов на местах по единым программам и экзаменационным билетам, которые рассматривались и утверждались городскими учебно-методическими объединениями и межвузовской приемной комиссией. Единые требования для поступающих в любой томский вуз способствовали более ориентированному выбору учебного заведения [10, с. 10].

В составе Совета имелась также комиссия по шефской работе с общеобразовательными средними школами города и области, которую возглавил ректор Томского педагогического института. Вузы города оказывали помощь школам в оснащении предметных кабинетов современным оборудованием, направляли молодых научных сотрудников и студентов руководителями школьных кружков и вожатыми пионерских отрядов [11. Д. 2834].

Третьим направлением в работе Совета было решение вопросов, связанных с укреплением учебно-материальной базы, координацией строительства и хозяйственной деятельности томских вузов [10, с. 10].

В начале 1960-х гг. резко возрос ежегодный прием студентов в томские вузы. Открывались новые специальности, кафедры и факультеты, однако материальная база существенно устарела. Вузы располагались преимущественно в зданиях дореволюционной постройки, старое оборудование не позволяло проводить исследования на современном уровне и готовить кадры высшей квалификации. Остро ощущалась потребность в студенческих общежитиях и жилье для преподавателей и научных сотрудников. На заседании 25 октября 1965 г. Межвузовский совет рассмотрел и одобрил проект плана строительства вузов города на пятилетку (1966–1970 гг.). В Томский обком КПСС, который в те годы возглавлял Е.К. Лигачев, была направлена обстоятельная докладная записка с просьбой ходатайствовать перед Правительством о выделении на вузовское строительство необходимых целевых ассигнований. Уже 2 февраля 1966 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О мерах по дальнейшему улучшению строительства вузов и техникумов и укреплению материальной базы строительных организаций г. Томска», в соответствии с которым на 1967–1970 гг. в качестве целевых средств было выделено 32,5 млн руб., в том числе 25,7 млн руб. на строительно-монтажные работы [10, с. 11].

Общие ассигнования средств на строительство и укрепление материальной базы томских вузов в 8-ю и 9-ю пятилетки превысили 40 млн руб. Каждый из томских вузов получил один-два учебных или лабораторных корпуса, университет и строительный институт – по спортивному корпусу, для студентов было построено 12 благоустроенных общежитий. Для профессорско-преподавательского состава вузов в 1967 г. начала работать специальная поликлиника. В июне 1970 г. открылась межвузовская больница на 130 коек, а в декабре того же года – поликлиническое отделение этой больницы. В результате улучшилось медицинское обслуживание студентов, преподавателей и научных сотрудников. Строилось благоустроенное жилье для преподавателей и сотрудников вузов [10, с. 11].

Совет активно участвовал в разработке перспективного плана развития томских вузов. Через Томский облисполком Совет добился принятия решения о вынесении за черту города некоторых предприятий, расположенных рядом с вузами и загрязнявших воздух; инициировал принятие

положительного решения вопроса о закреплении за вузами жилого фонда, построенного на средства целевого назначения. В соответствии с решением Совета были созданы межвузовские мастерские по ремонту и настройке физических приборов, медицинского оборудования и другие учреждения и предприятия.

В деятельности Межвузовского совета имели место и существенные недостатки. Так, многие решения не выполнялись из-за нежелания отдельных вузов по-настоящему координировать свою деятельность с другими вузами. Это, прежде всего, касалось некоторых сторон хозяйственной деятельности. Так, остались невыполнеными решения Совета об объединении медицинских учреждений (профилакториев, поликлиник и стационаров) вузов, о создании единого прирельсового склада, единых оздоровительных спортивных лагерей, мастерских и другие.

Недостаточно осуществлялась Советом и работа по организации крупных комплексных научно-исследовательских работ в области автоматизации производственных процессов, повышения надежности электрических машин, технологии машиностроения и внедрения в промышленность законченных научно-исследовательских работ [10, с. 12].

Мало внимания Совет уделял разработке предложений по координации и планированию подготовки кадров высшей классификации и научной организации труда профессорско-преподавательского состава.

В первые годы работы Совета недостаточно прорабатывались вопросы подготовки инженерных и научных кадров в вузах г. Томска. Томский государственный университет, например, не удовлетворял потребности вузов города в преподавателях математики, физики, политэкономии, истории партии и др.

Межвузовский совет, как отмечалось выше, работал на общественных началах. Текущие вопросы решались своеобразным президиумом в составе председателя и двух заместителей. Заседания проводились с периодичностью один раз в месяц и проходили поочередно в каждом из вузов [11. Д. 2834]. Работа Совета велась в соответствии с годовым планом, который согласовывался с отделом науки и учебных заведений Томского обкома партии, областным комитетом просвещения, высшей школы и научных учреждений и утверждался на заседании Совета. В практике имели место случаи, когда принимались совместные решения Межвузовского совета и Томского обкома КПСС. По основным вопросам проекты решений готовились докладчиками заранее, а на заседаниях только обсуждались и дополнялись [10, с. 12].

Совет неоднократно выходил с предложениями по дальнейшему развитию межвузовского сотрудничества в партийные и советские организации, а также в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. В числе наиболее важных были такие вопросы, как строительство вузовского городка (кампуса) в окрестностях Томска, организация межвузовской типографии на базе Издательства Томского государственного университета, введение районного коэффициента для преподавателей и научных работников вузов Сибири и т.д. [11. Д. 2834].

Опыт работы Межвузовского совета г. Томска привлек внимание Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Заместитель председателя Совета В.М. Новицкий 14 марта 1964 г. выступил с отчетом о деятельности Межвузовского научного совета на заседании Республиканского комитета в Москве, который одобрил работу Совета и рекомендовал ее к распространению. В марте 1967 г. вопрос о деятельности Межвузовского совета г. Томска обсуждался на совместном заседании коллегии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и президиума Республиканского комитета профсоюза. Эта деятельность была одобрена и рекомендована вузам республики, областным и краевым комитетам профсоюза для применения в работе с учетом местных условий. Подобного рода советы стали создаваться и в других вузовских центрах РСФСР, в частности в Новосибирске, Омске, Иваново. В Томск для знакомства с опытом работы Межвузовского совета стали приезжать будущие председатели таких же советов из других городов. Все это свидетельствовало о признании формы координации вузовской деятельности, получившей развитие в Томске [10, с. 13].

В трансформированном виде Межвузовский координационный совет г. Томска получил официальные права, когда в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июля 1972 г. № 535 «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране» стала создаваться система советов ректоров вузов. 29 декабря того же года министр высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютин издал приказ за № 926, которым было утверждено Положение о Совете ректоров высших учебных заведений. Согласно этому документу в крупных вузовских центрах страны для «координации деятельности вузов, обобщения и распространения положительного опыта по организации учебного процесса, идеально-воспитательной и научно-исследовательской работы, повышению квалификации преподавателей» организовывались советы ректоров высших учебных заведений [10, с. 13].

Заключение. Межвузовский научный (координационный) совет представляет значительный интерес как первая подобного рода общественно-государственная организация в СССР, координировавшая деятельность вузов Томска в области их научной, учебно-методической и хозяйственной компетенции. Важным фактором поступательной деятельности совета явилось тесное сотрудничество с государственными, партийными и профсоюзовыми организациями страны, области,

города, что позволяло сокращать сроки реализации научных разработок. Несмотря на имеющиеся недостатки в деятельности совета, опыт работы привлек высшие органы власти страны и был тиражирован в вузовских центрах России.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания.

1. Fominykh S.F., Sorokin A.N. Tomsk committee of scientists during Great Patriotic War (1941–1945) // Bylye Gody. 2013. № 29 (3). pp. 32-37.
2. Loren R. Graham. What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?, Stanford University Press, 1998.
3. Graham L., Dezhina I. Science in the new Russia: crisis, aid, reform. Indiana University press, 2008.
4. A Brief History of Radio Astronomy in the USSR: A Collection of Scientific Essays. / Braude, S.Y., Dubinskii, B.A., Kaidanovskii, N.L., Kardashev, N.S., Kobrin, M.M., Kuzmin, A.D., Molchanov, A.P., Pariiskii, Y.N., Rzhiga, O.N., Salomonovich, A.E., Samanian, V.A., Shklovskii, I.S., Sorochenko, R.L., Troitskii, V.S., Kellermann, K.I. (Eds.). Springer, 2012, XXII. 251 p.
5. Lichterman B. A history of Russian and Soviet neuro(patho)logy // Handbook of Clinical Neurology, Volume 95, 2009. pp. 737-754.
6. Josephson P.R. Lenin's Laureate: A Zhores Alferov's life in Communist Science. Cambridge MA: MIT Press, 2010. 307 p.
7. Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939-1956. Yale University Press, 1994. 464 p.
8. Sorokin A.N. Interaction of academic community of Siberian physicists with authorities in the first post-war decade (Tomsk scientific and educational park case study) // Bylye Gody. 2013. 27 (1). pp. 120–125.
9. Правда. 1963. 31 марта.
10. Совет ректоров вузов Томской области (1963–2013 гг.): история в документах / под ред. Г.В. Майера, П.С. Чубика. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2013. 336 с.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-816. Оп. 1.

References:

1. Fominykh S.F., Sorokin A.N. Tomsk committee of scientists during Great Patriotic War (1941–1945) // Bylye Gody. 2013. № 29 (3). pp. 32-37.
2. Loren R. Graham. What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?, Stanford University Press, 1998.
3. Graham L., Dezhina I. Science in the new Russia: crisis, aid, reform. Indiana University press, 2008.
4. A Brief History of Radio Astronomy in the USSR: A Collection of Scientific Essays. / Braude, S.Y., Dubinskii, B.A., Kaidanovskii, N.L., Kardashev, N.S., Kobrin, M.M., Kuzmin, A.D., Molchanov, A.P., Pariiskii, Y.N., Rzhiga, O.N., Salomonovich, A.E., Samanian, V.A., Shklovskii, I.S., Sorochenko, R.L., Troitskii, V.S., Kellermann, K.I. (Eds.). Springer, 2012, XXII. 251 p.
5. Lichterman B. A history of Russian and Soviet neuro(patho)logy // Handbook of Clinical Neurology, Volume 95, 2009. pp. 737-754.
6. Josephson P.R. Lenin's Laureate: A Zhores Alferov's life in Communist Science. Cambridge MA: MIT Press, 2010. 307 p.
7. Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939-1956. Yale University Press, 1994. 464 p.
8. Sorokin A.N. Interaction of academic community of Siberian physicists with authorities in the first post-war decade (Tomsk scientific and educational park case study) // Bylye Gody. 2013. 27 (1). pp. 120–125.
9. Pravda. 1963. 31 marta.
10. Sovet rektorov vuzov Tomskoi oblasti (1963–2013 gg.): istoriya v dokumentakh / pod red. G.V. Maiera, P.S. Chubika. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. 336 s.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO). F. R-816. Op. 1.

УДК 061.62 (571.16)

Из истории общественно-государственных форм организации науки в СССР (Межвузовский научный совет г. Томска в 1963–1972 гг.)

¹ Сергей Федорович Фоминых

² Александр Николаевич Сорокин

³ Сергей Александрович Некрылов

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Доктор исторических наук, профессор
E-mail: fsf@mail2000.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: salexhist@mail2000.ru

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Доктор исторических наук, профессор
E-mail: san_hist@sibmail.com

Аннотация. В статье на примере Межвузовского научного совета, впоследствии – Межвузовского координационного совета г. Томска анализируются общественно-государственные формы организации науки и развития научных исследований в СССР в 1963–1972 гг. Совет стал первой в СССР подобного рода организацией, занимавшейся координацией научно-исследовательской, учебно-методической, хозяйственной, культурно-массовой и санитарно-оздоровительной деятельности 6 вузов города Томска. Межвузовский научный совет взял на себя задачу объединить усилия томских ученых, направить их на развитие фундаментальных и прикладных исследований в перспективных областях науки и техники, оказание научно-технической помощи промышленным предприятиям Сибири. Важным фактором его поступательной деятельности явилось тесное сотрудничество с государственными, партийными и профсоюзовыми организациями страны, области, города, что позволяло сокращать сроки реализации научных разработок. Статья предназначена для интересующихся историей высшей школы и науки России, а также советским периодом отечественной историей.

Ключевые слова: Межвузовский научный совет; Межвузовский координационный совет; наука; образование; СССР; Томск.

UDC 93/94

Problems of Modernization of the Industry of the Kabardino-Balkarian Republic (1960–1980)

Osman A. Zhansitov

Chechen state university, Russian Federation
32, Sheripova STR., Grozny, 364907
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: osman.zhansitov@yandex.ru

Abstract. The article studies the problems of the development of the industry of the Kabardino-Balkarian Republic in the course of 'Kosygin' reform of 1965 realization. The difficulties of the transformation of command-and-control system into more democratic forms of economic administration, which is one of the reasons of reformist initiatives 'bulk' are considered.

Keywords: economic reform; manufacturing automation; modernization; personnel; environment.

Введение. Пришедшее к власти после смещения Н. С. Хрущева руководство ясно осознавало необходимость серьёзных перемен в экономике страны. За годы семилетки (1959–1964) наметилось замедление процесса интенсификации производства. Отсутствие в условиях командно-административного управления конкуренции, системы экономических стимулов понижало или вовсе исключало заинтересованность руководства и служащих предприятий в техническом прогрессе. Это, в конечном итоге, всё больше отдаляло СССР от западных стран по уровню технического оснащения промышленности и, соответственно, качества выпускаемой продукции.

В сентябре 1965 г. вышло постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования производства». Реализовать поставленные задачи была призвана новая экономическая реформа, главным вдохновителем которой был председатель правительства А. Н. Косыгин.

Реформа предполагала отказ от управления промышленностью через Советы Народного Хозяйства (совнархозы). Их заменили общесоюзные и союзно-республиканские отраслевые министерства, осуществлявшие единую техническую политику. Административные методы управления народным хозяйством уступали место экономическим. Кроме того, повышалась материальная заинтересованность предприятий в интенсификации производства и качестве продукции.

Материалы и методы. К исследованию привлечены архивные материалы, периодическая печать и монографические работы, отражающие интересующую нас проблему. Ее анализ основан на общенаучных методах исторического исследования: проблемно-хронологическом, ретроспективном, сравнительно-историческом.

Обсуждение. К началу реформы состояние промышленности Кабардино-Балкарской республики отражало ситуацию, в целом характерную для всей страны. Успех дальнейшего промышленного развития зависел от модернизации производства, которая шла здесь низкими темпами. Территориальный принцип хозяйствования привел к образованию многоступенчатой раздробленной системы управления. Планы по новой технике принимались одними органами, вопросы снабжения решались другими, а задания по производству – третьими. Одними и теми же вопросами параллельно занимались Совнархоз экономического района, Совнархоз республики, Высший совет народного хозяйства. Это давало возможность руководителям уходить от ответственности за неудачи в производственном процессе, перекладывая вину, друг на друга.

К 1965 г. перед руководством республики накопился целый комплекс проблем, касающихся промышленного развития. Конечно же, эти проблемы осознавались, но вряд ли на местном уровне проявлялась инициатива их разрешения. Все работали, четко следя спускаемым сверху постановлениям, пусть, даже если выходило в ущерб, а не как было задумано, во благо. И только когда на «верху» все проблемы были озвучены и высказана необходимость их преодоления, на местах закипала работа.

К 1967 г. восемнадцать промышленных предприятий республики перешли на новые методы планирования и экономического стимулирования производства. В ходе большой подготовительной работы, предшествовавшей этому переходу, была упорядочена структура управления производством, проведены мероприятия по внедрению новой техники, произведены расчеты нормативов. Особое внимание уделили хозрасчету, перевод на который предполагала реформа, и который повышал ответственность персонала и руководства за расходование материальных и денежных ресурсов, простой оборудования и дисциплину.

В первую же после реформы пятилетку (1965–1970) объем промышленного производства в республике увеличился в 1,8 раза. Быстрыми темпами развивались электроника, энергетика, цветная металлургия, химическая промышленность [1].

За годы пятилетки значительная часть производственных процессов на предприятиях республики, укомплектованных новыми видами оборудования, была автоматизирована и проходила, опираясь на прогрессивные технологии. Соответственно появилась возможность расширить ассортимент и повысить качество продукции.

Реформа, однако, не решила всех проблем, стоящих перед промышленностью республики. Некоторые предприятия не смогли полностью перестроиться на новые условия хозяйствования и, используя преимущества реформы, достичь ожидаемых показателей. Не удалось решить проблему с неустановленным оборудованием. Не была четко отрегулирована система материального стимулирования.

Отчисления от сверхплановых прибылей, производимые в фонды материального стимулирования не позволяли достойно премировать отличившихся сотрудников. В 1970 г. девять предприятий не выполнили планов по объему производства и реализации продукции, двадцать шесть – повысили ее себестоимость и семнадцать – снизили производительность труда [2].

Но и выполнение плановых заданий не всегда позволяло делать вывод об успешной реализации поставленных задач. Председатель Госплана КБАССР Ч. Уянаев отмечал, что «в условиях экономической реформы факт выполнения плана не может быть единственным критерием оценки деятельности предприятий. Вопрос в том, какой ценой это достигается, насколько эффективно ведется производство. Плановые задания на таких предприятиях выполняются за счет расточительного расходования трудовых и материальных ресурсов» [3].

Преобразования в промышленности должны были опираться на практику научной организации труда (НОТ). В сентябре 1967 г. руководство страны «поставило задачу шире использовать в производстве методы НОТ для повышения эффективности и культуры производства, роста производительности и обеспечения условий труда» [4]. От научной организации труда ожидали улучшений в трех направлениях: механизация трудоемких и тяжелых работ, автоматизация управления оборудованием и повышение качества продукции.

Актуальность проведения подобных мероприятий на промышленных предприятиях КБАССР была очевидной. Особенно это касалось условий труда и состояния рабочих помещений не соответствующих требованиям производственной эстетики, о которой стали много говорить в то время.

В мае 1966 г. в республике прошла научно-техническая конференция по научной организации труда. На промышленных предприятиях спешно стали создаваться технические советы, лаборатории по внедрению НОТ. В 1967 г. мероприятия по НОТ охватили 33 предприятия республики. Однако руководство последних направляло всю свою энергию на своевременное выполнение плановых заданий и шло к этому привычными методами. Поэтому, отвлекаться и вникать в хитросплетения научного подхода к трудовой деятельности директора заводов и фабрик не имели ни желания, ни соответствующей компетенции. Создание на предприятиях лабораторий, творческих бригад, персональное и коллективное вовлечение сотрудников в сферу НОТ – все это предпринималось скорее для отчетности, а не для пользы дела. Проблемы, связанные с совершенствованием организации труда, оставались актуальными и в 1970-е и в 1980-е годы.

Залогом успеха модернизации промышленной сферы республики являлись кадры, прежде всего руководящие – имеющие специальную подготовку и разбирающиеся в тонкостях новой хозяйственной политики. Именно им предстояло перестроить работу предприятий в соответствии с выработанной в центре стратегией промышленного развития. Опираться при этом приходилось на собственный опыт, который необходимо было существенно дополнить и приспособить к новым условиям. Естественно, это затрудняло реализацию мероприятий, заложенных в «косыгинской» реформе, так как, во-первых, не все смогли перестроиться, и, во-вторых, на подготовку компетентных руководителей требовалось время.

Современная промышленность нуждалась в управленцах нового типа. Деловая предприимчивость не могла отчетливо проявиться и дать плоды в условиях командно-административной системы. Старое экономическое мышление не было изжито. Руководитель мог обучиться современным хозяйственным навыкам, но укоренившиеся в сознании директивные отношения с властью не позволяли действовать свободно, самостоятельно, брать на себя ответственность. Легче было находиться под «заботой Партии». С другой стороны, «хозяйственная изворотливость» оборачивалась порой хозяйственными махинациями.

Естественно, нечистоплотность руководителей приносила ущерб республике и негативно сказывалась на промышленном развитии. Однако не менее актуальным оставался вопрос о компетенции управленческих кадров. Должности, где требовались дипломированные специалисты, часто замещались сотрудниками, не имеющими законченного специального образования [5].

Проблема кадров для промышленности КБАССР не ограничивалась лишь руководящей прослойкой. Предприятия испытывали нехватку в инженерно-технических служащих и рабочих разных специальностей. Трудовые ресурсы республики не могли удовлетворить потребности,

развивавшейся быстрыми темпами промышленности. Мало было укомплектовать рабочими имеющиеся предприятия. Намеченные реформой 1965 г. техническое перевооружение промышленности, переход на новые технологические процессы, автоматизация производства требовали высококвалифицированных работников, способных к освоению сложного оборудования и готовых непрерывно совершенствовать свои навыки. Естественно, учебные заведения республики не могли дать промышленности требуемое количество специалистов, не говоря уже о качестве. Программу «индустриализации обучения», то есть соединение науки с практикой, производством, техническое оснащение учебных лабораторий, открытие новых отделений автоматики телемеханики, планирования народного хозяйства стали внедрять в Кабардино-Балкарском государственном университете только с 1976 г. [6] Эффекта от этих нововведений, соответственно, можно было ожидать лишь в начале 1980-х гг.

Помимо подготовки профессиональных кадров, существовала проблема их закрепления на предприятиях. Текущесть кадров, коэффициент которой выражался в отношении числа рабочих, уволенных по собственному желанию или по решению администрации к среднесписочной численности рабочих, составляла на некоторых производствах до 40%. В системе Министерства местной промышленности основную долю увольняемых составляли не проработавшие на предприятии и года [7].

Основными причинами текучести кадров являлись двух и трехсменный режим работы, отсутствие жилья, детских учреждений, тяжелые условия труда, низкая зарплата. Отсутствие достаточного количества рабочих, вынуждало руководителей нарушать закон о труде. Нередки были случаи «штурмовщины», сверхурочных работ и т.д.

В ускорении технического прогресса, механизации и автоматизации производства ставка делалась на высококвалифицированных инженерно-технических работников [8], а также на привлечение научно-технических и конструкторских организаций. Однако роль местных ученых в этом процессе оставалась незначительной [9]. Руководители предприятий не могли наладить эффективную работу инженерно-технических кадров и в полной мере использовать их потенциал.

Невозможность обойтись собственными трудовыми ресурсами поставила республику перед необходимостью привлечения их извне. С другой стороны, сложившаяся здесь индустриальная база, многоотраслевая промышленность, широко развернувшееся строительство плюс благоприятные климатические условия способствовали притоку мигрантов. Основная их часть приходилась на Северо-Кавказский, Восточно-Сибирский, Казахстанский, Уральский и Западно-Сибирский районы страны.

Внешняя миграция способствовала более успешному решению кадровых проблем, стоящих перед промышленностью республики, обеспечив ее квалифицированными рабочими. Однако неспособность подготовить местных специалистов и зависимость от внешних миграционных связей сдерживали приток коренного населения в городскую местность. Доля кабардинцев и балкарцев в механическом приросте городского населения республики составляла соответственно – 16,9% и 3,7% [10].

Заключение. Реформа 1965 г. дала толчок дальнейшему развитию промышленности КБАССР. Индустриальная база, созданная в предыдущие годы, получила возможности для качественного совершенствования, модернизации. Централизация управления, ликвидация параллельных и дублирующих служб, создание крупных технических, экономических и плановых подразделений, вычислительных центров, внедрение автоматизированных систем управления обеспечили лучшее использование основных производственных фондов, трудовых и материальных ресурсов, сокращение срока создания и освоение новой техники, расширение масштабов технического перевооружения и, в конечном итоге, рост эффективности производства промышленности Кабардино-Балкарии.

Однако состояние промышленности республики к началу перестройки говорило о нерешенности многих вопросов, актуальных для предшествовавших десятилетий. С 1984 г. аттестацию промышленной продукции стали проводить только по двум категориям качества – первой и высшей. Это вызвало трудности у предприятий республики. Кабардино-Балкарская по удельному весу продукции высшей категории качества в общем объеме занимала в это время 44 место [11] по стране, что было ниже, чем в 70-е годы. О нереализованности предусмотренных реформой 1965 г. мероприятий, говорят попытки их реанимации в начале 80-х годов.

В условиях командно-административной системы не возможно было полностью реализовать заложенные в хозяйственной реформе принципы. Экономика по-прежнему оставалась директивно планируемой, а о развитии рыночных отношений, открывающих перспективы для модернизации промышленной сферы, в то время не могло быть речи. К середине 80-х г. вновь назрела необходимость перемен, но же более масштабных.

Примечания:

1. УЦГА АС КБР, ф. 1, оп. 2, д. 2439, л. 23-26.
2. Кабардино-Балкарская Правда, 1971. 12 февраля с. 2. (Газета).
3. Кабардино-Балкарская Правда, 1970, 25 декабря, с. 1. (Газета).
4. УЦГА АС КБР, р-686, оп. 2, д.26, л.32.

5. Хашхожева Т.Х. Динамика и структура специалистов промышленности КБАССР и вопросы их использования // Проблемы трудовых ресурсов Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1975. С. 8-24.
6. Кабардино-Балкарская Правда, 1976, 3 марта, с. 3 (Газета).
7. УЦГА АС КБР, ф. р-686, оп. 5, д. 13, л. 110.
8. Хашхожева Т.А. Ускоренный рост производительности труда – решающий фактор повышения эффективности промышленного производства // Актуальные проблемы повышения эффективности производства в народном хозяйстве Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1983, С. 30-35.
9. Управление Центра Документации Новейшей Истории КБР, ф. 1, оп. 4, д. 1479, л. 25.
10. Агузаров М. Ч. Роль миграции в формировании населения и трудовых ресурсов городов КБАССР// Проблемы трудовых ресурсов Кабардино-балкарской АССР. Нальчик 1975, С. 107-123.
11. Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы КБР, ф. р-686, оп. 10, д. 64, л. 23.

References:

1. UTsGA AS KBR, f. 1, op. 2, d. 2439, l. 23-26.
2. Kabardino-Balkarskaya Pravda, 1971. 12 fevralya s. 2. (Gazeta).
3. Kabardino-Balkarskaya Pravda, 1970, 25 dekabrya, s. 1. (Gazeta).
4. UTsGA AS KBR, r-686, op. 2, d.26, l.32.
5. Khashkhozheva T.Kh. Dinamika i struktura spetsialistov promyshlennosti KBASSR i voprosy ikh ispol'zovaniya // Problemy trudovykh resursov Kabardino-Balkarskoi ASSR. Nal'chik, 1975. S. 8-24
6. Kabardino-Balkarskaya Pravda, 1976, 3 marta, S. 3 (Gazeta).
7. UTsGA AS KBR, f. r-686, op. 5, d. 13, l. 110.
8. Khashkhozheva T.A. Uskorennyi rost proizvoditel'nosti truda – reshayushchii faktor povysheniya effektivnosti promyshlennogo proizvodstva. // Aktual'nye problemy povysheniya effektivnosti proizvodstva v narodnom khozyaistve Kabardino-Balkarskoi ASSR. Nal'chik, 1983, s 30-35.
9. Upravlenie Tsentra Dokumentatsii Noveishei Istorii KBR, f. 1, op. 4, d. 1479, l. 25.
10. Aguzarov M. Ch. Rol' migrantsii v formirovaniyi naseleniya i trudovykh resursov gorodov KBASSR// Problemy trudovykh resursov Kabardino-balkarskoi ASSR. Nal'chik 1975, s 107-123.
11. Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby KBR, f. r-686, op. 10, d. 64, l. 23.

УДК 93/94

**Проблемы модернизации промышленной сферы
Кабардино-Балкарской республики (1960–1980 гг.)**

Осман Асланович Жанситов

Чеченский государственный университет, Российская Федерация
364907, г. Грозный, ул. Шерипова, 32
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: osman.zhansitov@yandex.ru

Аннотация. В работе исследуются проблемы развития промышленности Кабардино-Балкарской республики в период реализации «косыгинской» реформы 1965 г. Показываются сложности трансформации командно-административной системы в более демократичные формы управления экономикой, что выступало одной из основных причин «буксировки» реформистских начинаний.

Ключевые слова: экономическая реформа; автоматизация производства; модернизация; кадры; экология.